

Вацлав
Крал

ДНМ

КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ
ЧЕХОСЛОВАКИЮ

Издательство
ПРОГРЕСС.





Václav
Král

DNY **KTERÉ OTŘÁSLY** **ČESKOSLOVENSKEM**

Praha, 1975

Вацлав
Крал

ДНИ, КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ ЧЕХОСЛОВАКИЮ

Перевод с чешского
Предисловие и редакция
ПРАСОЛОВА С. И.

Москва „Прогресс“ 1980

Переводчики: Гогина К. П., Прасолов Д. С.

© Перевод на русский язык и предисловие «Прогресс», 1980

К $\frac{10604-481}{006(01)-80}$ 37-80

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В книгах «План Зет» и «Дни, которые потрясли Чехословакию» обобщены итоги многолетних исследований известного чехословацкого историка В. Крала проблемы мюнхенского соглашения. Первая из названных книг, содержащая предысторию Мюнхена, уже известна советскому читателю¹. Теперь его вниманию предлагается труд, в котором рассказано о наиболее драматической стадии чехословацкого кризиса, переросшего в кризис всей системы международных отношений. Документы и материалы, изученные автором в архивах многих европейских стран, позволили день за днем и час за часом проследить развитие событий последней декады сентября 1938 г., которые потрясли не только Чехословакию, но и весь мир.

В центре исследования В. Крала — непримиримая борьба двух внешнеполитических курсов в сложной и взрывоопасной обстановке, которая создалась накануне второй мировой войны.

Один из этих курсов активно проводился Англией и все более покорно следовавшей за ней Францией. Он пользовался поддержкой США, других больших и малых капиталистических государств, а также наиболее реакционных сил старого мира. Это был курс на сделку с блоком фашистских агрессоров, вошедший в историю под названием политики «умиротворения». Это была коварная и опасная политика. Она означала отказ от коллективного отпора агрессорам, поощрение их захватнических устремлений, разжигание новой мировой войны. В Европе целью «умиротворителей» было достижение секретного сговора с гитлеровской Германией, который обеспечил бы безопасность стран Запада взамен предоставленной немецкому милитаризму свободы действий на востоке Европейского континента. Такая антикоммунистическая в своей основе направленность внешней политики Великобритании и Франции была нацелена на то, чтобы, пожертвовав малыми государствами Центральной и Юго-Восточной Европы, направить немецкую экспансию на Восток, спровоцировать военный конфликт Германии с Советским Союзом, ослабить обе страны на долгие годы и таким образом сохранить за английским империализмом господствующее положение на Европейском континенте.

¹ К р а л В. План Зет. М., «Прогресс», 1978.

Империалистической политике «умиротворения» фашистских агрессоров противостояла политика первого и единственного тогда в мире социалистического государства. Советский Союз в своей деятельности на международной арене исходил из принципа неделимости мира и, как всегда и везде, вел последовательную, неустанную борьбу за обеспечение коллективными усилиями всех миролюбивых стран равной безопасности для всех государств — больших и малых, как на западе, так и на востоке Европы.

С весны 1938 г., после аншлюса Австрии, Чехословакия стала очередным объектом захватнических устремлений гитлеровской Германии. Играя на антикоммунистических настроениях своих империалистических конкурентов из лагеря англо-французских «умиротворителей», Гитлер давал понять, что Германия готова выполнить свою миссию «бастиона против большевизма», но она отделена государствами, являющимися традиционными союзниками Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Ключевое место здесь занимала Чехословакия, и англо-французская дипломатия ради достижения сговора с фашистским агрессором сконцентрировала свои усилия на том, чтобы заставить чехословацкое правительство капитулировать перед Гитлером. К осени 1938 г. объединенный нажим Лондона и Парижа на Чехословакию достигает своего апогея.

19 сентября правительства Англии и Франции сообщили Чехословакии свои «предложения», содержавшие требования — без всяких проволочек передать Германии Судетскую область и ликвидировать все свои международные договоры. Это был, по сути, германо-англо-французский ультиматум о безоговорочной капитуляции Чехословацкой республики. В своей книге В. Крал самым детальным образом рассмотрел дальнейшее развитие событий, распуская шаг за шагом самый сложный клубок дипломатических интриг империалистических государств, завершившихся подписанием в ночь с 29 на 30 сентября позорного мюнхенского соглашения между Англией, Германией, Францией и Италией.

Принципиально иную позицию в чехословацком вопросе с самого начала занял Советский Союз. Его поведение определялось твердым убеждением в том, что капитуляция Чехословакии «рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия»¹.

На протяжении всего 1938 г. СССР сохранял нерушимую верность союзническому долгу, многократно по собственному почину подтверждая это в заявлениях, не оставлявших места для сомнений. Французское правительство упорно игнориро-

¹ Документы внешней политики СССР, т. XXI. М., 1977, с. 509.

вало инициативы СССР и только в начале сентября 1938 г. впервые официально обратилось с запросом о советской позиции в случае нападения на Чехословакию. Ответ Советского правительства был совершенно четок и недвусмыслен: СССР выполнит свои договорные обязательства и вместе с Францией окажет помощь Чехословакии всеми доступными ему путями¹. Нужно было обладать беспримерным бесстыдством и патологической лживостью тогдашнего министра иностранных дел Франции Ж. Бонна, чтобы увидеть хотя бы следы неясности и уклончивости в позиции Советского Союза — единственной великой державы, которая прошла через весь чехословацкий кризис, сохранив, по выражению М. М. Литвинова, «чистую совесть и чистые руки в области выполнения международных обязательств»². Распространяя вымыслы о намерениях Советского Союза, Ж. Бонна скрыл подлинное содержание советского ответа от министров собственного правительства и других ответственных государственных деятелей Франции. Например, Э. Эррио и Ж. Поль-Бонкур узнали правду только две недели спустя, встретившись с М. М. Литвиновым в Женеве, и «были удивлены позитивной и твердой позицией СССР». Считая, что «подобные действия нельзя оставить безнаказанными», советская дипломатия уже тогда, в сентябре 1938 г., поставила задачу: необходимо разоблачить политику Бонна³.

Задача разоблачения политики империалистических держав, приведшей к Мюнхену, а затем к новой мировой войне, остается актуальной и в наши дни. Исследования В. Крала, основанные на анализе архивных материалов и опубликованных документов, успешно служат делу развенчания буржуазных фальсификаций.

Обобщая свои наблюдения за поведением президента Чехословакии Э. Бенеша, советский полпред в этой стране С. С. Александровский писал: «Он судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговора как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции. Как только он несколько оправлялся или думал, что находит новый выход из положения с помощью нового дипломатического хода, он немедленно проявлял значительно меньшую заинтересованность в нашем отношении»⁴.

Так было и после вручения англо-французского ультиматума. 19 сентября Э. Бенеш запросил Советское правительство:

1) Окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и тоже окажет помощь?

¹ Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 508.

² Там же, с. 520.

³ Документы по истории мюнхенского сговора. М., 1979, с. 236.

⁴ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1948, с. 147—148.

2) Поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги наций на основании статей 16, 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги с просьбой о применении этих статей? ¹

20 сентября запрос президента Чехословацкой республики был обсужден на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) ², и в тот же день Э. Бенешу были переданы утвердительные ответы на оба поставленных вопроса ³.

Чтобы выиграть время, Э. Бенеш с аналогичным запросом обратился 20 сентября к правительству Франции, которое вообще сочло излишним давать на него какой-либо ответ ⁴.

В связи с этим представляется важным остановиться на одном аспекте. Перед Советским правительством Э. Бенеш поставил именно два вопроса, как это подтверждает и документ из архива канцелярии президента ЧСР, в котором говорится: Э. Бенеш «ни о чем больше не спрашивал» ⁵. Третий вопрос — об оказании помощи независимо от Франции — так и не был задан.

Сохранилось любопытное свидетельство о том, как 19 сентября завершилась беседа Э. Бенеша с С. С. Александровским. «Потом настало долгое молчание, которое наконец нарушил советский полпред: «Господин президент, нет ли у вас еще иного вопроса, который касался бы русской акции, если бы обращение к Лиге наций оказалось невозможным в результате какой-либо неожиданности?» Бенеш на него долго смотрел, но ничего не ответил. Советский полпред молча поднялся, покачал грустно головой, поклонился и вышел» ⁶.

Вечером сразу же после встречи с С. С. Александровским Э. Бенеш принял генерального секретаря ЦК КПЧ К. Готвальда и спросил его мнение о позиции СССР ⁷. За этим явно скрывался пресловутый «третий вопрос». Всего двумя днями раньше, 17 сентября, Э. Бенеш встречался с К. Готвальдом и тогда, касаясь позиции СССР, чехословацкий президент «выразился в тоне удовлетворения, что здесь все ясно для обеих сторон». При этом Э. Бенеш «в очень твердых тонах» заявил К. Готвальду, что «правительство готово ко всему и будет защищать все права суверенного государства, даже если Чехословакию покинут Англия и Франция» ⁸. Как раз такая

¹ Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 498—499.

² История второй мировой войны, т. 2. М., 1971, с. 111.

³ Новые документы из истории Мюнхена, с. 103—105.

⁴ K r á l V. Mnichov 1938 proti Československu. «Mezinárodní vztahy», 1978, č. 5, str. 15.

⁵ Новые документы из истории Мюнхена, с. 120.

⁶ G e d y e G. E. K. Fallen Bastions. London, 1939, p. 426.

⁷ Новые документы из истории Мюнхена, с. 101.

⁸ Документы по истории мюнхенского сговора, с. 231.

ситуация и создавалась после вручения англо-французского ультиматума, который требовал, чтобы Чехословакия отказалась от «существующих договоров, связанных с взаимными обязательствами военного характера»¹. Такое требование означало фактически, что Франция в одностороннем порядке разорвала свой союзнический договор с Чехословакией. Тем самым утрачивал силу и советско-чехословацкий договор, согласно которому обязательства взаимной помощи (по настоянию чехословацкой стороны) были поставлены в полную зависимость от того, придет ли Франция на помощь жертве агрессии. Так что у Э. Бенеша 19 сентября действительно появились причины интересоваться «линией поведения СССР». Суть вопроса сводилась к следующему: готов ли СССР оказать помощь Чехословакии независимо от Франции и, следовательно, сверх обязательств, зафиксированных в советско-чехословацком договоре 1935 г. Так это и было понято К. Готвальдом. Но ему хорошо было известно, что Советский Союз готов оказать Чехословакии военную помощь даже и без Франции при условии, что сама Чехословакия окажет сопротивление агрессору и попросит о советской помощи. Не хуже своего собеседника знал все это и Э. Бенеш: ведь лично ему К. Готвальд в свое время и передал указанное сообщение советской стороны. Поэтому вопрос Э. Бенеша не мог не вызвать, мягко говоря, вполне понятного недоумения. К. Готвальд четко отреагировал: «Не его дело отвечать за СССР, но никто не имеет оснований сомневаться в том, что СССР выполнит свои обязательства. Если же речь идет о чем-либо сверх обязательств, то пусть Бенеш сформулирует точно и запросит правительство СССР»². Э. Бенеш, однако, не внял этому совету, хотя и он, и его министр иностранных дел К. Крофта знали о готовности СССР оказать помощь независимо от Франции. А ведь Э. Бенеш отдавал себе ясный отчет, что без советской помощи нельзя было отстоять целостность и независимость чехословацкого государства. Не случайно, обращаясь позже к трагедии, пережитой чехословацким народом в 1938 г., «этот сухой педант» с несвойственным ему пафосом восклицал: «Существование крепкого Советского Союза было для меня залогом будущего, единственной и последней надеждой, когда я обнаружил, что мы окончательно покинуты Францией и Великобританией»³.

Советская дипломатия ждала постановки «третьего вопроса»: заместитель наркома иностранных дел В. Потемкин прямо спрашивал, как доложил 22 сентября в Прагу чехословацкий посланник из Москвы, «почему наше (то есть чехословацкое) правительство никогда не ставило вопроса о безусловной по-

¹ Новые документы из истории Мюнхена, с. 97.

² Там же, с. 101—102.

³ Beneš E. Úvahy o slovanství. Praha, 1947, str. 246.

мощи со стороны Союза». Посланник настоятельно просил: «Ответьте немедленно»¹, но ответа из Праги так и не последовало. Не последовало потому, что руководители буржуазной республики опасались: на просьбу о безоговорочной советской помощи будет дан столь же безоговорочный ответ, который серьезно осложнит, а то и вовсе сорвет капитулянтские маневры правящей верхушки Чехословакии.

Чехословацкое правительство первоначально отвергло англо-французский ультиматум, но через два дня оно капитулировало перед диктатом западных держав, сделав это, разумеется, без всяких консультаций с советской стороной.

Принятие же ультиматума означало, как и признавал сам Э. Бенеш, что «аннулируются ныне действующие международные договоры Чехословакии», в том числе и договор с СССР². В связи с этим Прага запросила Советское правительство, будет ли оно считать себя связанным чехословацко-советским пактом в случае, если в дальнейшем ситуация сложится так, что Чехословакия примет решение защищать свои границы с оружием в руках³. Ради обеспечения советской помощи Э. Бенеш в качестве возможного варианта предложил заключить новый пакт взамен утратившего свою силу договора 1935 г.⁴ Касаясь этого вопроса, М. М. Литвинов в речи, произнесенной в Женеве 23 сентября, подтвердил, что «после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, Советское правительство, несомненно, имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта»⁵. Однако СССР не искал предлогов, чтобы уклониться от выполнения долга перед попавшим в беду союзником. Советское правительство не только подтвердило готовность выполнить свои обязательства. 21 сентября оно публично заявило, что его «военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом»⁶.

Ныне уже опубликовано достаточно документов, чтобы составить представление о всех существенных моментах советско-чехословацких отношений накануне Мюнхена. Обобщение содержащихся в них фактов дает основание для вывода о том, что выдвинутые и отстаиваемые Советским Союзом принципы охватывали все возможности оказания действенной помощи чехословацкому народу. Советские предложения предусматривали:

¹ Новые документы из истории Мюнхена, с. 123.

² Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 493.

³ Там же, с. 519.

⁴ Там же, с. 513.

⁵ Там же, с. 519.

⁶ Там же, с. 508.

1. Коллективные усилия всех государств, заинтересованных в поддержании мира (в том числе созыв международной конференции с неперменным участием Чехословакии и принятием декларации в защиту ее независимости).

2. Трехсторонние действия Франции, Чехословакии и Советского Союза (включая незамедлительное проведение совещания генеральных штабов союзнических государств для организации практического взаимодействия вооруженных сил в целях совместного отпора гитлеровской агрессии против ЧСР).

3. Готовность СССР оказать Чехословакии всю необходимую помощь независимо от поведения Франции (то есть сверх обязательств советско-чехословацкого договора).

Все эти предложения были разработаны и доведены до сведения Чехословакии уже ко времени первого серьезного обострения чехословацкого кризиса в мае 1938 г. В сентябре 1938 г. они были повторены уже как единая программа действий в переговорах с представителями Франции, Чехословакии и других заинтересованных государств.

Взятые в совокупности, советские предложения содержали достаточные гарантии обеспечения суверенитета и независимости чехословацкого государства. Тесно взаимосвязанные, они составляли определенную систему, каждое звено которой приводило в действие остальные ее составные части. В конечном счете все упиралось в решимость самого чехословацкого государства действовать последовательно и до конца, невзирая на предательство Франции и Англии, защищать свою целостность и независимость. Чехословацкий народ был к тому готов, готовы были и чехословацкая армия, ее командование. Это убедительно показано в книге В. Крала. Остановка была, таким образом, за чехословацким правительством, за принятием политического решения правящими кругами Чехословацкой республики.

Для приведения в действие всей этой системы правительству Чехословакии было достаточно обратиться в Лигу наций с протестом против угрозы агрессии со стороны гитлеровской Германии. Строго говоря, для принятия рекомендации, имеющей обязывающую силу, было необходимо, по Уставу Лиги наций, единогласие всех ее государств-участников. Советское правительство официально оповестило чехословацкое правительство, что считало бы для себя достаточным просто обращение Чехословакии в Лигу наций¹.

Советский Союз, развивая на протяжении всего 1938 г. активную внешнеполитическую деятельность, вовсе не имел в виду, как это утверждают вот уже 40 лет различные фаль-

¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. 3. М., 1978, с. 523, 527.

сификаторы истории, ограничиваться лишь дипломатическими акциями. В Советском Союзе был осуществлен обширный комплекс военных мероприятий, которые обеспечивали оказание в случае необходимости быстрой и действенной помощи чехословацкому союзнику. После майского кризиса военные округа Советского Союза, расположенные ближе всего к территории Чехословакии (Киевский и Белорусский), были преобразованы в особые округа и в них было сформировано 6 армейских групп оперативного назначения. После проведения 22 сентября мобилизации в Чехословакии эти армейские группы, укомплектованные по штатам военного времени, были приведены в боевую готовность и выдвинуты к государственной границе. К боевым действиям на юго-западной и западной границе всего было подготовлено 30 стрелковых, 10 кавалерийских дивизий, танковый корпус, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов. 700 советских самолетов ждало приказа о вылете на чехословацкие аэродромы. В боевую готовность были приведены также войска противовоздушной обороны (2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийских бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения). Таков был первый эшелон советских вооруженных сил, способных пачать немедленные военные операции. Обширные мобилизационные мероприятия были проведены во всех остальных военных округах на всей европейской территории Советского Союза — вплоть до Урала. Так был создан второй эшелон советских войск, приведенный в боевую готовность. В его состав входило 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпуса, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных базы¹. Каково было реальное соотношение сил в сентябре 1938 г.? Согласно плану «Грюн», гитлеровская Германия в операциях против Чехословакии наметила использовать 39 своих дивизий. В то же время Чехословакия имела 45 дивизий, обладала вооруженными силами численностью 2 млн. человек, располагала 1582 самолетами, 469 танками, 5700 артиллерийскими орудиями различных калибров и другим вооружением. Ее армия могла опереться на мощные пограничные укрепления, не уступающие немецкой линии Зигфрида и французской линии Мажино.

Большой коллектив компетентных советских специалистов, занимающихся разработкой проблем второй мировой войны, в своем обобщающем труде пришел к следующему заключению: «Правительство Чехословакии осенью 1938 г. имело возмож-

¹ Документы по истории мюнхенского сговора, с. 254—256, 293—294, 312—315.

пость отвергнуть мюнхенский диктат и, опираясь на свой народ, армию, на поддержку Советского Союза и антифашистских сил в других странах, отклонить требования о капитуляции, возглавить борьбу за свободу и независимость государства»¹.

Чехословацкая буржуазия и ее правящие круги во главе с президентом республики Э. Бенешем не решились использовать эти возможности, опасаясь революционного подъема народных масс в антифашистской войне против гитлеровской Германии.

Сославшись на грубый нажим Англии и Франции, буржуазное правительство Чехословакии склонилось перед позорным диктатом фашистских агрессоров и их западных пособников из лагеря «умиротворителей», предав жизненные интересы своего народа.

Мюнхенское соглашение с самого начала было лишено какой-либо юридической силы, ибо было навязано Чехословакии под угрозой применения насилия и явилось грубым попранием всех норм международного права.

Потребовалось, однако, несколько десятилетий напряженной, целеустремленной борьбы, чтобы СССР, Чехословакия и другие социалистические государства добились широкого международного признания недействительности мюнхенского соглашения с самого начала. Впрочем, и сейчас существуют реакционные силы, которые продолжают цепляться за мюнхенское соглашение, а главное — склонны обращаться к «мюнхенским рецептам» всякий раз, когда противоречия в мире приобретают опасный для империализма характер. Как и раньше, империалистические политики выход из тупика пытаются найти путем «умиротворения» государств, которые воинствующую агрессивность превратили в главенствующий принцип своей практической политики. Новоявленные «миротворцы» предпочитают достигать этого, разумеется, за счет социалистических стран или народов, борющихся за свою национальную независимость. В ближневосточном варианте — это продиктованный империалистами сепаратный стовор между Израилем и Египтом, означающий премирование израильского агрессора и попрание жизненных интересов арабских народов. В столицах империалистических держав особым вниманием пользуется дальневосточная вариация современной мюнхенской политики, представляющая собой поощрение и поддержку захватнических устремлений Пекина, не только не делающего тайны из своих притязаний на значительные территории соседних с Китаем государств, но готового, как показала агрессия против социа-

¹ История второй мировой войны, т. II, с. 108.

листического Вьетнама, осуществить такие претензии с помощью грубого вооруженного насилия.

Пониманию истинных причин и существа этой опасной и враждебной свободолюбивым народам политики помогают фундаментальные исследования В. Крала — одного из наиболее крупных специалистов по данной проблеме. В книге чехословацкого ученого внимание каждого привлечет глубокий марксистско-ленинский анализ генезиса, истории и последствий мюнхенского соглашения, подлинное богатство исторических фактов и документов, впервые вводимых автором в научный оборот.

С. Прасолов

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением вышедшей в 1973 г. в Чехословакии работы «План Зет», посвященной предыстории мюнхенского соглашения. История мюнхенского предательства, его последствия, наиболее выразительно проявившиеся в нацистской оккупации Чехии и Моравии в марте 1939 г., — таково содержание книги «Дни, которые потрясли Чехословакию». И хотя в Чехословакии, как и во всем мире, вышло и продолжает выходить много работ, посвященных этой теме, еще нельзя сказать, что существует полная ясность в понимании событий, приведших к ликвидации чехословацкого государства. Немало и таких книг, которые дают неправильное представление о событиях того времени.

Настоящая работа является результатом многолетнего изучения документов в чехословацких и зарубежных архивах. В распоряжении автора было практически все, что сегодня доступно в Европе. Как и в первой книге, большое внимание в этой работе уделено политике Англии. И не только потому, что в последнее время открылся доступ к британским архивам, позволяющим заглянуть за кулисы политики этой некогда первой великой державы мира, а прежде всего потому, что инициативы при подготовке мюнхенского соглашения исходили не из Парижа или Берлина. Решения принимались прежде всего в Лондоне.

Если в минувшие десятилетия в чехословацкой литературе существовало относительное единство в оценках поведения чешской буржуазии в 1938 г., то недавние годы породили немало неясностей; возникли они под влиянием некоторых исторических работ, и особенно в связи с изданием мемуаров Э. Бенеша — президента буржуазной Чехословацкой республики. Субъективистские суждения, содержащиеся в подобных публикациях, требуют основательного разбора. Но чтобы открыть дорогу объективной исторической истине, нужно воссоздать подлинную картину развития событий в трагические дни сентября 1938 г. В исторической науке, как и в любой иной, недостаточно провозгласить то или иное положение и предложить принять его на веру. Его необходимо доказать. На правдивость может претендовать только то, что надлежащим образом подкреплено всеми доступными доказательствами. Поэтому мы просим извинения у читателя за то, что

в настоящей книге он встретится с более детальным, чем обычно принято, изложением событий. Ведь предстоит разобраться в ситуации, которую пытались проанализировать многие авторы, и приходится считаться со всем, что они оставили после себя. К тому же поиски исторической правды захватывают так же, как и сами драматические события мюнхенского кризиса.

Нет, пожалуй, ни одного автора, писавшего о Мюнхене, который считал бы свой труд последним словом в длинной череде работ, посвященных предыстории второй мировой войны. Все еще недостает многих, подчас ключевых, материалов, обнаружение которых позволит дать новые ответы на старые вопросы. Вполне вероятно, что где-то в Чехословакии существуют протоколы заседаний пресловутого Политического комитета чехословацкого правительства, — комитета, который был подлинным центром политической власти, ничем не ограниченным при решении судеб республики. Можно лишь удивляться, что такие материалы целеустремленно никогда не разыскивались; возможно, поэтому они и не найдены до сих пор. Так же обстоит дело и с немецкими материалами.

После войны, правда, на территории Германии было конфисковано множество документов нацистской империи, однако наиболее важные из них до сих пор недоступны. Сохранившиеся архивы имперской канцелярии закрыты, и возможность работать с этими материалами, наверное, получит лишь будущее поколение историков. Аналогично положение с документами германской разведывательной службы, которые могли бы представить ценный источник для изучения внутреннего развития Чехословакии. Когда-нибудь из них также будут извлечены данные, которые развеют еще существующие легенды о Мюнхене или же по крайней мере прояснят моменты, остающиеся до сих пор неясными. Кое-что, вероятно, могут дать и архивы в Париже. В те времена Франция была самым близким союзником Чехословакии, и правительство последней не делало ни одного шага, не проконсультировавшись предварительно в Париже.

Более углубленное изучение исторического процесса — неотъемлемая черта каждого солидного исторического труда. Невозможно познать раз и навсегда дела минувших дней. Долг автора — дать читателю книгу, которая содержит прежде всего новые сведения, ибо, когда только повторяется известное, чтение становится делом скучным и непродуктивным. Автор постарался собрать все доступные в настоящее время источники и, представляя свою книгу на суд читателя, выражает скромную надежду, что выполнил свой долг.

Вацлав Крал

Прага, октябрь 1973 г.

1. БУРЖУАЗНАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ МЮНХЕНА

Мюнхенское соглашение открыло путь ко второй мировой войне — наиболее губительной и самой разрушительной во всей истории человечества. Вполне естественно стремление понять, как и почему случилось, что народы мира оказались ввергнутыми в кровопролитную бойню.

Большинство выходивших на Западе публикаций непосредственно после второй мировой войны осудило фашизм и его союзников, в том числе поборников политики «умиротворения». Либеральные и буржуазно-демократические авторы, однако, не видали в глубинные причины событий. Пагубную деятельность Н. Чемберлена, Э. Даладье не рассматривали как политику, отвечавшую интересам монополистической буржуазии, а были склонны объяснять лишь их личными пороками, недостатками и т. п.

Однако наряду с направлением в историографии, осудившим фашизм и его покровителей, хотя и с позиций идеалистического понимания истории, уже с 1939 г. существует литература, которая оправдывает мюнхенскую политику. Авторами таких работ чаще всего были лица, сами проводившие ее или как-то причастные к ней и потому заинтересованные в том, чтобы утаить историческую истину, скрыть собственную ответственность за мировую катастрофу. Такие побуждения породили многочисленную литературу, которую без преувеличения можно назвать фальсификацией новейшей истории. Во Франции вышли «Воспоминания» таких представителей довоенных правящих кругов, как Ж. Боннэ, П. Э. Фландеп, Ж. Монтиньп, Ф. де Бринон, М. Гамелен, Э. Даладье, А. Франсуа-Понсе, — то есть всех тех, кого по праву называют «могильщиками Французской республики». В Англии опубликовали свои мемуары участники Мюнхена: Э. Галифакс, Н. Гендерсон, Дж. Саймон, С. Хор, У. Стрэнг, И. Киркпатрик, Р. Батлер. Апологетами политики Н. Чемберлена, умершего в 1940 г., выступили его биографы К. Филлинг и Я. Маклеод. В Германии аналогичный характер имели мемуары немецких генералов и нацистских дипломатов, таких, например, как Э. Вейцекер, П. Шмидт, П. Клейст, У. Хассел, Э. Кордт и другие. Все еще выходят под патронатом судетонемецких реваншистов книги, оправдывающие партию Гитлера и, следовательно, политику Гитлера. От мюнхенцев и их союзников, право же,

нельзя ожидать ничего иного, как защиты собственных действий в 1938 г.

В шестидесятые годы, когда в Западной Европе начала формироваться так называемая «североатлантическая идеология», стала исчезать литература, поддерживавшая идеи сопротивления фашизму, зато появились в изобилии иные книги; их авторы пытались не только открыто защищать мюнхенскую политику «умиротворения», но и переставали видеть в действиях Гитлера военное преступление. Исследуя якобы «объективно и непредвзято», они всячески превозносили Гитлера как великую личность. Такие работы, особенно американских авторов, вызвали похвальные отклики и в Западной Германии; здесь многие не скрывали радости по поводу того, что наконец-то покончено с антифашистскими настроениями пятидесятых годов, когда в памяти еще были свежи приговоры Нюрнбергского трибунала. Свое воздействие оказывал и антикоммунизм, которым пронизана североатлантическая идеология. Неудивительно, что в такой атмосфере гением может быть провозглашен даже фашист и военный преступник, коль скоро основным элементом его политики был антикоммунизм.

Уже в книге «План Зет» было показано, что примиренчество по отношению к агрессивной политике Германии по сути своей исходило из привычного образа мышления английских консерваторов: если Англия имеет колониальную империю, то почему тем же правом не может обладать и Германия. Политика «умиротворения» подразумевала колонизацию Центральной и Юго-Восточной Европы и прямо вела к ревизии Версальского мирного договора. Англия, стремясь выступать в качестве международного посредника, практически помогала этой ревизии, так как была свободна от твердых обязательств в Европе, но в то же время не обладала достаточной военной мощью, способной придать надлежащий авторитет ее линии. Так же обстояли дела и с США. До 1914 г. Англия проводила политику, направленную на достижение равновесия сил в Европе и сохранение свободной мировой торговли, опираясь на свое превосходство на морях. После 1918 г. ситуация в Европе стала иной, возникли новые проблемы, но решать их английские политики пытались старыми методами.

В основе политики «умиротворения» лежало стремление подтолкнуть нацистскую Германию к войне против СССР; именно ради этого и было решено отдать Восточную Европу под власть гитлеровцев. Таким образом, «умиротворители» рассчитывали разрешить противоречия между крупными капиталистическими государствами и вместе с тем укрепить систему колониализма, составлявшую фундамент Англии как великой державы.

В тот день, когда Н. Чемберлен был назначен премьер-министром Великобритании, печально известный английский

посол в Берлине Н. Гендерсон закончил докладную записку о британской политике в отношении Германии¹. Мы находим в ней те же мысли, какие ранее лорд Лотниан сформулировал в своем меморандуме*. По утверждению Н. Гендерсона, немецкая экспансия на Восток представляет собой довольно «гибкое» понятие. Если Германия хотя бы формально станет до известной степени соблюдать национальную целостность и независимость своих восточных соседей, у правительства его величества не будет никаких оснований для возражений против экономического и политического господства Германии в этой части Европы. Немецкая армия, промышленность и немецкая нация все равно навязут свою волю. В такой ситуации, утверждал Н. Гендерсон, правительство Великобритании должно искать соглашения с Германией на следующих условиях: а) Англия согласится с аншлюсом Австрии; б) урегулирует вопрос о колониях; в) не будет возражать против установления политического и экономического господства Германии в Восточной Европе при условии, что ревизия Версальского договора осуществится мирными средствами.

Д. Даусон, шеф-редактор «Таймс» и глашатай взглядов известной «клайвденской клики», вел осенью 1937 г. кампанию в печати, ставившую целью разрушить союзную систему государств, окружавших Германию. Эта система союзов, проповедовал Д. Даусон, вредна тем, что мешает Германии расширить свою экспансию за границы, определенные мирной конференцией в 1919 г. Сохранение систем оборонных союзов, по мнению Д. Даусона, грозит войной, которая погубит западную цивилизацию². Учитывая подобную кампанию, Гитлер смог сообщить в ноябре 1937 г. своим генералам, что в ближайшее время он намерен напасть на Чехословакию, которая, как он полагает, будет покинута Францией и Англией. В феврале 1938 г. Н. Чемберлен в парламентской речи изложил идею создания союза четырех великих держав, который решал бы судьбы Европы; Советский Союз должен был быть исключен из числа его участников, так как он, по словам премьер-министра, «представляет собой полуазиатскую державу»³.

В то же время мир в Европе еще мог бы быть сохранен с помощью системы коллективной безопасности. За создание подобной системы Советское правительство боролось с начала тридцатых годов. Договоры с Францией и Чехословакией были результатом этих усилий. Но английские консерваторы не хотели сотрудничества с СССР. Они ценили Гитлера и нацизм за то, что с их помощью был уничтожен коммунизм в Германии. Они заявляли, что окружение Германии системой союзов

* Его содержание подробно изложено автором в кн.: «План Зет», с. 24—27. — *Прим. ред.*

недопустимо, Германию следует «умиротворить», добровольно отдав ей все то, что иначе ею будет захвачено силой. Английский историк Дж. У. Уиллер-Беннет писал: желание, чтобы Гитлер завладел Центральной и Восточной Европой, отнюдь нельзя считать побочным продуктом британской дипломатии⁴. Напротив, это был главенствующий фактор ее политических усилий. За общими словами о мире и необходимости договориться с Гитлером скрывалось стремление Н. Чемберлена и его советников со временем разжечь конфликт между Германией и СССР. Обе страны были бы истощены войной, и это усилило бы позиции Англии как главного арбитра европейской политики. Те же идеи разделялись и поддерживались в Париже. Разумеется, это было известно в Берлине и в Москве.

Опубликованные сборники дипломатических документов, дневники и воспоминания сторонников «умиротворения» до бесконечности повторяют мысль о том, что Советский Союз являлся опасным элементом в европейской политике и что совместные действия западных держав с СССР против Германии немыслимы. Пропагандисты «умиротворения» считали, что совместные действия могли привести к падению фашизма в Германии и открыть социалистической революции путь в центр Европы. В 1936—1937 гг. западная пропаганда изображала СССР слабой, экономически и политически дезорганизованной страной, Англия и Франция же представлялись как страны сильные, могучие, единые и преуспевающие. Глашатаи подобной пропаганды, помимо всего прочего, хотели повлиять на Гитлера, заставить его сделать выбор между нападением на «слабый» Советский Союз или «сильный и единый» Запад.

Пропаганда и дипломатия Англии и Франции в течение ряда лет старались воздействовать на Гитлера с целью предотвратить его войну с Западом, внушая, что следствием ее была бы большевистская революция в Европе, пользу из которой извлекли бы лишь СССР и мировое коммунистическое движение. Такие же цели преследовала и политика США. Пентагон открыто предостерегал об опасности большевистской революции.

Лорд Лондондерри, называвший Чехословакию в своей переписке с Э. Галифаксом «дьявольским продуктом ненормальных профессоров Т. Г. Масарика и В. Вильсона», в 1936 г. посетил Германию и имел долгие беседы с Гитлером, которые изложил в книге «Мы и Германия». К июлю 1938 г. книга вышла уже четвертым изданием, после Мюнхена она была переиздана массовым тиражом и широко использовалась британской правительственной пропагандой. Основной темой разговоров с Гитлером, как признает Лондондерри, была мысль о том, что Англия и Германия призваны стать главными стол-

пами антикоммунизма в Европе, и их совместные действия должны служить гарантией от большевистской опасности.

Сторонники политики «умиротворения» боялись войны, считая, что она, как и двадцать лет назад, в конце концов может привести к революционным событиям. Однако их практические действия лишь подстрекали фашистских агрессоров и приближали новую мировую войну. Войну можно было предотвратить. Для этого достаточно было объединиться всем государствам, заинтересованным в сохранении мира, по это грозило крахом фашизма в Германии и Италии, чего не хотели допустить воротилы монополистического капитала в Париже и Лондоне.

В июне 1938 г. английское посольство в Москве, по поручению Р. Ванситарта, главного дипломатического советника правительства, подготовило записку, в которой был сделан анализ с целью ответить на вопрос: что может представить большую угрозу для Англии — система нацистской Германии или социалистическая система СССР. И хотя в записке признавалось, что в данной ситуации нацистская опасность более актуальна, в долговременной перспективе большевизм, по мнению британских дипломатов, мог быть для Англии гораздо страшнее. Пропаганда большевизма для Англии более серьезная опасность, чем все то, что исходит из Германии⁵.

Эти взгляды посла Д. Чилстона были характерны для политики Англии, которая считала своим врагом не Германию, а Советский Союз. Летом в Париже повторяли слова Н. Чемберлена, сказанные им Э. Даладье: «Было бы несчастьем, если бы Чехословакия была спасена с советской помощью»⁶. Тогда же Э. Бенеш заявил делегации судетонемецкой партии, что он боится двух вещей — войны и большевистской революции⁷. Американский посол в Париже У. Буллит несколько позднее признавался английскому послу Э. Фиппсу, что коммунизма и мировой социалистической революции он страшится больше, чем фашизма Гитлера⁸. Участие Советского Союза в решении вопросов, касающихся Центральной Европы, было несовместимо с сохранением «санитарного кордона», которым было окружено социалистическое государство. Реакционеры всего мира видели в гитлеровском фашизме заслон от социалистической революции. Германия для них была «базисом» социального мира и столпом западной цивилизации. Даже собственная оппозиция в Англии упрекала правительство Чемберлена в том, что оно избегает коалиции с СССР, опасаясь усиления коммунизма в Восточной Европе. «Клайвденская клика», группа Боппа в Париже и американская дипломатия были едины в ненависти к коммунизму. Избежать войны с Германией — хотя бы и ценой пожертвования Чехословакии — необходимо ради сохранения европейского капитализма,

считал этот фронт реакции, и Гитлер ему виделся современным святым Георгием, повергающим коммунистического дракона.

Английский посол в Париже Эрик Фиппс поддерживал во Франции прогитлеровские группировки и боролся со всеми, кто считал, что необходимо оказать сопротивление Германии. В сентябре 1938 г. он «прославился» тем, что назвал антифашистские силы во Франции «шумной, подкупленной, обуреваемой жаждой войны группой». В 1961 г. Ж. Боннэ признавался, что целью его политики было направить Германию на войну с СССР, а Францию удержать в стороне⁹. Свою политику соглашения с Германией и сопротивления сотрудничеству с СССР Ж. Боннэ обосновывал ссылками на основную доктрину НАТО: он якобы в 1938 г. предвидел, что для Европы опасность представляет не Германия, а СССР. Ж. Боннэ откровенно признался, что Чехословакия была отдана Гитлеру именно для того, чтобы расчистить дорогу для войны Германии с СССР. Ряд авторов книг о Мюнхене именно в этом видят смысл мюнхенского сговора. К ним относятся не только Ф. Вальтерс, А. Ротштейн, но и Р. Лафан, Л. В. Нэмир, Э. Бенеш, Дж. У. Уиллер-Беннет, Ж. Поль-Бонкур, Р. Кулондр, С. Уеллес и другие.

Некоторые английские историки, например Г. Р. Тревор-Ропер, пытаются утверждать, что направление британской политики в 1938 г. всецело определялось лишь Невилем Чемберленом, человеком ограниченной интеллигентности, но зато обладавшим беспредельным самомнением и тупым упрямством. Однако неизбежно встает вопрос: почему именно этот человек при всей его ограниченности сумел добиться безраздельного контроля над британской политикой? Достоинства Н. Чемберлена действительно были невелики, но одним этим нельзя объяснить ошибочность его курса и тем более, исходя из этого, нельзя понять классовую сущность политики «умиротворения». Утверждают, и с полным основанием, что Н. Чемберлен руководил своим кабинетом автократически, полагаясь лишь на собственные суждения. В проблемах внешней политики он разбирался плохо. Опыта, приобретенного на посту мэра города Бирмингема, для этого было явно недостаточно. Его помощниками были Дж. Саймон и С. Хор — два самых неудачных английских министра иностранных дел XX столетия. Его ближайшим советником был Горацій Вильсон, которого посланник Ян Масарик без обиняков называл «свиньей». У Г. Вильсона, занимавшего официально пост «советника по промышленности», также не было абсолютно никакого опыта во внешнеполитических делах.

Один из чехословацких историков не так давно заметил, что мюнхенский сговор удался его авторам лишь потому, что общественное мнение было захвачено врасплох. Разумеется,

эта формулировка не исчерпывает существа вопроса. Особенность мюнхенского кризиса состоит в том, что Чехословакия, так же как и мир на земле, была принесена в жертву агрессору на глазах мировой общественности при соблюдении видимости, будто политика проводилась «демократическим» путем, в согласии с парламентскими традициями и под контролем «свободной и независимой» печати. Э. Галифакс в одной из своих бесед с итальянским послом утверждал, что британская демократия смогла разрешить чехословацкий кризис демократическим и парламентским путем, в то время как Италия при проведении подобных щекотливых операций прибегает к недемократическим мерам. В действительности все обстояло далеко не так. Правящий класс Великобритании, несомненно, имел немалый опыт в вопросах манипуляции общественным мнением. Однако поведение Н. Чемберлена было совсем не демократично. Власть концентрировалась в руках группы из четырех министров, которые принимали все важные решения. После этого правительство в целом оказывалось перед свершившимся фактом. Парламент созывался лишь тогда, когда Н. Чемберлен был уверен, что никакое голосование не в состоянии изменить его курс. Н. Чемберлен не обращал внимания на критику его политики и даже на принципиальные замечания, высказывавшиеся на заседаниях кабинета министров. Английское правительство было похоже на дискуссионный клуб; его заседания заканчивались без принятия ясных и точных решений. Так же действовал и премьер-министр Э. Даладье в Париже. И в Праге все важные вопросы решались не правительством, а Политическим комитетом, состоявшим из нескольких министров*. За весь кризисный период чехословацкий парламент не собирался ни одного раза. Постоянный парламентский комитет также был лишен возможности влиять на решения. Вместо парламента созывалась лишь так называемая группа двадцати, состоявшая из некоторых депутатов коалиционных партий, или же проводились отдельные совещания председателей этих партий, заседания парламентских фракций и т. д. Это было бесспорным нарушением конституции, а следовательно, и принципов буржуазной демократии. В Париже, Лондоне и Праге компромисс с нацистской Германией реализовывался при грубом нарушении конституционных традиций, парламентских норм и принципов буржуазной демократии. Ответственные решения принимались небольшой группой лиц, сумевших навязать свою волю правительствам, кабинетам, а в конце концов и парламентам.

* В состав Политического комитета входили министры: Р. Бехне, Э. Франке, П. Шрамек, Я. Черны, Р. Млчок, Ф. Ежек и председатель правительства М. Годжа. — *Прим. ред.*

Находятся историки, считающие равно аморальным как готовность бороться за сохранение государственных границ в Центральной Европе того времени, так и стремление осуществить такие изменения. Например, по мнению известного английского историка Е. Х. Карра, мюнхенское соглашение явилось методом, позволившим осуществить «неизбежные изменения» мирным путем. Политики-«реалисты» на Западе верили, утверждает он, что Гитлер поймет, какие преимущества вытекают из «умеренного использования силы». Гитлер, однако, разочаровал их. Подобная аргументация — один из способов рафинированной и «научно обоснованной» защиты мюнхенской политики.

Часто задается вопрос: почему Гитлер не принял английские предложения, предоставлявшие ему свободу действий в Восточной Европе? Почему он не принял предложение создать в Восточной Европе собственную колониальную империю? Необходимо отметить, что английское правительство представляло себе компромисс с Германией в виде торговой сделки по принципу: *quid pro quo* *. Н. Чемберлен был согласен отдать Чехословакию, но рассчитывал от Гитлера получить что-то взамен. Он хотел гарантий для целостности британской колониальной империи, хотел бы получить обещания ограничения германской военной авиации. И наконец, заверения консультироваться с Лондоном по всем внешнеполитическим мероприятиям. Однако Гитлер не желал торговой сделки. Он не собирался терпеть в Восточной Европе даже марионеточные правительства. Он намеревался овладеть всем Европейским континентом и превратить его «в единую немецкую территорию». Гитлер верил, что сферу немецкого влияния можно расширить лишь с помощью насилия, а отнюдь не путем переговоров. Он был убежден, что не добился бы своего триумфа в Мюнхене, если бы не привел армию в состояние боевой готовности и не угрожал бы войной. В конце концов, ему было известно, что в Париже и Лондоне рассчитывают втянуть Германию в войну с СССР, сохранив армии Франции и Англии в тылу фашистского рейха. Однако в 1938 г. он еще охотно принимал предлагаемую Н. Чемберленом бескровную победу над Чехословакией. Гитлер считал политику Англии проявлением слабости и хотел извлечь из этой слабости максимум возможного.

Возникает вопрос: означала ли оппозиция со стороны лейбористской партии и некоторых консерваторов радикальное отрицание политической линии Н. Чемберлена? Ответ следует дать негативный. Лейбористы, как и остальные социалистические партии Запада, находились, по сути, на левом крыле бур-

* *Quid pro quo* (лат.) — одно взамен другого. — *Прим. ред.*

жуазного лагеря, и у них не было реальной альтернативы политике «умиротворения». Они долго не верили в возможность войны и упрекали Н. Чемберлена вовсе не за то, что фашистской агрессии не была противопоставлена сила, а за то, что Н. Чемберлен в свою очередь не прибег к блефу. Лейбористы время от времени выступали за совместные с СССР действия, поскольку такая идея была весьма популярна у английской общественности, но в решающий момент они всегда соглашались с мнением Н. Чемберлена о том, что подобные действия или опасны, или нереальны. Консервативная оппозиция, возглавляемая У. Черчиллем, также не выдвигала четкой внешнеполитической концепции, противостоящей курсу правительства Н. Чемберлена. У. Черчилль ясно заявлял, что вряд ли смог бы проводить иную политику, будь он в то время премьер-министром. Он был за так называемое автономное решение судетонемецкого вопроса и полагал, что судетские немцы сами не захотят присоединиться к нацистской Германии, если у них будет возможность свободно решать свою судьбу. Однако во время сентябрьского кризиса У. Черчилль посчитал уступки Н. Чемберлена катастрофическим поражением империи, ибо они могли только приблизить войну. Он не соглашался с тем, что в результате мюнхенского сговора Англия выиграла время для подготовки к войне: она ничего не добилась и лишь потеряла 35 чехословацких дивизий¹⁰. У. Черчилль беспощадно критиковал капитуляцию Э. Бенеша. По его мнению, вооруженное сопротивление Чехословакии вызвало бы такую реакцию французской и британской общественности, которая оказала бы решающее влияние на политическую линию обоих правительств. Чехословакия, считал У. Черчилль, не осталась бы одинокой, а общий фронт антигитлеровских сил сумел бы за короткое время нанести поражение Германии. В отличие от Н. Чемберлена У. Черчилль не считал Гитлера достойным доверия партнером, выполняющим свои обещания. Он не был против политики уступок, но был убежден, что Гитлер будет считаться только с силой и вооруженной мощью.

При обзоре исторической литературы, точнее говоря, тех публикаций, которые так или иначе оправдывают мюнхенское соглашение, необходимо отметить, что приводимая в них аргументация была выработана еще в ходе политической борьбы в 1938 г. Уже тогда сторонники «умиротворения» выдвинули ложную в своей основе альтернативу: или ужасный и позорный мир, выкупленный за счет Чехословакии, или же весьма тяжелая и крайне нежелательная война. В действительности реальная обстановка 1938 г. выглядела совершенно иначе. Война не была неизбежной. Таково было убеждение Советского правительства. Действенная система коллективной безопасности могла не только помешать Гитлеру развязать войну,

но и без войны привести к падению нацистского режима, ибо фашистская система не была способна сохраниться без военных авантур. Гитлер сам сознавал это, и документы секретных нацистских совещаний дают тому достаточно убедительные свидетельства. Однако такое решение было неприемлемо для правительств в Лондоне и Париже, которых беспокоило, какая политическая система установится в Германии после падения Гитлера.

Идея коллективной безопасности, совместных действий западных держав и СССР пользовалась большими симпатиями английской, французской и чехословацкой общественности.

Однако инициаторы политики «умиротворения» опасались совместных с СССР действий против Германии. Во время гражданской войны в Испании они показали это достаточно наглядно. Своей позицией они содействовали победе фашизма, тогда как республиканское правительство получало поддержку только от СССР.

Чтобы избежать совместных действий с СССР, они развязали клеветническую кампанию, утверждая, будто Советский Союз не хочет или не может вести войну за Чехословакию, что он не намерен выполнить свои союзнические обязательства. Эта клеветническая кампания велась в обстановке, когда Франция уже приняла решение покинуть Чехословакию, хотя французские представители все еще обещали выполнить свои обязательства, и когда Франция и буржуазная Чехословакия порвали с политикой коллективной безопасности, за которую решительно боролось Советское правительство. Сделав ставку исключительно на Англию, они за спиной СССР вели тайные переговоры с Гитлером, совершенно не информировали Советское правительство о принципиальных политических вопросах, не отвечали на советские предложения о военном сотрудничестве. В Париже и Лондоне надеялись, что подобные действия спровоцируют Советское правительство на какой-либо шаг, который немедленно можно будет использовать в качестве аргумента, оправдывающего политику отказа от сотрудничества с СССР. Но М. М. Литвинов хорошо разглядел эту ловушку. Советская дипломатия не собиралась облегчать нечестную игру Парижа и Лондона. Наоборот, в течение всего периода между аншлюсом Австрии и Мюнхеном Советское правительство неоднократно заявляло о своей готовности выполнить свои обязательства перед Чехословакией и поддержать политику коллективной безопасности и неделимости мира. Но западные правительства не нашли ничего лучшего, как нагромождать бессмысленные препятствия и ставить под сомнение ясные и однозначные заявления советских представителей. Э. Даладье и Ж. Бонна прибегли к самой безответственной лжи, пытаясь поколебать убеждение французской общественности в том, что

мир и Чехословакию еще можно спасти, если Франция выполнит свои союзнические обязательства перед Чехословакией и СССР. Клеветническая кампания против СССР была призвана укрепить иллюзию французов, что для обеспечения безопасности Франции нет другого средства, кроме совместных действий с Англией.

Макнавеллистская политика Англии по отношению к СССР преследовала несколько целей. Прежде всего, надо было выяснить, насколько еще действителен союз между Парижем, Прагой и Москвой. Германия уже с 1935 г. обвиняла Чехословакию в «большевизации». Британская дипломатия тщательно проверяла, какого развития достигло чехословацко-советское сотрудничество. Особое внимание она уделяла планам военного сотрудничества. Например, в отчете английского посольства в Москве за 1937 г. говорится: сообщения о советском пропикновении в Чехословакию значительно преувеличены и пока еще не произошло ничего, что позволяло бы говорить о советизации чехословацкой армии. В отчете с удовлетворением констатировалось, что развитие отношений между СССР и Чехословакией зависит от состояния советско-французских отношений, и, следовательно, нет опасности в стремлении ЧСР проводить самостоятельную политику: Париж контролирует ее отношения с СССР¹¹. Большое беспокойство у британских дипломатов вызвала позиция чехословацкого посольства в Москве, которое информировало о заверениях, полученных от правительства Советского Союза, оказать помощь Чехословакии и распространяло оптимистические сведения о состоянии и боеготовности Красной Армии. Англичане были особенно поражены данными о количестве советских дивизий, танков и самолетов. Для того чтобы подорвать веру чехословаков в военную мощь СССР, британская дипломатия охотно распространяла сообщения, исходившие из немецких источников и умышленно принижавшие силу Красной Армии¹².

Британская и французская дипломатия стремилась доказать, что если Красная Армия захотела бы оказать помощь, то не смогла бы этого сделать, так как Чехословакия не является непосредственным соседом Советского Союза, а Польша и Румыния не пропустят советские войска через свою территорию. Командование польской армии было крайне самоуверенным и явно недооценивало мощь советских вооруженных сил¹³.

Для оправдания политики «умиротворения» часто прибегают к аргументу, что польское и румынское правительства возражали против прохода советских войск в Чехословакию. В действительности же никто в Париже и Лондоне всерьез не считался с позицией этих правительств, полагая, что они не проводят самостоятельной политики, а приспособляются

к курсу Парижа и Лондона. Польское политическое руководство еще в начале сентября уверяло, что оно не присоединится к немецкой агрессии против Чехословакии, хотя и будет сопротивляться попыткам советских войск пройти в Чехословакию через польскую территорию¹⁴. Генерал Стахевич перед встречей Н. Чемберлена и Гитлера в Берхтесгадене заверял, что в случае немецкого нападения на Чехословакию Польша останется нейтральной¹⁵. Но после Берхтесгадена последовало заявление о том, что позиция Польши будет зависеть от длительности чешского сопротивления. Если чехи продержались хотя бы один месяц, Польша сохранила бы нейтралитет. Если на помощь чехословакам придут Франция и Англия, то Польша встанет на сторону этой коалиции. Однако, если Германии удастся быстро сломить чешское сопротивление, Польша оккупирует Тешинскую Силезию. В эти же дни состоялась встреча чехословацкого посланника Ю. Славика с заместителем министра иностранных дел Польши М. Арцишевским. Славик говорил, что пражское правительство хорошо понимает: попытка советских войск пройти через польскую территорию означала бы *casus belli**. Поэтому правительство Бенеша не поддерживает такое решение, считая, что оно толкает Польшу в лагерь неприятеля. М. Арцишевский со своей стороны заверил, что его правительство не имеет якобы враждебных замыслов по отношению к Чехословакии¹⁶.

В действительности политика Польши не была столь лояльной. Когда Э. Бенеш предлагал К. Генлейну автономию, министр иностранных дел Польши Ю. Бек был также согласен на автономию польского меньшинства в Тешинской Силезии. После того же, как Гитлер потребовал оккупации пограничных районов, Ю. Бек выступил с аналогичным требованием. Стоило Гитлеру в Годесберге предъявить ультиматум, как Ю. Бек присоединился к военным угрозам. Именно проводимая странами Запада политика «умиротворения» так пагубно сказалась на внешнеполитическом курсе правительств Польши, Румынии и Югославии. Поэтому совершенно лишены какой-либо логики попытки некоторых западных историков в поведении этих государств усматривать причину бездействия Парижа и Лондона или же оправдывать нежелание Н. Чемберлена и Э. Даладье сотрудничать с СССР ссылками на сопротивление польского и румынского правительств проходу советских войск.

Румыния была союзницей Польши и никогда решительно не отвергала требований Ю. Бека воздерживаться от вступления в военную коалицию, участником которой был бы и Советский Союз. Однако Румыния была вместе с тем союзницей Че-

* *Casus belli* (лат.) — повод к войне. — *Прим. ред.*

хословакии, и для нее существовал целый ряд объективных причин не спешить со вступлением в коалицию, возглавляемую Германией. Румынская правительственная политика колебалась между различными политическими тенденциями. В стратегических планах чехословацкого генерального штаба Румынии отводилась роль последнего прибежища, куда в случае необходимости могла отступить чехословацкая армия. Поэтому в Румынии было построено несколько филиалов чехословацких военных заводов. В случае войны они должны были снабжать чехословацкую армию, если бы она была вынуждена покинуть территорию республики и вести бои в румынских Карпатах. Весь этот проект был, собственно говоря, копированием того, что случилось с сербской армией во время первой мировой войны. В сохранении армии видели спасение государства как международного юридического субъекта.

Наряду с этими стратегическими соображениями в чехословацких военных планах Румынии отводилось и другое место. Она была территорией, через которую СССР мог оказать помощь Чехословакии. В чешской исторической литературе существуют различные представления о том, какой могла быть эта помощь. Не вызывает никаких сомнений, что политическое и военное руководство Чехословакии рассчитывало на поддержку советской авиации и на советские поставки стратегических материалов. С этой целью на Буковине даже велось строительство специальной железной дороги, которое финансировала Чехословакия за счет полученного от Франции займа в размере 700 миллионов франков. Не совсем ясен вопрос об отношении лично Э. Бенеша к приходу советских войск на помощь Чехословакии. Источники свидетельствуют, что Э. Бенеш хотел ограничить советскую помощь всего лишь авиацией и поставками из СССР стратегических материалов. Этим он отличался от аграриев, которые решительно выступали против принятия советской помощи в любой форме. Вновь обпаруженные документы показывают, что и Э. Бенеш считал нежелательным присутствие Красной Армии на территории Чехословакии¹⁷.

Летом 1938 г. британская дипломатия указывала в ряде сообщений на то, что, хотя Румыния и намередается разрешить перелет через свою территорию советских самолетов в Чехословакию или же перевозку стратегических материалов, она окажет сопротивление проходу советских сухопутных войск^{* 18}. Согласно югославским источникам, при обсуждении на конференции Малой Антанты в Бледе этого вопроса румынский министр иностранных дел И. Комнен исключал такую возможность. По мнению югославского принца-регента

* См. подробнее в кн.: Волков В. К. Мюнхенский сговор и Балканские страны. М., 1978. — *Прим. ред.*

Павла, конфликт с Германией и участие в нем советских войск лишь усилил бы нежелательное влияние Коминтерна в Центральной Европе и на Балканах¹⁹. Примечательно, что с ограниченной советской военной помощью Чехословакии была готова согласиться еще в начале сентября и бековская Польша²⁰.

На протяжении сентябрьского кризиса британская, французская и немецкая дипломатия усиленно собирала информацию, которая подтверждала бы, что румынское правительство не допустит прохода советских войск²¹. Ответы румынских дипломатов были иногда отрицательными, иногда уклончивыми. Сторонникам политики «умиротворения», однако, требовалось категоричное заявление Румынии о том, что проход советских войск через ее территорию исключается и что подобная попытка встретит вооруженное сопротивление. Заявление такого рода значительно облегчило бы положение защитников курса «умиротворения», позволило бы им оправдать свой отказ от сотрудничества с СССР ссылаясь на то, что хотя Советский Союз и намеревается помочь Чехословакии, но реализовать это стремление невозможно, поскольку ни Польша, ни Румыния не разрешат проход Красной Армии в Чехословакию через свою территорию.

Однако в действительности все было гораздо проще. Народный комиссар СССР по иностранным делам М. М. Литвинов рекомендовал, чтобы Лига наций своевременно приняла постановление, осуждающее Германию как агрессора. Если бы сформировалась коалиция основных великих держав, направленных против Германии, то не было бы никаких сомнений в позиции Румынии и, вероятно, Польши.

Особую главу в этом нагромождении фальшивых аргументов, уверток, изысканных отговорок составляют попытки Ж. Боннэ фальсифицировать содержание своих бесед с М. М. Литвиновым, прежде всего во время встреч в Женеве в мае 1938 г. Также обстоит дело с беседами французского дипломата Ж. Пайяра в сентябре 1938 г. в Москве. Несмотря на то что советские представители ясно заявили: Советский Союз выполнит свои обязательства, Ж. Боннэ и Э. Даладьё сделали из этого противоположный вывод о том, что СССР якобы хочет уклониться от выполнения своих обязательств*. Это типичный пример так называемого wishful thinking — Wunschgedanken**. Попросту говоря, Ж. Боннэ приписывал

* См.: Документы внешней политики СССР, т. XXI. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. 3. М., 1978. — *Прим. ред.*

** Wishful thinking (англ.), Wunschgedanken (нем.) — стремление видеть все таким, как хочется, а не таким, как оно есть в действительности. — *Прим. ред.*

советским дипломатам то, что ему хотелось. Хотя Ж. Боннэ и задавал М. М. Литвинову крайне изощренные вопросы, добиться желаемого ему не удалось. Тогда он просто-напросто сфальсифицировал содержание беседы, придав ей смысл, отвечавший политике «умиротворения». У. Черчилль вспоминал впоследствии, что на советские предложения оказать военную помощь Чехословакии правительства Англии и Франции не давали никакого ответа. Советских дипломатов умышленно игнорировали, рассчитывая спровоцировать СССР на такой шаг или жест, какой был необходим защитникам политики «умиротворения» для того, чтобы нейтрализовать в Англии и во Франции сторонников коллективной безопасности. Если бы состоялись совместные совещания генеральных штабов Франции, Чехословакии и Советского Союза, на чем настаивало командование Красной Армии, рассеялись бы и наветы Ж. Боннэ, что помощь Советского Союза невозможна, нереальна и т. п.

Все эти маневры сторонников политики «умиротворения» нашли отражение в дипломатических документах, в опубликованных дневниках, мемуарах, откуда перекопывали и в историческую литературу, в труды тех историков, которые хотели бы убедить, что Советский Союз также несет ответственность за мюнхенское соглашение. Защиту политики «умиротворения» они строят по такой схеме:

1) компромисс с Германией был необходим, так как СССР якобы давал хорошие заверения, но не сделал ничего для устранения препятствий, стоящих на пути оказания реальной помощи Чехословакии;

2) в результате соотношение сил в Европе было благоприятным для держав фашистского блока;

3) временный мир, достигнутый любой ценой, давал якобы Англии и Франции достаточный срок для подготовки к возможной в будущем войне и для изменения соотношения сил²².

Эта аргументация, принятая значительной частью буржуазной историографии, построена на песке. Реальные мероприятия по усилению боеготовности Вооруженных Сил СССР в сентябре 1938 г. ясно показывают, насколько стремление Советского Союза к укреплению коллективной безопасности было серьезным и искренним. Сторонники «умиротворения» в конце концов смогли осуществить свои планы, умышленно обострив кризис и поставив мир на грань войны. В моменты наибольшего напряжения легче, чем в нормальной обстановке, влиять на общественное мнение и использовать его в своих интересах. В подобных ситуациях часто утрачивается здравый рассудок, и именно это позволило сторонникам мюнхенскогоговора представить свое решение единственной альтернативой войне. Их аргументация, в основу которой была положена ссылка на неблагоприятное соотношение сил, страдает явным отсутствием

всякой логики: ведь как раз сотрудничество Франции, Англии и СССР позволило бы создать мощную коалицию и Германия не осмелилась бы начать даже локальную войну против Чехословакии.

Спекуляции вокруг вопроса о подготовленности в военном отношении отдельных великих держав в 1938 г. в изобилии встречаются в исторической литературе о Мюнхене. Зачастую они составляют главную часть аргументации, призванной оправдать выдачу Чехословакии Гитлеру.

Весьма часто защитники мюнхенской политики повторяют, что Мюнхен был пусть трагической, но неотвратимой неизбежностью, ибо нужно было выиграть время для вооружения Англии. Другие авторы добавляют к этому, что решение Н. Чемберлена было правильным, так как оно исходило из реалистичной оценки объективных условий. Оно оказалось неудачным лишь потому, что Н. Чемберлен, дескать, ошибался в понимании намерений Гитлера²³. Англия в 1938 г. была готова к войне на море: мощь ее военного флота превышала мощь флотов Франции, Германии и Италии, вместе взятых. Однако, продолжают защитники политики «умпротворения», чешское побережье существует только в пьесах У. Шекспира, и английское превосходство на море не имело непосредственного значения для обороны Чехословакии. Английская авиация на Британских островах состояла, по немецким источникам, из 350 самолетов первой линии, по французским — из 800 бомбардировщиков и 550 истребителей первой линии²⁴. Сторонники политики «умиротворения» утверждали, что нельзя было рисковать начинать войну с Германией потому, что ее авиация была настолько сильна, что могла стереть с лица земли и Париж, и Лондон. Угроза стратегическими бомбардировками была использована для того, чтобы утратить британское и французское общественное мнение и заставить принять позорный мир из рук Н. Чемберлена. Несомненно, сказались психологические последствия варварской бомбардировки Герники и фальшивые прогнозы американского полковника Ч. Линдберга. Разрекламированный как компетентный знаток авиации, после дружеского визита в Берлин он умышленно преувеличивал силу немецкого воздушного флота. В действительности Германия в то время не была готова осуществить стратегические бомбардировки, значение которых сильно преувеличивала тогдашняя военная теория. Германия прибегала к угрозам массированных бомбардировок как к средству политического нажима, примером чего служит заявление Г. Геринга, сделанное в ночь на 15 марта 1939 г., когда он угрожал, что немецкая авиация сровняет Прагу с землей в случае сопротивления оккупации.

Ссылка сторонников Мюнхена на то, что в 1938 г. у них не было достаточно сил, чтобы рискнуть начать войну с Герма-

пней, вызывает естественный вопрос: почему в таком случае Франция и Англия отказывались сотрудничать с СССР, коль скоро коалиция этих трех держав заранее обрекала на провал любую авантюру Гитлера. Захват Чехословакии лишь усилил Германию, получившую вооружение 35 чехословацких дивизий и сильную военную промышленность, которая во время второй мировой войны работала на немецкую армию. В результате Мюнхена Англия и Франция получили время для перевооружения, но еще большие преимущества получил Гитлер. Немецкая промышленность уже большей частью была переведена на военные рельсы, тогда как французские конструкторы вели бесконечные дискуссии о видах нового оружия. Пожалуй, лишь английская авиационная промышленность сравнялась по темпам развертывания производства с авиапромышленностью Германии. Однако нельзя забывать о том, что вся чехословацкая авиация была включена в состав германских вооруженных сил. Осенью 1939 г. обе западные державы оказались по сравнению с Германией в гораздо более трудном положении, чем за год до того. Без капитуляции в Мюнхене Гитлеру не удалось бы захватить в 1940 г. Францию, Бельгию и Голландию. В сентябре 1938 г. еще существовала возможность создать совместную с СССР коалицию. После Мюнхена, ставшего триумфом антикоммунистической и антисоветской политики Чемберленов и дададе, подобная возможность была сведена к минимуму.

Франция считалась главной союзницей довоенной Чехословакии. После проведения всеобщей мобилизации французская армия могла выставить против Германии 100 дивизий. Немцы в 1939 г. имели для обороны линии Зигфрида 12 дивизий, из них только пять предназначались для активных действий; военно-воздушные силы на этом участке были незначительными. Слабое прикрытие западной границы показывало, что Германия была еще не в состоянии вести войну на два фронта. Разведывательные службы Франции и Англии знали об этом, знали они и о разногласиях в немецком командовании. Франция совместно с Чехословакией была способна противопоставить Германии превосходящие силы. Несомненно, это превосходство дало бы надлежащий эффект только при условии, что французская армия без промедления начнет наступательные действия против Германии, которая не смогла бы в этом случае сосредоточить главные свои силы против Чехословакии. Однако французская военная доктрина предпочтение отдавала обороне. Надежды возлагались на линию Мажино. Франция имела мало кадровых дивизий. В сентябре 1938 г. было призвано 700 тыс. резервистов и личный состав французской армии возрос до 1,2 млн. человек, но в составе армии было только 2 легких механизированных дивизии, 3 частично механизированных кавалерийских дивизии, 7 моторизованных

стрелковых дивизий и 21 танковый батальон²⁵, но не было ни одной танковой дивизии. По сведениям генерала Вюллемина, в 1938 г. Франция имела 700 боевых самолетов, Англия в случае войны должна была послать на французский фронт 240 самолетов. Линия Мажино была построена как взаимосвязанная система укреплений. В случае войны французская армия должна была занять эти укрепления и пассивно выжидать начала немецкого наступления. Оборонительная концепция фактически обесценивала значение союза Франции с Восточной Европой. Как показала действительность, Франция оставила своих восточных союзников на произвол судьбы, позволила Германии ликвидировать их одного за другим, не сосредоточивая при этом больших сил на французской границе. Французская военная доктрина предполагала жесткую оборону и не планировала больших наступательных операций. Отсюда и пренебрежение необходимой модернизацией армии. Отсутствие танковых дивизий исключало такие наступательные операции, как прорыв фронта и последующий маневр в глубину неприятельской обороны. Сама линия Мажино отличалась малой глубиной. Большей частью укрепления имели орудия малого и среднего калибра, не были подготовлены позиции для полевой артиллерии. Крепостная артиллерия имела ограниченное поле обстрела и была не в состоянии противостоять обходным маневрам противника. Линия укреплений была слабо защищена от налетов авиации. Под влиянием французской военной доктрины формировалась в основном и чехословацкая военная концепция.

Совершенно иные принципы были положены в основу советской военной доктрины. Она предполагала ведение современной маневренной войны, прорыв обороны противника, глубокие операции в его тылу с применением танков, кавалерии, авиации и воздушно-десантных войск. Меньше внимания уделялось обороне, но и она должна была носить маневренный характер. Практической иллюстрацией этой концепции были советские маневры 1936 и 1937 гг. Считают, что в 1938 г. Красная Армия имела около 10 тыс. танков, то есть в два раза больше, чем Германия, Италия, Франция, Англия и Чехословакия, вместе взятые²⁶. В 1937 г. в Красной Армии было 93 кадровые стрелковые дивизии. Правда, временно от самостоятельных танковых дивизий отказались; вместо них были созданы смешанные механизированные корпуса. Только в 1940 г. советское командование вернулось к идее танковых войск. Советские дивизии состояли из трех, чехословацкие — из четырех полков.

Предполагалось, что Чехословакию защитят прежде всего мощные укрепления. К сентябрю 1938 г., по немецким сведениям, построено было 267 дотов и 8040 дзотов²⁷. Доты находились в основном в Силезии. На южноморавской границе строительство укреплений было еще не закончено. Но незавер-

шенность строительства нельзя преувеличивать. Скорее всего, укрепления там имели те же недостатки, что и линия Мажино. По оценке немецкого командования, в системе чехословацких укреплений были слабые места, которые облегчали прорыв. В записке, составленной немецкими специалистами, указывалось, что при имеющихся недостатках только способный военачальник, располагающий современной армией с боевым духом, смог бы успешно защищать эти укрепления²⁸. Однако на Нюрнбергском процессе немецкие генералы, в особенности В. Кейтель и Э. Манштейн, признавали, что в 1938 г. у немецкой армии не было средств, с помощью которых она смогла бы преодолеть чешские укрепления²⁹.

Вооружение чехословацкой армии для своего времени было сравнительно современным, хотя далеко не соответствовало возможностям чехословацкой промышленности. Интересы капиталистических предпринимателей, торговцев оружием зачастую вступали в противоречие с интересами обороны республики. Количество танков и бронемашин в чехословацкой армии было в три раза меньше, чем в германской. В авиации Германия также имела преимущество в три-четыре раза. В своих мемуарах Г. Гудериан писал, что чешские танки оказались хорошими и оправдали себя во время польской и французской компаний. В 1938 г. в чехословацкой армии было четыре мобильных дивизии, в состав которых входили танковые и кавалерийские бригады, моторизованная пехота и артиллерия. В период мобилизации эти четыре мобильных дивизии составляли резерв главнокомандующего и были сосредоточены в Средней Моравии. 14 дивизий было моторизовано полностью, 13 стрелковых дивизий — частично. Каковы же были перспективы Чехословакии в случае войны с Германией? Возможности обороны чехословацкой армии в исторической литературе оцениваются по-разному. Видимо, немецкое командование намеревалось прорвать чехословацкую линию укреплений одновременно на северной и южной границах Моравии, окружить в Чехии армию и принудить ее к капитуляции. Чехословацкое же командование предполагало постепенно отводить армию в Словакию и держать оборону на хребтах Малых и Белых Карпат, а при необходимости — отступать еще дальше на восток. Чехословацкая армия вряд ли могла своими силами остановить немецкий напор. В случае войны судьба Чехословакии зависела бы от быстроты и эффективности помощи союзников.

Немецкая армия была готова к войне с изолированной Чехословакией, но никоим образом не с коалицией великих держав. Немецкие генералы хорошо сознавали это и вместе с некоторыми дипломатами предостерегали Гитлера от развязывания войны, в которой Германия потерпела бы поражение. Немецкое вооружение имело некоторые преимущества, и это обстоятель-

ство полностью использовала гитлеровская пропаганда. Прежде всего это относилось к немецкой авиации; утверждалось, что она способна уничтожить все европейские столицы. На самом деле немецкая авиация была готова лишь к взаимодействию с наземными войсками, а не к стратегическим бомбардировкам глубокого тыла³⁰. Угрозы Гитлера применить массированные бомбардировки намеренно раздувала американская дипломатия. Послы У. Буллит и Дж. Кеннеди пригласили в Европу уже упоминавшегося полковника Ч. Линдберга для того, чтобы он повторил в Париже и Лондоне ужасные рассказы о силе немецкой авиации. Намеренно вызываемая таким образом волна страха помогала политике «умиротворения».

Если бы немецкие авиационные соединения были бы полностью укомплектованы к сентябрю 1938 г., то Германия должна была бы располагать тогда 3320 самолетами, то есть лишь немногим меньше, чем их стало в 1939 г.³¹ В исторической литературе часто ставится вопрос: хвастал ли Гитлер или он действительно был готов спровоцировать войну? Вопрос совершенно неуместен, ибо немецкая армия была уже полностью отмобилизована и подготовлена к вторжению в Чехословакию. Нюрнбергский трибунал получил достаточно доказательств того, что война против Чехословакии была запланирована, практически подготовлена и даже определена точная дата начала атаки на чехословацкие позиции. Британские политики покрыли себя несмываемым позором, настояв в критические сентябрьские дни, чтобы французское правительство предоставило Чехословакию собственной судьбе в случае нападения Гитлера. Согласно выработанным планам, французская армия должна была отсиживаться в укреплениях линии Мажино до тех пор, пока Гитлер не покопчит с Чехословакией. После этого могли начаться переговоры о мире, который закрепил бы плоды победы Германии. К этому плану следует отнести с должным вниманием, помня, что именно так повела себя французская армия во время войны Германии против Польши в 1939 г. С какой бы точки зрения мы ни рассматривали варианты возможного развития ситуации в 1938 г., вывод будет одним и тем же. Если бы дело дошло до войны, Чехословакия могла бы рассчитывать прежде всего на помощь Красной Армии. Это была единственная надежда. Пока в Париже и Лондоне у власти находились сторонники Мюнхена, Чехословакия ничего хорошего от них не могла ожидать. Можно только гадать, какова была бы политика тех правительств, которые могли прийти на смену чемберленам и даладье.

Шаткое положение правительства Чемберлена было хорошо известно в Германии. Поэтому гитлеровцы намечали закончить войну с Чехословакией через несколько дней, чтобы западная общественность не успела оправиться от шока и заставить

свои правительства встать на защиту Чехословакии. Расчет на молниеносную войну был главным в немецкой военной доктрине уже в 1938 г. Танковые и моторизованные дивизии при поддержке авиации должны были нанести мощный удар, который привел бы к прорыву фронта. За этим последовал бы быстрый маневр, направленный на уничтожение армии противника. Чехословацкое командование со своей концепцией жесткой обороны вряд ли смогло бы противостоять такому напору немцев. Но одно проигранное сражение еще не означает проигрыша всей войны. В любом случае европейская война, начатая в 1938 г., не была бы такой долгой и кровопролитной, какой она стала в 1939—1945 гг. Мюнхен и мюнхенская политика позволили Гитлеру постепенно увеличить свой военный потенциал и создать в Центральной Европе базу для дальнейших военных авантюр.

В исторических работах и воспоминаниях о 1938 г. часто встречается понятие «немецкая оппозиция». Нет сомнений, что в нацистской Германии существовала оппозиция, состоявшая из коммунистов, социалистов и других антифашистов. Эта оппозиция могла бы стать политической силой, которая, несомненно, оказала бы воздействие в случае гитлеровского нападения на Чехословакию. От нее исходили предостережения немецкому народу перед военным авантюризмом Гитлера. Мюнхенское соглашение было ударом по этой оппозиции и, безусловно, укрепило фашизм в Германии. Гитлер получил возможность внушать немецкому народу, что способен добиваться внешнеполитических побед без войн, путем «мирных переговоров».

Однако буржуазная литература имеет в виду не ту оппозицию, а оппозицию некоторых генералов и дипломатов. Обычно называют такие имена, как Л. Бек, Э. Виглебен, К. Герделер, Э. Вейцзекер и др. Эти критики Гитлера отнюдь не были против установления немецкого господства в Восточной Европе или захвата всей Европы. Они возражали лишь против методов Гитлера. Цели же этой генеральской оппозиции были практически равнозначны целям Гитлера. Оппозиция порицала Гитлера за насильственные методы утверждения нацистского господства в Европе, однако остается непонятным, какими средствами она сама хотела добиться того же. К тому же можно ли было вообще изменить карту Европы, сложившуюся в 1919 г., иными методами, кроме насилия?

В 1938 г. представители этой генеральской и дипломатической оппозиции старались установить контакты в Лондоне. Генералы опасались, что Гитлер в конце концов вызовет европейскую войну, в которой Германия потерпит поражение. Поэтому-то представители оппозиции и призывали британское правительство проявить твердость и решительность, ибо иначе

нельзя остановить Гитлера. Однако в Лондоне игнорировали их послания. Генералы не скрывали своих сомнений в возможности локализовать будущую войну. Но Гитлер и Риббентроп заверяли их, что есть, по существу, договоренность с Западом, предоставляющая Германии свободу действий на Востоке. К. Герделер в конце концов прямо спросил, не поддерживают ли Н. Чемберлен и его сторонники Гитлера только ради того, чтобы с помощью нацизма защитить капиталистическую систему в Европе от большевизма³². Подобные вопросы задавали не только в Германии. Лейбористский депутат Г. Моррисон в феврале 1938 г., выступая в парламенте, обвинил правительство Чемберлена в том, что оно не думает, как можно остановить нацистскую агрессию, а лишь тревожится о том, что будет после Гитлера и Муссолини. Г. Моррисон так сформулировал суть политики правительства Чемберлена: хотя мы и не любим Гитлера, его фашистское правительство нам ближе, чем любое правительство, которое потребовало бы свободы и экономического освобождения для народа³³. Падение гитлеровского режима независимо от того, был бы он заменен консервативным правительством или военной диктатурой, было нежелательно для Н. Чемберлена, потому что во всем ему виделась угроза большевизма. Антисоветизм — вот что было главным мотивом поездки Н. Чемберлена в Германию. Принеся в жертву Чехословакию, он хотел отодвинуть возможный военный конфликт на более позднее время и сохранить Гитлера для выполнения предназначенной ему антикоммунистической миссии в Европе³⁴. Гитлер, однако, своими военными угрозами и годесбергским ультиматумом поставил себя в безвыходное положение. Выбраться из этого тупика сам он не мог, что обрекало его на политическое поражение. Ничего подобного Н. Чемберлен не мог допустить. Мюнхенское соглашение позволило Гитлеру выйти из тупика. Фашистская система в Германии была сохранена, а Чехословакия принесена в жертву.

II. МЮНХЕН 1938 Г. В ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История Мюнхена 1938 г. и временного уничтожения чехословацкого государства не могла стать лишь предметом академического изучения, просто темой далекого прошлого. Миллионы людей, которым не были безразличны своя национальная свобода и государственная независимость, болезненно переживали любое упоминание об этом. Однако личный опыт и индивидуальное восприятие исторического события не обязательно адекватны научному познанию. Неудивительно поэтому, что истинная картина сентябрьского кризиса не всегда соответствовала представлению, сложившемуся в определенных слоях общества. Мюнхен был результатом столкновения антагонистических классов. Представители разных классов и политических сил оценивали и комментировали мюнхенский кризис с разных позиций. Понятно, что в классово дифференцированном чехословацком обществе 1938 г. не могло быть одинаковой оценки действий правительства и государственных деятелей.

Основы чехословацкой марксистской историографии заложили такие представители коммунистической интеллигенции, как С. К. Нейман, Я. Шверма, Ю. Фучик, К. Конрад, В. Прохазка, З. Неедлы. Однако значительная часть передовых представителей этого поколения погибла в годы нацистской оккупации. После войны новое поколение продолжило работу по дальнейшему развитию марксистской историографии. Появились книги молодых историков. Однако в них сказывалось отсутствие политического опыта, плохое знание источников, литературы, существа вопроса. Недостаточно же глубокое научное решение проблемы, как свидетельствует опыт, открывает дорогу немарксистским взглядам. По мере нарастания кризисных явлений в шестидесятых годах, сопровождавшихся неизбежно и кризисом идейных ценностей, прежняя историческая литература стала подвергаться огульному осуждению, а научное освещение исторического процесса подменялось, как правило, концепциями, не имевшими ничего общего ни с марксизмом, ни с правдой. Так обстояло дело и с Мюнхеном, точнее говоря, с оценкой деятельности правительства и руководителей буржуазной Чехословацкой республики. Капитуляция в таких работах перестала быть капитуляцией, а ответственность за гибель республики возлагали на тех, кто выступал в ее защиту; предательство западных держав вдруг перестало выглядеть

предательством, но зато начали высказывать многозначительные сомнения в позиции Советского Союза. Измена была объявлена устаревшим понятием — атрибутом легенд, а не исторической науки. Кому потребовалось вносить такую путаницу в известные истины? Не шла ли речь о том, чтобы снять вину с прежнего правящего класса за мюнхенскую катастрофу? Разве это не избитый прием той части буржуазной литературы, которая на протяжении многих лет пытается обелить политику «умиротворения» и всю ответственность за Мюнхен и вторую мировую войну переложить на Советский Союз?

До тех пор пока некоторые чехословацкие историки и публицисты ограничивались лишь попытками поставить под сомнение прежние достижения науки и идейные ценности, их деятельность не оказывала столь глубокого влияния на общественное сознание. Более серьезные возражения вызывают попытки подменить марксистское изложение истории предвоенного периода антинаучными построениями, классово чуждыми социализму.

Что касается истории мюнхенской капитуляции, то такую роль выполняло издание мемуаров бывшего президента Чехословацкой республики Э. Бенеша. Это воспоминания буржуазного политика, представителя того класса, на котором лежит вина за гибель республики. Им руководило желание избавить буржуазию от исторической ответственности. Казалось, это не было такой уж трудной задачей. Изрядную долю вины можно было свалить на Германию, Англию, Францию, Польшу, Венгрию, на Генлейна, Тиссо, аграриев и т. д. Тем более что все они действительно отвечают за случившееся в сентябре 1938 г. Но это вовсе не избавляет от ответственности за гибель государства и президента, и чехословацкое правительство, и коалиционные партии. Аграрий Л. Фейерабенд встречался с Э. Бенешем во время войны, и они в своих беседах нередко возвращались к вопросу о Мюнхене. «Его душу,— отмечал Л. Фейерабенд,— всегда отравляло сомнение: должны или не должны мы были воевать в 1938 г. Хотя об этом прямо он и не говорил, но по намекам можно было безошибочно угадать, что Э. Бенеша этот вопрос неустанно гложет»¹. Больше всего его беспокоило, разделят ли в Чехословакии его точку зрения в правильности отказа от военного сопротивления. В другом месте Л. Фейерабенд приводит выдержку из дневника сотрудника Э. Бенеша Я. Опоченского: «Заметно, что президент взволнован, что мюнхенские события постоянно вызывают у него боль; он постоянно анализирует, правильно ли он действовал, и тяжело переживает, что ему суждено храпеть о Мюнхене молчание»². Развитие военных событий вновь и вновь напоминало о Мюнхене. В первоначальных военных успехах Гитлера Э. Бенеш искал дополнительные подтверждения

того, что в сентябре 1938 г. он поступил правильно, решившись на капитуляцию. При этом Э. Бенеш хорошо понимал, что мюнхенская капитуляция подорвала в массах политический авторитет чешской буржуазии. В течение всего сентябрьского кризиса Э. Бенеш без колебаний повторял аргументы «умиротворителей»: отказ от капитуляции приведет к войне и, следовательно, к уничтожению нации; если бы подобная война даже и завершилась поражением Германии, вряд ли удалось бы воссоздать Чехословакию в прежних границах; мюнхенское соглашение сократило территорию Чехословакии, но и это имеет свои выгоды, и притом немалые, поскольку страна избавится тем самым от национальных меньшинств; нельзя недооценивать к тому же и обещание британских гарантий. Все это та же аргументация, к которой прибегала тогда газета «Таймс», чтобы побудить британскую общественность поддержать политику Н. Чемберлена. И то же самое повторял Э. Бенеш на заседаниях правительства и при встречах с депутатами коалиционных партий, когда добивался согласия на капитуляцию.

Э. Бенеш был одним из немногих буржуазных политиков, взявших на себя еще во время войны задачу создать такую идейную интерпретацию Мюнхена, которая реабилитировала бы чешскую буржуазию и оправдала ее предательство республики. В одном из писем 1942 г. своим друзьям он писал: «...наш народ будет искать объяснение всему, что произошло; мы, деятели культуры, должны своевременно подготовить объяснение этому... а главное — выработать общее идейное обоснование того, что произошло и еще произойдет и почему мы реагировали на все именно таким образом». Далее он ставит вопрос, должна или не должна была воевать Чехословакия в 1938 г., и отвечает: «Предоставленные самим себе и окруженные только врагами, мы были бы безумцами и оказались бы виновными перед собой и всей Европой, если бы по собственной воле попытались вызвать войну, для ведения которой мир еще ни морально, ни технически не был готов. Германия уничтожила бы нас и напала на Россию с молчаливого согласия всей Европы». Почему-то Э. Бенеш забывает, что в 1941 г. Гитлер набросился на Россию не только при молчаливом согласии всей континентальной Европы, но и активно используя все ее людские и материальные ресурсы. Итоговая оценка Мюнхена в идеологической схеме Э. Бенеша определена словами: «Это великая драма, из которой мы выйдем очищенными. Наша нация всегда может видеть в наших действиях большую моральную силу. Единственные из всех народов, чехи во время этого ужасного кризиса ничем себя не запятнали во внешней политике, никого не обидели, никого не покинули, никому не причинили ущерба собственными ошибками... Такова моя

линия, продумайте данный вопрос, если вы с ней согласны, помогите мне разработать эту систему идей так, чтобы после войны она стала всеобщим достоянием»³. Анализ мюнхенских событий показывает, что эта концепция Э. Бенеша не выдерживает критики. Никто не отрицает ответственности западных правительств за мюнхенский договор, но одним этим весь вопрос далеко не исчерпывается. Э. Бенеш и его правительство играли очень важную роль в сентябрьском кризисе. Действия Э. Бенеша, его решение капитулировать снискали одобрение и даже особую признательность Э. Галифакса и Ж. Бонна, но в то же время с политикой Э. Бенеша не согласились такие его друзья, как Ж. Поль-Бонкур, Ж. Мандель, У. Черчилль и другие. Что касается марксистской историографии, то должна ли она сегодня защищать поведение президента и его правительства?

Примечательно, например, что Э. Бенеш в своих мемуарах уже не повторяет тех аргументов, к которым он прибегал в сентябре 1938 г., чтобы добиться согласия министров на капитуляцию. Нередко он противоречит сам себе. Так, первоначально он утверждал, что М. Годжа в сентябре 1938 г. не совершил ничего, что можно было бы назвать нечестным. А во время московских переговоров 1943 г. он уже открыто назвал М. Годжу предателем, который просил Париж предъявить Праге ультиматум⁴. В своих мемуарах Э. Бенеш высоко оценивал боеготовность чехословацкой армии в сентябре 1938 г., в Москве же он говорил о том, что армия была якобы разложена и генералы, занимавшие командные посты, — «необразованны и неспособны, как капралы, еще не созревшие для великой роли»⁵. Во втором томе мемуаров* он еще повторит тезис о том, что пожертвование Чехословакии в сентябре 1938 г. дало Англии время подготовиться к войне; в первом же томе, опубликованном в Чехословакии лишь в 1968 г.** , этот крайне сомнительный аргумент уже исчезает.

В основе бенешевской концепции Мюнхена лежит утверждение, что неблагоприятные для Чехословакии обстоятельства были обусловлены прежде всего позицией западных держав. Но разве задача руководителей чехословацкой внешней политики состояла в пассивной регистрации этих неблагоприятных обстоятельств? Разве в их обязанности не входило изменить их? Критерием всякой политики являются объективные результаты. Результаты Мюнхена поэтому служат критерием деятельности всех его участников. Если признать, что Э. Бенеш, решившись на капитуляцию, был прав, считая, что в противном случае нация обречена на заведомо проигранную войну и напрасные

* Beneš E. Paměti. Praha, 1947.

** Beneš E. Mnichovské dny. Praha, 1968. — *Прим. ред.*

жертвы, то как же тогда оценивать политику КППЧ, Клемента Готвальда, поднимавших народ на оборону республики под лозунгом «Нас не выдадут, если мы сами не сдадимся».

Для оправдания своего поведения Э. Бенеш выдвинул более чем сомнительный аргумент: идя на капитуляцию, он якобы был убежден, что будущее исправит все несправедливости, причиненные Чехословакии в Мюнхене. Однако такие расчеты в сентябре 1938 г. были не менее рискованными, чем решимость дать отпор фашистской агрессии. Ведь пражские тенденции в политике сохранялись целый ряд лет, а британские деятели, собственно говоря, до конца войны придерживались позиций, что мюнхенские решения правомочны и чехословацкие границы можно будет определить только на будущей мирной конференции. Все действия Э. Бенеша в сентябре 1938 г. — это пассивное приспособленчество к политике западных держав. В них нет и тени предвидения.

В некоторых своих выступлениях Э. Бенеш свое решение капитулировать изображает «меньшим злом», утверждая, что в годы войны его правильность якобы полностью подтвердилась. Здесь уже проступает прямая связь между Мюнхеном и так называемой «гаховщиной», которая никогда не делала чести чешскому народу. Пассивность и примиренчество с немецкой оккупацией в то время, когда народы Европы приносили кровавые жертвы в борьбе с фашизмом, решительно нельзя защищать по принципиальным соображениям. Сам Э. Бенеш не осмелился пойти настолько далеко, чтобы защищать Мюнхен ссылаясь на относительно терпимое положение в так называемом протекторате. Однако его личный секретарь и племянник Б. Бенеш написал воспоминания, в которых содержатся следующие слова, воспроизводящие, несомненно, взгляды Э. Бенеша: «В отличие от других я не считаю Мюнхен таким катастрофическим событием для чехословацкого народа. Оставляя в стороне принципиальные вопросы... я не могу избавиться от чувства, что без Мюнхена нам могло бы быть значительно хуже... История признает правильным решение принять в 1938 г. мюнхенское соглашение и отвергнуть борьбу. В положении, когда и перед нами, и за нашей спиной стоял противник и у нас был всего лишь один-единственный союзник, нужно было избрать меньшее зло, сделать выбор, облегчающий прыжок через страшную пропасть аморальности в международной политике... Наша судьба была бы намного хуже судьбы Польши, если бы в 1938 г. мы не уступили силе»⁶. Нет сомнений в том, что это образчик жизненной философии лавочников, которым безразличны мировые катаклизмы, когда народы, не страшась жертв, ведут борьбу с империализмом за свое освобождение. Рабочий класс и в особенности его сознательный авангард видят свои задачи совершенно по-иному. И нет сом-

нейший в том, что историк-марксист должен воспроизводить историю Мюнхена именно с точки зрения рабочего класса.

Судьба Чехословакии, разумеется, решалась не 30 сентября 1938 г. Мюнхен был результатом многих политических факторов, среди которых свою роль сыграла и внешняя политика Чехословакии. Некоторые чехословацкие историки еще недавно пропагандировали тезис о том, что критерием ценностей домюнхенской республики нельзя считать ее гибель. Подобный тезис не может быть принят. Правящий класс довоенной республики не решил ни одной из основных проблем государства: ни национальной, ни социальной, ни экономической, ни внешнеполитической. Некоторые историки характеризовали внешнюю политику Э. Бенеша как «стабильную, принципиальную и основывающуюся на собственной концепции». Однако они забыли добавить, что это были принципы и концепции чисто классовые, буржуазные. Они указывают, что в первой половине тридцатых годов Э. Бенеш присоединился к политике коллективной безопасности, которая, как известно, свою кульминацию пережила именно в тот период, когда были подписаны пакты между Францией, ЧСР и СССР. Однако надо помнить и о том, что позже Франция все более подчиняла свою политику Англии, то есть политике «умиротворения», а Э. Бенеш в свою очередь двигался в обозе этой опасной политики. Разве не он присоединился к бойкоту Советского Союза, как это сделали Париж и Лондон? Разве не он повторял, что Европе в случае войны грозит большевистская опасность? Разве не он вел по поручению Лондона тайные переговоры с Гитлером, обещая разорвать договор с СССР? Разве он хоть раз в 1938 г. обсуждал свои решения с правительством СССР? Разве не попытался он уже в сентябре 1938 г. и позже — в своих мемуарах — возложить политическую ответственность за свою капитуляцию на Советский Союз? Разве он последовал совету М. М. Литвинова обратиться с чехословацкой жалобой в Лигу наций в Женеве? Разве он выступил в Париже и Лондоне в 1938 г. против авантюристической политики, исключавшей участие Советского Союза в решении европейских дел? Разве он своими действиями не поддерживал политику Даладье, Бонна, Чемберлена и Галифакса, которые противились участию Красной Армии в войне против Германии, боясь опасности большевистской революции в Европе? Напротив, сам Э. Бенеш повторял все клеветнические наветы сторонников политики «умиротворения». Как же возможно после всего этого называть чехословацкую политику составной частью политики коллективной безопасности? По меньшей мере наивно защищать одностороннюю ориентацию Э. Бенеша на западные державы, ссылаясь на то, что Советский Союз в то время находился-де в изоляции. Совершенно не соответству-

ст действительности утверждение о том, что ориентация Э. Бенеша на западные державы была якобы ориентацией на оппозиционные силы, противостоящие Ж. Бонне и Э. Галифаксу. Ведь в решающие моменты Э. Бенеш подчинялся указаниям Ж. Бонне и Э. Галифакса, а не руководствовался советами Ж. Мандела, У. Черчилля, А. Идена. И не секрет, что как раз за это он подвергался критике со стороны своих политических друзей.

Как говорилось выше, попытки оправдать капитуляцию чехословацкого правительства обосновываются прежде всего ссылками на неблагоприятные объективные обстоятельства. К такой аргументации прибегли уже в критические сентябрьские дни, когда правительство взвешивало, принять или отвергнуть известные англо-французские «предложения». Уже тогда было решено, что правительство будет оправдываться перед возмущенной общественностью ссылками на ответственность Франции и Англии. Но подобная аргументация неизбежно вызывает вопрос: было ли в Чехословакии в то время правительство, осознающее собственную ответственность за сохранение государства?

Некоторые историки пытались доказывать, что капитуляция Э. Бенеша в Мюнхене была «практической ревизией и отходом от национально-политической идеологии Т. Г. Масарика, предательством лучших идеалов чешской буржуазии, двойным предательством чешской национальной идеи»⁷. Подобные утверждения псходят из непонимания исторического опыта, свидетельствующего, что каждая буржуазия формирует свою идеологию как общенациональную в то время, когда она готовится взять власть. Но узкоклассовая сущность этой идеологии сразу же проявляется, как только буржуазия оказывается у власти и укрепляет свои позиции. Чешская буржуазия, возглавившая национальную революцию в 1918 г., в течение двух десятилетий смогла выдавать себя за облеченного законом вождя всего народа. Однако в ситуации, создавшейся в 1938 г., она оказалась неспособной скрыть факт, что ее политика преследует лишь узкоклассовые интересы. Результаты ее капитуляции были однозначными: исчезновение иллюзий, политическое пробуждение масс, которые начали понимать, что необходимо искать новую силу, способную возглавить нацию.

Э. Бенеш, сам профессиональный дипломат, исходил из убеждения, что обеспечение безопасности республики в первую очередь является задачей чехословацкого министра иностранных дел, а военное ведомство играет лишь второстепенную роль. Он полагался на договоры, а не на реальную силу антифашистски настроенных масс. Руководители КПЧ уже в 1938 г. ставили Э. Бенешу в вину перешительность и бездеятельность. На протяжении всего сентябрьского кризиса Э. Бенеш придержи-

живался мнения, что все зависит от позиции Запада. В своем правительстве он всегда подчеркивал, насколько якобы правильно, что Чехословакия делает ставку на Запад. Но у этой политики была своя оборотная сторона: Э. Бенеш тем самым предоставлял Н. Чемберлену свободу действий для беспренятственного завершения сделки с Гитлером. В противовес этому КПЧ всегда настаивала, что судьба республики прежде всего в руках народа Чехословакии, что, если страна не капитулирует, мировая демократическая общественность поддержит ее. Однако в критические моменты Э. Бенеш и его коалиционное правительство отходили от этого требования действовать решительно. Э. Бенеш не предпринял ничего, что могло бы помешать успеху политики Ж. Бонна, Э. Галпфакса и им подобных, затруднить или хотя бы затормозить ее осуществление.

Некоторые историки пытались показать дифференциацию в лагере чешской буржуазии. Против более детального анализа политической структуры этого лагеря, разумеется, нет никаких возражений, если, конечно, историк не делает это только для того, чтобы возложить всю ответственность за Мюнхен на такие одиозные фигуры, как Р. Беран и Я. Прейсс. Если историк начнет исходить только из противопоставления друг другу позиций Э. Бенеша и Р. Берана, то политика реакционной части буржуазии станет для него критерием оценки ее либерального крыла. Результат подобного подхода совершенно очевиден: он открывает путь для политической реабилитации либеральной буржуазии.

Несомненно, если историк не игнорирует объективную реальность, то он не может закрывать глаза на существовавшую альтернативу выхода из сентябрьского кризиса. Ее смысл можно определить предельно кратко: или оборона республики, или капитуляция. И тут нельзя недооценивать значения правого крыла чешского буржуазного лагеря. Исторический опыт показывает, что угроза государству со стороны внешнего реакционного противника неизбежно ведет к политической деградации правых сил, которые, собственно говоря, являются его потенциальным союзником, и одновременно приводит к усилению роли левых сил, на плечи которых ложится тяжесть обороны находящейся в опасности страны. Такова историческая закономерность, и она в полной мере проявилась в Чехословакии в 1938 г. Наглядный пример тому — аграрная партия и ее сотрудничество с гитлеровским фашизмом. Как ни старались впоследствии аграрии, им так и не удалось обелить политику своей партии.

Некоторые чехословацкие историки пытались всю ответственность за Мюнхен возложить на английское и французское правительства и только небольшую часть вины отнести на счет внутренней реакции. Но подобная позиция не соответствует

исторической действительности. Э. Бенеш писал: «Хотя, согласно конституции, ответственность лежала не на мне, а на правительстве, правда состоит в том, что фактически наибольшее влияние имел я сам, и в решающие часы и минуты правительство без меня, без консультаций со мной и просто без моего решения ничего не предпринимало. Я же, наоборот, должен был в ряде случаев действовать без предварительного детального обсуждения, хотя в принципе я старался всегда заранее договориться и дополнительно сообщал обо всем правительству и всегда получал его согласие и одобрение. Война в 1938 г.? Да, я был готов к любым возможным вариантам... Во время критических моментов в мае и сентябре 1938 г. я должен был сдерживать наших военных и представителей из левых кругов, чтобы они не совершили необдуманных действий»⁸. После такого откровенного рассказа о положении вещей нет смысла вести дальнейшую дискуссию о том, кто несет ответственность за роковое решение капитулировать.

Пока в Чехословакии у власти было коалиционное правительство, представлявшее группировку политических сил во главе с чешской буржуазией, надежда спасти республику была крайне мала. Настроения масс могло бы выразить только правительство народного фронта, объединившее все антифашистские силы. Это привело бы к радикальному повороту во внутренней и внешней политике, даже если бы во главе подобного правительства не стоял коммунист. Намерение поставить во главе предполагавшегося «правительства обороны» республики Л. Рашина, деятеля откровенно правого толка, было в то время правильной тактикой, учитывающей соотношение сил в Европе. В Чехословакии нашлись историки, заявившие, что республику якобы не спасло бы и правительство народного фронта. Решающими, по их мнению, были не внутривластные обстоятельства, а исключительно внешнеполитические. Ведь пала Испания со своим правительством народного фронта — «Откуда известно, что Чехословакия с правительством народного фронта избежала бы подобной судьбы?»⁹ Несомненно, рецепта успешной обороны республики со стопроцентной гарантией победы не существовало. Однако народный фронт был единственной реальной альтернативой буржуазной капитулянтской политике. Высказывать сомнения в целесообразности создания правительства народного фронта может лишь тот историк, который не верит в силу народа и заранее убежден в том, что капитуляция Э. Бенеша была единственным возможным актом чехословацкой политики в 1938 г.

В одном из обзоров нашей исторической литературы был следующий призыв: «Историография, так же как и потомки, должна стараться понять и не торопиться судить. Мы в особенности много судим и осуждаем даже тогда, когда слиш-

ком мало знаем»¹⁰. Трудно понять, почему мы должны быть снисходительны к бывшему правящему классу, который так бесславно закончил свою деятельность и по заслугам ушел с исторической арены. С другой стороны, партийность исторической литературы, разумеется, не означает соглашательства с субъективистскими концепциями или же примиренчества по отношению к бездоказательным и, следовательно, ненаучным суждениям. Мюнхен, как самая большая трагедия и катастрофа в чехословацкой национальной истории, прямо требует, чтобы его изучали с наибольшей объективностью, с использованием всех доступных источников.

III. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЙ УЛЬТИМАТУМ (19 сентября)

19 сентября 1938 г. французский и английский посланники в Праге вручили президенту Бенешу ультиматум, содержащий требование уступить Германии все области, в которых немцы составляли более 50% населения. Это было одним из звеньев возрастающего нажима, который обе державы оказывали на Чехословакию уже длительное время.

После Мюнхена министерство иностранных дел Англии — Форин оффис издал обширный обзор документов, в которых излагались советы и рекомендации британского правительства Праге по вопросу уступок требованиям партии Генлейна.

Первое заявление британского правительства по судетонемецкому вопросу было сделано в апреле 1937 г. Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Вапситтарт сказал тогда чехословацкому посланнику Я. Масарику, что было бы крайне неразумным дать Германии предлог к вмешательству во внутренние дела Чехословакии, а подобным предложением могла послужить сохраняющаяся неудовлетворенность немецкого меньшинства. Я. Масарик сообщил об этом Э. Бенешу. Новый английский посланник Б. Ньютон, прибывший в Прагу в марте 1937 г., получил инструкцию неукошнительно проявлять интерес к проблеме немецкого меньшинства и использовать любую возможность для нажима на чехословацкое правительство, побуждая последнее к далеко идущему урегулированию отношений с этим беспокойным элементом. 8 ноября 1937 г. Б. Ньютону поручили предупредить Э. Бенеша о том, что отсутствие внутреннего единства в Чехословацкой республике якобы представляет угрозу для сохранения мира в Европе. При этом добавлялось, что Чехословакия может стать преградой на пути немецкой агрессии в Европе, и поэтому общим интересам отвечают все усилия, направленные на обеспечение единой и спокойной Чехословакии. Этот макиавеллистский совет, однако, не означал ничего иного, кроме призыва удовлетворить требования К. Геплейна (и тем самым включить Чехословакию в «сферу немецких интересов»). Б. Ньютон получил подобные инструкции еще за одиннадцать дней до визита Э. Галифакса в Германию.

На англо-французских совещаниях 29 и 30 ноября 1937 г. по инициативе британского правительства было принято решение рекомендовать французскому министру И. Дельбосу во

время его предстоящего визита в Прагу попытаться побудить Э. Бенеша выполнить все «законные требования судетских немцев».

24 марта 1938 г. Б. Ньютон информировал чехословацкое правительство о том, что после аншлуса Австрии британское правительство вновь рассмотрело ситуацию в Центральной Европе и пришло к выводу о невозможности взять на себя новые обязательства по отношению к Чехословакии, кроме тех, которые вытекают из Устава Лиги наций. Б. Ньютон еще раз повторил, что в интересах всеобщего мира должны быть устранены причины неудовлетворенности национальных меньшинств своим положением. Британское правительство надеется, что и чехословацкое правительство разделяет это мнение. В тот же день Н. Чемберлен заявил в парламенте, что Англия не приведет вооруженные силы в состояние боеготовности и в том случае, если Франция будет вынуждена выполнить свои союзнические обязательства. Англия не сможет осуществить военное вмешательство даже тогда, когда будут насильственно нарушены независимость и целостность Чехословакии. Британское правительство не может взять на себя обязательства в отношении Центральной Европы, поскольку здесь не затрагиваются жизненные интересы империи; иначе было бы, если бы речь шла, например, о Франции или Бельгии. На следующий день Я. Масарик обратился к С. Хору с просьбой дать совет, что должно делать чехословацкое правительство в подобной ситуации. С. Хор практически повторил прежние рекомендации. 25 мая 1938 г. состоялась беседа Я. Масарика с Э. Галифаксом. Принимая во внимание майский кризис, Э. Галифакс настаивал на том, чтобы чехословацкое правительство пошло на максимальные уступки, так как в случае пового обострения ситуации реакция Гитлера уже не будет столь сдержанной. Следует учитывать, заметил Э. Галифакс, что с той поры, как Франция взяла на себя обязательства перед Чехословакией, соотношение военных сил существенно изменилось. Если Германия решится на радикальные действия, то нет реальной надежды на спасение Чехословакии. Э. Галифакс предложил, чтобы Чехословакия взвесила возможность нейтрализации (то есть отказалась от своих союзнических договоров) и тем самым устранила причину немецких возражений.

После сообщения в Лондон о своей беседе с К. Генлейном Б. Ньютон 27 мая получил указание объяснить чехословацкому правительству: если оно хочет добиться приемлемого мирного решения проблемы национальных меньшинств, то совершенно необходимо немедленное, окончательное и конкретное урегулирование отношений с судетонемецкой партией. 31 мая Б. Ньютону были присланы новые инструкции: если

урегулирование отношений с этой партией окажется недостижимым из-за недостаточного желания чехословацкого правительства и если последнее не вступит на путь, который в Лондоне считается разумным, то это окажет непосредственное отрицательное влияние на отношение Великобритании к Чехословакии и поколеблет симпатии правительства Чемберлена к правительству доктора Бенеша. Б. Ньютон встретился с Э. Бенешем 3 июня; 10 июня он попросил новой аудиенции. Опасения его правительства, заявлял Б. Ньютон, усилены информацией, поступающей из Берлина: все подтверждает, что если чехословацкое правительство не достигнет соглашения с Генлейном, то следует считаться с таким развитием событий, когда руководство судетонемецкой партии окажется в руках экстремистских элементов, которые потребуют радикального решения вопроса. 22 июня Б. Ньютону было предложено более настойчиво повторить мнение его правительства о том, что чехословацкому правительству крайне необходимо представить судетонемецкой партии далеко идущие предложения, ибо в противном случае переговоры с Генлейном могут зайти в тупик. Он должен был предупредить Э. Бенеша: если переговоры о достижении компромиссного соглашения с судетонемецкой партией окончатся неудачей, то следствием будет отрицательная реакция английского общественного мнения и чехословацкое правительство подвергнется осуждению за то, что упустило последнюю возможность решить проблему национальных меньшинств путем переговоров. 13 июля Э. Галифакс информировал Я. Масарика о том, что в случае неудачного исхода переговоров с судетонемецкой партией будет предложено провести плебисцит, и британское общественное мнение посчитает это требование правомерным. 18 июля Б. Ньютон получил новую инструкцию: выяснить отношение Э. Бенеша к направлению британского посредника в Чехословакию для обсуждения судетонемецкого вопроса. К этому Б. Ньютон должен был добавить, что в случае прекращения переговоров с судетонемецкой партией и создания угрозы европейскому миру английское правительство будет вынуждено обнародовать свое предложение о направлении посредника и сообщить о реакции чехословацкой стороны на это предложение. Это был явный нажим с целью заставить согласиться с миссией В. Ренсимена.

3 сентября Б. Ньютон вновь подчеркнул неотложную необходимость урегулировать конфликт с судетскими немцами. Он напомнил при этом о позиции, которую займет британское правительство в случае войны. Б. Ньютон обратил внимание на тот факт, что если Чехословакия и получит помощь от какого-либо государства, то все равно ее территория станет ареной военных действий и, вероятнее всего, она будет оккупирована на длительное время. Он подчеркнул, что даже в слу-

чае благоприятного исхода войны представляется более чем спорной возможность восстановления Чехословакии в современных границах или даже в таких, какие можно обеспечить сейчас без войны, путем переговоров. Поэтому необходимо, чтобы Чехословакия пошла на жертвы, хотя бы и связанные с немалым риском для государства. Только так можно избежать катастрофы¹.

Весь этот реестр британских рекомендаций должен был послужить доказательством того, что английские сторонники политики «умиротворения» вовремя предупреждали Чехословакию, и если их советы не были приняты во внимание, то Чехословакия сама виновата в своей судьбе. Но сегодня, хорошо зная, что творилось за кулисами британской политики, зная ее действительные намерения, всю эту серию дипломатических вмешательств нельзя оценивать иначе, как грубый нажим, целью которого было принудить Чехословакию перейти в «сферу немецких интересов». Каким бы ни было желание Э. Бенеша выполнить директивы британского посланника, он не мог не видеть, что они ведут к одному: Чехословакия должна добровольно совершить самоубийство. Так как Э. Бенеш не представлял себе иной политики, кроме совместных действий с Западом, он решил выиграть время. Э. Бенеш верил, что в конце концов Англия выступит против Гитлера. В июле 1938 г. Э. Бенеш говорил Г. Рипке: «По-прежнему остается неясным, можно ли добиться соглашения с Германией. Я хотел бы, чтобы переговоры продолжались до того времени, пока не закончится вооружение Англии. После этого было бы легче договориться с Германией»². Однако тактика проволочек была совершенно бесперспективной, ибо Гитлер и его пособники торопились. Поэтому они и определили последний срок, когда Э. Бенеш должен был дать окончательный ответ.

Напрасны были надежды Э. Бенеша на Францию, хотя она и была обязана по договору оказать Чехословакии помощь. Как указывал английский посол в Париже Э. Фиппс в своем письме Э. Галифаксу 14 сентября 1938 г., министр иностранных дел Ж. Боппэ всегда внимателен к позиции Италии и Германии. В середине сентября он буквально впадал в панику при мысли, что может начаться война. По мнению Э. Фиппса, и действия премьер-министра Э. Даладье отнюдь не соответствуют его решительным словам. У Э. Даладье была репутация «быка с рогами улитки»³. Имея таких союзников, Н. Чемберлен мог без всяких опасений отправляться в Берхтесгаден. Уже 16 сентября Ж. Боннэ повторил Э. Фиппсу, что французское правительство примет любой план, выдвинутый Н. Чемберленом и В. Ренсимоном. Чехам останется лишь выполнить его. Если же они попытаются сопротивляться, то Франция заявит, что судьба Чехословакии ей безразлична.

Однако Франция, заверял Ж. Боннэ, выполнит свои обязательства, если Германия применит насилие по отношению к Чехословакии. Это заявление Ж. Боннэ Э. Фиппс прокомментировал следующим образом: он уверен, что Франция не взялась бы, тотчас же за оружие в случае нарушения Германией чехословацкой границы. Вместо этого она долго изучала бы обстоятельства, связанные с немецкой агрессией⁴.

Несмотря на то что между позицией Ж. Боннэ и Э. Даладье не было существенных различий, Э. Фиппс перед англо-французской встречей в Лондоне советовал вести переговоры с каждым из них в отдельности. У них якобы разные мнения по поводу высказанной Ч. Линдбергом оценки состояния военно-воздушных сил в Европе. Ж. Боннэ, по словам Э. Фиппса, теряет голову, слыша мнение Ч. Линдберга о силе немецкой авиации. Кроме того, добавлял Э. Фиппс, француз скорее скажет правду в отсутствие другого француза⁵. Н. Чемберлен в полной мере использовал эти советы во время следующей встречи с французскими министрами в Лондоне, 25 и 26 сентября.

О том, что в Париже Э. Фиппс сотрудничает с продажной группой Ж. Боннэ, Форин оффис знал; однако некоторые британские политические руководители хотели получить надежные гарантии, что их курс будет поддержан не одним Ж. Боннэ, а всем французским правительством. Накануне роковой встречи в Лондоне, на которой решался вопрос о Чехословакии, Р. Ванситтарт рекомендовал Э. Галифаксу заручиться более основательной поддержкой французских правительственных кругов. Р. Ванситтарт писал, что британская сторона полностью уверена лишь в позиции Ж. Боннэ, в то время как многое не ясно в поведении Э. Даладье, который, видимо, еще колеблется. О настроениях других членов французского кабинета вообще ничего не известно. Мы должны, писал Р. Ванситтарт, знать больше, прежде чем примем решение. Ж. Боннэ — это не вся Франция, при таком положении может случиться, что вся ответственность ляжет на британское правительство. А в будущем это может серьезно повредить британским отношениям с Францией и США. Иное дело, если Ж. Боннэ действительно представляет всю Францию или ее большинство. Р. Ванситтарт напомнил, что до него дошли сведения о разногласиях между французским генеральным штабом и Ж. Боннэ⁶.

Н. Чемберлен считал, что между Э. Даладье и Ж. Боннэ нет принципиальных противоречий, и французская делегация действительно дала согласие на то, чтобы 18 сентября ночью, в воскресенье, текст ультиматума переслали обоим посланникам в Прагу. Ультиматум был уже в Праге, когда в понедельник утром министры английского и французского правительств вновь собрались, чтобы подтвердить приговор Чехословакии.

Прибыв в Пражский Град в десять часов утра, Б. Ньютон предостерег чехов от проведения мобилизации, предупреждая, что она вызовет нападение немцев, хотя в своем донесении в Лондон он отмечал: Чехословакия окажется в крайне невыгодном положении, если дальнейшие переговоры с Германией будут безрезультатными; Германия уже отмобилизовала свою армию, поэтому лишь обеспечение равновесия сил между обеими сторонами может принудить Гитлера провести демобилизацию⁷. Британская дипломатия сознавала, что при отсутствии такого равновесия Германия может не устоять перед соблазном напасть на Чехословакию, чем сорвет всю «мирную операцию» Н. Чемберлена. Вместе с тем в Париже и Лондоне опасались, что Чехословакия, приведя свою армию в боеготовность, могла бы отклонить англо-французский ультиматум. От Чехословакии требовали, чтобы она сначала приняла «предложения» Великобритании и Франции, а потом уже проводила мобилизацию.

В своих мемуарах Э. Бенеш пишет, что был убежден: западные державы не предпримут ничего без консультации с Прагой и внесут такие предложения, которые действительно послужат решению проблемы национальных меньшинств⁸. Однако для подобных надежд — после продолжавшегося в течение двух лет бесконечного давления британской стороны — решительно не было никаких оснований. В действительности Э. Бенеш это понимал, и свидетельством тому служат его телефонные разговоры с Я. Масариком⁹.

На сообщение Я. Масарика о том, что Н. Чемберлен летит к Гитлеру в Берхтесгаден, Э. Бенеш с ужасом ответил: «Это невозможно!» К этому Я. Масарик добавил: «Там находится и эта свинья Вильсон»¹⁰. После возвращения Н. Чемберлена из Берхтесгадена Я. Масарик передал Э. Бенешу: ему показали письмо Г. Геринга с требованиями уступить пограничные укрепления и разорвать договор с СССР. О результатах переговоров Н. Чемберлена, говорил Я. Масарик, пока еще ничего не известно, хотя о них судят «и так и этак»¹¹. Телефонный разговор состоялся непосредственно перед последней встречей Э. Бенеша с В. Ренсимиеном.

В воскресенье 18 сентября Я. Масарик от имени чехословацкого правительства передал Э. Галифаксу заявление, в котором содержалось требование не принимать никаких решений без консультаций с Чехословакией, иначе Чехословацкая республика не может брать на себя ответственность за подобные решения¹². Корреспондент Чехословацкого телеграфного агентства в Лондоне Б. Бенеш в этот день записал в своем дневнике: «Кажется, у нас остается лишь собственная армия и Советский Союз, так как Франция уже сильно колеблется»¹³.

В понедельник 19 сентября в 13 часов 20 минут, то есть за 40 минут до вручения ультиматума в Пражском Граде, между Э. Бенешем и Я. Масариком состоялся следующий телефонный разговор:

Бенеш: У нас ищут пути урегулирования отношений с немцами хотя бы и посредством создания новой партии.

Масарик: В Лондоне еще заседают и никому ничего не сообщили.

Бенеш: Короче говоря, это не подлежит дискуссии.

Масарик: Говорят об уступке без плебисцита.

Бенеш: Без нас не должно быть принято никаких изменений. Вечером [в Лондон] придет Нечас и расскажет детали. Нечас должен встретиться с Эттли. На следующей неделе будет достигнуто соглашение со словаками, в этом мы уверены на 90%»¹⁴.

Несколько минут спустя после этого разговора наконец наступила ошеломляющая ясность. Я. Масарик в Лондоне и Э. Бенеш в Праге примерно в одно и то же время были информированы, что предстоит вручение ноты*. Я. Масарик предупредил, что он не уверен, примет ли чехословацкое правительство «предложения», которые с ним не консультировались. Э. Галифакс не затруднил себя прямым ответом на это замечание и направил Я. Масарику письмо, в котором говорилось: «Предложения, которые мы Вам делаем, после зрелого размышления были признаны нами и Францией наиболее соответствующими интересам Чехословацкой республики, поэтому мы надеемся, что президент Бенеш, получив эти предложения, будет размышлять о них в этом духе». Однако у Я. Масарика было другое мнение, и в своей телеграмме в Прагу он советовал: «Предлагаю, когда будут вручать ноты, сообщить обоим [посланникам Англии и Франции. — *Ред.*]: в связи с тем, что с нами никто не консультировался и нам сообщают только сейчас, в то время как американское правительство уже было информировано, нам необходимо время для размышления. У нас демократический режим, и решать должен наш народ. Подчеркиваю, то, что мы не были поставлены в известность,— одиозный факт в международных отношениях»¹⁵.

Около полудня Б. Ньютон получил дополнительную инструкцию: указать Э. Бенешу, что ответ на ультиматум должен быть дан в тот же день или самое позднее на следующий. Н. Чемберлен не может отложить свой визит к Гитлеру, и было бы просто катастрофично, если бы он поехал к нему,

* Нота была названа «Пропозиции (предложения) Англии и Франции правительству Чехословакии». В действительности эти «предложения» были ультиматумом. Русский перевод см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, М., 1948, с. 202—205. — *Прим. ред.*

не имея никакого ответа из Праги¹⁶. Эта инструкция свидетельствовала о том, что правительство Чемберлена не намеревалось «дать время на размышление», не собиралось терпеть проволочек и тем более признавать за чехословацким народом право демократически решать вопрос о существовании своего государства.

Вручение ультиматума состоялось в 14 часов в Пражском Граде. С этого момента до принятия диктата пройдет 51 драматический час.

Как только документ был передан, Э. Бенеш указал, что с его правительством не консультировались по столь важному вопросу, поэтому он должен вынести его на обсуждение правительства и парламента. В. де Лакруа поспешил напомнить, что дело является срочным. Э. Бенеш ответил, что в течение дня он не в состоянии дать ответ. Он с горечью констатировал, что Чехословакия была покинута. Б. Ньютон возразил, что англо-французские «предложения» содержат обещание гарантий, предполагающих участие в них и Великобритании. Чехословакия должна понять, что это весьма выгодно для нее, так как военные лишения намного превысили бы те жертвы, которые требуют от Чехословакии сейчас. Практически Чехословакия должна выбирать между потерей всего полученного ею в 1918 г. и сохранением национального единства и независимости, подтверждаемых гарантиями. Но Э. Бенеш возражал. Он не верил, что англо-французские «предложения» приведут к окончательному решению, а не явятся одним из очередных шагов к установлению немецкого господства в Европе.

Несмотря на возражения Э. Бенеша, встреча оставила у Б. Ньютона впечатление, что президент склонен скорее принять ультиматум, чем отвергнуть его; он с радостью воспримет, полагал Б. Ньютон, любые аргументы, которые позволят ему оправдаться перед собственным народом за принятие ультиматума¹⁷.

В то время когда оба посланника передавали ультиматум, британское посольство получило новую депешу. В ней обращалось внимание на то, что в проекте употреблено слово «must», означающее, что чехословацкий ответ на ультиматум должен быть дан немедленно. Это слово было использовано намеренно, чтобы дать понять: Н. Чемберлен считает ситуацию крайне критической и не терпящей промедлений. Однако это якобы не означает, что Гитлер определил какой-то срок, к которому должен быть дан ответ¹⁸.

Ультиматум означал, что Англия и Франция практически покинули Чехословакию на произвол судьбы. Это понимал и Б. Ньютон, сообщив о своих опасениях в Лондон вечером 19 сентября. Содержание ультиматума известно также Герма-

нии, писал Б. Ньютон, и многие нацисты могут прийти к выводу, что, собственно говоря, получено согласие на захват всей Чехословакии. Подобная опасность реальна — об этом свидетельствуют новые нападения немцев в районе г. Аша. Не стоит ли предупредить немецкое правительство об ответственности за эти агрессивные действия? — заключал английский посланник свою депешу¹⁹.

В ультиматуме содержалось требование, чтобы Германии были переданы все чехословацкие области, в которых немцы составляют более 50% населения, и чтобы Чехословакия расторгла союзнические договоры. Вместо этих договоров были обещаны гарантии. Но какая цена была этим обещаниям? Н. Чемберлен никогда и не намеревался их выполнить, хотя охотно оперировал ими в своих парламентских выступлениях²⁰. В сентябрьские дни обещание гарантий должно было послужить намеком Германии: Англия, мол, является собственником товара (имелась в виду Чехословакия), который она готова уступить Гитлеру за сходную цену.

Упоминания о гарантиях в британских документах появились с весны 1938 г. Но это не означало, что Англия готова была взять обязательства в отношении Центральной Европы. Вся английская политика в чехословацком вопросе с начала 1938 г. исходила из постулата: у Великобритании нет никаких интересов в Центральной Европе и она не собирается брать на себя никаких новых обязательств. Некоторые британские политики питали иллюзии, что с Гитлером можно достичь компромисса на основе взаимных уступок. Но после возвращения Н. Чемберлена не осталось сомнений в том, что Англия под давлением угроз Гитлера уступила по всему фронту, не получив ничего взамен. Более того, Англия идет по опасному пути; к тому же она может быть обвинена в содействии нацистским преступлениям против мира. Одним из дальновидных политиков оказался Р. Ванситтарт: в письме Э. Галифаксу он охарактеризовал встречу в Берхтесгадене как наивысший триумф Гитлера, которого тот добился мирным путем. Каким образом, спрашивал Р. Ванситтарт, Англия сможет остановить эту лавину? И сам отвечал: положение могут спасти только надежные гарантии урезанному чехословацкому государству. В этих гарантиях должна участвовать и Россия, хотя Гитлер и будет против этого. Но после таких уступок, сделанных Гитлеру, нет никаких оснований считаться с его возражениями. Гитлер должен официально заявить, что он удовлетворен и не имеет больше никаких притязаний. Если же это не произойдет, то будет нанесен непоправимый ущерб репутации и перспективам развития западных демократий. В этом случае весь мир будет смотреть на Англию так же, как на нацистскую Германию, писал Р. Ванситтарт²¹.

Э. Галлифакс извлек из этого письма только одно: с помощью гарантий все-таки можно замаскировать аморальность британской политики, слишком явно проявившуюся в ультиматуме Праге. Гарантии способны придать сделке Чемберлена с Гитлером видимость серьезности и помогут добиться одобрения со стороны британской общественности. Но в воскресенье 18 сентября другой чиновник Форин оффис — О. Г. Саржент, помощник заместителя министра иностранных дел, — с полной откровенностью определил ценность предполагаемых гарантий: «Действительность такова, что положение будущей реконструированной Чехословакии будет зависеть лишь от доброй воли Германии и ни от чего более. Не будет этой доброй воли — Чехословакия обречена на гибель. Если же она будет, то можно попытаться воспользоваться этим для заключения германо-чехословацкого пакта о ненападении; у Чехословакии и у нас самих остается только надежда на то, что чувство чести у Гитлера развито достаточно сильно и он воздержится от нарушения своего слова, данного в письменном виде»²². Эти соображения О. Г. Саржента являются достаточно убедительным свидетельством того, сколь малое значение гарантиям придавали творцы британской политики.

Еще до вручения ультиматума Б. Ньютон обратил внимание, что обещание гарантий не исключает возможные изменения границ в пользу Польши и Венгрии. Он хотел устно сообщить это мнение Э. Бенешу²³. После 14 часов из Лондона пришло подтверждение, что гарантии не означают, что проблема национальных меньшинств считается полностью решенной. Форин оффис сообщил, что Ж. Боннэ поручит своему посланнику принять участие в совместном демарше, чтобы передать Э. Бенешу вышеизложенное в письменном виде. Б. Ньютону разрешалось выбрать, предпринять ли демарш вместе с В. де Лакруа или же действовать самостоятельно²⁴. Одновременно в Париж Э. Фиппсу было послано указание добиться, чтобы Ж. Боннэ ускорил направление инструкций В. де Лакруа²⁵. Ж. Боннэ сначала пообещал, что его посланник в Праге будет действовать согласно указанной договоренности. Но вечером пришла телеграмма от Б. Ньютона, в которой тот советовал не передавать чехословацкому правительству дополнительных разъяснений по вопросу о гарантиях. Оно получило достаточно горькую пилюлю, и в эту минуту дополнительные сообщения могут отрицательно повлиять на ответ²⁶. А если Э. Бенешу стало бы известно, что гарантии на деле не содержат и того, что зафиксировано в тексте ультиматума, то шансы получить согласие весьма упали бы. Ж. Боннэ после некоторых колебаний также заявил, что он предпочитает, чтобы разъяснения об ограниченном характере гарантий сделал один Б. Ньютон. Хотя Ж. Боннэ и разделял британскую

позицию, он считал, что этот вопрос лучше не поднимать на данной стадии переговоров²⁷. Аморальность политики «умиротворения» раскрывается во всей неприглядной наготе: гарантии были обещаны лишь ради того, чтобы вырвать согласие с «предложениями»; выполнять же данные обещания в Лондоне и не собирались — ведь еще до вручения ультиматума было решено уклониться от обязательства гарантировать будущие границы Чехословакии.

Согласно сообщению Б. Ньютона, чехословацкое правительство уже в понедельник утром знало о результатах воскресного англо-французского совещания в Лондоне. Политический комитет собрался в Граде в 11 часов утра, то есть за три часа до получения Э. Бенешем ультиматума. Петиционный комитет «Останемся верными» от своего имени обратился к пражским заводам с призывом не допустить капитуляции. Правительственное радио на это ответило заявлением о необходимости сохранять спокойствие и доверие к представителям коалиции²⁸. Аналогичное заявление М. Годжа сделал Постоянному комитету Национального собрания. Это был сигнал к тому, что правительство собирается принять решение за спиной народа и поставить общественность перед свершившимся фактом.

После визита посланников Э. Бенеш сначала совещался с М. Годжей и К. Крофтой. Только потом они встретились с членами Политического комитета. Э. Бенеш впоследствии признался, что, взяв на себя решение принять ультиматум, он понимал — для него лично это будет означать политическое банкротство, но полагал, что должен принести себя в жертву. Видимо, уже с самого начала Э. Бенеш решил принять капитуляцию. Позже Э. Бенеш писал: он видел, что «коалиция не была настолько сильной, чтобы взять это на себя»²⁹. Нетрудно было угадать, какое решение примет Э. Бенеш. Ведь он уже за несколько лет до того говорил, как будет действовать, если Чехословакию покинут ее западные союзники. Потому-то К. Нейрат, хорошо знавший Э. Бенеша еще по Женеве, на вопрос Н. Гендерсона, будут ли чехи воевать или же капитулируют, ответил уверенно: Э. Бенеш попытается доказать, что он был вынужден уступить силе³⁰.

Глава правительства должен обладать умением и решительностью использовать свою власть, обязан располагать верной информацией, уметь выслушивать и неприятные советы и рекомендации. Э. Бенеш обладал этими качествами. Коалиция была разделена на два лагеря, и достижение согласия по основным вопросам было делом нелегким. Уже с 1935 г. — после избрания президентом — Э. Бенеш взял на себя роль своеобразного посредника в коалиции между левыми силами и аграриями. При всех обстоятельствах, даже в самые крити-

ческие для республики моменты, он пытался удержать аграриев в составе коалиции. Эта компромиссная политика, своего рода центристская позиция, в конечном счете лишь содействовала решению о капитуляции.

19 сентября уже не оставалось сомнений в том, что правительство не отвергнет англо-французские «предложения» и не окажет сопротивления Германии. Британский военный атташе Стронг посетил генеральный штаб Чехословакии, где ему было сказано, что после получения ультиматума, означавшего предательство Франции и отступничество Англии, было бы самоубийством воевать с Германией. В армии поддерживается дисциплина, поэтому она выполнит приказы генерального штаба ³¹.

Политический комитет правительства начал обсуждать возможность возникновения войны отнюдь не в сентябре. Дискуссии на эту тему велись уже со времени аншлюса Австрии. Р. Бехне, считавшийся представителем левого крыла в правительстве, заявил в марте 1938 г.: «В случае, если союзники оставят нас одних, мы не поведем наш народ на бойню. Мы не дадим уничтожить нашу нацию. Если союзники не пойдут с нами, мы потеряем государство, но сохраним хотя бы нацию! Поэтому мы должны уступать, не останавливаясь перед самыми ужасными последствиями!» ³²

Какими возможностями располагал Э. Бенеш, решая вопрос об англо-французском ультиматуме? Можно было или принять его, или начать войну с Германией в одиночестве. Вариант так называемой «изолированной» войны, по мнению министров правительственной коалиции, был заранее исключен. Была еще третья возможность — война при поддержке Советского Союза. Но и этот вариант был неприемлем для Э. Бенеша, ибо на протяжении многих лет он следовал принципу: свои отношения с СССР чехословацкое правительство строит только через посредничество Франции. К тому же Э. Бенеш связал себя серьезными заверениями, которые были даны Ренсиму перед его отъездом. Оставалась, таким образом, только первая возможность: принять ультиматум, или, как тогда официально говорилось, англо-французские «пропозиции». Любое из трех решений вело к изменению существующего положения. К наиболее радикальным изменениям привела бы «изолированная» война. Война в союзе с СССР, полагал Э. Бенеш, в конечном счете превратилась бы в войну революционную, привела бы к качественным изменениям общественной системы. Принятие англо-французских «предложений» также влекло за собой существенные изменения — это Э. Бенеш понимал, но их негативные последствия он надеялся как-то ограничить в ходе последующих переговоров.

Обсуждение полученного ультиматума в Политическом комитете правительства началось в 15 часов 30 минут и продолжалось до 17 часов 15 минут. Большинство участников высказывали свое огорчение по поводу измены Франции; аграрии же держались в стороне, заявив, что они, мол, давно все это предсказывали. Неожиданно Э. Бенеш выступил с предложением об арбитраже. «Мы, — заявил он, — должны составить ответ так, чтобы его нельзя было истолковать как решение воевать с Гитлером»³³. Для этого следует апеллировать к арбитражному договору 1926 г. между Чехословакией и Германией. Многие из чехословацких историков до сих пор не поняли, что эта апелляция к арбитражу была половинчатым решением, скрывавшим, по сути дела, готовность согласиться с англо-французским ультиматумом. По совету Э. Бенеша, избрали такую форму, чтобы ответ не означал «ни да ни нет». В шесть часов вечера в Коловратском дворце, являвшемся резиденцией правительства, собралась так называемая группа двадцати, состоявшая из министров, руководителей партий и председателей их парламентских фракций. Идею арбитража одобрили в расчете выиграть время и дожидаться возможного падения правительства Э. Даладье. Присутствующие вели себя таким образом, будто никто из них не верил, что ультиматум может быть в конце концов осуществлен на деле³⁴. Это совещание, кстати говоря, было первым и последним случаем, когда правительство в целом осведомили об ультиматуме и об идее сослаться в ответе на арбитражный договор. Сам ответ на ультиматум правительством не обсуждался. Он был передан посланникам на следующий день без формального одобрения кабинетом. Этот факт в чехословацкой историографии оказался практически незамеченным.

Во время совещания у Э. Бенеша состоялся телефонный разговор с Я. Масариком.

Бенеш: Я хочу знать, что об этом [об ультиматуме] говорят такие люди, как Черчилль?

Масарик: Они весьма недовольны. Вы считаете это ужасным?

Бенеш: Да. Можете ли вы попросить совета?

Масарик: Я уже спрашивал. Они говорят, что советовать не могут, но надеются, что мы этого так не оставим.

Бенеш: Да.

Масарик: В любом случае созывайте парламент.

Бенеш: Мы?

Масарик: Да.

Бенеш: Придется.

Масарик: Я бы сделал это. Это было бы самое меньшее. Н. Чемберлен сказал, созовите хотя бы ради конституции, понимаете? Если бы 75%. Но 50% — это невозможно.

Бенеш: Ужасно.

Масарик: Как к этому относятся у нас?

Бенеш: Конечно, отрицательно, это само собой разумеется, но вы же понимаете...»³⁵

После этого разговора в половине девятого вечера возобновилось заседание Политического комитета. Э. Бенеш вновь развивал свою идею об арбитраже — это, возможно, оттянет решение еще на месяц, но в хороший исход он уже не верит. Он хочет всего лишь выиграть время, хотя и понимает, что это ни к чему не приведет. Может быть, случится чудо, и произойдет смена правительств в Англии и Франции. Хотя в случае арбитража чехословацкое правительство и сможет публично изложить свои аргументы, но не исключено, что и в этом случае придется уступить некоторые области Германии. Позже Э. Бенеш писал: они отбивались, как могли, и, хотя их предали, они старались при этом сделать так, чтобы Запад посчитал бы себя связанным в будущем определенными обязательствами перед ними³⁶. В те дни вновь стали поговаривать о том, что Чехословакия сама, без посредничества Запада, добилась бы договоренности с Германией не столь дорогой ценой. Э. Бенеш не соглашался с подобным мнением, считая, что такие высказывания могут вызвать разброд внутри страны. Чехословакия, поступив так, лишилась бы своих западных союзников, пусть и крайне ненадежных, и в итоге страна оказалась бы жертвой объединенного нападения своих соседей³⁷.

Предложение об арбитраже, считал Э. Бенеш, — это такая форма ответа, которая, не будучи явно отрицательной, вместе с тем поможет выиграть время. Но все равно следует продумать дальнейшие действия на тот случай, если такой ответ будет отвергнут как недостаточно удовлетворительный: какую позицию после этого должны занять правительство и президент? Э. Бенеш все еще надеялся на Францию. И как он позже писал, хотя Ж. Бонна и его клика были готовы покинуть, точнее говоря, предать Чехословакию, более того, хотя они изыскивали возможность свалить на нее всю ответственность, борьба за позицию Франции велась до последнего момента. Окончательное решение, как считал Э. Бенеш, еще не было принято³⁸. Почему надежда возлагалась на Францию?

Югославский посланник в Праге вечером 19 сентября сообщил Б. Ньютоу следующую информацию: чехословацкое правительство (в действительности Политический комитет) решило запросить Париж, выполнит ли Франция свои обязательства в случае немецкого нападения. Совет министров, по сведениям югославского дипломата, всю ночь будет заседать,

обсуждая французский ответ. Если он будет благоприятным для Чехословакии, то югославский посланник убежден, что англо-французские «предложения» будут отвергнуты и война станет неизбежной. В случае отрицательного ответа члены правительства, за исключением Я. Шрамека, примут «предложения». Правительство поймет, что любое иное решение приведет к катастрофе и будет равнозначно самоубийству. Выказав эти соображения, югославский посланник поделился с Б. Ньютоном опасениями: на французский кабинет, который и без того расколот, может оказать влияние известие, будто чехословацкое правительство готово воевать при любых обстоятельствах. Это означает, что нынешней ночью именно в Париже будет решаться вопрос, быть войне или миру³⁹. Если бы в нашем распоряжении не было аналогичной по содержанию телеграммы румынского посланника в Праге Р. Круцеску, могло бы показаться, что сообщение югославского дипломата датировано ошибочно. Однако известно, что в тот же вечер 19 сентября Р. Круцеску сообщил в Бухарест: «Правительство решило подготовить ноту, которая еще сегодня вечером должна быть передана в Париж. В ноте говорится, что принятие англо-французских предложений вызовет революцию, совладать с которой не смогут никакие авторитеты. После двадцати лет перушимой лояльности Чехословакия вправе ожидать от Франции иного отношения, и поэтому она будет настоятельно просить изменить свою позицию. Здесь надеются, хотя и не слишком, что подобные изменения возможны, если к власти придет правительство народного фронта». Далее Р. Круцеску замечает, что было решено не предпринимать аналогичный демарш в Лондоне. Свое сообщение Р. Круцеску сопровождает следующим комментарием: «Мне все больше начинает казаться, что чехи уступят. Возникает, однако, вопрос, смогут ли это сделать нынешние министры и удержится ли на своем посту глава государства, а ведь его особа — последняя гарантия сохранения порядка среди социалистически настроенных масс. Здесь все чаще называется имя шефа аграриев * в качестве единственного человека, способного взять на себя ответственность за развитие ситуации». В заключение Р. Круцеску пишет, что он единственный посланник, который по приказу правительства получил эту информацию, поэтому он просит не разглашать ее⁴⁰. В действительности такую же информацию получил югославский посланник, который посчитал эту правительственную ноту в Париж первым ответом чехословацкого правительства на англо-французский ультиматум.

* Имеется в виду председатель аграрной партии Р. Беран. — *Прим. ред.*

Почему правительство, точнее, его Политический комитет, склонилось к такому шагу? Объяснение можно найти в сообщении посланника в Париже Ш. Осуского. Примерно в 13 часов 19 сентября Ш. Осуский был приглашен к Ж. Боннэ, который проинформировал его о лондонском совещании. Согласно депеше, полученной в Праге в два приема — в 16 часов 38 минут и 17 часов 20 минут, — Ж. Боннэ требовал немедленного ответа, содержащего безоговорочное согласие. В телеграмме Ш. Осуского прямо говорилось: «Боннэ сообщил мне, что если англо-французские предложения не будут приняты Чехословацкой республикой, то английское правительство, уже сейчас занимающее столь сдержанную позицию, не выступит солидарно с Францией в случае конфликта между Чехословацкой республикой и Германией. Он потребовал, чтобы на это обратил внимание г-н президент Бенеш. Боннэ добавил, что французское содействие не может быть твердо обещано; оно возможно лишь в той мере, в какой будут солидарны Англия и Франция. Боннэ заявил, что если г-н президент Бенеш не примет англо-французские предложения, то Англия утратит заинтересованность в Чехословацкой республике. Это, сказал Боннэ, было бы очень опасно»⁴¹. Таким образом, у Э. Бенеша не могло быть иллюзий: клика Ж. Боннэ решила покинуть Чехословакию и выдать ее Гитлеру.

Ш. Осуский не ограничился информацией, полученной от Ж. Боннэ. Он нанес визит еще трем членам французского правительства с целью получить сведения о том, как проходило утреннее заседание кабинета. Как он узнал, Э. Даладье сослался на то, что предложение об отторжении пограничных областей исходит прямо от Э. Бенеша. (Имелась в виду известная беседа Э. Бенеша с В. де Лакруа 16 сентября, во время которой он изложил так называемый пятый план, позднее министром Я. Нечасом привезенный в Париж.) На заседании французского кабинета высказывалось мнение, что отказ Праги подчиниться можно будет считать основанием для аннулирования союзного договора с Чехословакией. Э. Даладье, однако, сказал, что если правительство в Праге отвергнет предложения, то французскому кабинету следует вновь собраться и посоветоваться. Под влиянием этой информации, немедленно переданной Ш. Осуским в Прагу⁴², у Э. Бенеша могло возникнуть впечатление, что во французском правительстве нет единства во взглядах относительно союзнического договора, и он обратился к Франции с той нотой, о которой сообщили румынский и югославский посланники.

Так называемый пятый план Э. Бенеша, бесспорно, облегчил положение французских реакционеров. Клемент Готвальд в этот день в Постоянном комитете парламента потребовал обратиться с воззванием к Франции. Ю. Фучик записал

в своем дневнике: «Ведь Э. Даладье не падет, если Прага будет проявлять слабость»⁴³. Позже Э. Бенеш признал, что в тогдашней ситуации шансы были 50 на 50, и поэтому было крайне важно, чтобы чехословацкая сторона не сделала ошибочного шага, который был бы использован кашитулянтами⁴⁴. Но разве его роковой пятый план не был именно такой крупной ошибкой? Еще вечером 19 сентября Ш. Осуский телеграфировал Э. Бенешу, чтобы он заявил В. де Лакруа, что тот неверно истолковал его слова об уступке чехословацкой территории⁴⁵. Э. Бенеш, однако, не мог сделать такого заявления. Ведь основное содержание пятого плана Я. Нечас сообщил Л. Блюму; тот в свою очередь проинформировал Э. Даладье, а последний — Н. Чемберлена. Если господин Бенеш сам предлагает уступить один миллион пемцев, заявил в связи с этим Н. Чемберлен, то почему бы двум-трем миллионам не уйти из Чехословакии, чтобы покончить с этим навсегда. По крайней мере так Э. Даладье информировал Ш. Осуского⁴⁶. Французские реакционеры стремились свалить всю ответственность за свое предательство на Чехословакию. Упускать из виду этого нельзя. Но не может историк забывать и о том, что Э. Бенеш серьезно помог им своим пятым планом.

Э. Даладье и Ж. Бонне давно придерживались тактики вымогать у Чехословакии уступки под угрозой разрыва союзнического договора. И дело вовсе не в одном ночном ультиматуме, как впоследствии пытался изобразить Э. Бенеш, умышленно драматизируя это событие. Э. Даладье уже ранее, на лондонских совещаниях, подчеркивал, что на Э. Бенеша следует оказывать максимальный нажим, чтобы исключить возможность отрицательного ответа на англо-французские «предложения»⁴⁷. Лица, сопровождавшие Э. Даладье, отнюдь не скрывали от английских журналистов, что Франция вовсе не настроена начинать войну во имя сохранения целостности Чехословакии⁴⁸.

После возвращения из Лондона Ж. Бонне информировал американского посла У. Буллита об официальном заявлении английского посланника в Праге: если Э. Бенеш отвергнет англо-французские предложения, возникнет война и Англия останется в стороне; если же Э. Бенеш предложения примет, то Чехословакия взамен получит британские гарантии.

Ж. Бонне подчеркнул, что французская позиция тождественна британской. Франция ни в коем случае не придет на помощь Чехословакии. Французский народ, осмелился утверждать Ж. Бонне, спокойно наблюдал бы, как немецкая армия уничтожает Чехословакию. Это было уже настолько нелепо, что даже У. Буллит счел нужным возразить: в случае войны, предостерегал он, следует ожидать широких выступлений народных масс во главе с коммунистами и социалистами.

Ж. Боннэ возразил, что социалисты никогда не поддержат подобные выступления. На вопрос У. Буллита, что произойдет, если Э. Бенеш отвергнет англо-французские предложения, Ж. Боннэ ответил: Прага этого не сделает, Франция не позволит втянуть себя в войну только ради того, чтобы семь миллионов чехов продолжали властвовать над тремя миллионами немцев. И Э. Бенеш знает это, подчеркнул Ж. Боннэ⁴⁹.

Ж. Боннэ не скупился на заверения, а ведь еще далеко не все было окончательно решено. Но реакция не дремала. Жап Монтиньи, тесно связанный с П. Лавалем, опубликовал в тот день открытое письмо президенту республики, министрам и депутатам. В письме был поставлен вопрос: обязана ли Франция вести войну за Чехословакию? Ж. Монтиньи, отвечая на этот вопрос, повторил мнение таких отъявленных реакционеров, как П. Фланден, Ж. Бартелеми, Г. Бержерс, Е. Роше, П. Фор и другие, которые уже давно утверждали, что Франция обладает правом совершенно свободно решать, ввязываться ли ей в войну, поскольку якобы не существует никаких юридических и моральных обязательств, заставляющих ее прийти на помощь Чехословакии⁵⁰. Это была та самая группа «могильщиков Франции», которая открыто распространяла капитулянтские взгляды с первого дня пребывания Ж. Боннэ на Ке д'Орсэ.

В партии радикалов не было единства, но не было решительности и у противников Э. Даладье. Хотя У. Черчилль и генерал Э. Спирс в тот день выясняли вместе с П. Рейно и Ж. Манделем, как можно было бы вызвать правительственный кризис, их усилия не увенчались успехом из-за нерешительности радикалов⁵¹.

Некоторые из них, например Ж. Мандель, смогли подбодрить Э. Бенеша лишь ни к чему не обязывающими обещаниями: если Чехословакия станет защищаться, то великие державы будут на ее стороне. Ж. Мандель позволил себе высказать надежду, что Э. Бенеш придаст его словам больше значения, чем словам Ж. Боннэ⁵². Во Франции далеко не все еще было потеряно. В телеграмме чехословацкого посольства, посланной в 13 часов того же дня из Парижа, говорилось: «Все будет зависеть от реакции народа Франции на такие ясные вопросы, как насилие великих держав над малой нацией и несоблюдение союзнического договора. Поэтому исход событий зависит от Чехословацкой республики. Действовать осторожно, невзирая на провокационные слова и жесты, угрозы и упреки»⁵³. Вечерняя телеграмма сообщала: «Общественность, ее политически активная часть, уже бурлит. Поэтому повторяю: ничем не рисковать, ответ должен содержать лишь констатацию, что Чехословацкой республике был вручен приговор и она была осуждена, не будучи даже допрошенной. Не

требовать, чтобы ее выслушали, только констатировать факт и выжидать. Дело еще не проиграно»⁵⁴. Не допустить, чтобы сторонники политики «умиротворения» навязали чехословацкому правительству свой темп — вот что было решающим в создавшейся ситуации. И у Э. Бенеша было много возможностей затянуть дело и выиграть время. Например, использовать для этого созыв парламента. Но все доступные документы свидетельствуют, что уже днем 19 сентября Э. Бенеш склонился к капитуляции, к принятию англо-французского приговора.

У Чехословакии, кроме Франции, был еще второй союзник — СССР. Во время воскресных англо-французских совещаний в Лондоне советская дипломатия предприняла шаги с целью оказать помощь Чехословакии. Заместитель комиссара иностранных дел В. П. Потемкин заявил французскому послу в Москве Р. Кулондру: если Франция примет английские предложения по чехословацкому вопросу, что было бы равнозначно ревизии союзнических связей между Францией и Чехословакией, то Советское правительство сделает из этого факта выводы и пересмотрит свои взаимоотношения с Францией. Такую же позицию Советское правительство занимало и в отношении конференции четырех держав, которая должна была решить судьбу Чехословакии. Советское правительство рассматривало подобную конференцию как попытку возродить пакт четырех, ставящий целью предоставить Германии свободу действий в Восточной Европе⁵⁵. Советская дипломатия разъясняла в европейских столицах подлинную позицию СССР в чехословацком вопросе: если Германия нападет на Чехословакию, то Советский Союз выполнит свои обязательства. В Москве считали, что правительство Ю. Бека падет под напором возмущенного общественного мнения Польши, в котором очень сильны антигерманские настроения. Ожидалось также падение правительства М. Стоядиновича в Югославии⁵⁶. Хотя румынские военные публично заявляли о сопротивлении проходу Красной Армии, даже их ближайшие сторонники знали, что в действительности Румыния колеблется и выжидает⁵⁷. Революционная война с участием Советского Союза, вероятнее всего, смела бы полуфашистские режимы в Восточной Европе. А ведь именно этим антидемократическим режимам отводилось важное место в расчетах Н. Чемберлена, которые предусматривали установление немецкого господства в этой части Европы при относительном сохранении хотя бы видимости независимости малых государств. Несомненно, в Париже и Лондоне понимали, что падение беков, стоядиновичей, королей и им подобных вызвало бы в Европе сильный сдвиг влево. Падение же гитлеровского режима могло бы даже подорвать основы капитализма на всем Европейском

континенте. А вот как раз этого империалистическая буржуазия не могла допустить. С точки зрения таких стратегических расчетов всей Чехословакии грошь цена, и пожертвовать ею было не жалко. К тому же если в течение многих столетий Европа обходилась без Чехословакии, то почему она не может спокойно существовать без этого государства и в будущем? Двадцать лет независимости Чехословакии ничего не значили для господ чемберленов и боннэ. Это эпизод, который в крайнем случае можно и легко забыть.

В такой обстановке у Чехословакии не было шансов на спасение, коль скоро ее руководство вовремя не поняло, что единственная реальная надежда — это совместные действия с СССР. Именно в этом и состояла главная слабость чехословацкой обороны от фашизма. Путь в Москву для Э. Бенеша пролегал исключительно через Париж. Войну с Германией Э. Бенеш считал допустимой лишь при условии участия в ней Франции. Только в таком случае он не исключал совместных действий с Советским Союзом. При подобном варианте, как Э. Бенеш заявил руководству КПЧ весной 1938 г., Чехословакия была бы в лагере победителей, даже если бы вся ее территория оказалась временно оккупированной⁵⁸. Но Э. Бенеш никогда не мог избавиться от страха перед коммунизмом, который, по его разумению, распространился бы вследствие войны. Э. Бенеш, впрочем, полагал, что если бы Советский Союз воевал вместе с Западом, то удалось бы ограничить так называемую «коммунистическую инфильтрацию»⁵⁹.

Вечером 19 сентября Э. Бенеш пригласил советского полпреда С. С. Александровского, которому заявил, что все еще надеется, что Франция опомнится и поймет, чего добивается Гитлер. И тогда неизбежна война. Э. Бенеш хотел бы знать, как поступит Советский Союз, если Франция выполнит свои обязательства. Э. Бенеш также хотел бы узнать, выполнит ли СССР в качестве члена Лиги наций свои обязательства, вытекающие из статей 16 и 17 ее Устава⁶⁰. Уже на следующий день Э. Бенеш получил на оба вопроса ясные положительные ответы. Но в своих мемуарах он фальсифицирует факты. Э. Бенеш пишет, что его второй вопрос якобы не был связан с Лигой наций. Поскольку советский ответ на этот вопрос содержит ссылку на Устав Лиги наций, то Э. Бенеш делает вывод о том, что Советское правительство якобы колебалось оказать помощь Чехословакии, проявляло нерешительность и т. п.⁶¹ Однако подобное толкование не согласуется с сохранившимися архивными документами. Кроме того, Э. Бенеш неправильно сообщает, что советский ответ был получен им только 21 сентября, то есть слишком поздно, когда он уже был вынужден дать согласие на англо-французский ультиматум. В действительности, как опять же свидетельствуют

архивные документы, советский ответ был сообщен Э. Бенешу еще утром 20 сентября *.

Г. Рипка в своей книге о Мюнхене пишет, что Э. Бенеш не задал советскому полпреду третий вопрос — о возможности советской помощи независимо от позиций Франции и Лиги наций. Э. Бенеш, по словам Г. Рипки, якобы опасался, что в этом случае начнется «крестовый поход против большевизма», причем Чехословакия, одна из западных стран, окажется на стороне СССР. Многие министры в чехословацком правительстве, по словам Г. Рипки, считали эти опасения преувеличенными. Другие, например аграрии, были вообще против любой советской помощи⁶². Война бок о бок с Советским Союзом, и только с ним, представлялась Э. Бенешу невыносимой — это вытекает из всей его политической концепции отношений с СССР и объясняется его страхом перед коммунистической революцией, классовым характером его общей политической позиции. По поводу утверждений Э. Бенеша в мемуарах, что своим решением в сентябре 1938 г. он якобы предотвратил «крестовый поход» против СССР, необходимо заметить, этот поход все равно состоялся в 1941 г., причем в гораздо более неблагоприятных для СССР условиях, а Мюнхен 1938 г. был ступенью на пути гитлеровской Германии к войне с Советским Союзом.

В недавнем прошлом ряд чехословацких историков не скупились на «откровения», являвшиеся не чем иным, как жалким перепевом утверждений апологетов Мюнхена. Советский Союз якобы не думал всерьез об оказании помощи; она была перераспределенной и к тому же могла нанести политический ущерб Чехословакии; Советский Союз был, дескать, слабым в политическом и военном отношениях и потому держался весьма сдержанно при решении вопросов, касающихся вмешательства в дела Центральной Европы. Такая позиция якобы и повлияла на решение Э. Бенеша. Принять советскую помощь чехословацкое государство не могло, ибо в таком случае Запад устранился бы⁶³. В чем смысл и цель таких сомнительных утверждений? Они понятны: реабилитировать капитуляцию Э. Бенеша, оправдать его решение принять англо-французский план. Это могло бы быть оправданно лишь при том условии, что Чехословакия оказалась бы действительно покинутой всеми своими союзниками. Тогда бы ей оставалось только одно: или принять англо-французский диктат, или решиться на изолированную и самоубийственную войну.

* Содержание советской телеграммы было передано Э. Бенешу полпредом СССР в ЧСР 20 сентября 1938 г. во время заседания правительства Чехословакии, на котором обсуждался ультиматум правительств Великобритании и Франции. — *Прим. ред.*

Коммунистическая партия Чехословакии занимала бескомпромиссную позицию по вопросам обороны республики. В сообщении тех дней о заседании районного руководства КПЧ в Карлине говорится: «Главная обязанность членов партии состоит в сохранении и укреплении у граждан решимости оборонять республику до конца. При этом ссылаться на то, что СССР со своей Красной Армией твердо стоит на стороне нашей республики, хотя все остальные покинули нас. Члены партии будут работать в этом направлении с целью упрочить обороноспособность и парализовать пораженческие настроения». Депутаты-коммунисты, сказано далее в сообщении, со всей ответственностью заявили министру национальной обороны, что все члены КПЧ могут быть использованы для обороны республики⁶⁴. В обстановке, когда правительство запретило массовые собрания и выступления, дееспособность КПЧ должны были обеспечить встречи специальных уполномоченных ежедневно между 19 и 20 часами. Организации политических партий на пражских заводах договорились послать на следующий день от 10 до 11 часов делегации к правительству. Они должны потребовать, чтобы правительство держалось твердо и не уступало. Такие же делегации должны были направить и другие пражские районы. В среду 21 сентября предполагалось прервать работу на 10 минут, и во время этой забастовки протеста коммунисты должны были объяснить, что СССР поддержит Чехословакию и в том случае, если остальные покинут ее⁶⁵. Из этих нескольких фактов видно, что КПЧ выступала организатором народных акций, чтобы оказать давление на правительство с целью заставить его быть твердым и решительным. Однако в расчет не был принят тот факт, что правительство так быстро примет решение, а парламент в эти критические дни будет полностью игнорироваться.

Вечером 19 сентября Клемент Готвальд посетил Э. Бенеша. Это был второй визит на протяжении последних двух дней. На вопрос К. Готвальда, как относится правительство к англо-французским «предложениям», Э. Бенеш не дал ясного ответа. К. Готвальд подчеркнул, что массы не допустят капитуляции и примут бой при любых условиях. Такие вопросы решают народ и парламент. Э. Бенеш спрашивал мнение К. Готвальда о позиции СССР. Позиция СССР, заявил К. Готвальд, не вызывает сомнений, а если Э. Бенеш хочет узнать о возможностях помощи Чехословакии помимо рамок союзного договора, он может задать этот вопрос непосредственно правительству СССР⁶⁶. Нельзя сказать, что К. Готвальд не знал ответа на этот вопрос. Но он хотел, чтобы Э. Бенеш задал Советскому правительству именно этот, третий вопрос. Уже в течение

длительного времени КПЧ вела кампанию, целью которой было заставить правительство обратиться к СССР с просьбой уточнить условия союзного договора, а конкретнее — пересмотреть тот пункт, который ставил советскую помощь в зависимость от позиции Франции. Но Э. Бенеш намеренно уклонялся от постановки третьего вопроса, что само по себе свидетельствовало, что он был склонен принять англо-французские «предложения».

В то время как Э. Бенеш занял позицию осторожного ожидания, в Лондоне росло нетерпение. Н. Чемберлен был уверен в успехе своего плана, поэтому уже в 11 часов 30 минут 19 сентября он сообщил Гитлеру, что его консультации с членами кабинета продвинулись столь далеко, что следующая встреча может состояться в среду 21 сентября⁶⁷. Заседание британского правительства началось только в 11 часов, следовательно, сообщение Н. Чемберлена Гитлеру было отослано еще до окончания этого заседания и даже за 150 минут до вручения ультиматума в Праге.

Однако ответ из Праги не поступил в первой половине дня, как первоначально ожидалось в Лондоне; тогда в министерство иностранных дел Чехословакии явился секретарь британского посольства в Праге Трутбек. Он предостерег от проволочек, которые якобы могут вызвать нападение Германии⁶⁸. С. Хор вспоминает, с каким нетерпением и опасениями ожидали в Лондоне чехословацкий ответ. Ж. Боннэ их успокаивал, уповав на податливость Э. Бенеша⁶⁹. В Париже Э. Фиппс поздно вечером пытался узнать у него новости, но безрезультатно. Ж. Боннэ попросту пошел спать⁷⁰. Первый чехословацкий ответ, переданный в Париж в форме вопроса, намерена ли Франция выполнить свои обязательства, французы совершенно игнорировали. Ж. Боннэ явно решил и в дальнейшем предоставлять инициативу правительству Чемберлена.

Какова была позиция Германии в эти критические часы? Теперь известно, что Гитлер был удивлен и вдохновлен столь гладким ходом встречи в Берхтесгадене. Нацистское руководство находилось в состоянии такого победного опьянения, что мечтало уже установить контроль над всей Чехословакией⁷¹. Немецкая пресса получила указание требовать ликвидации Чехословакии. Западные разведывательные службы сообщали, что немецкая армия сосредоточивается у чехословацких границ, а начало военных операций назначено на 25 сентября⁷². Германский военный атташе Р. Туссен проговорился в Праге о том, что, невзирая на Англию и Францию, Германия в ближайшие дни предъявит свой собственный ультиматум, содержащий требование немедленного отторжения пограничных районов. Если Чехословакия отвергнет этот ультиматум, то

Гитлер начнет войну. Это будет локальная война, так как западные державы уже выразили свое согласие на отделение судетских немцев⁷³. Прогноз Р. Туссена практически предвосхитил ход совещания в Годесберге и пресловутый меморандум Гитлера. Немецкие замыслы не были тайной и для Англии и Франции. В этот же день в Берлине состоялись консультации между послами Н. Гендерсоном, А. Франсуа-Понсе и Б. Атто-лико, которые пришли к единому мнению о необходимости оказать на Прагу новый нажим и заставить чехословацкое правительство добровольно эвакуировать пограничные области, ибо только так можно лишить Германию повода к военной интервенции⁷⁴.

Англо-французский ультиматум побудил выступить со своими требованиями Польшу и Венгрию. Польский посол в Берлине Ю. Липский получил указание от Ю. Бека начать с Гитлером переговоры о разделе Чехословакии. Гитлер обещал, что в случае войны он оккупирует только Чехию и Моравию, а Польше и Венгрии предоставит свободу действий в Словакии. Примечательны изменения в поведении польских дипломатов. Польский посол в Лондоне Э. Рачинский заверял Э. Галифакса в том, что в случае войны Польша сохранит нейтралитет или, возможно, присоединится к Англии⁷⁵. Это обещание было дано за два дня до Берхтесгадена. Прошло всего четыре дня после этой встречи, и Польша заняла диаметрально противоположную позицию. Прямо-таки классическая иллюстрация того, насколько деморализующее воздействие на Европу оказывала политика «умиротворения».

В ночь с 19 на 20 сентября Э. Бенеш сформулировал свой ответ на англо-французский ультиматум. В архиве министерства иностранных дел сохранилось четыре различных варианта этого ответа. В одном из вариантов констатируется, что с чехословацким правительством не консультировались и Чехословакию судили и осудили, не выслушав предварительно ее мнения. Этот текст не был закончен: ведь Ш. Осуский предупреждал — ни в чем не упрекать, лишь сухо констатировать факт. А Э. Бенеш следовал принципу — всегда придерживать-ся Запада, и даже тогда, когда он предавал Чехословакию.

Среди этих документов имеется и полный текст ответа, адресованного французскому правительству. По-видимому, это та нота, о которой вечером сообщали югославский и румынский посланники. В ней говорилось: англо-французские «предложения» отвергаются, так как правительство не может принять их по конституционным соображениям; кроме того, согласие с ними может привести к внутренним беспорядкам в государстве. Принятие ультиматума отдало бы Чехословакию в руки враждебных соседей. Германия не остановилась бы на этом и захватила бы всю Центральную Европу, а это имело

бы серьезные последствия для Франции. Обещанным гарантиям Чехословакия не может доверять, раз так легко оказались поставлены под сомнение прежние союзные обязательства. Чехословакия не хочет поверить, что Франция, которой так доверяли, покинула ее. Документ заканчивается словами: «Поэтому чехословацкое правительство вновь призывает французское правительство еще раз обдумать свою позицию. В эти трагические минуты речь идет не только о судьбе Чехословакии, но и о судьбе Франции». Если именно этот текст был послан в Париж (а свидетельством тому служат три предварительные его версии), то его следует считать первым, отрицательным ответом Чехословакии на англо-французский план. Франция так и не выразила своего отношения к этому ответу. Просьбы, клятвы в верности и любые аргументы ничего не значили для реакционной клики Боннэ.

IV. КАПИТУЛЯЦИЯ ИЛИ ОТКЛОНЕНИЕ УЛЬТИМАТУМА?

(20 сентября)

Заседание чехословацкого правительственного комитета окончилось в час ночи 20 сентября. Определенные надежды возлагались еще на перемены во Франции. Часть авторов приписывают активную деятельность группе французских министров, не согласных с линией Ж. Боннэ. К ним относились Ж. Мандель, С. Кампинки, Шампетье де Риб, Ж. Зей, Л. Шапделен, П. Рейно, связанные с Л. Блюмом и У. Черчиллем. От этих министров исходили слухи о возможном падении правительства Даладье. На пост премьер-министра они прочили Э. Эррио, но тот явно колебался. Министры связывались с Прагой и настаивали, чтобы та дала уклончивый ответ на «предложения» с целью выиграть время. Но группировка Боннэ не давала Э. Бенешу отсрочки и требовала согласия на ультиматум¹. Сохранились записи телефонных разговоров между Э. Бенешем и Ж. Манделем. Ж. Мандель убеждал Э. Бенеша: «Ни Париж, ни Лондон не могут заставить вас дать согласие на ультиматум. Если на Чехословакию нападут, отдайте приказ армии. Если вы выстрелите первыми, то спасете Европу от гитлеризма. Вас поддержат Франция, Англия, Советский Союз. Все последуют за вами. Гитлер будет побежден». Но Э. Бенеш колебался принять такой совет.

У. Черчилль давал подобные же рекомендации. В Прагу приехал Пьер Кот. Но Э. Бенеш был более склонен следовать советам Ж. Боннэ². После полуночи из Парижа пришла следующая телефонограмма: «Слухи, что французскому правительству грозит падение, не соответствуют действительности; и шесть министров не подавали в отставку. Французское правительство единогласно решило вручить чехословацкому правительству предложения, принятые на англо-французском совещании. Единогласие касается лишь передачи предложений, но не означает, что все французское правительство согласно с ними»³.

Ж. Боннэ был уверен в успехе. Он дал понять дипломатам, что в конце концов Праге не останется ничего иного, как принять ультиматум⁴. На вопрос английского посла Э. Фиппса, правда ли, что левые круги из Парижа и Женевы оказывают на Бенеша нажим, чтобы он отклонил «предложения», Ж. Боннэ ответил, что, хотя это и представляется возможным, он сам не придает этому большого значения. До него якобы дошли сведения из Праги о том, что на советы левых Э. Бенеш

дал уклончивые ответы⁵. На следующий день Э. Галифакс сообщил правительству о полученных из Парижа сведениях о том, что французское правительство подвергается сильному нажиму и его положение неустойчиво⁶. Если даже на заседании британского кабинета обсуждалась подобная информация, то положение правительства Даладье было действительно очень серьезным. Однако создававшаяся ситуация не переросла в открытый правительственный кризис. Надежды Э. Бенеша не оправдались. Министр Ф. Ежек отметил по этому поводу в своих мемуарах: «Леон Блюм с социалистами — самая большая надежда Э. Бенеша — даже не пошевелились и отнеслись к нам почти так же, как и к своим товарищам в Испании»⁷. Э. Бенешу тоже пришлось признать горькую правду: «Необходимо констатировать, что все — правые, левые, центр — боялись войны с Гитлером. Народ пошел бы воевать, но политики всех стран проявили нерешительность, боязнь ответственности и недостаток отваги. Они несут вину за предательство, за то, что сделали его возможным»⁸. Следует отметить, что все, в чем Э. Бенеш упрекает французских политиков, в полной мере относится и к нему самому. Он не захотел взять на себя ответственность за такие шаги, которые привели бы к падению кабинета Даладье. Э. Бенеш ждал, что оппозиционные группы в Париже сами свалят правительство, и лишь после этого он соглашался руководствоваться советами манделей, черчиллей и т. п.

Заседание Политического комитета в Граде, закончившееся в час ночи, не приняло окончательного решения по поводу англо-французского ультиматума. Югославский посланник в Праге послал в Белград следующую телеграмму: «На заседании правительства, продолжавшемся с 6 часов вечера [19 сентября] до часу ночи [20 сентября], решение об ответе французскому и английскому правительствам не было принято, так как ожидают из Парижа дополнительного заявления»⁹. Этот факт подтверждается и другими дипломатическими документами, например донесением болгарского посланника, который писал, что из Праги не отослан требуемый ответ¹⁰. Германский дипломат А. Генке также сообщал министерству иностранных дел в Берлине, что в течение ночи Прага дала лишь уклончивый ответ, ссылаясь на необходимость получить согласие парламента и выражая сомнения в гарантиях¹¹. Основываясь на этих источниках, можно предположить, что в ночь с 19 на 20 сентября одной только Франции был послан отрицательный ответ на «предложения». В нем содержалась просьба пересмотреть позицию Франции. Поскольку не поступило сведений об изменении состава французского правительства, а, напротив, подтверждалось, что внешнеполитическая линия Франции осталась неизменной, то заседание Политиче-

ского комитета завершилось принятием решения, о содержании которого позволяют судить некоторые дипломатические документы. Югославский посланник сообщал: «Министр Нечас информировал из Парижа о том, что левые силы оставили намерение вступить в войну и что французское правительство хочет отстоять решение о невозможности выполнить союзные обязательства. Ввиду этого сегодня чехословацкое правительство формально заявит протест против расчленения республики, причем это сделают так, что между строк будет видно: правительство готово смириться с судьбой, если ему вновь будет подтверждена необходимость принять англо-французские предложения. Однако есть опасность того, что военные, которые будут участвовать сегодня вечером в обсуждении, могут склониться к решению, которое может вызвать кровопролитие. Это случится, если они не получают достаточных гарантий, что немецкие отряды останутся на границах районов, в которых немецкий элемент уже не составляет большинства»¹².

Таковыми же сведениями, полученными якобы из надежного источника (несомненно, этим источником был сам М. Годжа), располагал и английский посланник Б. Ньютон. Он сообщал, что в час ночи было принято решение заявить формальный протест английскому и французскому правительствам. Информатор вместе с тем дал понять, что в протесте, коль скоро его заявят, будет содержаться намек, что правительство в конце концов склонится перед необходимостью согласиться с англо-французскими «предложениями». Информатор надеется, что этот протест защитит правительство от гнева собственного народа. Но чтобы не возникла задержка, о которой Б. Ньютон предупреждал Э. Бенеша, что она может закончиться катастрофой, следует на этот предполагаемый протест дать такой британский ответ, который бы решительно и твердо потребовал немедленного согласия с «предложениями». Б. Ньютон просил инструкции на случай, если этот чехословацкий протест будет адресован британскому посольству или если в ожидаемом чехословацком ответе будут признаки колебания, чтобы он смог предпринять необходимые меры. Однако протест, допускал Б. Ньютон, может быть вручен непосредственно в Париже и Лондоне. Телеграмма Б. Ньютона свидетельствует, что просьба «надежного информатора» о дополнительном нажиме со стороны Лондона и Парижа была высказана не вечером 20 сентября, а уже утром, но еще до того, как английское и французское правительства получили официальный чехословацкий ответ на свои «предложения». Кроме того, упомянутое донесение югославского посланника указывало, что в подтексте чехословацкого ответа будет обозначена готовность правительства склониться перед новым нажимом. Утром того же дня Б. Ньютон получил согласие на то, чтобы оказать

«твердый и решительный нажим», если ответ Чехословакии не будет положительным или будет содержать условия¹³.

О том, что чехословацкое правительство было готово принять англо-французские «предложения», но хотело выиграть время, так как общественность еще не была подготовлена к капитуляции, совершенно ясно говорится и в сообщениях германского атташе А. Генке. По его словам, правительство все еще надеялось на изменение позиции Лондона и Парижа. Правительство намеревалось созвать парламент, но так как очевидно, что тот не согласится с отторжением Судет, Бенеш попытается обеспечить принятие нужного решения путем установления военной диктатуры. С этой целью, утверждал А. Генке, вокруг Праги сосредоточиваются военные части, которые должны стать опорой президента¹⁴.

Заседание Политического комитета намечалось возобновить в Граде в 11 часов. За пятнадцать минут до начала этого заседания по приказу М. Годжи и К. Крофты чиновник МИД Крно сообщил по телефону посланникам Б. Ньютоу и В. де Лакруа о том, что ответ на «предложения» будет дан во второй половине дня. Несомненно, это было сделано с целью ускорить получение от Франции ответа на послание, с которым чехословацкое правительство обратилось к ней ночью.

В конце концов В. де Лакруа передал ответ. На упрек Э. Бенеша в том, что Чехословакию не выслушали, Ж. Боннэ отвечал, что он не смог войти в контакт с чехословацким правительством, так как события развивались слишком быстро; относительно сомнений Э. Бенеша в обещанных гарантиях Ж. Боннэ указывал: Чехословакия может рассчитывать, что последние будут касаться не только новых границ. Сверх того, она получит экономическую и финансовую помощь. Н. Чемберлен, сообщал Ж. Боннэ, не может ехать к Гитлеру без положительного ответа Чехословакии, поэтому необходимо, чтобы правительство не теряло времени и быстро приняло решение. Послание Э. Бенеша, как известно, кончалось просьбой к Франции пересмотреть свою позицию по отношению к Чехословакии. В. де Лакруа передал слова Ж. Боннэ: Франция была вынуждена сказать свое последнее слово и не намерена пересматривать позицию. К этому была добавлена обычная в те дни угроза: если не будет немедленно дан положительный ответ, это приведет к катастрофическим последствиям — Гитлер нападет на Чехословакию¹⁵. Таким образом, Франция отрицательно отреагировала на послание Э. Бенеша, которое можно считать первым чехословацким ответом на англо-французские «предложения». Характерно, что Э. Бенеш в своем послании не дал категорического ответа, сохраняя тем самым возможность дальнейших переговоров.

К началу заседания Политического комитета стало ясно, что французское правительство, точнее говоря, Жорж Бонна, не изменило свою позицию по отношению к Чехословакии. Теоретически у Чехословакии было три возможности: а) категорически отвергнуть «предложения»; б) принять «предложения» без условий и оговорок, как того требовали посланники Франции и Англии; в) выбрать третий путь: дать ответ, который не означал бы ни согласия, ни отказа.

Первый вариант — категорический отказ — казался мало-принемлемым после французского ответа, полученного через В. де Лакруа непосредственно перед началом заседания. Хотя аграрии и их союзники, то есть живностепская партия, выступали за второй вариант, остальные члены комитета были против, к тому же в этом случае ожидалась отрицательная реакция общественности. Э. Бенеш руководствовался принципом, что в качестве президента он должен выступать своеобразным регулятором отношений между правым и левым крылом коалиции.

Вечером того же дня во время телефонного разговора с Я. Масариком Э. Бенеш сказал: «Я ищу формулировку, в которой не было бы ни нет ни да, короче говоря, такую, которая позволит нам дальше вести переговоры»¹⁶. Это была центристская позиция между правым и левым крылом коалиции внутри страны, а в отношении к обеим великим державам — попытка ускользнуть и от положительного, и от отрицательного ответов. Подобное поведение позволяло правительству выиграть время; его все еще не покидала надежда на то, что на Западе общественность заставит свои правительства изменить курс.

На протяжении всего дня 20 сентября шла борьба вокруг решения, которое должен был принять Политический комитет под председательством Э. Бенеша. Методы этой борьбы были самые разные. Прежде всего ощущался мощный нажим снизу, который должен был продемонстрировать правительству волю народа. Приходили делегации с политическими резолюциями от различных партийных организаций заводов и предприятий. Лозунги, распространяемые коммунистической партией, были направлены прежде всего против пораженческих настроений. Компартия понимала, что если общественность будет охвачена пораженчеством, то правительство капитулирует без размышлений. В лозунгах КПЧ упор делался на союз с Советским государством: «Да здравствует Красная Армия!», «Призовите Красную Армию», «Капитулянты-аграрии боятся Красной Армии», «Будьте тверды, защищайте свою страну!», «Советский Союз с нами», «С нами Москва, с нами демократы всего мира»¹⁷. Группа политиков, собравшаяся в редакции

«Лидовых новин», составила обращение, призывая Э. Бенеша выступить против капитуляции: «Господин президент, сейчас только от вас зависит, капитулируем мы или будем сопротивляться... Капитуляция означает нравственное и политическое разложение целого поколения. Мы не опомнимся от этого. Если мы возьмем на себя риск начать войну, то быстро увлечем за собой и Францию... Всюду есть люди, которые встанут на вашу сторону и пойдут с вами до конца... Мы предпочитаем войну позорной капитуляции, которая погубит все чешское, сильное, решительное»¹⁸.

В Париже Ж. Боннэ сообщил Э. Фипису, что Советское правительство выразило ему свое глубокое возмущение действиями французского правительства по отношению к Чехословакии. Из дошедших до него сведений ясно, что советский представитель в Праге советует Э. Бенешу отвергнуть «предложения»¹⁹. В Москве В. П. Потемкин обещал З. Фирлингеру, что советская дипломатия публично разоблачит интриги Ж. Боннэ, цель которых — вызвать сомнения в готовности СССР оказать помощь Чехословакии²⁰. Советская пресса резко осуждала правительства Англии и Франции, которые настаивали на расчленении Чехословакии и капитуляции перед Гитлером²¹. В этой критической ситуации только советская дипломатия вступилась за Чехословакию.

Вместе с тем уже с раннего утра 21 сентября осуществлялся настойчивый нажим с целью добиться принятия англо-французских «предложений». Н. Гендерсон в беседе с чехословацким дипломатическим представителем в Берлине М. Шубертом цинично утверждал, что на этот раз Гитлер не распустит свою отмобилизованную армию раньше, чем добьется нужного ему решения судетского вопроса. Британская молодежь также не будет принесена в жертву только ради того, чтобы судетские немцы не смогли реализовать свое право на самоопределение. Чехословакия в своем теперешнем виде все равно не может быть восстановлена даже после победоносной войны. Если у пражского правительства и Э. Бенеша достаточно ума и предвидения, они склонятся перед высшей силой и примут «предложения»²².

В этот день газета «Таймс» расхваливала преимущества «предложений». И потеряв 2 миллиона немцев, Чехословакия все еще останется в Европе более крупным государством, чем некоторые другие. Сверх того, она получит международные гарантии. Если эта «операция» удастся, она послужит образцом политики, осуществляемой без насилия. Это будет прелюдия к целому ряду дальнейших изменений в Европе, причем война перестанет быть угрозой для цивилизованных народов²³. Здесь расчленению Чехословакии придается смысл,

совершенно отличный от подлинного. Что было мирного в этой операции? Почему Гитлер, давший обещание не начинать войну до следующей встречи с Н. Чемберленом, ускоренно стягивал свои войска к чехословацким границам? Этот вопрос задавали и некоторые британские газеты ²⁴.

Хотя аморальность поведения правительств в Лондоне и Париже и нацистский бандитизм были совершенно очевидны, в Праге среди дипломатов, посетивших утром Чернинский дворец, нашлось достаточно безликих марионеток, чтобы потребовать принятия англо-французских «предложений».

Заседание Политического комитета началось в 11 часов и продолжалось два с половиной часа. Я. Шрамек и Ф. Ежек предложили обсудить вопрос о советской помощи, против чего Р. Млчох заявил решительный протест от имени живностепской партии. К. Крофта объяснил, что условием советской помощи является обращение Чехословакии с жалобой в Лигу наций. Выступивший Э. Бенеш начал пространно говорить о трудностях, с которыми предстоит встретиться в Женеве, и в частности предупредил, что для осуждения агрессии Германии необходимо единодушное решение, а это труднодостижимо из-за позиции Франции и Англии. Э. Бенеш добавил к этому: «И английские лорды получили бы новые аргументы в пользу своего утверждения о нашей большевизации» ²⁵. Антисоветизм Запада оказывал прямое влияние на позицию правительства Бенеша. Если М. Годжа и аграрная партия были полностью против советской помощи, что было хорошо известно, то и Э. Бенеш вовсе не предполагал принять помощь только от одного Советского Союза ²⁶. Отказ от советской помощи делал невозможным категорический отрицательный ответ на англо-французский ультиматум. Политический комитет начал склоняться к предложению Э. Бенеша дать ответ, не означающий ни да ни нет. Однако вновь обострился спор при обсуждении формулировок. Часть членов комитета желала сделать акцент на необходимость сопротивления, оставив, однако, возможность отступления в будущем. Другая часть склонялась принять «предложения», но высказать при этом некоторые оговорки ²⁷. Одной из них, дающей возможность позднейшего отступления, было, несомненно, требование об арбитраже, выдвинутое Э. Бенешем. Собственно говоря, принятие арбитража уже предполагало согласие в принципе с ревизией границ, хотя и в иной форме. Ж. Боннэ в первой половине дня сообщил американскому послу У. Буллитту, что в Праге все еще колеблются: дать ли прямое согласие на «предложения» или потребовать арбитража, — а Э. Фишпсу он сказал, что необходимо оказать новый нажим на чехов. Э. Фишпс ответил, что оба правительства совершенно ясно сказали Э. Бенешу, что если «предложения» будут отвергнуты и

Германия нападет, то Англия и Франция не окажут Чехословакии никакой помощи²⁸.

В Праге В. де Лакруа в 13 часов 30 минут, то есть в тот момент, когда заканчивалось заседание Политического комитета, передал слова Ж. Бонна о том, что требование арбитража опасно. Такое решение будет тяжелой и непоправимой ошибкой, ибо позволит Англии уклониться от участия в разрешении кризисной ситуации. Это якобы могло скомпрометировать все прежние переговоры, и судьей в этом случае стал бы Гитлер. Поэтому чехословацкое правительство и президент должны немедленно принять «предложения». Спустя полчаса к этому демаршу присоединился и Б. Ньютон. Он заявил, что ссылка на арбитраж впоследствии позволила бы другим странам уклониться и оправдать свое неучастие в войне²⁹. Б. Ньютон, правда, оговорился, что у него нет приказа правительства предпринять этот демарш и он действует по собственному усмотрению, но спустя уже десять минут и он получил через У. Стэнга распоряжение Н. Чемберлена поддерживать В. де Лакруа. В свою очередь Б. Ньютон информировал У. Стэнга о том, что правительственный ответ уже формулируется, но будет передан позже³⁰. В 15 часов в Праге была принята депеша Ш. Осуского, содержащая послание секретаря французского министерства иностранных дел А. Леже. Если правительство не примет «предложения» без всяких оговорок, заявлял А. Леже, Англия перестанет интересоваться судьбой Чехословакии, и в результате французская помощь будет неэффективна³¹. Собственно говоря, идея арбитража была лишь модификацией принципиального согласия на ревизию границ. Но сторонники политики «умиротворения» не хотели позволить Э. Бенешу даже такого уклонения от намеченной процедуры. Они требовали принятия своего плана без всяких оговорок. А. Леже предостерегал Э. Бенеша от выдвижения каких-либо условий в этот момент. Он предлагал Э. Бенешу дать согласие. Об условиях, писал он, можно будет договориться позже. Но как показало дальнейшее развитие событий, ловушка крылась именно в этом обещании. Как только будет вырвано принципиальное согласие на отторжение территорий, все дальнейшие переговоры об условиях будут отброшены в сторону.

В 16 часов А. Генке телеграфировал в Берлин, что правительство в принципе приняло «предложения», но все еще ищет способ, как сделать его приемлемым для общественного мнения. Пресса и радио уже постепенно готовят общественность к тому моменту, когда будет объявлено о принятии англо-французского плана. Если бы правительство сразу же приняло этот план, возникла бы угроза революции, добавляет А. Генке³².

Ю. Фучик записал в своем дневнике, что у Р. Берапа имелся план, как обмануть общественность в связи с принятием ультиматума. Правительство до полуночи будет отвергать его, а потом примет. Эту запись часто толковали как подтверждение известной схемы Э. Бенеша, который представлял дело так, будто правительство дало 20 сентября отрицательный ответ на «предложения» и лишь из-за «непреодолимого нажима», после ночного демарша, было вынуждено уступить. В действительности все обстояло иначе. Ответ («ни да ни нет»), данный правительством 20 сентября, шел навстречу принципу ревизии границ. Не был это, однако, и ответ, желательный для Чемберлена и Боннэ.

Между 13 и 17 часами проходили совещания коалиционных партий, на которых обсуждался проект ответа на англо-французский ультиматум. Аграрии и их сообщники из живностенской партии были против любой войны. На заседании партии Национальное единение возникло любопытное недоразумение между Л. Рашином и Ф. Ежеком. Л. Рашин думал, что внутри коалиции Э. Бенеш отстаивает мнение о необходимости отвергнуть «предложения», в то время как аграрии и живностенская партия выступают за капитуляцию. Ф. Ежек объяснил, что это не соответствует действительности, ибо предложение Э. Бенеша об арбитраже, по сути дела, означает согласие с принципом ревизии границ³³. Иначе говоря, предложение Э. Бенеша фактически идет навстречу англо-французскому плану. Э. Бенеш, скорее всего, имел в виду арбитраж, который осуществлял бы американский президент Ф. Рузвельт. Об этом свидетельствует просьба, с которой 20 сентября к госдепартаменту США обратился чехословацкий дипломат. Целью ее было склонить США выступить на стороне Чехословакии. США оставили эту просьбу без ответа³⁴.

Упомянутые совещания коалиционных партий проводились, чтобы обеспечить поддержку правительственному ответу, обойти при решении вопроса парламент, поэтому вполне понятно, что от коалиционных партий скрывалась информация об активизации политической оппозиции на Западе. Так, например, от социал-демократов утаили информацию чехословацкого посольства в Лондоне об активизации лейбористской оппозиции. Референта канцелярии президента республики просили сообщить об этом ведущим деятелям социал-демократии, однако он воздержался по следующему соображению: «Я пока не сделал этого и доложу о разговоре лишь в том случае, если это будет соответствовать намерениям господина президента»³⁵.

В Англии оппозиция действительно начала нападки на Н. Чемберлена, поставив ему в вину предъявление Чехословакии ультиматума. Лейбористы требовали созыва парламента

для рассмотрения вопроса об этом. Н. Чемберлен заявил, что созыв парламента сорвал бы его «трудные и деликатные переговоры»³⁶, а также пригрозил оппозиции обнародовать мнение генерального штаба Франции, который признает, что французская авиация к войне не готова³⁷.

Положение правительства Чемберлена в эти часы отнюдь пельзя было назвать прочным. Немецкая разведка сообщала из Лондона, что в парламентских кругах уже обсуждается состав нового британского правительства на случай войны. Премьером называли Э. Галифакса, членами кабинета — А. Идена, У. Черчилля, представителей лейбористов и либералов³⁸. В правительственных кругах утверждалось, что английское правительство якобы лишь рекомендовало передать «предложения» чехословацкому правительству, в то время как французское одобрило их по всем пунктам. Британское правительство примет повое решение только в том случае, если Прага отвергнет «предложения»³⁹. Буквально так же оправдывались и в Париже, сваливая всю ответственность на английское правительство. Можно ли сделать из этого вывод, что, помимо всего, твердый нажим на Прагу 20 сентября мотивировался шатким положением обоих правительств, как в Париже, так и в Лондоне? Видимо, только безусловное согласие Э. Бенеша с представленным ультиматумом могло укрепить позиции бонна, чемберленов и других пособников гитлеровского фашизма. Какой была бы судьба этих позорных правительств, если бы Прага решила сопротивляться? Э. Бенеш не пытался оказать такое сопротивление и, таким образом, содействовал лишь тому, чтобы Э. Даладье и Н. Чемберлен остались у власти.

20 сентября английский посол в Берлине Н. Гендерсон написал Э. Галифаксу одно из своих очередных писем. Он высказывал опасение, что Э. Бенеш вряд ли возьмет на себя наибольшую часть грязной работы. Он лишь даст согласие склониться перед превосходящей силой. Э. Бенеш хочет сохранить симпатии к себе. В прежних телеграммах Б. Ньютона приводились угрозы Э. Бенеша договориться с Гитлером, если Запад его покинет. Однако Н. Гендерсон считает это сейчас переальным и верит, что не возникнут никакие препятствия, которые помешают встрече в Годесберге. Его больше беспокоили телеграммы из Праги, сообщавшие о растущем советском влиянии в Чехословакии.

По мнению Н. Гендерсона, всю операцию в этой стране можно будет завершить за шесть месяцев. Плебисцит следовало бы провести лишь там, где это будет совершенно необходимо. Нападки в немецкой прессе и угрозы войной не прекратятся до тех пор, пока не станет ясно, что чехи не будут воевать. Если мы избежим сейчас войны, писал

Н. Гендерсон, то дальнейшую ревизию отложим на следующие годы. А другие страны не повторяют ошибок Бенеша и свои дела урегулируют путем двусторонних соглашений⁴⁰.

Британское правительство усиленно настаивало на принятии своего плана, а официозная газета «Таймс» в розовых красках рисовала будущее урезанной Чехословакии. Но значило ли это, что в Лондоне не понимали последствий своего плана? Факты противоречат такому предположению. Тот же О. Г. Саржент, 18 сентября так беспощадно разоблачивший истинную цену британских гарантий, 20 сентября составил доклад, в котором пытался предугадать, какие новые требования способен выдвинуть Гитлер, располагая отмобилизованной армией. О. Г. Саржент полагал, что Гитлер, скорее всего, потребует: 1) присоединения дальнейших областей, в которых имеются немецкие меньшинства; 2) отказа от территорий с польским и венгерским меньшинствами; 3) заключения договора, обеспечивающего ему контроль над внешней торговлей и политикой Чехословакии; 4) запрещения КПЧ и установления особого режима для немцев в урезанной Чехословакии; 5) контроля над еврейским населением и изгнания определенных категорий населения; 6) ограничения численности чехословацкой армии и установления немецкого контроля над ней, с тем чтобы она уже не могла представлять никакой опасности для Германии; 7) передачи заводов «Шкода» Германии. Кроме того, Саржент полагал: в связи с замечанием Гитлера в Берхтесгадене можно ожидать, что в ответ на английские гарантии Чехословакии Германия расторгнет морской договор 1935 г.⁴¹ Этот доклад О. Г. Саржента имеет огромную ценность. Он служит доказательством того, что британская политика полностью осознавала, в какое положение она ставит Чехословакию. Утверждения, что компромисс с Гитлером — меньшее зло, а уступка пограничных районов предвещает Чехословакии лучшее будущее, были лишь бесстыдной ложью. А поскольку к этой аргументации прибегал и Э. Бенеш для получения согласия своих министров, то вряд ли это подтверждает его прозорливость.

В то время как в Праге проходили совещания коалиционных партий, в Лондоне собрался специальный правительственный комитет, занимавшийся чехословацким кризисом. Заседание началось в 15 часов⁴². На повестке дня стоял вопрос о меморандуме Г. Вильсона, в котором делалась попытка наметить поведение Н. Чемберлена на следующей встрече с Гитлером — при условии, конечно, что Э. Бенеш примет англо-французские «предложения». В последней информации из Праги говорилось: Э. Бенеш не даст ответа ранее 18 часов, кроме того, он еще надеется эти «предложения» рассматривать как основу для дальнейших переговоров. Г. Вильсон полагал,

что Гитлеру нельзя будет попросту сказать, что Э. Бенеш принял «предложения» и обе стороны ныне имеют возможность добиться окончательного решения проблемы путем прямых переговоров между собой. Это не вышло бы с той ведущей ролью, которую до сих пор играл Н. Чемберлен.

Н. Чемберлен полагал, что он проинформирует Гитлера о «предложениях» и ответе Э. Бенеша. Затем он должен выяснить, каковы планы Гитлера и с какими мерами он согласится. Необходимо признать, что окончательное решение недостижимо без консультаций с Э. Бенешем. Н. Чемберлен поставил на обсуждение вопрос: может ли Э. Бенеш непосредственно включиться в его переговоры с Гитлером? Это, по мнению Н. Чемберлена, было бы нежелательно: такая встреча не даст ничего хорошего. Можно ли пригласить Э. Бенеша в Лондон? Н. Чемберлен полагает, что ему трудно будет покинуть страну. Может быть, выгоднее всего провести переговоры с Францией и Чехословакией по дипломатическим каналам сразу же, как станет известно, что намерен делать Гитлер в дальнейшем?

Учитывая настроение общественности в Англии, желательно, чтобы при следующей встрече с Н. Чемберленом Гитлер пошел бы на какие-нибудь уступки. Это необходимо, принимая во внимание размер уступок, ранее сделанных Гитлеру. Один из вариантов — изменить критерии для определения областей, которые должны перейти к Германии, отнеся к их числу только те, где немцы составляют более 50% населения. Принцип 50% вел бы к передаче 2,6 миллиона немцев, критерий 80% снизил бы это количество до 2,103 миллионов. Гитлер мог бы, далее, обещать демобилизовать некоторые свои воинские части или, если он не согласится с этим, оттянуть свои подразделения на большее расстояние от чехословацких границ. Он мог бы распустить судетонемецкий добровольческий корпус, так как уже нет оснований для его сохранения. Но Гитлер вряд ли согласится провести демобилизацию, пока не будет наведен порядок в районах, намеченных к передаче. Он всегда требовал вывода чехословацкой государственной полиции из этих районов. Можно было бы порядок на этой территории обеспечить с помощью британских подразделений, но тогда возникла бы система крайне непрактичного контроля. В качестве одного из вариантов можно предложить, чтобы немцы немедленно оккупировали намеченные территории. Однако подобное предложение сопряжено с определенным политическим неудобством, создавая впечатление, будто Германия получила согласие на немедленную оккупацию, не сделав взамен никаких уступок. Другой вариант состоит в том, чтобы судетские немцы сами обеспечивали порядок под надзором таких британских наблюдателей, как, например, С. Пратт.

В дискуссию вступил Ф. Эштон-Гуэткин. Он уже обсуждал этот вариант с князем Гогенлоэ, и тот рекомендует прямую оккупацию немецкой армией. Судетские немцы недисциплинированы, и поэтому могут возникнуть конфликты. Наиболее опасны промышленные районы с рабочим населением, где много чехов и сильно влияние социалистов и коммунистов. Эта часть дискуссии завершилась принятием рекомендации, согласно которой судетонемецкую партию следовало держать в стороне. Лучше всего было бы убедить Э. Бенеша самому попросить установить контроль германских войск над областями с преобладанием немецкого населения. В районах со смешанным населением могли бы остаться чехословацкие полиция и армия. Такое решение желательно связать с гитлеровской гарантией того, что судетонемецкая партия прекратит провоцировать беспорядки.

Последовала дискуссия о том, стоит ли создавать международную комиссию, которая установила бы принципы и критерии определения новых границ. После этого специальная подкомиссия наметила бы эти границы. Но Гитлер, вероятнее всего, возразит против подобных комиссий. Наверное, он потребует, чтобы границы были определены путем прямых переговоров с ним. Если удастся достичь соглашения о передаче территорий с преобладающим немецким населением, Н. Чемберлен попытается улучшить формулировку о 50%, аргументируя это тем, что во внимание следует принять административные, географические, экономические, стратегические факторы и пожелания населения. Лучше всего будет создать комиссию для определения границ из представителей Германии, Чехословакии и Англии, причем председателем ее должен стать англичанин. Италия не заинтересована в этом, Франция же согласится со всем. В случае разногласий председатель сам сможет принять решение.

Затем обсуждался вопрос о гарантиях. Было высказано мнение, что включение Германии в число гарантов проблематично, так как она сможет воспользоваться правом вето. Неясно также, может ли и должна ли участвовать в гарантиях Россия? В пользу ее участия говорит тот факт, что Чехословакия должна получить какое-то возмещение за отказ от союзных договоров. Кроме того, значительная часть британской общественности будет приветствовать включение России в число гарантов. Однако, если бы это произошло, Франция должна была бы призвать Россию модифицировать свои обязательства по отношению к Чехословакии в соответствии с теми изменениями, какие сделала она сама. Германия могла бы заключить особый пакт о ненападении с Чехословакией. В отношении немцев, оставшихся в уменьшенной после отторжения Судет Чехословакии, можно использовать четвертый план

Бенеша. Что касается чехов, проживающих в отторгаемых областях, то за основу может быть взято польско-немецкое соглашение о национальных меньшинствах.

Заседание правительственного комитета показывает, насколько ложными и иллюзорными были расчеты Э. Бенеша на то, что в ходе дальнейших переговоров можно улучшить условия англо-французского плана. Ведь этот комитет политических фарисеев хотел принудить Бенеша согласиться на немедленную оккупацию областей с преобладанием немецкого населения под предлогом, что это якобы лучший способ избежать инцидентов, ведущих к войне. Возникли серьезные сомнения в самом принципе международной комиссии, хотя предложение о созыве ее уже содержалось в англо-французских «предложениях». Рассуждения членов комитета о гарантиях были чисто утилитарными. Вопрос о включении Советского Союза в число гарантов поднят прежде всего для того, чтобы сбить с толку британскую общественность. Однако предварительно СССР должен был бы сам расторгнуть договор с ЧСР, как это сделала Франция. Участие СССР во всей этой операции сломало бы острее нападок оппозиции, которая критиковала политику уступок Гитлеру, ссылаясь на возможность проведения совместной с СССР политики.

В ночные часы заседал так называемый внутренний кабинет, который ожидал ответа из Праги и в конце концов отдал приказ посланнику Б. Ньютону предпринять ночной демарш. Однако все материалы об этом заседании недоступны. Да мы и не узнали бы ничего нового. Еще утром правительственный комитет допустил возможность оккупации пограничных районов Чехословакии немецкой армией прежде, чем будут определены новые границы, но была ли гарантия, что немецкая армия вообще где-нибудь остановится во время своего похода в Чехию? И с этими-то людьми Э. Бенеш намеревался вести дискуссию об отдельных частностях в их «предложениях». Ведь они сами уклонялись от своих «предложений», не дожидаясь даже формального ответа на свой план.

Ответ чехословацкого правительства не был получен в определенный Лондоном срок. Поэтому утром 20 сентября Н. Гендерсон посетил государственного секретаря МИД Германии Э. Вейцекера и заверил его, что в любом случае Н. Чемберлен не намерен вносить в создавшуюся ситуацию элемент беспокойства. В 14 часов Н. Гендерсон позвонил и сообщил, что Н. Чемберлен получил сообщение о том, что ответ Праги будет дан днем. После совещания британского кабинета можно будет определить дату встречи в Годесберге⁴³. Но так как чешский ответ не был получен и после обеда, то И. Риббентроп помог Н. Гендерсону выйти из затруднительной ситуации

и сам предложил, чтобы встреча в Годесберге была отложена на четверг, 22 сентября.

Кроме военных приготовлений, в этот день немецкие политики занимались подготовкой соглашений о совместных с Польшей и Венгрией действиях. Партия Глинки также получила приказ решительно выступить с требованием автономии Словакии. Послам Польши и Венгрии были даны заверения в том, что Гитлер не согласится с какими-либо гарантиями для Чехословакии до тех пор, пока не будут решены все остальные вопросы, связанные с национальными меньшинствами⁴⁴. В этот же день немецкая пресса получила приказ продолжить кампанию протестов против так называемого «преследования» немцев в Чехословакии. Одновременно печать должна была подчеркивать, что Германия не намерена вести дискуссии с Прагой, как этого, несомненно, желает последняя⁴⁵. В британских архивах сохранилось свидетельство болгарского царя Бориса, который в ночь с 20 на 21 сентября долго убеждал Гитлера и Геринга в том, что они не могут рассчитывать на изолированную войну с Чехословакией. Существует угроза мировой войны, в которой главную опасность для Германии будет представлять Советский Союз. И хотя Германия, возможно, сможет первоначально добиться успехов в войне с Западом, сила русских в этой войне будет решающей. Ресурсы России неисчерпаемы, и они будут полностью использованы для ведения войны, в то время как Германия вскоре исчерпает свои. У Бориса создалось впечатление, что от этого Гитлеру стало не по себе, хотя он и не согласился с его выводами. Английскую дипломатию этот разговор заинтересовал настолько, что она дважды проверяла сообщение о нем⁴⁶. Пока Гитлер имел дело со сторонниками политики «умиротворения», его агрессивность не знала границ. Однако в действительности он опасался возможности создания правительства народного фронта в Праге и советской помощи Чехословакии. Гитлер выполнил свое обещание, данное Н. Чемберлену, не совершать нападения на Чехословакию, пока идут переговоры. Гитлеровская разведка располагала точными сведениями о ходе и результатах заседаний Политического комитета Бенеша. Гитлер сохранял твердую надежду, что все получит без войны. Но он дал понять, что если в Праге будет установлено правительство народного фронта, то Германия немедленно нападет на Чехословакию.

Некоторые дипломаты отмечали в своих сообщениях из Праги усиление пораженческих настроений в армии и правительстве. Генеральный штаб и министерство иностранных дел Чехословакии считали, что необходимо принять условия Лондона. В. де Лакруа рассчитывал, что в конце концов правительство примет их. Он полагал, что после этого кабинет

М. Годжи падет и на смену ему, видимо, придет правительство чиновников или же новый кабинет во главе с тем же М. Годжей. Однако народные массы не желали уступать, и дипломаты в своих сообщениях единодушно приписывали это влиянию коммунистов⁴⁷.

Совещания коалиционных партий должны были закончиться примерно к 17 часам. Около 18 часов в Граде у президента вновь должен был собраться Политический комитет. У некоторых министров создалось впечатление, что «президент и Р. Бехине постепенно склоняются к тому, чтобы избавиться от балласта немецкого вопроса»⁴⁸. Незадолго до 20 часов посланникам Англии и Франции был вручен уклончивый ответ на их ноту от 19 сентября. Б. Ньютон сразу же отверг его как неудовлетворительный и заявил К. Крофте, что другой ответ должен быть готов в течение ночи. М. Годжа сообщил все это Политическому комитету и попросил, чтобы министры в случае необходимости были «под рукой». После того как министры разошлись, Э. Бенеш, М. Годжа, Р. Бехине и К. Крофта остались в зале совещаний. Начиналось главное действие чехословацкой драмы.

V. НОЧНОЙ ДЕМАРШ

(20—21 сентября)

Не получив в течение дня от чехословацкого правительства ответа, Б. Ньютон и В. де Лакруа около 19 часов узнали, что в подготовительном варианте содержится ссылка на арбитражный договор. Информатор Б. Ньютона, которым, скорее всего, был М. Годжа, объяснил такую ссылку необходимостью уступить упорствующим министрам, но правительство примет ультиматум, если на него окажут достаточно сильный нажим¹. Несомненно, это сообщение отражало положение, сложившееся в Политическом комитете, об этом уже в полдень доносил румынский посланник Р. Круцеску. Требование об арбитраже поддерживали те министры, которые настаивали, чтобы ответ выражал несогласие с «предложениями», сохраняя при этом скрытую возможность позднейшего отступления.

Однако посланник В. де Лакруа совершенно иначе передал полученную информацию в Париж. Согласно утверждению Ж. Боннэ, тот якобы сообщил в 19 часов 30 минут, что, если чехословацкое правительство не даст положительного ответа, это можно объяснить желанием выиграть время. Правительство в Праге делает ставку на возможность падения кабинета Даладье². В допесении В. де Лакруа писал о необходимости оказать дополнительный нажим. По его мнению, желательно было бы, чтобы генерал М. Гамелен обратился к генералу Л. Крейчи. Как утверждает Ж. Боннэ, это предложение после совещания с Э. Даладье было отклонено на том основании, что французский генеральный штаб не мог взять на себя политическую ответственность³. Однако, как свидетельствуют другие источники, французский генеральный штаб тем не менее дал понять той же ночью Праге, что в случае войны Франция не вступится за Чехословакию⁴. Ж. Боннэ требовались доказательства, что демарш, необходимый для принятия ультиматума, осуществляется по прямой просьбе чехословацкого правительства, и, следовательно, ответственность за его последствия ложится на Прагу. Именно поэтому Ж. Боннэ скрывал факт нажима М. Гамелена, так как это не соответствовало «блистательной» концепции ультиматума, предъявленного по заказу.

Около 19 часов 45 минут министр К. Крофта передал обоим посланникам ответ. Кто нес за него ответственность? Практически один Политический комитет под председательством Э. Бенеша. В протоколах заседания правительства нет никаких

следов о проведении очередного или чрезвычайного заседания. Поэтому ответ от 20 сентября нельзя считать ответом всего правительства. Не созывался и парламент. Означает ли это, что ответ не имел окончательного характера, как давали понять обоим посланникам представители чехословацкой стороны?

Можно ли считать этот ответ отрицательным? Хотя в тексте говорилось, что правительство не может принять англо-французский план, в нем вместе с тем высоко оценивались предлагаемые гарантии и выдвигалась идея решить спор с Германией посредством арбитража. Таким образом, допускался принцип ревизии границ. Необходимо помнить и слова Э. Бенеша, сказанные им во время телефонного разговора с Я. Масариком, с тем, что он ищет формулировку, которая не означала бы ни да ни нет и тем самым сохраняла возможность дальнейших переговоров.

Югославский посланник называет этот ответ вторым. Первым ответом он считает обращение к Франции предыдущей ночью. Если первый ответ, текст которого сохранился в бумагах К. Крофты, был категорически отрицательным, то второй ответ от 20 сентября был шагом назад и своей половинчатостью открывал путь к капитуляции. По мнению Р. Круцеску, упор в нем сделан на сопротивление «предложениям», но содержал вместе с тем скрытую возможность для позднейшего отступления. Югославский посланник назвал второй ответ «неудовлетворительным, несмотря на объяснения К. Крофты, что он позволяет вести дальнейшие дипломатические переговоры в духе примирения»⁵. Э. Бенеш напрасно полагал, что возможны будут переговоры о проблеме в целом — ведь Германия ясно дала понять, что подобные попытки она считает проволочками, на которые ответит войной. И ведь завершилось дневное заседание британского правительственного комитета принятием требования к Чехословакии без промедления уступить Германии районы с преобладанием немецкого населения, не дожидаясь определения новых границ. При такой позиции Германии и Англии чехословацкий ответ был недостаточен. В конце концов утром оба посланника потребовали, чтобы чехословацкое правительство отказалось от мыслей об арбитраже. Как проговорился Г. Рипка вскоре после Мюнхена, Э. Бенеш ожидал, что его аргументы окажут воздействие прежде всего на Францию, где не все министры согласились с англо-французскими «предложениями», протестуя против нажима на Прагу и требуя сохранения в силе союзнического договора в случае отрицательного чехословацкого ответа⁶.

Итак, имеющиеся факты не позволяют считать чехословацкий ответ от 20 сентября категорическим отказом на англо-французские «предложения». Примечательно, что телеграмма, содержащая советский ответ на известные вопросы Э. Бенеша,

была получена в Праге в 17 часов 38 минут, но расшифровали ее и представили только в 20 часов 20 минут, то есть после того, как В. де Лакруа и Б. Ньютон уже получили ответ от К. Крофты. Что означала эта длительная задержка при решении столь важного вопроса? Была ли это случайность или умысел?

Б. Ньютон выразил протест по поводу содержания чехословацкого ответа уже при его передаче. Он заявил К. Крофте, что если Н. Чемберлену придется на следующий день лететь к Гитлеру без положительного ответа, то это приведет к катастрофе. На К. Крофту это заявление произвело сильное впечатление. Б. Ньютон напомнил далее, что еще днем оба посланника протестовали против арбитража, который они квалифицировали как безумный шаг, ведущий к войне. В данной ситуации, утверждал английский посланник, возможен только один путь: безусловное согласие с предложениями Лондона и Парижа. К. Крофта пытался возражать, говоря, что нельзя требовать, чтобы согласие на раздел страны дали за какие-то сорок восемь часов. Но Б. Ньютон видел, что К. Крофта готов к самому плохому исходу. Он попросил К. Крофту передать правительству все им сказанное и принять его ночью, как только он получит указания от своего правительства⁷. Отклонив чехословацкий ответ, Б. Ньютон, по словам Г. Рипки, прямо заявил, что, если дело дойдет до войны, Англия утратит всякий интерес к Чехословакии⁸. К этому заявлению, как отмечают некоторые авторы, присоединился и В. де Лакруа⁹. В принципе английский посланник не сказал ничего существенно нового по сравнению с тем, что он говорил во время своего демарша в 14 часов. Он попросил Лондон дать указания, позволяющие ему еще этой ночью заявить непосредственно Э. Бенешу о том, что ответ является неудовлетворительным и повлечет за собой войну, в которой Англия и Франция останутся в стороне. Инструкции он ожидал получить к полуночи и был намерен сразу же посетить Э. Бенеша¹⁰.

Все это К. Крофта и М. Годжа сообщили министрам в Граде. Таким образом, министры и Э. Бенеш заранее были оповещены, что чехословацкий ответ отвергнут и еще этой ночью последует новый демарш, цель которого — категорически потребовать ясного и безусловного согласия с «предложениями». Поэтому нет никаких оснований, как это встречается в чехословацкой литературе, драматизировать ночной демарш.

Имело ли в этой ситуации хоть какой-то смысл просить оказать новый нажим на Прагу? Разве не знали все министры, входившие в состав Политического комитета, какой демарш будет предпринят в течение ночи? Разве Б. Ньютон не выразился достаточно ясно?

Попытки Ж. Боннэ и ему подобных доказать, что они ока-

зали нажим на Прагу лишь потому, что чехословацкое правительство само просило это сделать, — явная ложь. Ведь Б. Ньютон уже в начале сентября добивался в Праге принятия так называемого четвертого плана, угрожая, что если Чехословакия не уступит Генлейну, то неизбежна война, в которой Франция и Англия не станут участвовать. Во время лондонских совещаний Э. Даладье дал понять, что на Э. Бенеша необходимо оказать сильный нажим, а если он не подчинится, то Чехословакия будет оставлена на произвол судьбы. Еще яснее сказали об этом английским журналистам лица из окружения Даладье. На заседании французского кабинета 19 сентября раздавались голоса, требующие четко заявить Э. Бенешу: если он не примет «предложений», то Франция аннулирует обязательства. 20 сентября Н. Гендерсон во время ночного разговора по телефону из Берлина настаивал, чтобы Чехословакии было ясно и публично заявлено: если ответ будет неудовлетворительным, она не сможет рассчитывать на помощь западных держав¹¹. Подобные же заявления сделали В. де Лакруа и Б. Ньютон во время дневного демарша, предостерегая чехословацкое правительство от выдвижения принципа арбитража. Вечером Э. Фиппс посетил Ж. Боннэ и вновь предложил ему, чтобы оба посланника в Праге информировали Э. Бенеша: если предложения не будут безоговорочно приняты, то Германия нападет на Чехословакию, а Англия и Франция умоют руки. Ж. Боннэ не возражал против этого, но потребовал, чтобы Э. Фиппс по телеграфу получил согласие Э. Галифакса. Разговор состоялся в 19 часов 45 минут. Спустя 40 минут Ж. Боннэ уже сам настойчиво требовал, чтобы оба посланника в Праге незамедлительно предприняли свой демарш перед Э. Бенешем¹². Один из апологетов политики Н. Чемберлена утверждал во время войны, что ни о каком нажиме как таковом не было и речи. Это якобы были всего лишь сообщения о том, что если «предложения» не будут приняты, то Чехословакия не получит военную помощь со стороны Франции и Англии¹³. Подобные заявления можно было бы не считать нажимом, если бы на границе Чехословакии не находилась немецкая армия, готовая в любой момент начать наступление. Совершенно очевидно, что в этом случае англо-французский демарш представлял собой угрозу изолированной войны. Важно, однако, подчеркнуть, что подобные заявления повторялись уже много дней, а вовсе не были сделаны лишь в ходе рокового ночного демарша. И делались они не по просьбе Чехословакии. Э. Даладье и Ж. Боннэ всячески стремились завуалировать свою предательскую политику — это хорошо известно. В ходе лондонских политических совещаний они все время пытались переложить на английское правительство ответственность за то, что восточные союзники Франции остаются поки-

нутыми. В течение всего лета они уверяли французскую общественность и Чехословакию в том, что союзные обязательства будут честно выполнены, в действительности же осуществляли политику предательства. Приближался неумолимый час, когда в своей измене Чехословакии они должны были прямо и открыто признаться. Обладая достаточным опытом, они смогли использовать политические ошибки своей жертвы. Так, не колеблясь, они использовали пятый план Э. Бенеша для демагогических утверждений, что отторжение пограничных районов осуществляется по желанию чехословацкого правительства. Сделало ли в эту роковую ночь чехословацкое правительство новую ошибку, вновь облегчившую предательство Э. Даладье и Ж. Бонне?

В коалиционном правительстве союзниками таких реакционеров, какими были сторонники Ж. Бонне в Париже и «клайвденская клика» в Лондоне, стали аграрии. Их объединяло враждебное отношение к политике коллективной безопасности, воинствующий антикоммунизм и антисоветизм. В течение лета М. Годжа неоднократно давал понять Б. Ньютону: чтобы преодолеть сопротивление некоторых министров политике уступок, партии Генлейна, необходим британский нажим. Но по мере того, как росла угроза республике со стороны гитлеровской Германии, падал авторитет аграрной партии. За время сентябрьского кризиса он уменьшился настолько, что аграрии в Политическом комитете вынуждены были придерживаться оборонительной тактики. Для достижения своих целей им стала просто необходима иностранная поддержка.

Ряд авторов считают, опираясь при этом на свидетельства бывших чехословацких политических деятелей, что информатором, которого упоминает в своих сообщениях Б. Ньютон, был именно М. Годжа¹⁴. Еще до вручения официального чехословацкого ответа этот информатор сообщил, что в документе будут ссылки на арбитраж, по правительству подчинится, если почувствует достаточно сильный нажим со стороны Англии и Франции¹⁵. Такое сообщение, хотя бы и исходящее от М. Годжи, нельзя было считать непосредственным «заказом» на ультиматум. Скорее, это была информация, которая намекала на готовность Политического комитета капитулировать и провоцировала усилить давление. Немецкие дипломатические донесения о событиях этой ночи также свидетельствуют о том, что чехословацкое правительство осознавало необходимость в конце концов принять «предложения», но при этом хотело выиграть время для подготовки общественности, чтобы последняя поняла этот шаг и в итоге приняла его¹⁶.

Критическим моментом всей истории о так называемом «ультиматуме по заказу» явилась беседа между М. Годжей и В. де Лакруа.

Обратимся сначала к донесению румынского посланника Р. Круцеску. Чехословацкий ответ на «предложения», который вечером будет вручен посланникам, сообщал он, будет негативным, но вовсе не категорически отрицательным, так как пражские лидеры хотят лишь выиграть время. «В действительности такой образ действий определяется страхом перед серьезными внутренними беспорядками,— продолжал он.— Свою роль играет и стремление лидеров любой ценой сохранить свои личные позиции. Один чехословацкий официальный деятель, который очень хорошо знает подлинное положение, указал мне на то, что только новое и категорическое заявление о том, что Англия и Франция перестанут проявлять интерес к Чехословакии, и особенно немедленный демарш руководства французской армии перед чехословацким генеральным штабом смогли бы в последний момент открыть чехам глаза на то, что их страна находится на краю пропасти и не имеет никакой надежды на спасение. Я передал эти наблюдения обоим заинтересованным коллегам, которые немедленно приняли меры в Париже и Лондоне»¹⁷. Итак, налицо еще один посредник между чешской реакцией и правительствами Франции и Англии.

Посланник В. де Лакруа дважды описал свой разговор с М. Годжей. Сначала он изложил его в апреле 1939 г. Яромиру Смутному. Когда В. де Лакруа после 20 часов вернулся от К. Крофты с ответом на «предложения», его посетил Р. Круцеску. Сведения, полученные от него, де Лакруа, несомненно, включил в свою телеграмму, отправленную в 20 часов 20 минут. После этого позвонил М. Годжа. Когда они встретились, он спросил у В. де Лакруа, выполнит ли Франция свои обязательства, если Чехословакия подвергнется нападению. Посланник ответил, что должен запросить Париж. М. Годжа продолжал: «Ни Англия, ни Франция нам не помогут. Если вы нам скажете, мы уступим. Говорю об этом с согласия президента». «Вот это я и передал в Париж, об ультиматуме не было и речи»,— добавляет В. де Лакруа¹⁸. То же самое он изложил после войны в своих показаниях парламентской комиссии. К сказанному он добавил только: М. Годжа подчеркнул, что действует с согласия не только Э. Бенеша, но и генерального штаба, который считает, что война без Франции была бы самоубийством¹⁹.

Если мы поверим В. де Лакруа, что ни о каком ультиматуме не было и речи, а М. Годжа хотел лишь получить заявление о нежелании Франции и Англии помочь Чехословакии, то в этом случае мы должны согласиться и с приведенными выше словами чемберленовского апологета Моэма. Нажима не было, было только заявление, что Англия и Франция не вступят в войну из-за Чехословакии. Следовательно, Э. Бенеш был прав, назвав в беседе с Клементом Готвальдом в

1943 г. М. Годжу предателем за его действия в сентябре 1938 г.²⁰

В связи с этим возникает несколько вопросов. Несомненно, разговор М. Годжи с французским посланником происходил с с ведома Э. Бенеша. Ведь заседание Политического комитета, состоявшееся после ночного демарша, проходило в присутствии последнего. М. Годжа открыл его словами: «Мы погребовали у Франции ясного ответа, выполнит ли она свои обязательства в случае агрессии или нет, и теперь мы его получили, даже слишком ясный»²¹. Э. Бенеш сам признает, что разговор М. Годжи с французским посланником состоялся в соответствии с тем, что было сказано при передаче чехословацкого ответа на «предложения»²². Ведь именно тогда Б. Ньютон заявил от себя, что Англия устранился в случае войны с Германией, но ночью он обещал явиться с новым официальным демаршем. Поэтому естественно, что Политический комитет во главе с Э. Бенешем хотел тогда же получить ответ, выполнит ли Франция в случае войны свои обязательства по отношению к ЧСР²³. Этот вопрос Э. Бенеш пытался выяснить уже в ночь с 19 на 20 сентября. Не исключено, что он все еще надеялся на изменение позиции французского правительства. Наверно, он еще верил, что вопрос о французских союзах должно решать правительство в целом, а не один Ж. Боннэ.

Де Лакруа написал в своей телеграмме, что чехословацкому правительству, для того чтобы принять «предложения», необходимо прикрытие. Это вполне могло прозвучать из уст М. Годжи. Но это также могло быть основано и на сообщении румынского посланника Р. Круцеску. В конце концов, это могло быть и догадкой самого французского посланника. Ведь рассуждения о страхе правительства перед реакцией общественности в это время были широко распространены в Праге и передавались во многих дипломатических сообщениях. Поэтому у Ж. Боннэ не было никакой необходимости фальсифицировать телеграмму В. де Лакруа.

Э. Бенеш, таким образом, не только знал о разговоре М. Годжи, но и дал на него согласие. Свои решения он принимал на основе анализа объективных условий. Э. Бенеш знал, что ночью явится Б. Ньютон с новым демаршем. Для того чтобы решить, как отреагировать на новый британский нажим, Э. Бенеш хотел знать, какова позиция Франции, которую он считал своим главным союзником. Поэтому нельзя отвергнуть и правдоподобность утверждения Ж. Боннэ, что до полуночи из Праги было получено два запроса, требующих французского ответа на вопрос М. Годжи.

Для полноты картины следует отметить, что около 23 часов в Лондоне получили телеграмму Б. Ньютона следующего содержания: «У меня есть все основания считать ответ прави-

тельства не окончательным. Правительство следует заставить принять решение. Если я смогу вручить в среду Э. Бенешу нечто вроде ультиматума, он и его правительство будут вынуждены склониться перед высшей силой. Чешское правительство должно дать согласие без всяких оговорок, иначе правительство его величества утратит интерес к судьбе этой страны. Я знаю, что мой французский коллега телеграфировал в Париж в этом же смысле»²⁴.

Во время войны государственный секретарь французского министерства иностранных дел А. Леже заявил, что в критические сентябрьские дни Ж. Боннэ настойчиво искал возможность свалить ответственность за предательство Чехословакии на Прагу. Э. Бенеш о его сообщении написал следующее: «Он совершенно определенно подтвердил мне, что В. де Лакруа получил по телефону приказание от Ж. Боннэ посетить Вас [то есть М. Годжу] 19 сентября и спровоцировать на такие вопросы, которые позволили бы сказать, что просьба сделать заявление о несоблюдении Францией своих договорных обязательств по отношению к нам исходила от чехословацкого главы правительства, и вообще от чехословацкой стороны»²⁵. Несомненно, Ж. Боннэ хорошо понял, что телеграммы В. де Лакруа о переговорах с М. Годжей облегчают ему предательство Чехословакии. Чешская реакция облегчила измену людям типа Боннэ, а они в свою очередь помогли чешской реакции совершить предательство. Ж. Боннэ цинично пишет в своих мемуарах, что, как он понял из просьбы М. Годжи, в Праге хотели избежать ответственности за капитуляцию. Поэтому он договорился с Э. Даладье не отказывать Праге в «прикрытии», которое необходимо ей, чтобы обезопасить себя перед общественным мнением²⁶. Именно в этом состоит смысл так называемого «ультиматума по заказу»: внутренняя и внешняя реакция помогали друг другу преодолеть сопротивление капитуляции. Скрытые махинации с так называемым ультиматумом представляли прикрытие не только М. Годже в Праге, но и Ж. Боннэ в Париже.

Какую роль играл в этом Э. Бенеш? Несомненно, он был склонен капитулировать, его идея арбитража была равноценна принципу ревизии границ. Э. Бенеш надеялся, что в ходе дальнейших переговоров удастся улучшить условия англо-французского плана. Но Б. Ньютон загнал его в тупик тем, что решительно отверг чехословацкий ответ и заявил, что ночью состоится новый демарш. Э. Бенеш стал жертвой своей пассивной концепции. Для того чтобы противостоять Б. Ньютону, он обязательно должен был знать позицию Франции. Но что мог узнать Э. Бенеш, обращаясь к политическим проходцам типа Ж. Боннэ и Э. Даладье? Ведь если у него самого не хватало смелости изменить положение Чехословакии, то не

оставалось ничего иного, как принять роковое решение в крайне неблагоприятных условиях.

Если Э. Бенеш надеялся, что его запрос в Париж будет включен в повестку дня заседания правительства, то он явно недооценил политическую беспринципность Ж. Бонна и его клики. Президент Франции А. Лебрен посоветовал собрать кабинет; Ж. Бонна возразил на это, что Прага срочно требует ответ в течение ночи²⁷. А. Лебрен сам поддерживал политику «умиротворения», поэтому в конце концов он согласился дать ответ Праге без совещания с правительством. Около 2 часов ночи В. де Лакруа получил по телефону указание заявить Э. Бенешу, что отказ от «предложений» повлечет войну, Англия останется в стороне, поэтому Франция будет не в состоянии выполнить свои союзнические обязательства²⁸. Сформулировать ответ помогли профессиональные дипломаты А. Леже и Ж. Анри. Ж. Бонна распорядился, чтобы В. де Лакруа осуществил свой демарш в устной форме и не давал Э. Бенешу никаких письменных документов.

Так называемый внутренний кабинет в Лондоне заседал до половины одиннадцатого. Его члены поддерживали телефонную связь с Парижем. На следующий день Н. Чемберлен признался на заседании правительства, что относительно характера чехословацкого ответа долго сохранялась неуверенность и только новые телеграммы из Праги разъяснили положение. Н. Чемберлен обратил особое внимание на телеграмму, в которой говорилось: правительство в Праге не надеется, что его ответ будет одобрен, и ожидает дальнейшего нажима. Э. Галифакс заявил, что французское посольство представило новые сведения о концентрации немецкой армии на границе Чехословакии. Французы сомневались, можно ли дальше тормозить проведение мобилизации в Чехословакии. Вместе с тем они требовали, чтобы на Э. Бенеша был оказан новый нажим. Э. Галифакс информировал, что после совещания с Н. Чемберленом поздно ночью Б. Ньютоу была послана телеграмма с распоряжением о новом демарше перед Э. Бенешем²⁹.

Как явствует из документов Форин оффис, в 0 часов 20 минут из Парижа была получена телеграмма Э. Фиппса, содержащая сообщение Ж. Бонна о том, что французский посланник В. де Лакруа получил указание посетить Э. Бенеша и подчеркнуть, что принятие «предложений» жизненно необходимо³⁰.

В 1 час 20 минут Б. Ньютоу отправили телеграмму с приказом присоединиться к демаршу французского посланника и заявить, что чехословацкий ответ не отвечает требованиям критической ситуации. Если он будет опубликован, то вызовет немецкое вторжение. Б. Ньютоу надлежало настоять на том, чтобы правительство взяло свой ответ назад и рассмотрело

другую альтернативу, отвечающую реальному положению дел. Англо-французский план дает единственную надежду на уклонение от немецкого нападения. Полученный чехословацкий ответ не позволяет надеяться на успешность следующего визита Н. Чемберлена в Германию, и премьер-министр будет вынужден отменить его. Хотя британское правительство и могло бы поставить перед Германией вопрос об арбитраже, этот метод не будет принят. Если чехословацкое правительство отвергнет настоящую рекомендацию, то пусть само ищет выход из ситуации, которая возникнет в результате отклонения англо-французского плана. Э. Фиппс получил указание обратиться к французскому правительству с просьбой, чтобы В. де Лакруа поддержал Б. Ньютона³¹.

До сих пор ночной демарш в чехословацкой литературе изображался как некий набег на Пражский Град, когда Э. Бенеша подняли с постели, для того чтобы вручить ему убийственный ультиматум. Умышленная драматизация необходима была, чтобы превратить это событие в ключевой момент сентябрьского кризиса. Тем самым камуфлировался целый ряд важных моментов. Во-первых, посланники обеих держав во время своего ночного демарша не заявили ничего нового. Все это ими уже неоднократно высказывалось начиная по крайней мере с 19 сентября. Во-вторых, тем самым становилось возможным замаскировать действительный характер чехословацкого ответа от 20 сентября, который по своей сути допускал ревизию границ. И наконец, скрывался тот факт, что М. Годжа с согласия президента обратился вечером 20 сентября к посланнику В. де Лакруа с вопросом, какова будет позиция Франции в случае войны, что позволило Ж. Бонне возложить на Прагу ответственность за новый нажим.

Некоторые авторы пишут, что Политический комитет министров, или по крайней мере часть его членов, ожидал до полуночи в Граде французского ответа³². Ведь Б. Ньютон еще перед 20 часами попросил принять его, и комитет М. Годжи знал об этом. Согласно свидетельству не только Ж. Бонне, но и А. Лебрена, в течение ночи В. де Лакруа дважды звонил в Париж и напоминал о том, что правительство Чехословакии с нетерпением ожидает французского ответа³³. И хотя свидетельство Ж. Бонне крайне ненадежно, подобное нетерпение чехословацкой стороны вполне можно понять ввиду ожидаемого, точнее говоря, заранее обговоренного английского демарша. Э. Бенеш сам пишет, что в 23 часа его канцелярия получила предупреждение французского посольства о том, что демарш обоих посланников состоится еще в течение ночи³⁴. Во время демарша Э. Бенеш сказал обоим посланникам, что его министры уже находятся в Граде. До того как началось заседание Политического комитета, состоялось более узкое предваритель-

ное совещание, в котором участвовали М. Годжа, Р. Бехине, Я. Черны, Р. Млчох, К. Крофта, Э. Бенеш. Другие члены комитета (Ф. Ежек, Э. Франке) должны были ожидать в приемной³⁵. Таким образом, пораженческое крыло Политического комитета, проведя предварительные консультации, поставило остальных его членов перед готовым решением.

О том, как проходил демарш обоих посланников, имеется три документа, в том числе краткая запись К. Крофты, содержащая суть заявления посланников: если Чехословакия не подчинится, то Германия начнет наступление, а обе державы останутся в стороне. К этому К. Крофта добавил собственное замечание: Гитлер, наверное, предъявил обеим державам какой-то ультиматум³⁶.

В архиве Э. Бенеша сохранилась запись, сделанная, скорее всего, позже, в Лондоне во время войны. В ней много воспоминаний о том, кто всхлипывал, кто плакал, кто говорил дрожащим голосом, а кто — твердым. В беседе с посланниками Э. Бенеш выяснял, действительно ли будет создана комиссия для передачи территории и определения будущих границ, будут ли даны гарантии. В первоначальной записи Э. Бенеша, сделанной еще в ходе демарша, кроме всего прочего, есть такое предложение: «Если возникнет война, Франция не сможет присоединиться»³⁷. Б. Ньютон передал текст демарша в том виде, в каком он был сообщен телеграммой из Лондона. В. де Лакруа, действуя по указанию Ж. Бонна, сделал заявление в устной форме³⁸. Но так как его сообщение было равно разрыву союзного договора, Э. Бенеш потребовал, чтобы В. де Лакруа вручил ему письменную ноту.

Наиболее полную картину ночного демарша создают донесения Б. Ньютона. В своей первой депеше Б. Ньютон сообщил, что демарш закончился в 3 часа 45 минут утра. Продолжался он почти два часа. Оба посланника ушли под впечатлением, что Э. Бенеш в принципе согласился принять «предложения»³⁹.

По версии Б. Ньютона, после заявления обоих посланников Э. Бенеш высказал свои возражения; особый упор он делал на сложность этнических отношений, указывал на узкую полосу территории, которая останется между Брно и Островой после передачи пограничных районов, на то, что будут перерезаны все важные железнодорожные линии.

П о с л а н н и к и: Впоследствии можно будет провести переговоры, а сейчас они не могут ничего добавить к предложениям.

Б е н е ш: Большая волна немецких беженцев наводнит Чехословакию, и проблема национального меньшинства возникнет вновь.

Посланники: Не обязательно пускать немецких беженцев, кроме того, пункт четвертый предложений предполагает обмен населением.

Бенеш: Получит ли Чехословакия хотя бы такие гарантии, как Бельгия?

Посланники: Мы не можем сказать ничего сверх того, что содержится в пункте шестом предложений.

Бенеш: Если мы примем предложения, то потребуем оказать нам помощь против немецкой кампании в печати и мобилизации.

Посланники: Предложения необходимо принять без всяких условий, и только после полного и ясного согласия можно обсудить детали.

Бенеш: Я прошу заверить ваши правительства в том, что я всегда действовал с полным сознанием ответственности и никогда не допускал даже мысли о войне. Я никогда не собирался принуждать Англию и Францию вступить в войну и поэтому хочу объяснить свою позицию, так как подобные подозрения уже высказывались. Я никогда не придерживался доктринерских взглядов во время имевших место неприятных дискуссий и переговоров. Я не слушался Советского правительства, от которого умышленно держался в стороне, не опирался на его поддержку и не считался с его пожеланиями во время своих переговоров. В развитии Чехословакии не было и нет никакого большевистского влияния, слухи о советских летчиках — всего лишь легенда. Я предупреждаю вас о том, что нам придется встретиться с внутренними затруднениями и беспорядками, и не уверен, сможет ли правительство контролировать развитие событий.

Ньютон: Было бы нежелательно, чтобы правительство спасло положение благоприятным ответом на «предложения», но потом жертвы были бы сведены на нет ослаблением дисциплины.

Бенеш: Ваше заявление — это своеобразный ультиматум, но только он может оправдать принятие «предложений» мной и правительством, на что мы не были уполномочены парламентом, как этого требует конституция.

Посланники: Наш демарш имеет характер ультиматума постольку, поскольку это уже последний совет наших правительств, по мнению которых настал окончательный момент для принятия этого совета. Только тогда ваша страна может быть спасена.

Бенеш: Я должен посоветоваться с правительством, которое уже собралось в Граде. Сопровождение будет кратким, но я не могу согласиться с вашим предложением подождать ответа здесь. Вы получите его от К. Крофты или от М. Годжи около полудня».

К этой телеграмме Б. Ньютона чиновник Форин оффис Ро-

бертс приписал: «Несомненно, Э. Бенеш всегда склонялся к Западу больше, чем к России, но его утверждение о том, что в Чехословакии нет русских летчиков, скорее всего, неправда. Русские самолеты находятся в Праге, а военные контактировали с СССР».

Из телеграммы Б. Ньютона видно, что суть демарша заключалась в том, чтобы принудить дать согласие на «предложения». Однако важно обратить внимание на то место беседы, где Э. Бенеш заверял обоих посланников, что на его прежние действия советы и рекомендации правительства СССР не оказывали влияния. Таким образом, достаточно было Западу оказать нажим, чтобы Э. Бенеш поклялся в верности основному постулату политики «умиротворения» — антисоветизму. По своему содержанию это заявление почти тождественно тому, что Э. Бенеш сказал лорду Ренсимену во время его последнего визита в Град 16 сентября. Это заявление вполне ясно объясняет, почему Э. Бенеш на совещаниях Политического комитета так резко отвергал возможность советской помощи Чехословакии. Замечание Робертса о советских летчиках в Чехословакии опиралось на прежние донесения британского военного атташе Стронга, который черпал информацию по этим вопросам в чехословацком генеральном штабе.

Нельзя обойти молчанием упоминание Э. Бенеша об ультиматуме. Оно подтверждается записями Э. Бенеша и К. Крофты. Но если позднее в своих мемуарах Э. Бенеш придает этому высказыванию смысл морального осуждения демарша, то, согласно версии Б. Ньютона, Э. Бенеш оценил ультиматум как инструмент, облегчающий правительству антиконституционное принятие англо-французского плана. Несомненно, это высказывание Э. Бенеша возрождает вопрос о так называемом «ультиматуме по заказу». Действительно ли М. Годжа заявил, что только новый нажим может оправдать принятие правительством «предложений»? Разве не сказал сам Э. Бенеш то же самое обоим посланникам во время ночного демарша?

Заслуживает внимания еще один факт. Посланники уходили с впечатлением, что Э. Бенеш готов принять «предложения». И это вытекает из логики вещей. Ведь если Э. Бенеш присягал, что у него нет никаких общих планов с Советским правительством, то отсюда следует, что его политика должна была опираться лишь на Францию и Англию. А их позиция была ясна: капитуляция без всяких оговорок и предварительных условий. Поэтому Э. Бенеш мог обещать, что совещание с правительством будет кратким. Ведь если он заранее отвергал помощь Советского правительства, то надежды на изменения в развитии чехословацкого кризиса были действительно призрачны.

VI. РЕШЕНИЕ О КАПИТУЛЯЦИИ ПРИНЯТО

(21 сентября)

Согласно сообщению Б. Ньютона, ночной демарш окончился в 3 часа 45 минут утра. В это время члены Политического комитета уже были в Граде. У Р. Бехине, Я. Черного, Р. Млчоча и М. Годжи, то есть явных пораженцев, еще оставалось время для короткого предварительного совещания.

Таким образом, заседание Политического комитета должно было начаться самое раннее в 4 часа утра. Спустя час было решено принять «предложения», то есть капитулировать. По крайней мере так говорится в донесении румынского посланника Р. Круцеску¹. Это решение, сообщал Р. Круцеску, было воспринято ответственными кругами с глубокой печалью — и с большим облегчением. Сообщение секретаря М. Годжи Б. Ньютоу также подтверждает, что Политический комитет принял решение капитулировать².

Вопреки обычаю заседание комитета открыл М. Годжа. Он сообщил: получен ясный ответ о позиции Франции и необходимо на что-то решиться ввиду того, что оба посланника только что потребовали принять «предложения». По мнению М. Годжи, военные перспективы крайне неблагоприятны. Однако если правительство примет этот ультиматум, то оно нарушит конституцию и будет вынуждено подать в отставку. Э. Бенеш пожаловался на поведение Запада. Он согласился с М. Годжей в том, что правительство должно будет уйти в отставку, но для этого следует выбрать подходящий момент. Р. Круцеску писал в своем донесении, что ожидается яростная реакция городских масс. Для того чтобы успокоить их и взять под контроль, пока все остаются на своих постах, хотя и понимают, что капитуляция означает генеральное изменение прежнего политического курса.

После Э. Бенеша слово взял Р. Бехине. Смысл его истерических выкриков сводился к следующему: хотя народ и армия полны решимости сражаться при любых обстоятельствах, правительство должно действовать разумно. Мы окружены и будем уничтожены. Если мы примем русскую помощь, то все организуют сговор против нас, так как ждут лишь повода уничтожить ненавистный большевизм. Если «предложения» будут приняты, то государство будет принесено в жертву, но нация спасена. Э. Бенеш согласился с ним. «Предложения» должны быть приняты, хотя народ и не готов к этому.

Я. Шрабек возразил, сказав, что, согласно конституции, вопрос об изменении границ должен решать парламент, а не правительство. Цену обещанных гарантий необходимо рассматривать с учетом того, что Франция не выполнила свои союзнические обязательства. Э. Бенеш возмутился. Он уже входил в роль главного адвоката, защищавшего капитуляцию. Гарантии нельзя недооценивать, заявил он, так как англичане непременно выполняют то, что обещали. Созвать парламент невозможно, ибо он может не одобрить принятие «предложений». «Это была бы драка, а не заседание парламента... А кроме того, нельзя забывать об улице. Как вы намерены объяснить народу столь непопулярную истину, что часть республики находится под угрозой?.. Каждого, кто выступит за войну, будут носить на руках. Для этого не надо никакого искусства. Политиком может быть каждый, но государственных деятелей всегда мало»³. Таким образом, народ, полный решимости защищать республику, для Э. Бенеша стал лишь достойной осуждения «улицей», которая сопротивляется «разумному решению Политического комитета». Люди, призывающие к обороне республики, являются, по его словам, безответственными демагогами. И в этой ситуации настоящим государственным деятелем представляется лишь тот, кто проголосует за капитуляцию. Чешской буржуазии, чтобы доказать свою солидарность с Западом, не оставалось ничего иного, как растоптать конституцию, а волю народа назвать «демагогическими криками улицы». Исторический опыт показывает, что так происходит всюду, где поставлены под угрозу интересы эксплуататорского класса. Так же обстояло дело и в Чехословакии. Представители правящего класса посчитали войну бок о бок с Советским Союзом войной революционной, а это противоречило их классовым интересам.

Аграрий Я. Черны заявил, что его партия давно предсказывала подобное развитие событий и хотела предупредить их, требуя изменить курс. Аграрную партию лишь осуждали, но теперь нет другого выхода, кроме капитуляции. Р. Млчох, представитель живностенской партии, добавил: нужно как можно быстрее капитулировать, чтобы избежать еще худшего. «Мы не смеем уступать неразумной улице». Представитель Национального объединения Ф. Ежек вместе с Я. Шрабеком настаивали на том, что весь вопрос следует вынести на решение парламента.

Но Э. Бенеш с еще большим жаром принялся защищать капитуляцию. Чехословакия, говорил он, не может вести войну: перевес сил на стороне Германии. Тут он повторял аргументы сторонников политики «умиротворения», хотя они находились в противоречии с объективными фактами. О превосходстве Германии Запад и чехословацкое правительство могли говорить

лишь потому, что сбрасывали со счетов Советский Союз. Ф. Ежек позволил себе вопрос: «Наверное, в самый тяжелый момент Россия выступит и без Лиги наций?»

Бенеш ответил: «Это было бы самое худшее! ...Запад, так же как и страны «оси», считает, что пришел час для крестового похода против большевизма. Весь мир поднялся бы против нас, если бы мы остались одни с СССР против Германии»⁴. Вся эта аргументация была заимствована из арсенала сторонников политики «умиротворения». В широких же слоях общественности Англии и Франции идея коллективной безопасности, совместных действий с СССР имела прочные корни. Демократическая общественность искренне хотела мира и была убеждена, что совместные действия Запада и СССР в состоянии пресечь военные авантюры Гитлера.

Итоги заседания Политического комитета подвел М. Годжа. Невзирая на некоторые возражения, заявил он, «предложения» необходимо принять. Будет создано правительство, а позднее — коалиционная «группа двадцати». Все, что до сих пор осталось невыясненным, можно будет решить за это время.

Принципиальное решение было принято узкой группой, состоящей из Э. Бенеша и самое большее трех министров. Оно было представлено Политическому комитету как решенный вопрос. Аналогично развивались события и на заседании правительства, и в коалиционной «группе двадцати», которые также были поставлены перед готовым решением. На возражения не обращали внимания или же объявляли их партийной спекуляцией, которой не должно быть места в столь критической ситуации.

В заключение Э. Бенеш высказал слабую надежду, что, возможно, многое удастся спасти во время переговоров о реализации англо-французского плана. И не исключено к тому же, что еще может измениться обстановка в Париже и Лондоне. Э. Бенешу предстоял, как он сказал, ряд телефонных переговоров — он ожидал важных сообщений, — лишь после этого он примет решение. Пока же он считал, что позиция Политического комитета позволяет ему дать Англии и Франции положительный ответ на их «предложения»⁵. С этого момента всю ответственность за Мюнхен принял на себя Э. Бенеш. Позже, в Лондоне, Р. Бехине написал: «Я думаю, что господь бог озарил Бенеша, когда он взял решение на себя, а мы прикрывали его политикой»⁶. Э. Бенеш будет с небывалой решительностью защищать англо-французский план вплоть до принятия мюнхенского диктата. Его настойчивость и упрямство, заслуживающие лучшего применения, не сочетаются с его позднейшим осуждением ночного демарша как аморального.

Правительство собралось к 6 часам утра. Это было первое его заседание с 19 сентября — с того момента, когда оба

посланника вручили «предложения». После этого все решения принимал только Политический комитет. Сообщение о положении сделал М. Годжа. В основе его выступления было утверждение о том, что нужно уступить нажиму западных держав, которые несут ответственность за все, что сейчас теряет Чехословакия. Мы намеревались выждать благоприятных изменений во Франции, заявил М. Годжа, но эти ожидания не оправдались. Хотя наш ответ от 20 сентября и допускал ревизию границ, он был признан недостаточным. Нажим обоих посланников был проявлением превосходящей силы, которой необходимо подчиниться. Из речи М. Годжи хорошо заметно, что ультиматум действительно помог чешской буржуазии капитулировать перед фашистской Германией. Для того чтобы подсластить горькую пилюлю, М. Годжа добавил, что принятие «предложений» — меньшее зло, все могло кончиться гораздо хуже. Новое государство будет иметь и свои преимущества: оно будет избавлено от тяжелых проблем, связанных с национальными меньшинствами. «Идея обороны наших существующих границ,— заявил М. Годжа,— всегда исходила из предпосылки военного сотрудничества или помощи Франции и России. Когда стала известна отрицательная позиция Франции, оставалась только надежда на русскую помощь». Однако, утверждал далее М. Годжа, СССР якобы поставил условием своей помощи решение Лиги наций. «В нынешней обстановке... ясно, что и этот путь является непреодолимым и не обещает положительных результатов. Когда же были запрошены представители нашей армии, то они заявили, что изолированный конфликт означал бы для Чехословакии крах». Правительство открыто скажет народу, кто несет ответственность за потерю пограничья, и если народ будет настроен против Франции, то это естественно⁷.

После М. Годжи выступил К. Крофта. Если М. Годжа объяснял ответ от 20 августа попыткой затянуть переговоры, чтобы дожидаться изменений во французской политике, то К. Крофта добавил: правительство хотело продемонстрировать, что согласие является вынужденным. Из этих выступлений явствовало, что идея арбитража в первоначальном ответе была лишь жестом, показывающим согласие вести переговоры о ревизии границ. К. Крофта уточнил вопрос и о том, почему так ждали известий о предполагавшейся смене правительства во Франции. Политический комитет и Э. Бенеш исходили из того, что все принципиальные решения принимаются французским кабинетом независимо от того, что 99 процентов французов на стороне Чехословакии. К. Крофта сказал, что сделать ставку на свержение правительства Даладьё посчитали слишком большим риском. Этим он подтвердил, что Э. Бенеш лишь пассивно следил за развитием событий в Париже, у него не хватило

смелости самому принять такие меры, которые сделали бы невозможными маневры Ж. Боннэ. По вопросу о советской помощи К. Крофта добавил только, что помощь «одной большевистской России восстановила бы против нас весь западный мир». Он закончил выступление заверением, что если во Франции произойдут изменения, то чехословацкую позицию все еще можно будет приспособить к ним. Однако, как покажет последующее развитие, эта мысль была лишь самоубийственной иллюзией. Ведь как только Ж. Боннэ и Э. Галифакс получают согласие чехословацкого правительства на свои «предложения», они смогут обманывать возмущенную общественность утверждениями о том, что принципиальные проблемы уже решены и остается урегулировать совершенно незначительные вопросы процедурного характера.

Некоторые министры, прежде всего Я. Шрабек и Ф. Ежек, ссылались на неподготовленность чехословацкой общественности к капитуляции и выражали сомнение, сумеет ли правительство и в дальнейшем контролировать развитие событий. Кроме того, решения об изменении границ государства могут быть приняты только парламентом, поэтому действия правительства антиконституционны. Против этих выступлений в истерическом тоне возражал Р. Бехине. Не время, заявлял он, для таких дискуссий. Война приведет к уничтожению нации. Правительство может сделать только одно: принять требования Франции и Англии и заранее застраховаться от реакции общественности, которая, естественно, будет возмущена. Р. Бехине прочел прокламацию, которую намеревались опубликовать для успокоения народа. В этой прокламации особенно подчеркивалась мысль о том, что правительство было вынуждено подчиниться международному давлению, так что ответственность за капитуляцию несут только Франция и Англия.

Утром того же дня в Париже состоялась беседа между Э. Фиппсом и У. Буллитом, в которой британский дипломат сообщил, что колебания чехословацкого правительства возникли под влиянием обещанной советской помощи. Только ясное заявление посланников Англии и Франции о том, что Чехословакия не может ожидать какой-либо помощи со стороны Запада, значительно облегчило положение чехословацкого правительства, и оно решилось капитулировать⁸.

Некоторые авторы утверждают, что министры-аграрии угрожали открыть границу в том случае, если будет принята изолированная советская помощь⁹. И мы увидим, что позднее, 21 сентября, они действительно открыли Германии границу. В течение дня в Лондон приходили сообщения о том, что, хотя утром правительство и приняло «предложения», оно все еще колеблется передавать ответ, так как Советское правительство настаивает, чтобы капитуляция была отвергнута¹⁰. И. М. Май-

ский свидетельствует, что Советское правительство предлагало поддержать Чехословакию в борьбе с гитлеровской агрессией, даже если Франция откажется выполнить свои обязательства¹¹. Позднее, во время войны, Э. Бенеш написал английскому историку Л. Б. Нэмиру, что, несмотря на помощь, предлагаемую советским правительством, он не решился на войну с Германией. (Письмо хранится в Британском музее¹².) В отношении С. С. Александровского Э. Бенеш использовал ту же тактику, что и Ж. Боннэ против М. М. Литвинова. Когда речь зашла о советской военной помощи, он попросил советского полпреда вместе с генералом К. Гусарекон и посланником А. Гейдрихом рассмотреть вопрос о ее практическом осуществлении, и особенно в условиях возможного сопротивления прохождению советских войск Польши и Румынии. Э. Бенеш многозначительно добавляет в своих мемуарах, что полпред С. С. Александровский, не имея инструкций, не смог в это время дать ему ответ по этим военным вопросам¹³. Тем самым Э. Бенеш попросту хотел оправдать свой отказ принять советскую помощь. Он стремился показать, что хотя советская помощь и предлагалась, но практически реализовать ее было невозможно. С этой же целью Ж. Боннэ давал ложную интерпретацию своим беседам с М. М. Литвиновым. Но Э. Бенеш как-то забывает о том, что вопросы совместных военных действий должны были решаться на совещаниях генеральных штабов, а французский и чехословацкий генеральные штабы игнорировали советские предложения о созыве их представителей. В сентябре 1938 г. советская сторона повторяла такие предложения многократно, но они вновь и вновь не находили отклика.

Заседание правительства продолжалось примерно час, ибо в 7 часов утра была созвана коалиционная «группа двадцати». Однако здесь возникли препятствия. Группа деятелей из партии Национальное объединение под руководством Л. Рашина покинула совещание, после того как высказала свое несогласие с выступлением М. Годжи. Представители народной партии воздержались от голосования. Несомненно, это создавало уже серьезные трудности в реализации сценария капитуляции, разработанного М. Годжей. Э. Бенеш хотел получить гарантию, что все партии коалиции заранее выскажут полное согласие с капитуляцией, что было весьма важно, так как ожидалась бурная реакция общественности. Он хотел исключить возможность того, что какая-либо из коалиционных партий станет вождем народного движения и выразителем его воли. Э. Бенеш все еще надеялся получить поддержку западных держав, хотя бы в ходе переговоров о реализации англо-французского плана. Но как сломить сопротивление некоторых деятелей коалиции? Тут мог помочь только новый нажим, и Запад не прекращал его оказывать.

Окончательная капитуляция ведущих деятелей республики произошла к концу дня 21 сентября. С этого момента Н. Чемберлен и его сообщники могли вести дальнейшие переговоры с Гитлером, представляя дело так, будто речь идет лишь об окончательном решении процедурных, вернее, технических, вопросов. Важно внимательно рассмотреть, каким образом ведущие деятели правительственной коалиции объясняли или же оправдывали свою капитуляцию, какие ложные иллюзии привели их к принятию этого рокового решения. Ряд высказываний и заявлений того времени, позднейшие мемуары Э. Бенеша свидетельствуют о том, что в правительственных кругах верили в возможность дальнейших переговоров о практическом осуществлении англо-французского плана, надеялись, что, может быть, удастся определить новые границы, приемлемые по экономическим, этническим и, пожалуй, военным соображениям. Несомненно, представления такого рода были самообманом и лишь облегчали капитуляцию. Ведь Германия категорически отказывалась продолжать переговоры, стремилась лишь диктовать условия, а Запад был готов отступать бесконечно. Э. Бенеш и его окружение особенно верили обещанным гарантиям, хотя именно в этом пункте «пропозиций» содержалось наибольшее противоречие. Коль скоро западные державы ясно дали понять о своей готовности предоставить Германии свободу действий в Центральной Европе, то как после этого можно было доверять их обещанию гарантировать новые границы Чехословакии и тем самым вновь связать себя обязательствами в отношении этого района? Заявления Н. Чемберлена о гарантиях были рассчитаны прежде всего на внутреннюю пропаганду. Тем самым английской общественности хотели показать, что с Гитлером ведется честная торговля и Н. Чемберлен действует как честный маклер. Что касается Чехословакии, то обещания гарантий давались лишь для того, чтобы выманить согласие правительства на капитуляцию и помочь ему оправдаться перед чехословацкой общественностью хотя бы в критический момент. В действительности обещание гарантий с начала и до конца было бесстыдным обманом. Министры, сохранившие хоть каплю стыда, открыто признали это. Однако Э. Бенеш решительно поддерживал веру в гарантии.

Еще одним аргументом в пользу принятия англо-французского плана было утверждение Э. Бенеша о том, что, если бы Чехословакия отвергла «предложения», она оказалась бы в политической изоляции. Чехословакию могли обвинить в том, что она вовлекла Европу в войну из-за вопроса о своих национальных меньшинствах. Эта аргументация впервые появилась в сентябре 1938 г., позднее приводилась в мемуарах Э. Бенеша, а оттуда попала в работы некоторых историков¹⁴. Аргументы эти лишены всякого основания. Кроме гитлеровской пропаганды

и нескольких продажных журналистов, подкупленных нацистами, никто не отважился обвинять Чехословакию в военных замыслах. Чехословакия, которой угрожал нацизм, пользовалась в мире большой симпатией, но, капитулируя под нажимом, она не могла обеспечить себе никакой помощи Запада. Напротив, это позволило реакционным кликам Парижа и Лопдона умыть руки, заглушить голоса оппозиции, критикующие их грязную сделку с Гитлером. Ведь смыслом всей политики «умиротворения» было передать Чехословакию в «сферу интересов» нацистской Германии. И 21 августа «умиротворителям» удался ловкий ход — чехословацкое правительство согласилось с их политикой.

Э. Бенеш в своих мемуарах объясняет, почему он не смог оказать сопротивление требованиям Запада и тем более решиться на войну с Гитлером: внутри коалиции были силы, полностью согласные с капитуляцией. Принять же решение о войне он мог позволить себе лишь при условии абсолютного единства нации. Несомненно, аграрии хотели капитулировать во что бы то ни стало. Но сохранение единства с ними значило только одно: согласие всей правительственной коалиции с их политической позицией. Народ был един в готовности оказать сопротивление фашизму и капитуляции. То же единство, о котором пишет Э. Бенеш и которое он сам помогал отстоять в Политическом комитете и в правительстве, было единством с людьми типа Боннэ, а не с народом. И для этой ситуации верен известный принцип, выдвинутый В. И. Лениным: для того чтобы объединяться, надо сначала размежеваться. Из протоколов Политического комитета, правительства, заседаний коалиционных партий ясно видно, что к порядку призывали не тех, кто отстаивал капитуляцию, а каждого, кто высказывал сомнения в ней. Единство правительственной коалиции постарались сохранить на основе капитуляции, а не на основе сопротивления нажиму Запада и борьбы против фашизма. Э. Бенеш хотел, чтобы политика капитуляции стала единой политикой всего правящего класса, для того чтобы в будущем никто из представителей этого класса не посмел высказать сомнения в ее правильности. Нажим Запада должен был стать спасительным козлом отпущения, раз и навсегда избавляющим чешскую буржуазию от ответственности за Мюнхен. Во время войны в Лондоне Э. Бенеш заявил в Государственном совете: «Я желал бы, чтобы среди нас не было таких, кто хотел бы возбуждать споры о Мюнхене и возлагать на себя и нас ответственность за несовершенные ошибки»¹⁵.

Капитуляцию в сентябре 1938 г. и в дальнейшем оправдывали утверждением, что если бы пошли на риск оборонительной войны с Германией, то нация была бы истреблена. Капитуляция якобы была неизбежной трагедией. Последующие со-

бытия в период оккупации показали, что эта убогая аргументация создала плодородную почву для гаховщины, для оправдания сотрудничества с поработителями и отказа от борьбы с ними. В жизни отдельных людей и целых наций есть моменты, когда необходимо, несмотря на риск, взять на себя ответственность. Ростовицкие расчеты — плохой советчик в такие моменты. У Э. Бенеша и его окружения в 1938 г. была возможность войти в историю национальными героями, отважившимися повести народ на борьбу с фашизмом. Однако они избрали иную роль — войти в историю капитулянтами. Позднее, оправдываясь, они ссылались на неблагоприятный ход начавшейся войны, на трагическую судьбу многих европейских народов. Нет сомнений, что лидеры чешской буржуазии относились к возможной нацистской оккупации, исходя из опыта времен Австро-Венгерской монархии. Председатель Национального совета Капрас заявил утром 21 сентября: «Мы уже многое испытали в нашей истории, во многом разбираемся, мы уже находились под чужим господством и знаем, как действовать в такой ситуации. Мы знаем, что ничто не продолжается вечно, поэтому должны как-то пережить это, война — это более верная гибель, чем капитуляция: ведь последняя преходяща»¹⁶.

Позднее К. Готвальд скажет в Коминтерне: реакция сама не была достаточно сильной, чтобы заставить чешский народ капитулировать. Впоследствии буржуазные лидеры изображали дело так, будто они сами стали жертвой нажима Запада. Но ведь он, этот нажим, и был той помощью, без которой ведущие буржуазные политики не сумели бы заставить капитулировать чешскую политическую общественность. Для того чтобы высказывать суждения о том или ином ведущем политике буржуазной республики, необходимо всегда помнить об этих двух сторонах систематического давления Запада. Нажим Запада, как теперь хорошо известно, был политической помощью М. Годже и его друзьям из аграрной партии. Для правительства в целом это была единственная возможность оправдать перед собственной общественностью решение капитулировать. Всегда ли был Э. Бенеш лишь несчастной жертвой этого нажима? Почему он с такой шокирующей резкостью отстаивал капитуляцию вплоть до своего падения? Или он капитулировал лишь потому, что нажиму Запада не был противопоставлен достаточно действенный контрнажим внутренних и внешних демократических сил? Нужно отметить, что у Э. Бенеша имела собственная политическая концепция, краеугольным камнем которой была верность Западу при любых обстоятельствах. Э. Бенеш уже давно продумал свои действия на случай, если Чехословакия будет покинута Западом. И он не скрывал, что в этом случае Чехословакия вернулась бы к тому же положению

нию, в каком она находилась до 1918 г., то есть смирилась бы с немецким господством в Центральной Европе. Лишь помня об этой концепции Э. Бенеша, можно понять, почему он в период кризиса действовал в отношении Лондона и Парижа «с крайней осторожностью и миролюбием, хотя к нам, — как он пишет, — они отнеслись прямо-таки беспощадно»¹⁷. Почему он не сделал ни одной серьезной попытки пресечь нечестную игру Ж. Боннэ и Н. Чемберлена? Почему он всегда шел навстречу их советам, рекомендациям и в конце концов подчинился нажиму? Э. Бенеш разделял страх Запада перед социалистической революцией, понимал, что война может серьезно подорвать систему империализма, и хотел бы сохранить надежду на получение помощи от Запада в будущем. Поэтому он добровольно хранил молчание о Мюнхене в течение всей оккупации. «Будет ужасно, если обо всем этом напишут» — эти слова Э. Бенеша, сказанные о Мюнхене во время войны, объясняют его поведение¹⁸.

Составной частью политической концепции Э. Бенеша были его представления об отношениях между Чехословакией и СССР. Он выражался лапидарно: «Путь в Москву ведет через Париж». Это означало, что у Чехословакии нет собственной политики по отношению к СССР, что она всегда следует за Францией, повторяет просто то, что делает Париж. Это осталось неизменным, даже когда Париж Ж. Боннэ встал на путь политики «умиротворения». Аналогичную позицию Э. Бенеш занимал и в отношении Германии. Большой политической мудростью он считал то, что в отношениях с Германией Чехословакия выступает не самостоятельно, а только через посредничество Запада. Итог такой политической концепции мог быть только один — изоляция Чехословакии от Советского Союза и капитуляция перед Германией, но зато в согласии с планами Запада.

Э. Бенеш, его Политический комитет и его политические друзья уже в 1938 г. повторяли, что Чехословакия не могла воевать, так как в военном отношении была слаба, а политически — изолирована¹⁹. Однако ссылки на военную слабость были лишь повторением аргументации, заимствованной у сторонников политики «умиротворения». Но эта сомнительная аргументация вызывает встречный вопрос: почему же отказались от помощи СССР, не имея достаточно собственных сил, чтобы сломить Гитлера?

Почему же Э. Бенеш не обратился с просьбой о помощи к Советскому Союзу? Он дает этому два вида принципиально различных объяснений. Когда они не предназначены для общественности, Э. Бенеш не скрывает, что в принципе он согласен с линией французского и британского правительств, которые и не помышляли о сотрудничестве с СССР в борьбе с

Германией. В письме Л. Рашину, написанном в конце 1938 г., Э. Бенеш писал, что результатом войны плечом к плечу с СССР могла быть большевистская революция в Центральной Европе²⁰. Э. Бенеш, как и Т. Г. Масарик, опасался большевистской революции, хотя его методы борьбы с коммунизмом опирались прежде всего на взаимодействие с социал-реформистами. Гитлера с его военными авантюрами он также опасался, считая нацизм лишь источником хаоса, из которого могла подняться волна социальной революции. Единственную гарантию от «разврата социализма или же непосредственно большевистской революции» он видел в западных державах²¹. В частных беседах с такими дипломатами, как Э. Эйзенлор, Б. Ньютон, В. де Лакруа, с посланниками Югославии и Румынии Э. Бенеш делал самые откровенные антикоммунистические и антисоветские заявления.

Совершенно иначе сформулированы его объяснения, предназначенные для широкой общественности. В народе были распространены симпатии к СССР. Общественность понимала, что СССР — это единственная опора в борьбе с нацистской агрессией. Публичные антисоветские заявления были привилегией Генлейна, Глинки и аграриев. Поэтому Э. Бенеш был вынужден маневрировать. Иногда он объясняет свое нежелание сотрудничать с СССР ссылками на противоречия внутри коалиции, где аграрная партия угрожала бунтом²².

Следующий его аргумент — ссылки на судьбу республиканской Испании. Если бы Чехословакия согласилась принять советскую помощь, то Запад также покинул бы ее, как Испанию²³. Васил Шкрах * из окружения Э. Бенеша проговорился полпреду С. С. Александровскому, что правящая верхушка в Праге в полной мере разделяет страх Запада перед большевизмом и революцией, которую вызвало бы поражение гитлеровской Германии. Носителями подобных взглядов были аграрии, национальные социалисты и часть руководства социал-демократии. Ближайшее окружение Бенеша также было проникнуто этими антикоммунистическими настроениями²⁴. Мюнхенская капитуляция, в понимании Э. Бенеша, была лишь расчленением государства, в то время как революционная война бок о бок с СССР могла бы привести, по его представлению, вообще к ликвидации буржуазного государства. Таким образом, капитуляция означала бы лишь уменьшение территории, на которой чешская буржуазия сохраняла свою власть, а революционная война могла быть связана с риском свержения ее классового господства. В этом заключается настоящий смысл заявления Э. Бенеша и М. Годжи от 21 сентября. Они выбирали меньшее для себя зло.

* В. Шкрах — начальник личного архива бывшего президента ЧСР Т. Г. Масарика. — *Прим. ред.*

Несомненно, по отношению к общественности, которая осознала, что национальная свобода и государственная независимость могут быть сохранены в союзе с СССР, нельзя было открыто признать, что в решающий момент представители правящего класса предпочли обезопасить свои классовые интересы. Именно Э. Бенеш создал особую идеологическую концепцию, изображавшую капитуляцию как помощь, которую он и его правительство якобы оказали СССР. Если бы дошло до войны бок о бок с СССР, утверждал Э. Бенеш, то результатом был бы крестовый поход против нас и СССР, в котором Запад присоединился бы к Гитлеру. Гитлер нанес бы СССР поражение, господство фашизма в Европе укрепились бы, а чешский народ был бы поработен навечно. Э. Бенеш в июле 1941 г. развивает свои высказывания о капитуляции и констатирует: «Тем самым я спас Россию»²⁵. Когда во время визита в Москву в 1943 г. Э. Бенеш заявил И. В. Сталину, что он не стал воевать, так как опасался «нападения всей Европы на Советский Союз», Сталин ответил вопросом: «Разве и в 1943 г. не воюет вся Европа с Советским Союзом, а Запад сохраняет позицию пассивного наблюдателя?»²⁶ Ведь Э. Бенешу уже в сентябре 1938 г. было ясно, что своей политикой он «спасает» Советский Союз против его воли. В своих послевоенных рассуждениях он осторожно признал это, написав: «В 1938 г. мне совершенно иначе представлялась изолированная война Чехословакии и СССР против Германии. Прежде всего я полагал, что с начала и до самого конца мы с Советским Союзом остались бы в одиночестве. Я считал крайне опасным для нас и СССР с точки зрения конечного результата войны начать решающую войну с Германией на одном фронте». После победы Советского Союза над Германией в 1945 г. Э. Бенеш уже не отваживался утверждать, что в такой войне с Германией Чехословакия проиграла бы. Поэтому он лишь осторожно намекает, что в тогдашней ситуации скрывалась возможность поражения. «Лучше всего в таких обстоятельствах сжать зубы, принести жертвы и ждать. Это был лучший выход, даже если Советский Союз хотел в 1938 г. сражаться с нами вместе с самого начала. По моему мнению, такая позиция Чехословакии в сентябре 1938 г. отвечала чехословацким интересам. Это была позиция страны и народа, преданных всей остальной Европой. Более того, это была правильно предугаданная позиция славянского мира»²⁷. В своих мемуарах, изданных в 1968 г., Э. Бенеш однозначно пишет: «Я пришел к заключению, что, если бы мы отвергли англо-французский план и решились вести войну с Германией при поддержке одного лишь Советского Союза, мы пришли бы к тому, что... убийственный план определенных западных реакционных кругов — любой ценой развязать войну между нациз-

мом и большевизмом... в конце концов был бы осуществлен с помощью Чехословакии. Я решительно сказал себе: мы не должны помогать этому. Мы не имеем права втягивать себя и Советский Союз в такую опасность и поэтому не должны делать этого»²⁸.

Э. Бенеш прибегает к такой софистике, чтобы поставить вопрос с ног на голову. Мюнхенское соглашение сохранило нацизм именно для войны против СССР. Оно предоставило Германии лучшие условия для подготовки этого похода, позволило ей постепенно захватить людские и материальные ресурсы Европы и использовать их в войне против СССР. Аргументация Э. Бенеша, что совместная с СССР война против Германии велась бы лишь при пассивном наблюдении Запада, стала действительностью в 1941—1944 гг. Советский Союз сумел нанести поражение Германии, несмотря на то что она опиралась на ресурсы всей Европы. В 1938 г. Германия была гораздо более слабым противником. Мюнхенская капитуляция помогла Гитлеру, и поэтому ее нельзя выдавать за помощь СССР. К тому же во время сентябрьского кризиса 1938 г. Советское правительство не скрывало своего негодования по поводу того, что правительство Чехословакии присоединилось к антисоветской политике «умиротворения».

Последним аргументом Э. Бенеша в защиту капитуляции является утверждение, что войну следовало оттянуть, выждать более благоприятного момента с политической и военной точек зрения. Он якобы полагал, что раньше или позже Запад создаст совместный фронт с СССР. Во время войны он неоднократно подчеркивал, что развитие военных событий подтвердило его предположения и, следовательно, правоту его утверждений. Э. Бенеш якобы в сентябре 1938 г. взял на себя ответственность за капитуляцию, понимая, что временно его могут осуждать, но при этом он был совершенно уверен, что история и развитие событий признают его правоту²⁹. Выше уже было сказано, что отсрочка войны и принесение Чехословакии в жертву послужили только Гитлеру. Мюнхен оказал негативное влияние на отношения между Западом и СССР в 1939—1941 гг. События этих лет отнюдь не подтвердили правильность действий Э. Бенеша, наоборот, они продемонстрировали пагубные результаты капитулянтской политики чешской буржуазии в сентябре 1938 г.

Весь мир настолько является единым целым, что чехословацкий кризис не мог иметь лишь местный, национальный характер. Вся капиталистическая система была поражена общим кризисом, и гитлеровская Германия с ее антикоммунизмом рассматривалась как возможный выход из этого кризиса. Для того чтобы Германия смогла реализовать свое назначение — служить орудием в борьбе с мировым революционным процес-

сом, ее нужно было надлежащим образом усилить, а ее военные ресурсы — существенно увеличить. Правительства Франции и Англии рассчитывали добиться этого путем в общем безболезненной для себя потери Центральной Европы, которая вплоть до 1918 г. находилась под господством немцев, что не причиняло Западной Европе особых затруднений. Почему бы и не придать забвению эпизод двадцатилетнего существования самостоятельного чехословацкого государства и вернуть Центральную Европу к состоянию, уничтоженному революционной бурей в конце первой мировой войны?

Двадцать лет спустя мощный подъем национально-освободительного движения подорвет колониальную систему в самих ее основах. Но в 1938 г. реакционные клики Парижа и Лондона все еще надеялись укрепить капиталистическую систему путем создания немецкой колониальной империи в Центральной и Восточной Европе. Во время освободительных войн с колониализмом мы были свидетелями долгих и изнурительных войн малых народов против капиталистических держав — во Вьетнаме, Алжире, в ряде португальских колоний. В конце концов эти народы победили, их союзником была сама история. Чешская же буржуазия не решилась в 1938 г. противостоять союзу империалистических держав и капитулировала перед фашизмом.

VII. СНОВА КОЛЕБАНИЯ ПЕРЕД КАПИТУЛЯЦИЕЙ

(21 сентября)

Хотя Политический комитет, правительство и коалиционная «группа двадцати» решились наконец принять англо-французский план, у самого Э. Бенеша еще сохранялась слабая надежда, что, может быть, удастся использовать изменения в политической ситуации на Западе. Рано утром друзья Э. Бенеша позвонили в Париж Леону Блюму. Во время первого разговора был задан вопрос, волновавший Э. Бенеша: можно ли ожидать изменения французского общественного мнения, если Чехословакия окажет Гитлеру сопротивление и продержится хотя бы четырнадцать дней? Около 5 часов утра в Прагу пришел ответ Л. Блюма. Он советовал не надеяться на такие изменения во Франции¹. В 8 часов утра немецкая служба подслушивания зафиксировала телефонограмму, вновь адресованную Блюму. Прага настаивала, чтобы социалистическая фракция поддержала назначение Э. Эррио премьер-министром. Аналогичные действия в Англии должен был предпринять К. Эттли. В телефонограмме подчеркивалось, что обстановка требует немедленных действий. Спасение Чехословакии — в изменении положения на Западе². Ни Э. Эррио, ни Л. Блюм не принадлежали к течению, готовому встать на защиту Чехословакии. Социалистическая партия была расколота, а Э. Эррио не скрывал, что считает возможным решить кризис прямыми переговорами с Гитлером.

В половине девятого Э. Бенеш пригласил к себе французского посланника. Э. Бенеш зачитал ему подготовленный проект положительного ответа, но попросил, чтобы французское правительство обратило внимание на следующие обстоятельства: 1) так как польскому и венгерскому меньшинству уже обещана автономия, то Франция должна сдерживать Польшу и Венгрию, потому что их притязания могут довести чехословацкий народ до отчаяния и в конце концов вызвать войну; 2) пограничная территория с немецким населением будет передана в руки международной комиссии; 3) Англия и Франция добьются от Германии обязательства не нападать на Чехословакию до передачи пограничной территории; 4) Э. Бенеш хотел бы получить и гарантии обеих западных держав, что на Чехословакию не нападут в ходе переговоров о передаче территории, — иначе нельзя исключить возможность войны; 5) гарантии Англии и Франции должны вступить в силу

в тот момент, когда чехословацкое правительство примет «предложения»; 6) переговоры о немецких гарантиях Чехословакии будут вести Париж и Лондон; они должны иметь по меньшей мере тот же объем, что и немецкие гарантии Бельгии; 7) Э. Бенеш интересуется позицией Франции и Англии в том случае, если Гитлер отвергнет «предложения»; он ожидает, что обе державы станут защищать Чехословакию; 8) текст англо-французских «предложений» слишком общий и недостаточно определенный, поэтому Э. Бенеш требует, чтобы в этом нечетком виде его не сообщали Гитлеру. Новая редакция текста должна быть согласована с генеральными штабами Англии и Франции. Новую границу следует определить так, чтобы Чехословакия сохранила свои укрепления. Они строились долгие годы, и в них вложено много миллиардов.

Собственно говоря, все эти пункты означали новые условия, сопровождающие принятие «предложения». Э. Бенеш хотел заранее проверить у посланника, приемлемы ли они для французского правительства. Ведь во время ночного демарша было выдвинуто требование безоговорочного принятия «предложений». В. де Лакруа, выслушав это, напомнил Э. Бенешу, что ведь Чехословакия может рассчитывать на финансовую и экономическую помощь Франции. Но Э. Бенеш настаивал, чтобы при передаче территории падали экономические интересы Чехословакии: новая граница не должна перерезать важные коммуникации. Э. Бенеш вновь повторил, что во время подготовки «предложений» с чехословацким правительством не консультировались и именно поэтому оно имеет право потребовать, чтобы новая модификация «предложений» была составлена не так жестко, чтобы она стала существенно свободней. В беседе с французским посланником Э. Бенеш настаивал, чтобы его замечания к предложениям «были доведены до сведения» Н. Чемберлена еще до отъезда последнего в Годесберг, с тем чтобы он смог использовать их в своей беседе с Гитлером. Французское посольство в Лондоне передало их О. Г. Саргенту только 22 сентября³.

Таким образом, Э. Бенеш все еще пытался выиграть время, он хотел добиться, чтобы процедура передачи территории была растянута на более длительное время, что дало бы возможность вести дальнейшие дипломатические переговоры. Предпринимая эту попытку, Э. Бенеш снова допускал серьезную ошибку, все еще связывая свои надежды с Ж. Боннэ и Н. Чемберленом.

Тем временем Ж. Мандель продолжал настаивать, чтобы Э. Бенеш не уступал диктату Парижа и Лондона. «Выстрелите первым,— убеждал этот противник Ж. Боннэ,— Франция, Англия и Россия присоединятся к вам, все пойдут за вами, и Германия будет побеждена в течение шести месяцев». На

следующий день Ж. Бонне жаловался в правительство, что телефонные звонки Ж. Манделя подрывают его усилия в Праге⁴. Друзья Ж. Бонне впоследствии проговорились: советы Ж. Манделя вызвали у Э. Бенеша новые колебания — давать ли положительный ответ на англо-французский план⁵.

В 10 часов Э. Бенеш вновь связался с французским посланником и сказал ему, что со стороны политических партий возникли серьезные затруднения. В. де Лакруа поинтересовался, не может ли Бенеш использовать свой авторитет для преодоления их сопротивления. «Я не всемогущ», — ответил Э. Бенеш. Спустя десять минут министр Ф. Ежек сообщил в министерство иностранных дел о том, что Я. Нечас получил сообщение из Парижа: ночной демарш был совершен без согласия правительства в целом. Необходимо немедленно сообщить в Париж содержание ночного демарша⁶.

В 10 часов 32 минуты состоялся следующий телефонный разговор между Э. Бенешем и Ш. Осуским:

Осуский: Вы уже выслали это?

Бенеш: Я только что отправил.

Осуский: Я прошу подождать.

Бенеш: Как?

Осуский: Подождите.

Бенеш: Хорошо, но как долго?

Осуский: Какой срок вам дали?

Бенеш: Они хотят получить днем.

Осуский: Не давайте торопить себя и спокойно размышляйте.

Бенеш: Рассуждения просты: или — или.

Осуский: Масарик сказал мне, что вы уже решили.

Бенеш: Мы еще не ответили, этот Черны... Ответа мы не дали, одни лишь наши пожелания...

Осуский: Я думал, что решение уже принято, и хотел сказать об этом Черчиллю. Он в Париже. Я сказал ему, что все готово, вы единогласно приняли это, но пока я и сам не получил из Праги никаких сообщений.

Бенеш: Думаете, что ситуация изменится?

Осуский: Не знаю, но посмотрим, что можно сделать. Я не знал, что эти парни проделали у вас вчера ночью.

Бенеш: Да, да.

Осуский: Я парализован, не знаю, что творится. Сегодня правительство здесь, а через два дня его не будет. Не давайте себя насиловать.

Бенеш: А если начнется война?

Осуский: Здесь сразу же будет кризис. Если на нас нападут, то ситуация изменится. Народ ничего не знает. На прессу оказывают большое давление, чтобы все скрывали. Не давайте себя изнасиловать.

Бенеш: Да.

Осуский: Сообщите мне шифром, что сказали вам ночью эти парни.

Бенеш: Вы скоро получите»⁷.

Во время этого разговора в Прагу поступила телеграмма Ш. Осуского, содержащая те же советы: «Не допускайте, чтобы англо-французское вмешательство запугало вас. Сегодня уже ясно, что речь идет не о справедливом решении проблемы, а о том, чтобы последовательными жертвами с нашей стороны выиграть время для себя. Мы представляем ценность для себя и для других лишь до тех пор, пока сохраняем силу. Поэтому судите о ситуации спокойно и объективно, не взирая на то что вам говорят Англия и Франция. Здесь оказывают неслыханное давление на печать; народ не знает, что происходит»⁸.

Секретариатом Крофты была подготовлена следующая телеграмма Ш. Осускому: «Сообщите всем членам кабинета, что в ходе сегодняшнего ночного демарша де Лакруа заявил президенту республики: если мы скажем нет и при этих обстоятельствах начнется война, то Франция к нам не присоединится»⁹. Текст телеграммы показывает, что Э. Бенеш не собирался следовать советам не уступать, он только пытался перепроверить в Париже, является ли ночное заявление В. де Лакруа о разрыве союзнического договора решением французского правительства или же это всего лишь индивидуальная акция Ж. Боннэ. И именно в тот момент, когда уже казалось, что нажим Запада перестал оказывать воздействие, в развитие событий вмешался М. Годжа. Он посетил посланника Б. Ньютона и обещал ему попытаться лично преодолеть сопротивление, которое оказывают капитуляции в политических партиях. Более того, он доверительно информировал английского посланника, что ситуация осложнилась в результате телеграммы Ш. Осуского с советом не спешить. Безусловно, ту же информацию получил и В. де Лакруа. Он осведомился по телефону в Париже о том, можно ли вручить Э. Бенешу ноту, излагающую содержание ночного демарша. Б. Ньютон также хотел вручить свой меморандум. Более того, он посоветовал Лондону оказать новый нажим на Я. Масарика¹⁰.

Теперь все стало ясно. Когда капитулянты встречали сопротивление, реакция в Праге просила Париж и Лондон оказать новое давление. Его жертвой было отнюдь не реакционное крыло коалиции, напротив, оно получало политическую помощь в усилиях добиться согласия на капитуляцию. В. де Лакруа информировал Ж. Боннэ: скорее всего, правительство Чехословакии надеется, что Париж под давлением парламента изменит свою позицию, а правительство Даладье, возможно, будет вынуждено подать в отставку, поэтому Прага все

еще колеблется с передачей окончательного ответа. Вручение Э. Бенешу ноты, считал посланник, может помочь делу. Ж. Боннэ согласился, но с условием: будет оговорено, что ночью французский демарш был сделан по просьбе М. Годжи¹¹.

Надеялся ли Э. Бенеш на то, что некоторые министры правительства Даладье будут протестовать против нажима, который оказывался в течение ночи с целью добиться согласия с англо-французским диктатом? Когда некоторые министры проявили интерес к этому вопросу, Ж. Боннэ предъявил телеграмму посланника из Праги, из которой следовало, что чехословацкое правительство само просило осуществить этот нажим. Это сообщение оказало ошеломляющее воздействие на противников Ж. Боннэ¹². Э. Даладье вновь напомнил возмущенным министрам, что Э. Бенеш сам предложил уступить некоторые районы с немецким населением Германии. Ничто не мешало Э. Бенешу публично разоблачить эти домыслы Ж. Боннэ и Э. Даладье. Почему он не сделал этого? Может быть, Э. Бенеш и впредь надеялся на политическую помощь французского правительства и не хотел рисковать политическим разрывом с ним? Или же Ж. Боннэ попросту исказил его опровержение? Так называемый пятый план Э. Бенеша действительно существовал. И он был огромной политической ошибкой, облегчившей французским капитулянтам защиту своих позиций. А «ультиматум по заказу», ставший прологом к ночному демаршу? Ведь Э. Бенеш знал содержание разговора М. Годжи с французским посланником и дал согласие запросить Францию, выполнит ли она свои обязательства. Будучи опытным дипломатом, он хорошо знал, что подобный вопрос легко можно изложить как «заказ на ультиматум». В любом случае действительность такова: в течение сентябрьского кризиса Э. Бенеш ни разу не поручал своему парижскому посланнику публично опровергнуть утверждение о том, что он дал согласие на передачу пограничных районов еще до лондонской встречи 18 сентября, а ночью 20 сентября попросил Париж оказать нажим, с тем чтобы чехословацкое правительство смогло принять «предложения». Разве не сказал Э. Бенеш во время ночного демарша: только ультиматум может оправдать правительство в том, что оно без согласия парламента приняло «предложения». Еще 14 октября 1938 г. Ш. Осуский запрашивал в одной из своих телеграмм: «Так как об этом вопросе писали в «Таймс» и он обсуждался на конференции лейбористов, так как министры, депутаты, сенаторы и журналисты постоянно настойчиво расспрашивают меня о данной проблеме, я еще раз спрашиваю: могу ли я официально опровергнуть утверждения, будто: 1) во время поездки Э. Даладье и Ж. Боннэ в Лондон 17 сентября у них уже было согласие

нашего правительства на передачу судетской территории; 2) д-р Бенеш просил Э. Даладье и Ж. Боннэ оказать на него нажим, который он мог использовать для того, чтобы побудить чехословацкое общественное мнение согласиться с передачей территории? Я до сих пор не уполномочен публично опровергнуть эти заявления, поэтому здесь укореняется убеждение, что чехословацкое правительство само несет ответственность за все случившееся с нами»¹³.

Подобная сдержанность Э. Бенеша была выражением крайней предусмотрительности по отношению к Западу — так он и говорил о своем поведении в речах, произнесенных во время войны. Как же можно верить после этого утверждениям некоторых наших историков о том, что Э. Бенеш якобы ориентировался на Западе не на сторонников политики «умиротворения», а на демократических противников этой предательской политики? Ведь именно его неуместная осторожность предоставила свободу действий людям типа Боннэ, которые вышеприведенными «фактами» буквально подавляли возражения оппозиции. Ж. Мандель с полным правом задавал вопрос: как мы можем защищать Э. Бенеша, если он сам не собирается защищаться? Хотя Ж. Боннэ и его клика и утверждали демагогически, что опасность войны устранена, политическая общественность понимала: предательство союзнических обязательств не предотвратило войну. Чувство унижения и возмущения возрастало в Париже в такой степени, что многие предсказывали падение правительства Даладье в течение двух недель. К власти должно было прийти правительство Народного фронта. Эти прогнозы подкреплялись вероятностью того, что в Годесберге Гитлер предъявит новые требования, выполнить которые Н. Чемберлен не сможет¹⁴.

Гитлер и сторонники политики «умиротворения» понимали, что время не их союзник. Именно поэтому они так настаивали на ускорении чехословацкой капитуляции. Около 12 часов Б. Ньютон через М. Годжу передал Э. Бенешу, что если после полудня не будет дан положительный ответ на ночной ультиматум, то английское правительство снимет с себя всякую ответственность за создавшуюся ситуацию¹⁵.

В полдень оба посланника вручили Э. Бенешу письменные ноты, в которых повторялось сказанное в ходе ночного демарша. Э. Бенеш спросил у них: вступят ли в силу обещанные гарантии сразу же после принятия «предложений»? Он потребовал письменного обещания, что Англия и Франция придут на помощь Чехословакии, если после принятия «предложений» на нее будет совершено нападение. Согласно версии Э. Бенеша, Б. Ньютон ответил, что у Англии до сих пор нет никаких обязательств перед Чехословакией. Однако в те-

леграмме в Лондон Б. Ньютон писал, что лишь указал Э. Бенешу на то, что ставить в последний момент новые условия небезопасно. Б. Ньютон советовал Лондону: если британское правительство решит удовлетворить требования Э. Бенеша, то пусть ограничит свое обязательство обещанием оказать помощь непосредственно во время переговоров¹⁶. Э. Бенеш обратился к французскому посланнику с вопросом: «Ведь мы еще союзники, договор между нами еще действует?» Но В. де Лакруа не был уверен в том, что договор не разорван именно в результате ночного демарша. Только после того, как Б. Ньютон подтвердил, что старые договоры сохраняют силу, В. де Лакруа обещал запросить Париж.

Перед уходом Б. Ньютон заметил: он якобы не понимает, что за правительство в Чехословакии, если оно даже не может принять решение. В своих письменных заметках Э. Бенеш назвал англичанина глупым и ограниченным человеком, но вслух лишь ответил, что ответ будет дан позже¹⁷.

Собственно говоря, этот последний демарш был повторением ночного. Сверх того, была передана нота, в которой Чехословакии сообщалось, что если она не примет англо-французские «предложения», то не получит никакой помощи. В своих мемуарах Э. Бенеш пишет, что как только он получил эту ноту, то понял, что необходимо принять окончательное решение, так как посчитал ее «последним и окончательным словом Франции по вопросу о нашем союзе»¹⁸. С точки зрения профессионального дипломата, его действия, может быть, и можно оправдать. Он решил капитулировать, как только получил подтверждение в письменной форме. Но ведь эта нота была лишь одной вестью, пришедшей в этот день из Парижа. Это было мнение министра Ж. Боннэ. Однако утром приходили и другие вести. Но Э. Бенеш сделал ставку на Ж. Боннэ. Он оставил без внимания мнение Ж. Мандела, У. Черчилля, пренебрег советами и рекомендациями своего парижского посланника. Днем в Прагу прибыла делегация французских профсоюзов. Но она смогла только констатировать, что правительство М. Годжи согласилось принять англо-французский ультиматум¹⁹. У Э. Бенеша не хватило даже отваги хотя бы отвергнуть тот темп, который навязывали сторонники политики «умиротворения». В критические дни сентябрьского кризиса он действовал только как профессиональный дипломат, а не как ответственный государственный деятель. Он не использовал иных политических средств и методов, кроме дипломатических. Э. Бенеш оказался неспособен осуществить политический маневр против Ж. Боннэ. Он оставался в плену иллюзий, полагая, что реализация англо-французского плана будет предметом дипломатических переговоров, во время которых он сможет что-либо спасти для Чехословакии.

Иллюзорными были и надежды, что письменные ноты обяжут западные державы поддержать Чехословакию в случае нападения Германии после принятия «предложений»: ведь Б. Ньютон ясно отверг подобную интерпретацию, вновь подчеркнув, что ответ должен быть безоговорочным.

И все же Э. Бенеш в своих мемуарах утверждает, что окончательный ответ, данный чехословацким правительством 21 сентября, был якобы условным ответом; он должен был подчеркнуть, что Чехословакия подчиняется нажиму и настаивает на обещании гарантий. Сформулированный таким образом ответ днем был представлен правительству, командованию армий, председателям коалиционных партий и парламентских комиссий. Гарантии новых границ изображались якорем спасения в бурном и тревожном будущем. Их оценивали выше, чем договор с Францией, и поэтому приняли капитуляцию. Собственно говоря, письменные ноты — это была идея, высказанная Э. Бенешем во время ночного демарша. Он тогда заявил, что только ультиматум может оправдать нарушение конституции и согласие на ревизию границ, данное без парламента. Это была страховка на будущее. Отказ от пограничных районов был неконституционным и незаконным, следовательно, он не имел силы, и на это можно было бы сослаться в подходящее время²⁰.

Чем ближе был отлет Н. Чемберлена в Германию, тем больше росла нервозность в Париже и Лондоне: ведь чехословацкий ответ все еще не был получен. Э. Финпис спрашивал Ж. Боннэ, почему Прага прошлой ночью настаивала на быстром ответе, а теперь колеблется и не может принять решение. Он заявил, что Лондон никогда не изменит свою позицию и, если будет необходимо, Б. Ньютон вновь обратится к М. Годже и Э. Бенешу²¹. Днем Я. Масарику позвонил А. Кадоган из Форин оффис. Из сообщений Б. Ньютона видно, сказал он, что правительство колеблется, но утром следующего дня Н. Чемберлен летит к Гитлеру и он непременно должен иметь чехословацкий ответ. Э. Галифакс хотел, чтобы А. Кадоган, кроме того, повторил Я. Масарику все сказанное Б. Ньютоном во время ночного демарша. Я. Масарик ответил, что уже с трех часов он поддерживает связь с Э. Бенешем, который сообщил, что ответ составляется и будет передан посланникам в 16 часов. Ответ будет содержать полное согласие с англо-французскими «предложениями» и иметь добавление, в котором выражается надежда на то, что, если на Чехословакию нападут после принятия «предложений», Англия и Франция придут ей на помощь.

Я. Масарик вновь позвонил А. Кадогану в половине пятого. Он сообщил, что ответ уже составлен и содержит безоговорочное согласие. Добавления, в которых выражаются надежды

на получение помощи, не представляют собой условия принятия «предложений»²². Чтобы не оставалось сомнений в том, что звонок А. Кадогана — это новый нажим, чехословацкому посольству в Лондоне было вручено письмо аналогичного содержания. Кроме всего прочего, в письме говорилось: «Постоянный заместитель министра иностранных дел вновь настоятельно повторяет то, что Б. Ньютон сказал при соответствующем случае, то есть во время ночного демарша»²³.

Приблизительно за тридцать минут до вручения положительного ответа несколько генералов во главе с генералом Крейчи прибыли к Э. Бенешу. Они потребовали у него распустить политические партии, арестовать министров правительства Годжи и объявить военную диктатуру. Идея военной диктатуры в течение всего сентябрьского кризиса не раз обсуждалась как возможность спасения республики. Генералы ориентировались на оборону против Германии и ссылались на возможность получения советской помощи. Э. Бенеш возражал им, приводя уже известную аргументацию о крестовом походе против большевизма, и доказывал, что капитуляция — это единственная реальная возможность²⁴. Э. Бенеш отстаивал всеми силами капитуляцию перед своими генералами. Приблизительно в то же время из Лондона позвонил Я. Масарик. Его рекомендации были недвусмысленны: мы должны продержаться, не отдавать того, что нельзя, а если и отдать что-то, то на соответствующих условиях. Нельзя дать себя запугать²⁵.

Серьезную помощь Чехословакия получила от Советского Союза. 21 сентября в состоянии боевой готовности было приведено 30 стрелковых, 10 кавалерийских дивизий, 1 танковый корпус и 7 танковых бригад. Боевая готовность была объявлена в 17 авиабригадах. Для перелета в Чехословакию было подготовлено 246 бомбардировщиков и 302 истребителя²⁶. Газета «Известия» открыто задала вопрос: собирается ли Франция выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией? Что делать Чехословакии в случае, если Франция не выполнит своих обязательств? «Известия» считали, что она должна отвергнуть чужое вмешательство и обороняться, должна представить в Лигу наций жалобу на немецкую агрессию! Тем самым весь вопрос с темных задворков дипломатических махинаций попал бы на широкую международную арену и переговоры проходили бы под контролем демократической общественности²⁷. Не было никаких сомнений в том, что «Известия» выразили официальное мнение Советского правительства. У. Черчилль вспоминает в своих мемуарах, что все эти меры Советского правительства в ходе сентябрьского кризиса, включая заявление М. М. Литвинова в Лиге наций о советской помощи, не оказали влияния на действия Н. Чемберлена и позицию французского правительства.

Он добавляет: обе западные державы не ответили на советские предложения помощи потому, что советская помощь в борьбе с Гитлером была для них принципиально неприемлема. У. Черчилль пишет: «События развивались так, как будто Советской России не существовало,— и это обошлось нам слишком дорого»²⁸. Большинство делегаций в Женеве молча наблюдало за развитием событий в Праге, Годесберге и позднее в Мюнхене. Французская и английская делегации воздержались от комментариев. В подобной ситуации Женеве была для СССР единственным международным форумом, где М. М. Литвинов мог публично объяснить позицию Советского правительства. В своем выступлении 21 сентября он совершенно ясно заявил, что Советское правительство готово в любое время честно выполнить свои обязательства по отношению к Чехословакии²⁹. Поэтому позже Э. Бенеш вынужден был признать в беседе с писателем Томасом Манном следующее: «Во время всего сентябрьского кризиса Россия давала понять, что она готова помочь Чехословакии»³⁰.

21 сентября на Э. Бенеша оказывалось давление слева. Однако правые всячески стремились парализовать этот нажим. В создавшейся ситуации капитуляция представлялась правым силам последним шансом, ибо только триумф гитлеровской Германии мог изменить политическую обстановку в Чехословакии в их пользу. Аграрии поручили Гахе связаться с Э. Бенешем и потребовать, чтобы М. Годжа немедленно установил прямые контакты с Германией. Это была старая идея Р. Берана, он считал, что компромисс непосредственно с Германией более выгоден, чем переговоры через посредничество Запада³¹. Э. Бенеш ответил, что он подумает. Впоследствии он возвращался к этому вопросу, в частности в письме, отправленном Гахе в ноябре 1938 г. В нем говорится: «Я неоднократно думал о таких переговорах, но существовали препятствия двойного характера: а) все были настолько заинтересованы в данном вопросе (Франция, Англия, мы, Германия), что это стало бы капитуляцией, возложившей на нас ответственность за будущее...»³² Угроза аграриев самим обратиться в Берлин была осуществлена, когда стало известно, что правительство приняло окончательное решение подчиниться англо-французскому плану. Смысл этого нажима ясен: покончить с колебаниями Э. Бенеша.

После продолжавшегося 51 час давления, нерешительности и колебаний К. Крофта вручил обоим посланникам чехословацкий ответ на ультиматум, полученный в Граде в 14 часов 19 сентября. Текст этого ответа нельзя достоверно проверить по чехословацким дипломатическим документам. Ясно одно: в нем говорилось о нажиме Запада и о необходимости гарантий. В сохранившихся нескольких черновых вариантах ответа

по-разному характеризовался этот нажим: настойчивые убеждения, чрезвычайный нажим и чрезвычайно настоятельные домогательства. В двух текстах есть и упоминание о заявлении посланников, сделанном во время ночного демарша, о позиции, которую займут их правительства, если вследствие отказа от «предложений» Германия нападет на Чехословакию³³.

В своих мемуарах Э. Бенеш признается: ничего из обещанного в своих «предложениях» правительства Франции и Англии не выполнили. Это, впрочем, полностью соответствовало основной линии политики «умиротворения». Отступление великих держав в Центральной Европе было тотальным, и политически наивно было надеяться на новые обязательства, если ничто не помешало разрыву прежних договоров.

Принятие англо-французских «предложений» означало принципиальное согласие чехословацкого правительства капитулировать. Это был рубеж в развитии сентябрьского кризиса. Согласие чехословацкого правительства облегчило маневрирование сторонников политики «умиротворения», вылившееся в мюнхенское соглашение.

Как оценить роль Э. Бенеша во всем кризисе? Как и у каждой исторической личности, у Э. Бенеша следует различать субъективные устремления и объективные результаты его политики. Э. Бенеш, как либерал, относится к числу политиков, которые в критические моменты колеблются и уступают давлению. Как мы видели, характер давления на Э. Бенеша часто был совершенно противоположен, и в конечном счете он подчинился нажиму реакционных правых сил. Может быть, он и не был полностью лишен хороших побуждений и субъективно намеревался сохранить республику в ее прежнем виде. Однако его конкретные политические решения объективно привели к катастрофическим последствиям. К специфическим чертам Э. Бенеша относится способность спекулятивно оправдывать собственные ошибочные решения. Но согласие с политикой «умиротворения» неизбежно означало катастрофу для Чехословакии, и ее нельзя было предотвратить философствованием.

Необходимо вновь подчеркнуть, что овладеть положением, создавшимся во время сентябрьского кризиса, смог бы только крупный государственный деятель, а не профессиональный дипломат, каким был Э. Бенеш. Вся его политика в этот период проникнута пассивностью, приспособленчеством к ходу политических событий в Париже и Лондоне. Коммунистическая партия ясно подчеркивала, что судьба Чехословакии — в руках чехословацкого народа. «Руде право» в те дни писала: «Помощь союзников зависит от Чехословакии. Чехословакия должна немедленно использовать все пакты Лиги наций, потребовать санкций против агрессора и сделать возможной быструю помощь настоящим друзьям». В тот момент

Чехословакия должна была решительно выступить с бесстрашным разоблачением нацистского агрессора³⁴.

На самом деле хотя антикапитулянтски настроенные круги и подчеркивали необходимость того, чтобы решения принимал народ и парламент, но многие их представители одновременно поддерживали иллюзии о позиции Э. Бенеша. Подобные противоречивые оценки можно обнаружить и в листовках, распространенных в этот день так называемым Петиционным комитетом «Останемся верными»: «Народ не капитулировал — чехословацкая демократия не капитулировала. Правительство не народ! Решение о том, как действовать правительству, должен принять народ... Требуйте немедленного созыва парламента! Парламент должен отвергнуть капитуляцию!.. Непреклонен президент, непреклонна армия, непреклонен народ!»³⁵ Однако действительная обстановка была иной: президент был непреклонен лишь в стремлении принять «предложения» и не допустить созыва парламента. Э. Бенеш подписал воззвание, в котором потребовал абсолютного доверия к правительству и безусловного выполнения любых приказов³⁶. Это было одной из мер правительства, направленных на то, чтобы сдерживать народ, возмущенный капитуляцией.

Уже с утра предпринимались попытки подорвать доверие народных масс к Советскому Союзу. Ж. Бонне в Париже утверждал, что, коль скоро Советский Союз занял неопределенную позицию, компромисс с Гитлером неизбежен. Понятно, что пражские капитулянты не замедлили публично выступить с лживыми обвинениями: газета аграриев «Вечер» утром вышла со статьей, в которой говорилось, что Чехословакия «была предана и народом славянской расы». В заявлении правительства о принятии англо-французских «предложений» также утверждалось, что советская помощь якобы нереальна, так как Франция отказалась выполнить свои обязательства. В 10 часов 15 минут полпред С. С. Александровский заявил протест министерству иностранных дел, подчеркнув, что Советское правительство дало положительный ответ на оба заданных вопроса. Ведь Э. Бенеш не задал третьего вопроса, и поэтому несерьезно для правительства ссылаться на «предательство Советского Союза», чтобы оправдать свое решение о капитуляции³⁷. Листовка КПЧ разоблачала правительственные махинации и передавала советский ответ в следующих словах: «Мы окажем немедленную помощь в любой ситуации, если вы будете обороняться»³⁸. В газете «Лидове новины» появилась статья о советской позиции во время сентябрьского кризиса, заканчивающаяся словами: «В любом случае действия Советского Союза таковы, что у чехословацкого народа нет причин сомневаться в надежности и верности своего русского союзника»³⁹. К сожалению, эти же «Лидове новины»

опубликовали в вечернем выпуске заявление, проникнутое стремлением успокоить народ. Газета писала, что не опубликованный до сих пор правительственный ответ «может не бояться суда чехословацкого народа, а молчание, хранимое правительством, вызвано тактическими соображениями, а вовсе не стыдом». Если эта статья имела в виду ответ правительства от 20 сентября, то подобное заявление было оправданным. Но в 17 часов уже был дан ответ, означающий полную капитуляцию.

Еще днем Б. Ньютон предлагал Лондону публично одобрить действия Э. Бенеша, принявшего «предложения», и тем помочь ему убедить общественное мнение Чехословакии в том, что англо-французский план соответствует интересам этой страны. Скорее всего, на Э. Бенеша будет направлено всеобщее негодование, и поэтому желательно, чтобы США также публично одобрили действия Бенеша, писал он. Форин оффис послал в Прагу телеграмму подобного содержания, но Б. Ньютон не вручил ее Э. Бенешу⁴⁰.

Принятие «предложений» было нарушением конституции, и поэтому оно означало политическое банкротство Э. Бенеша и всей политической группировки, которая поддерживала его. Но кто мог лучше, чем Э. Бенеш, заставить общественность согласиться с капитуляцией? Чехословацкая дипломатия в Берлине давала понять, что Э. Бенеш должен остаться «рулевым так долго, пока не умиротит социалистические массы. Иначе грозит революция»⁴¹.

Как видно из протоколов, Э. Бенеш отказался принимать отставку правительства, мотивируя это тем, что надо ждать, пока общественность не успокоится. Ведь Б. Ньютон ясно сказал во время ночного демарша: «Если капитуляция будет принята, то нельзя позволить свести ее на нет свободным излиянием народного негодования». Будь у Э. Бенеша действительно желание противостоять политике «умиротворения», он сам бы подал в отставку в тот момент, когда были исчерпаны возможности его концепции. Сохранение за собой поста президента и после принятия капитуляции, отказ принять отставку правительства означали не что иное, как содействие реализации намерений Ж. Бопиэ и Н. Чемберлена, — на этот раз против воли чехословацкого народа. Если бы Э. Бенеш принял отставку правительства Годжи, а возможно, и сам отказался бы от поста президента, то он расчистил бы дорогу для «правительства обороны республики». Сопределение оппозиционных политиков, собравшихся в редакции «Лидовых новин», оказалось перед проблемой: как создать новое законное правительство, если правительство Годжи после капитуляции хотя формально и подало в отставку, но продолжает выполнять свои функции. Чтобы решение капитулировать не утратило силы, у власти должно было оставаться правительство,

принявшее это решение. Только так можно было помешать прийти к власти правительству, которое аннулировало бы это решение и организовало бы оборону республики от фашистского агрессора.

Вечером в Праге начались первые демонстрации протеста против капитуляции. Я. Сыровы и П. Зенклы призывали сохранять спокойствие и порядок, успокаивали демонстрантов. Однако уже на следующее утро правительство Годжи признало, что оно не может удержаться у власти, и вновь подало в отставку⁴².

Несомненно, капитуляция правительства вызвала сразу же вопрос: какой режим будет в пограничных районах с немецким населением? Было принято решение о том, чтобы министр внутренних дел связался с судетонемецкой партией и договорился с ней об обеспечении порядка. На практике это означало передачу власти судетонемецкой партии и открытие границ. Более того, Э. Галифакс настоятельно посоветовал через Б. Ньютона Э. Бенешу отозвать из пограничных районов чехословацкую государственную полицию. Наилучшим решением, считали в Лондоне, было бы открытое заявление Э. Бенеша, что Чехословакия не в состоянии нести далее ответственность за сохранение порядка в пограничных областях. Бенешу, по мнению Лондона, следует обратиться с просьбой, чтобы немецкая армия без промедления взяла на себя всю ответственность⁴³. Необходимо подчеркнуть, что телеграмма с этими рекомендациями была получена в Праге менее чем через два часа с того момента, когда К. Крофта передал обоим посланникам положительный ответ на «предложения». А ведь Э. Бенеш надеялся, что новые границы будут определены в результате долгих переговоров, в ходе которых многое еще можно будет спасти. Однако требование немедленной оккупации пограничных областей было выдвинуто еще до отлета Н. Чемберлена в Годесберг.

В ночь с 21 на 22 сентября власть в целом ряде пограничных городов была передана в руки судетонемецкой партии. Непосредственно после политической капитуляции последовал фактический уход с территории, находящейся перед укреплениями. Армия получила приказ не занимать районов, захваченных ранее генлейновцами. Р. Стопфорд из миссии Ренсимена организовал переговоры между министром внутренних дел Я. Черным и деятелями судетонемецкой партии⁴⁴. Аграрии охотно выполнили британские указания и начали освобождение пограничных районов еще раньше, чем открылись переговоры в Годесберге. Пока Э. Бенеш колебался и конструировал дипломатические гарантии, должны ограничить последствия капитуляции, аграрии действовали и предавали. Развитие событий далеко опережало действия Э. Бенеша.

VIII. ПОДГОТОВКА ВСТРЕЧИ

В ГОДЕСБЕРГЕ

(21 сентября)

В значительной части исторической литературы переговоры в Годесберге изображаются как принципиальный поворот в сентябрьском кризисе, который был вызван грубыми требованиями Гитлера, предъявленными изумленному Н. Чемберлену. В части литературы даже утверждается, что разлад в Годесберге был настолько глубок, что поставил под угрозу политику «умиротворения». Этот вопрос заслуживает более внимательного рассмотрения.

Днем 21 сентября Гитлер получил сообщение, что Прага приняла англо-французский план. Несмотря на это, он приказал продолжать военные приготовления против Чехословакии, а также одновременно подготовку оккупации Судет в согласии с планом Н. Чемберлена. В Годесберге он намеревался предъявить новые требования. Кроме того, Гитлер собирался поставить вопрос о венгерских и польских претензиях к Чехословакии¹.

По сведениям французского генерального штаба, дислокация немецких войск на границе с Чехословакией в этот день была такова: в Силезии находилось 4 готовых к действию дивизии, в Саксонии — также 4, кроме того, 1 танковая, 1 механизированная и 1 резервная дивизии, в Баварии — 3 пехотных дивизии, а также 1 танковая и 3 резервных; в Австрии — 3 пехотных, 1 танковая, 1 механизированная и 1 резервная дивизии. Предполагалось, что в судетонемецком корпусе ополчения насчитывается около 40 тыс. человек. На западном фронте Германия держала 9 дивизий, которые были неспособны оказать серьезное сопротивление французскому наступлению. Германия располагала некоторыми резервами, размещенными во внутренних районах и в Восточной Пруссии. Однако начальник французской разведывательной службы заверил англичан: «Европейской войны не будет, так как мы не станем воевать». Франция не может якобы подвергнуться риску нападения германских военно-воздушных сил, поскольку немецкая авиация настолько превосходит французскую, что Франция перед ней просто беспомощна. Гитлер, утверждали военные, держит на Западе незначительные наземные силы именно потому, что он убежден: угроза авиационного нападения сможет удержать Англию и Францию в стороне от будущего конфликта. Немецкие силы сосредоточены вокруг

Чехословакии, но ее собственная армия не была мобилизована по настоянию Франции и Англии, которые считали, что это спровоцирует Гитлера на немедленные действия. В такой ситуации французская и английская разведывательные службы полагали, что начиная с вечера 21 сентября Гитлер может в любое время отдать приказ и овладеть в результате быстрой операции всей западной частью Чехословакии. Его дипломатия часто одерживает победы наперекор скептическим прогнозам немецких генералов, что повышает его престиж в Германии и особенно в армии².

Мнение французского генерального штаба было сообщено британскому правительству. Было слишком очевидно, что слабость чехословацкой обороны могла соблазнить Гитлера на неожиданное нападение, а это представило бы серьезную угрозу чемберленовской тактике «умиротворения». Как отреагировать на создавшуюся ситуацию? Н. Гендерсон порекомендовал, чтобы чехословацкое правительство незамедлительно убедило Гитлера в своем «честном намерении» капитулировать тем, что вывело бы полицию и армию из Судет. После этого можно было бы просить Гитлера дать приказ своей армии отойти от чехословацкой границы. Исполнительную власть в освобожденных от войск районах можно доверить Генлейпу и его партии³. Несмотря на сомнительность данного предложения, аграрии начали на практике осуществлять этот план уже в течение ночи, а люди из миссии Ренсимена помогали его реализации. Ж. Боннэ изложил Э. Фиппсу следующую идею: Франция может перебросить на линию Мажино 7 дивизий и тем самым даст понять Гитлеру, что ему не стоит рисковать неожиданным нападением на Чехословакию⁴. Он попросил Э. Фиппса, чтобы английское правительство ответило на это предложение не позднее 23 сентября. Не вызывает сомнений, что именно страх за судьбу политики «умиротворения» вынудил западные правительства дать наконец согласие на чехословацкую мобилизацию.

В мемуарах Ж. Боннэ и М. Гамелена приводятся схожие сведения: 21 сентября чехословацкий генеральный штаб представил план боевых операций в случае войны. Он предполагал постепенный отход с боями с чешской территории и стабилизацию фронта в горах Словакии. Ж. Боннэ сделал из этого вывод, что чешское сопротивление было бы кратковременным и тем самым Гитлер достиг бы своей цели — стратегической границы на моравско-словацком рубеже. Этот план чехословацкого генерального штаба также был использован Ж. Боннэ в качестве аргумента для необходимости компромисса с Гитлером. Ведь война и в представлении чехов привела бы Гитлера к быстрой победе, а поэтому она совершенно не нужна⁵.

На капитуляцию правительства Годжи Германия, кроме военных приготовлений, ответила пропагандистской кампанией. Геббельс приказал прессе освещать ситуацию примерно так: капитуляция Праги уже не имеет для Германии большого значения. Прага навязывает дискуссию, но развитие событий опередило ее. Германия еще посмотрит, каковы будут действия пражского правительства, а заявления уже не производят на нее никакого впечатления. Германская печать должна была замалчивать критику, которой в Лондоне и Париже подвергались английское и французское правительства. Положение же в Праге, напротив, следовало изображать как всеобщий хаос, преувеличивая противоречия в политических партиях и внутри коалиции. Было запрещено публиковать любые подробности о польских и венгерских претензиях к Чехословакии. Эти вопросы будут подняты лишь после того, как Германия посчитает, что наступил подходящий момент. Была опубликована фальсифицированная карта национальных меньшинств в Чехословакии, и немецкая печать получила указание избегать сведений, противоречащих этой карте. Настойчиво подчеркивалось, что Пльзень расположен в районе со смешанным населением⁶. Германия явно стремилась к границам, не имеющим ничего общего с этническими границами, что в конце концов подтвердил и годесбергский меморандум Гитлера. Немецкая дипломатия распространяла слухи, что хотя Гитлер и согласен исходить из критерия 50% немецкого населения при определении новых границ, но Чемберлен якобы собирается представить свои собственные расчеты и проекты. Гитлер считает этот вариант хотя и приемлемым, но всего лишь «малым решением». Если в Праге к власти придет правительство народного фронта, то Гитлер немедленно предпримет вторжение в Судеты⁷. Подобные угрозы предназначались Праге, Парижу и Лондону и были рассчитаны на сохранение власти в руках капитулировавшего правительства. Всем, и даже Гитлеру, было понятно — только правительство капитулянтов сможет реализовать принятое решение.

В Германии не скрывали намерений предъявить Н. Чемберлену венгерские и польские претензии. Польская и венгерская дипломатия предпринимала попытки заручиться в Париже и Лондоне поддержкой своих территориальных притязаний. Однако британское правительство заняло сдержанную позицию, ссылаясь на Лигу наций⁸. Н. Чемберлен намеревался добиться сделки с Гитлером на основе немецких территориальных требований и опасался осложнить переговоры претензиями других соседей Чехословакии. Кроме того, подобные притязания укрепляли подозрения английской общественности в том, что речь идет не о частичном пересмотре чехословацких границ, а об уничтожении чехословацкого государства.

А Чемберлен был вынужден все больше считаться с растущей оппозицией в Англии.

К. Эттли и А. Гринвуд 21 сентября посетили Н. Чемберлена и потребовали от имени оппозиции изменения британской политики в отношении Чехословакии. Они обратили внимание премьер-министра на то, что М. М. Литвинов говорит о позиции СССР совершенно иначе, чем излагал ее Н. Чемберлен. Последний сослался на информацию Ж. Бонна. Э. Галифакс также заявил, что он не имел точных сведений о политике правительства СССР, хотя это и не соответствовало истине. В конце концов Н. Чемберлен заявил: нельзя и думать об изменении курса по отношению к Чехословакии, потому что все уже одобрено правительством. После этого визита состоялось заседание Генерального совета профсоюзов и Исполкома лейбористской партии. Было принято решение послать к Н. Чемберлену новую делегацию, поскольку полученные объяснения были признаны крайне неудовлетворительными. Однако премьер-министр уклонился от встречи, мотивировав занятостью в связи с подготовкой к Годесбергу. Делегацию принял Э. Галифакс. К. Дальтон, Г. Моррисон и У. Ситрин потребовали, чтобы три державы, включая и СССР, предприняли совместный демарш в Берлине с целью привести Гитлера в чувство. К. Дальтон вновь сослался на заявление М. М. Литвинова в Женеве и назвал Ж. Бонна лгуном⁹. Э. Галифакс прибег к привычным заклинаниям: коалиция трех держав, может быть, и смогла бы нанести Германии поражение и продиктовать ей условия мира, но это произошло бы уже на руинах Чехословакии, возродить которую в прежних границах было бы все равно невозможно. Ввязываться в войну ради этого было бы совершенно бессмысленно¹⁰. Генеральный совет профсоюзов и Исполком лейбористской партии, получив такой ответ, решили обратиться с призывом к общественности собрать две тысячи митингов протеста против политики Чемберлена. Митинги эти состоялись, однако не оказали никакого влияния на позицию Н. Чемберлена, который уже имел к этому времени согласие Чехословакии на капитуляцию¹¹. Сторонники политики «умиротворения» умышленно взвинчивали темп событий, чтобы народные массы были поставлены перед свершившимся фактом и не имели возможности реагировать на это. Таким образом, правительство в Праге, поспешив с принятием англо-французских «предложений», помешало прогрессивным силам на Западе оказать поддержку Чехословакии.

Вечером 21 сентября из Парижа вернулся У. Черчилль. Он осудил капитуляцию перед Германией и заявил, что мир в Европе можно спасти лишь совместными действиями всех держав, интересы которых поставлены под угрозу.

Правительственная печать неустанно подчеркивала выгоды капитуляции. «Таймс» сообщила, что Гитлер, чехословацкое правительство, Париж и Лондон достигли принципиального соглашения о решении судетонемецкой проблемы и осталось уточнить лишь незначительные детали ¹². «Дейли мейл» находила, что урезанное чехословацкое государство, целостное в национальном отношении, будет обладать определенными преимуществами. К тому же нельзя считать вечными границы любого государства, «глубокомысленно» добавляла газета ¹³. Английской общественности внушалось, что чехословацкий вопрос — это совершенно незначительный пограничный спор. «Таймс» даже утверждала, что план Чемберлена открывает перспективу вечного мира в Европе. Эта кампания британской печати должна была усыпить бдительность английской общественности, сломить ее сопротивление интригам правительства. Только журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» приоткрыл завесу над правительственной политикой: «Если Англия, Франция и Россия держались бы прочно вместе, то Гитлер не решился бы выступить. Великобритания была вынуждена вести себя перед Гитлером, как шакал, главным образом потому, что Н. Чемберлен не хотел стать союзником России и усилению русского влияния всегда предпочитал германскую гегемонию в Европе» ¹⁴. Другими словами это выразил американский посол Дж. Кеннеди: «Чемберлен убежден, что война означала бы конец нашей цивилизации и за ней последовал бы лишь коммунизм или нечто подобное» ¹⁵. На самом же деле политика Н. Чемберлена приближала войну гораздо быстрее, чем любой другой политический курс. Однако в Лондоне утешали себя тщетной надеждой, что война коснется лишь Восточной Европы, оставив нетронутыми силы Англии и Франции.

Англо-французское давление на Прагу пробудило большую часть английской общественности. Если перед отлетом Н. Чемберлена в Берхтесгаден в Англии царилло убеждение, что этот вояж может предотвратить войну, то ныне нарастала оппозиция намечавшемуся разделу Чехословакии ¹⁶.

От Германии не ускользнул поворот в настроении английской общественности. Немецкое посольство в Лондоне сообщало об усиливающихся нападках на правительство и давало понять, что Н. Чемберлен должен достигнуть успеха в Годесберге, иначе дома он не устоит перед оппозицией. Если бы Н. Чемберлену удалось добиться соглашения, то он мог бы распустить парламент и одержать победу на выборах, сыграв на лозунге «Правительство обеспечило длительный мир в Европе». Позицию Чемберлена, писало посольство, может осложнить преждевременное разглашение конечных целей, что

неосторожно делает немецкая печать, которая уже сейчас говорит о полном уничтожении Чехословакии¹⁷.

Н. Чемберлен осознавал критический характер создающегося положения. Компромисс с Гитлером в Годесберге был бы триумфом над оппозицией в Англии. Неудача же могла вызвать его падение и привести к провалу всей концепции «умиротворения». Но в данной ситуации уже не годился любой компромисс с Гитлером: приходилось учитывать изменившуюся обстановку в Англии.

Предстоящая годесбергская встреча была обсуждена еще утром на совещании особого правительственного комитета по чехословацкому вопросу¹⁸. Н. Чемберлен вновь прибег к испытанной тактике: поставить кабинет перед решением, принятым ранее более узким кругом министров.

Открывая заседание, Н. Чемберлен сказал: если Гитлер согласится с его планом, то он потребует, чтобы незамедлительно были приняты меры к улучшению обстановки в Судетах. Это предполагает немедленный отвод чехословацкой полиции и армии. Гитлер и Бенеш могли бы обратиться с призывами к спокойствию. Вопрос в том, кто заполнит вакуум, который возникнет в чехословацких пограничных областях. Порядок могла бы поддерживать судетонемецкая гвардия. Можно подумать и о британских военных частях. Но Гитлер потребует, наверное, чтобы немецкая армия немедленно вступила в Чехословакию. Несомненно, это было бы более практично: у немецкой армии есть свои преимущества перед судетонемецким корпусом ополченцев. Можно будет дать согласие на незамедлительное занятие областей, в которых немцы составляют хотя бы 80%. Однако проблемой являются промышленные центры. Национальности здесь перемешаны, у чехов левые настроения, и, по словам Н. Чемберлена, здесь существуют опасные «коммунистические банды». Промышленные центры лучше всего занять международными частями. В противном случае угрожают инциденты, а они в свою очередь могут перерасти в войну. Военные считают, что Англия может послать в Центральную Европу только одну дивизию, которая прибудет на место не ранее чем через три недели. Эта дивизия составляет половину британских сил, которые можно использовать вне Британских островов.

Ф. Эштон-Гуэткин из миссии Ренсимена в числе особо «опасных» городов с преобладанием левых элементов назвал Теплице, Мост, Чешскую Липу, Либерец и Яблонец. Присутствие в них британских частей, считал он, сможет оказать положительное воздействие. Возможно также использовать югославские подразделения. В пограничных районах государственная полиция имеет приблизительно 80 постов. Было решено послать Э. Бенешу запрос, как он представляет себе конт-

роль в районах, намеченных к передаче Германии. Кроме отвода из этих районов полиции, ему следует порекомендовать ничего более не предпринимать. Однако, как выше уже отмечалось, Б. Ньютон получил еще вечером телеграмму с указанием настаивать перед Э. Бенешем на выводе не только государственной полиции, но и армии.

Ф. Эштон-Гуэткин вновь напомнил, что Гитлер, несомненно, потребует согласия на немедленную оккупацию немецких областей, что встретит отрицательную реакцию английской общественности. Положение мог бы спасти Э. Бенеш, заявив, что желательна помощь немецкой армии. Если бы Гитлер согласился сотрудничать и дал приказ прекратить беспорядки, то Э. Бенеш сам мог бы затем предложить немецкой армии войти в пограничные районы.

С. Хор информировал правительственный комитет о состоявшейся встрече с владельцами газет. Большинство из них высказало пожелание, чтобы Н. Чемберлен возвратился из Годесберга хоть с какими-то уступками Гитлера. Тем самым будет создано впечатление, что встречи премьера с Гитлером носят характер переговоров, а не одностороннего диктата.

Н. Чемберлен вновь взял слово. Если Гитлер будет говорить о территориальных требованиях Польши и Венгрии, то он сообщит ему, что должен обсудить этот вопрос со своим кабинетом. Это не означает, что позднее британское правительство не согласится и с подобными требованиями. Далее Н. Чемберлен сообщил комитету, что он не даст согласия на исключение России из числа держав — гарантов уменьшенной Чехословакии. Если Гитлер будет настаивать, то Н. Чемберлен сообщит ему о необходимости новых консультаций со своим кабинетом.

Несомненно, заявление о включении СССР в число гарантов было всего лишь политическим трюком. С правительством СССР по этому вопросу не проводилось никаких обсуждений. Однако Н. Чемберлен стремился создать у британской общественности впечатление, что СССР является, собственно говоря, «тихим» участником этого плана. Тем самым он намеревался нейтрализовать оппозицию, задающую вопрос, почему английское правительство отказывается от совместных с СССР действий против Германии.

Э. Галифакс спросил, не следует ли обсудить возможные действия на случай, если переговоры будут прерваны, а Гитлер нападет на Чехословакию. Но Н. Чемберлен решительно отказался обсуждать подобную ситуацию, так как это, по его мнению, преждевременно. Необходимо тщательно взвесить обстоятельства, могущие привести к прекращению переговоров. Как мы увидим позднее, Н. Чемберлен был готов пассивно

наблюдать за немецким нападением на Чехословакию и позволить Гитлеру беспрепятственно закончить свое кровавое дело.

Был поставлен и такой вопрос: может ли переговоры в Годесберге вести кто-нибудь, кроме Н. Чемберлена? Однако, как всегда в критические моменты, Дж. Саймон выступил решительным защитником премьер-министра. Необходимо, заявил он, чтобы переговоры в Годесберге вновь вел сам Н. Чемберлен, так как он уже был в Берхтесгадене и знает, что можно ожидать от Гитлера при очередной встрече. Э. Галифакс должен быть готов в случае необходимости по первому сигналу прилететь в Годесберг.

Затем Г. Вильсон сообщил, что лорд Ренсимен заканчивает доклад о своей миссии, в котором поддерживает нынешнюю политику правительства. В докладе подчеркивается, что карловарские пункты принадлежат прошлому и плебисцит нежелателен. Доклад не будет опубликован, но войдет в Белую книгу, которую представят парламенту.

В 3 часа дня было созвано заседание британского правительства¹⁹. Н. Чемберлен вновь повторил то, что было им сказано утром на заседании правительственного комитета. Скорее всего, предполагал он, Гитлер будет настаивать на немедленной оккупации Судет. Возникает вопрос: кто будет контролировать эту территорию вплоть до ее оккупации? Судетонемецкая партия ненадежна, она постоянно провоцирует инциденты. Использование английских войск для контроля положения в отдельных городах также представляется неудобным. Кроме того, английские солдаты не смогут прибыть в Чехословакию раньше чем через три недели. Н. Чемберлен подчеркнул, что сейчас не требуется согласия кабинета по этому вопросу, он всего лишь размышляет о планах, у которых могло быть больше шансов на успех. Гитлер должен дать согласие на роспуск судетонемецкого добровольческого корпуса, ибо после принятия «предложений» для его существования уже нет оснований. Э. Галифакс сообщил, что Голландии, Швеции и Югославии был направлен запрос об их согласии прислать контингенты войск в Чехословакию. Он полагает, что французские войска не могут быть использованы. Вначале думали об Италии, но Муссолини все испортил тоном своих речей.

Министр У. Эллиот выразил сомнение в том, что Э. Бенеш сам призовет в Чехословакию немецкие войска. Он спросил, не смогли бы международные силы контролировать всю область, намеченную для передачи. Приход немецких войск может иметь страшные последствия для граждан областей со смешанным населением.

Н. Чемберлен ответил, что все будет зависеть от успеха переговоров. Если Гитлер согласится с генеральной линией предлагаемого решения, то он, Н. Чемберлен, сможет оказать на него сдерживающее влияние.

Министр торговли О. Стэнли выразил опасение, что немецкие войска могут перейти чехословацкую границу. Следует убедить общественность, что немецкое правительство возьмет в свои руки власть над чехословацкими пограничными районами только после определения новых границ. Необходимо дать людям возможность переселиться из этих районов. Он не воодушевлен перспективой присутствия в Чехословакии британских войск. Если Гитлер проявит добрую волю, то чехословацкие власти смогут легко поддерживать порядок, возможно с помощью международных наблюдателей. Но если Германии позволят немедленно начать оккупацию, то исчезнут последние надежды на одобрение этого английским общественным мнением.

Первый лорд адмиралтейства А. Дафф Купер сказал, что если немецкой армии разрешат пересечь чехословацкую границу, то это закончится оккупацией всей страны. Немцы попросту найдут какой-либо повод для дальнейшего продвижения под предлогом необходимости «сохранить порядок». Они не остановятся, пока не займут Прагу. Сообщения немецкой печати о нападениях вооруженных банд и выдвижении новых претензий по вопросу о национальных меньшинствах лишь подтверждают, что Гитлер не выполняет обещаний, данных Н. Чемберлену. Пограничные области должны находиться под международным контролем, пока не будет определена новая чехословацкая граница. Если завтра Гитлер выдвинет новые требования, то Н. Чемберлен должен ответить, что Англия вступит в войну. Это будет сделано не для того, чтобы лишить судетских немцев права на самоопределение, а с целью остановить продвижение Гитлера в Европе. В таком случае и США встанут на сторону Англии. Хотя Германия, вероятно, сможет вначале добиться успеха, но затем она потерпит окончательное поражение.

Это была уже прямая атака на курс Чемберлена. Премьер вновь спросил: что делать, если Гитлер будет говорить о тысячах немцев, которые спасаются от чехословацкого террора и которым необходимо дать возможность вернуться к своим очагам?

Министр авиации К. Вуд снова напомнил, что нельзя пренебрегать английским общественным мнением. Если немцы сейчас перейдут границу, то это вызовет шок. Н. Чемберлен возразил, что он даже не думает предлагать немцам нечто подобное. Однако утреннее заседание комитета свидетельствовало о другом. Гитлер, по его мнению, несомненно, потребует

вывода чешских войск и полиции. Может быть, он удовлетворится этими мерами, и тогда инциденты прекратятся и отпадет необходимость в любых войсках. Но Н. Чемберлен полагает, что это маловероятно. О. Стэнли напомнил о весенних событиях в Австрии. Если немцы займут Судеты, то все чехи и немецкие демократы подвергнутся жестокому преследованию.

Военный министр Л. Хор-Белиша подчеркнул, что направление английских солдат в Чехословакию сопряжено с большим риском.

Н. Чемберлен понял, что кабинет не согласится с тем, чтобы Гитлеру была обещана немедленная оккупация пограничных районов, как намеревался сделать сам премьер. Он повторил предложение Н. Гендерсона доверить контроль над данными областями партии Генлейна. Другой вариант — ввод международных войск. Если удовлетворительное решение не будет достигнуто, то он заявит Гитлеру о необходимости вновь проконсультироваться по этим вопросам со своим кабинетом. В самом конце заседания поступила телеграмма из Праги. Н. Чемберлен зачитал ее: «Правительство принимает предложения с условием, что Англия и Франция не допустят немецкого вторжения до законной передачи территории».

Следующим обсуждался вопрос о территориальных претензиях Польши и Венгрии. Как утверждал Н. Чемберлен, во время встречи в Берхтесгадене Гитлер уверял, что вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах не представляет неотложной проблемы. Но в последние дни просочились сведения о новых переговорах с Гитлером. Поэтому можно предположить, что в Годесберге Гитлер предъявит венгерские и польские требования. Что должен ответить на это Н. Чемберлен? Наверно, лишь напомнить о заверениях Гитлера во время первой встречи, что его интересует только проблема судетских немцев, а также указать: британское правительство не желает связывать эту проблему с другими. Если Гитлер все же будет настаивать на объединении всех проблем, то Н. Чемберлен должен с сожалением сообщить ему, что он не может вести дальнейшие переговоры без нового совещания со своим кабинетом. Сэмюэль Хор отметил, что именно этот комплекс вопросов может послужить проверкой искренности Гитлера.

Далее обсуждались вопросы о гарантиях новых чехословацких границ. Н. Чемберлен считал нужным решить, должны ли гарантии быть общими или двусторонними и сколько держав будет участвовать в них. Сам он рекомендует, чтобы Чехословакия получила общие гарантии, действительные лишь в случае неспровоцированной агрессии. Трудность, однако,

состоит в том, что неясно, кто будет определять характер агрессии. Если в этом вопросе каждая держава будет принимать собственное решение, то каждый из гарантов захочет сам и определять свои конкретные действия. Если же в число гарантов будет включена Германия и она решит, что ее агрессию спровоцировали, то тем самым она наложит вето на вмешательство других держав. Можно было бы призвать Германию заключить с Чехословакией пакт о ненападении. Тем самым она исключалась бы из числа гарантов. Скорее всего, остались бы Англия, Франция и Советский Союз. Гарантии могут быть воплощены в жизнь путем изменения союзнических договоров, заключенных с Чехословакией. Не исключено, однако, что Советский Союз откажется расторгнуть свой договор. Согласится ли Гитлер на объединенную гарантию трех держав? Он считает Чехословакию занозой в боку Германии. Но ему можно будет указать, что Чехословакия уже не будет иметь возможность заключать двусторонние военные договоры. Но что делать Н. Чемберлену, если Гитлер возразит против участия в гарантиях Советского Союза? Общие гарантии неуязвимы в принципе, коль скоро, конечно, Гитлер не собирается уничтожить Чехословакию. Н. Чемберлен предлагает следующее: если Гитлер отвергнет участие русских в гарантиях, то он сообщит ему, что должен информировать об этом свой кабинет. Вначале рассчитывали на участие в гарантиях Италии. Но те же самые доводы, препятствующие участию Германии, относятся и к ней. Можно подумать также и о привлечении Польши, Венгрии и Румынии, но пока от этого следует воздержаться в силу их территориальных притязаний. В заключение Н. Чемберлен снова предложил, чтобы гарантами, если возникнет в этом необходимость, стали Англия, Франция и Россия. Германии же следует предложить подписать с Чехословакией сепаратный пакт о ненападении.

В ходе дискуссии остальные министры также выразили пожелание привлечь СССР к участию в гарантии чехословацких границ. Это было сделано вовсе не потому, что всерьез имелось в виду участие СССР в гарантиях и тем более сотрудничество с ним. Весь этот маневр предназначен для обмана английской общественности и маскировки существа политики «умиротворения». Сэмюэль Хор сказал об этом вполне открыто: участие России в гарантиях может оказать существенную помощь, было бы ошибкой исключать Россию из Европы, наоборот, ее участие в данном мероприятии полезно, учитывая взгляды определенной части общества. Это давало бы реальную возможность представлять дело так, что, участвуя в англо-французском плане, СССР якобы сотрудничает и в действиях, направленных против Чехословакии. А если СССР будет участвовать в гарантиях урезанной Чехословакии, то тем больше

надежд на то, что Советский Союз вступает в войну с Германией. И поскольку участие в коллективных гарантиях предполагает, что каждая держава самостоятельно определяет свои действия, западные страны могут легко остаться в стороне от конфликта, могущего возникнуть между СССР и Германией в результате немецкой агрессии против Чехословакии. Внешнюю политику Великобритании часто называют макиавеллиевской. Вопрос о гарантиях наглядно подтверждает правильность такой характеристики. Никто из британских министров и не подумал всерьез, что Германия подпишет обязательство совместно с СССР. Кроме того, было хорошо известно сопротивление Германии многосторонним договорам.

После дискуссии по этим вопросам была сделана попытка сформулировать генеральную линию, которой должен был придерживаться Н. Чемберлен в ходе переговоров с Гитлером. Если мы сравним создавшуюся ситуацию с той, которая была перед отъездом Н. Чемберлена в Берхтесгаден, когда ему дана была практически полная свобода действий, то можно сказать, что это заседание знаменовало собой известный прогресс, достигнутый благодаря давлению английской общественности. Н. Чемберлен уже не мог принять любой диктат без сопротивления. Было решено: 1) если Гитлер выдвинет новые требования по вопросу польского и венгерского меньшинства, то Н. Чемберлен должен ответить, что он не может продолжать переговоры и должен посоветоваться со своим кабинетом; 2) гарантии должны иметь форму совместных обязательств; гарантами будут Франция, Англия и Россия. Германию призвут подписать с Чехословакией пакт о ненападении. Если Гитлер отвергнет участие русских в гарантиях, то Н. Чемберлен вернется в Лондон для консультаций со своим кабинетом.

По вопросу поддержания порядка в Судетах в переходный период принимается следующее решение: а) Н. Чемберлен попытается достичь соглашения на основе отвода чехословацких вооруженных сил из областей, намеченных к передаче; б) следующим шагом может быть создание международных сил; в) если это будет возможно, то немецкой армии не разрешат перейти чехословацкую границу раньше, чем в пограничных районах будут размещены международные силы; г) конечное решение должно содержать постановление о расширении корпуса наблюдателей. Если Н. Чемберлен не сможет достигнуть удовлетворительного соглашения по этим вопросам, то он должен вернуться в Лондон и вновь провести консультации со своим кабинетом.

Эти решения, можно сказать, предопределяли неудачу переговоров в Годесберге. Дж. Кеннеди сообщил тогда в Вашингтон о причинах ужесточения позиции британского кабинета: общественное мнение Англии восстало против плана

Чемберлена, критика его ведется непосредственно в самом правительстве. Чемберлен должен получить у Гитлера некоторые уступки, например обещание демобилизации немецкой армии и более ясное изложение целей немецкой политики. Только так Н. Чемберлен может поддержать видимость ведения переговоров и отвратить подозрения в том, что он склоняется перед диктатом Гитлера. Если Н. Чемберлен не добьется уступок, заключал Дж. Кеннеди, то результатом будет раскол в правительстве²⁰. Серьезные затруднения, с которыми Н. Чемберлен столкнулся в собственном правительстве, еще раз подтверждают, какой принципиальной ошибкой было поспешное принятие «предложений» Прагой.

О событиях предыдущей ночи лишь кратко сообщил Э. Галифакс. Он сказал, что после совещания с Н. Чемберленом в Прагу была послана телеграмма, требующая, чтобы чехословацкое правительство вновь рассмотрело свою позицию в отношении англо-французского плана. Если чехословацкое правительство будет настаивать на своем первоначальном ответе, то в дальнейшем Англия снимет с себя ответственность за создавшуюся ситуацию. Н. Чемберлен напомнил о телеграмме из Праги, из которой было видно, что чехословацкое правительство даже не рассчитывало на согласие со своим первым ответом и ожидало нового нажима. По мнению Э. Галифакса, британское правительство может потерять контроль за развитием событий, если не будет определено время следующей встречи с Гитлером. Во вторник Гитлеру было послано сообщение о том, что переговоры возобновятся в четверг. В этом крылся определенный риск, так как не было уверенности в позиции Чехословакии. Но Э. Галифакс сообщил, что последние телеграммы из Праги, сообщающие о принятии «предложений», разрядили обстановку. Хотя Н. Чемберлен не забыл напомнить, что чехословацкое правительство ожидает нового нажима, этот вопрос не привлек внимания, как это случилось на заседании французского правительства. Возражения членов кабинета были направлены против плана Чемберлена как такового. Некоторые министры-консерваторы не могли смириться с мыслью, что Гитлер попросту диктует условия, а британское правительство превращается в исполнителя его воли.

Правительство согласилось, чтобы доклад Ренсимена о результатах его миссии в Чехословакии, оформленный как личное «письмо Н. Чемберлену», был включен в Белую книгу, которая будет разослана членам парламента перед обсуждением чехословацкого вопроса. Письмо было отредактировано непосредственно в Форин оффис по указаниям Э. Галифакса так, чтобы в нем не осталось ничего, что помешало бы германскому правительству добиться своих целей. Поэтому

некоторые части письма были ослаблены, другие, наоборот, выпячены²¹. Короче говоря, «беспристрастное свидетельство» британского эксперта должно было принять вид, удовлетворяющий Гитлера.

Одним из вопросов, обсуждавшихся английским правительством 21 сентября, был вопрос о плебисците в районах со смешанным населением. Британский генеральный штаб полагал, что проведение плебисцита под международным контролем потребует около трех дивизий. Одну дивизию может предоставить Англия, остальные силы — Италия, Швеция, Голландия, Бельгия. Командование международными силами должен осуществлять британский офицер²². Мысль об использовании международных воинских сил вызывалась в эти дни рядом причин. После печального опыта аншлюса Австрии, оккупация чехословацких пограничных районов должна была приобрести вид упорядоченной акции, осуществляемой под международным контролем. Сказывалось и недоверие к Германии, подозрение, что если ее армия однажды пересечет чехословацкую границу, то она остановится только в Праге. Не доверяли и чехословацкой армии: она может отказаться покинуть пограничье и оказать вооруженное сопротивление. Все размышления и опасения подобного рода и породили идею поставить между немецкой и чехословацкой армиями своего рода стену безопасности в виде международных воинских сил. В последние сентябрьские дни от этой идеи отказались по причинам, о которых будет сказано позже.

В первую очередь «умиротворителям» было необходимо, чтобы западная общественность свыклась с мыслью о расчленении чехословацкого государства. Британское правительство отдавало себе отчет в необходимости выиграть время, чтобы можно было реализовать план Чемберлена. Если бы чехословацкое правительство не поспешило дать согласие на англо-французские «предложения», то сделка Н. Чемберлена с Гитлером была бы поставлена под угрозу. Отсюда постоянный нажим на Чехословакию и спешка. Но так как реакция английского общественного мнения была неблагоприятной, британскому правительству на своем заседании 21 сентября пришлось составлять все эти «условия», явно неприемлемые для Гитлера, но предназначенные только для того, чтобы выиграть время. Обрати чехословацкая дипломатия вовремя внимание на этот факт, и правительство могло бы дальше придерживаться хотя бы тактики проволочек. Однако своим преждевременным и совершенно опрометчивым согласием с англо-французскими «предложениями» оно дало в руки Н. Чемберлену самое сильное средство, которое и было вскоре использовано в ущерб Чехословакии.

IX. ПРОТЕСТ ПРОТИВ КАПИТУЛЯЦИИ

(22 сентября)

Правительственная коалиция была блоком партий буржуазии, мелкой буржуазии и реформистски настроенного пролетариата. Капитуляция была принята лидерами этих партий без ведома народа. В этот блок не входила патриотическая левая интеллигенция и социалистический пролетариат, настроенные антифашистски. Капитуляция воспринималась ими как измена республике и антифашистским левым массам. Из протоколов правительства и документов, составленных до 21 сентября, видно, что правительство опасалось сопротивления народа капитуляции. Часто произносилось и слово «революция». Сам Э. Бенеш сомневался, удастся ли правительству, его органам и коалиционным партиям совладать с волной народного гнева.

Уже вечером 21 сентября демонстрации приобрели такой размах, что на следующий день правительство Годжи решило подать в отставку. Утром 22 сентября Э. Бенеш информировал французского посланника об этом решении. Новое правительство, вероятнее всего, возглавит генерал Я. Сыровы, однако это не означает установления военной диктатуры или создания «кабинета обороны», поспешил добавить Э. Бенеш. Смысл всего этого — «успокоить массы и овладеть улицей»¹. Политический комитет, принимавший основные решения, и в дальнейшем сохранял власть, что ясно показывало — новое правительство разделяет прежнее решение о принятии англо-французского плана. К. Крофта получил указание дать аналогичную информацию и Б. Ньютону; информирования были также и Ш. Осуский и Я. Масарик. Поэтому Париж и Лондон не должно было тревожить падение правительства, капитулировавшего под их нажимом. Новый кабинет оказался связанным обязательством выполнять англо-французский план раньше, чем он был сформирован. Основную политическую задачу этого кабинета определил сам Э. Бенеш.

В 9 часов утра в здании парламента встретились представители социалистических партий, входивших в правительственную коалицию, и представители КПЧ. Некоторые социалисты требовали, чтобы коммунисты отменили демонстрацию, которая час спустя должна была начаться перед парламентом. Пришло сообщение о том, что правительство Годжи подало в отставку. При обсуждении состава нового правительства социалисты отвергли требование, чтобы КПЧ было предоставлено

в нем место². Трудно сказать, почему это случилось. Видимо, повлиял Э. Бенеш, который уже утром изложил французскому посланнику свое представление о политической линии нового кабинета. Э. Бенеш в ту пору был принципиальным противником правительства народного фронта. В мае 1938 г. Р. Бехине, которому правительство поручило поддерживать связь с коммунистами, обещал, что коммунисты будут приглашены в правительство обороны. Однако кабинету Сыровы не было суждено стать таким правительством. Смена кабинета была всего лишь вынужденной реакцией на протест народа против капитуляции, и в области внешней политики новый кабинет видел свою задачу в проведении переговоров с Германией. Одно из последних изречений Э. Бенеша гласило: «Мы счастливы, что привели народ к такой ситуации, не расколов его на правых и левых»³. Решение о капитуляции не вызвало распада коалиции. Утром Э. Бенеш заверил французского посланника в том, что Политический комитет войдет в состав нового правительства. А условия для создания правительства народного фронта могли возникнуть лишь в результате раскола прежней коалиции. Однако ее представители все еще были убеждены в том, что исчерпаны не все возможности. Общая ответственность за капитуляцию была теми путями, которые заставляли коалиционные партии держаться друг за друга. Э. Бенеш внимательно следил за тем, чтобы ни одна из них не смогла уклониться от этой ответственности. Именно его «заслугой», а точнее говоря — исторической виной, было то, что он поддерживал в коалиции ложные надежды на возможность спасти что-либо путем дипломатических переговоров. Коалиция все еще не осознала, что ее политика обанкротилась и прежний путь более невозможен.

Казалось, единственным, что еще может воздействовать на правительство, оставались демонстрации народных масс столицы. Такие демонстрации проходили и в других городах, однако они не носили столь массового характера, как в Праге. Организаторами, застрельщиками таких демонстраций везде были коммунисты. Это подтверждают рапорты районных гетманов и полицейских органов, а также донесения иностранных дипломатов из Праги. Б. Ньютон, сообщая о демонстрациях, писал, что правительство, по его мнению, пренебрегло мерами безопасности и должно было обратиться за помощью к таким организациям, как «Сокол» и «Орел»⁴.

Инспирированная правительством пропаганда сваливала всю ответственность за капитуляцию на Францию и Англию. Коммунистические же листовки прямо обвиняли правительство в том, что оно, капитулировав под иностранным давлением, поставило под угрозу целостность и безопасность республики. Листовки в особенности клеймили позором реакцио-

неров-аграриев за распространение клеветнических измышлений о позиции Советского Союза и стремление подавить единый порыв народа к защите республики. Петиционный комитет «Останемся верными» также присоединился к разоблачениям лживой кампании реакции. Коммунисты обвиняли министров-аграриев в том, что те помешали правительству обратиться за помощью к Советскому Союзу. Обнажить виновность капитулянтского правительства было нужно, но после падения кабинета Годжи одного этого было мало. Судьба страны теперь зависела от того, какое правительство придет ему на смену. КПЧ публично требовала создания сильного и решительного правительства обороны республики, опирающегося на народ, армию и демократические партии. Правительства, которое обязалось бы без согласия парламента не отдавать ни клочка земли. Правительства, которое торжественно обязалось бы защищать республику в случае нападения. Правительство, говорили коммунисты, должно потребовать от союзников выполнения своих договорных обязательств перед Чехословакией, принять меры внутри страны против реакционных элементов, которые давно поддерживали тайные связи с Германией⁵. Все лозунги коммунистов содержали требование последовательной и решительной обороны республики, опираясь на помощь СССР и других союзников. Основной лозунг гласил: «Если мы будем обороняться, то мир нам поможет и мы победим!» «Руде право» подчеркивала, что если Чехословакия будет отважно и решительно защищаться, то будут спасены не только государственная и национальная независимость чехословацкого народа, но и мир в Европе⁶. Однако 22 сентября никто не выступил с требованием, чтобы правительство республики открыто отвергло англо-французский план. Впоследствии это упущение было особо отмечено Коминтерном и подвергнуто острой критике. Дело не пошло дальше лозунга о том, что любая ревизия границ должна быть вынесена на рассмотрение парламента, а этого было недостаточно. Ведь Э. Бенеш и правительство Годжи отдавали себе ясный отчет, что парламента никогда не даст согласия на подобную ревизию, и они не остановились перед нарушением конституции.

На митинге, собравшемся перед парламентом, выступил Клемент Готвальд. Он сказал: должно быть создано новое правительство обороны республики, которое будет опираться на народ, армию и честных демократов; создать новое правительство заставляет народ, и оно станет гарантией того, что враг не получит республику⁷. Один за другим выступали ораторы, которые, как полагали, войдут в новое правительство. Среди них были депутаты Л. Рашии, Й. Давид, К. Рыбарик и другие. Была выбрана делегация к Э. Бенешу в составе: К. Готвальд, Л. Рашии, Ф. Рихтер, Я. Пекарек,

К. Рыбарик. Э. Бенеш воспринял манифестацию перед парламентом как проявление решимости народа оборонять республику. Он пообещал сформировать новое правительство. Манифестация перед парламентом закончилась в 13 часов 30 минут, хотя еще не было известно, чего добилась делегация к Э. Бенешу⁸. Таким образом, народные массы разошлись раньше, чем Э. Бенеша заставили принять решение о создании нового правительства, и это также Коминтерн подверг критике.

Движение за оборону республики оставалось стихийным. Отсутствовала система организации, которая связала бы его в единое целое. Естественно, это не позволило низам развить столь действенное давление на правительство, чтобы предопределить принимаемые им решения. В данной ситуации решать задачи национальной обороны можно было лишь на основе широкого национального фронта. В тех условиях со стороны КПЧ было бы авантюрой пытаться решить эти вопросы путем захвата власти. Это был бы сектантский шаг. Гитлер был готов напасть, как только в Праге к власти придет народное правительство. Захватив власть, коммунисты вряд ли смогли бы создать правительство, пользующееся поддержкой всего народа, а война без широкой поддержки могла окончиться поражением, и КПЧ обвинили бы в том, что она ввергла страну в авантюристическую войну. Новое правительство должно было возникнуть легально, Э. Бенеш — остаться во главе республики. В тот день «Руде право» писала: «С нашей армией, с нашей промышленностью и сельским хозяйством, с нашим очень мужественным и готовым на жертвы народом мы должны отстоять свои позиции, и мы защитим их, если проявим отвагу». В этих словах ясно выражена идея необходимости общенационального фронта для обороны республики. Его поддерживали бы мировые демократические силы, попытка же насильственного, в данном случае сектантского, решения только одной лишь КПЧ могла встретить весьма ограниченную поддержку. «За нами,— заявляла «Руде право»,— подавляющее большинство человечества, которое вступит в борьбу на нашей стороне, выступит вовремя, и мы победим». КПЧ разделяла установку советской внешней политики о том, что объединенные силы антигитлеровской коалиции смогут удержать Гитлера от военной авантюры. А создание правительства народного фронта в Чехословакии и было условием для образования такой антигитлеровской коалиции великих держав. «Весьма правдоподобно,— считала «Руде право»,— что враг, увидев твердость нашу, откажется от своих замыслов, ибо за его угрозами скрывается внутренняя слабость»⁹.

Анализируя, почему мощная энергия народа, проявившаяся в демонстрациях 22 сентября, не увенчалась полным успехом,

необходимо прежде всего подчеркнуть следующий факт: все партии правительственной коалиции, равным образом как и Э. Бенеш, были полны решимости не допустить создания правительства обороны республики. Против манифестаций народа выступили профсоюзы и партии коалиции, срывая проведение демонстрации. Национальные социалисты даже потребовали ввести в Праге осадное положение. Действовали также различные агенты-provokatory. Так, например, агенты немецкого посольства выкрикивали лозунги, требующие отречения президента, обвиняя его в том, что он капитулировал из трусости¹⁰. Правительство пыталось овладеть положением и направить народные демонстрации в нужное русло. Гуго Вавречка, новый министр пропаганды, заявил впоследствии на заседании правительства, будто бы «демонстрации в Праге были заранее организованы и проходили под контролем, выкрики были согласованы, это была не стихийная демонстрация, а необходимый клапан»¹¹.

Одной из правительственных мер было занятие здания КПЧ и редакции «Руде право». Это было прелюдией к роспуску КПЧ, после чего должна была последовать попытка начать прямые переговоры с Германией¹². Подобный план неделю назад лорд Ренсимен привез в Лондон, сообщив, что передал он банкиром Я. Прейссом. Хотя Э. Бенеш и советовал отменить репрессии против КПЧ, однако новый министр внутренних дел, бывший чиновник этого же министерства, возразил, что он не может ничего сделать без согласия с Йозефом Черным, прежним министром внутренних дел. Аграрии давали понять, что Э. Бенешу необходимо выехать в Берхтесгаден для проведения прямых переговоров. В противном случае, угрожали аграрии, они сделают это сами. Утром 23 сентября Р. Беран домогался приема у Бенеша¹³. Я. Прейсс, Р. Беран, Й. Черны и М. Годжа, возглавлявшие реакционеров, намеревались призвать для наведения порядка немецкую армию, если б не удалось остановить народные демонстрации против капитуляции¹⁴. Основной идеей плана Я. Прейсса был роспуск КПЧ и прямые переговоры с Гитлером. Он исходил из того, что падение правительства Годжи и капитуляция перед англо-французским планом означает банкротство концепции Э. Бенеша. Теперь следовало оттеснить левые силы в правительственной коалиции, распустить КПЧ и открыть прямые переговоры с Гитлером. Что и сделал министр внутренних дел Й. Черны, который открыл в ночь с 21 на 22 сентября границы и передал власть в пограничных районах генлейновцам. В связи с этим следует учесть, что около 19 часов 21 сентября Б. Ньютон получил указание потребовать от Э. Бенеша пригласить в страну немецкие войска под предлогом поддержания порядка. Правда, Б. Ньютон не посмел передать

это требование Э. Бенешу, однако М. Годжа, как доверенное лицо английского посланника, вероятно, был ознакомлен с содержанием телеграммы. Так или иначе, но Й. Черны и М. Годжа пытались выполнить переданные из Лондона требования об отводе чехословацких вооруженных сил из пограничных районов и передаче здесь власти судетонемецкой партии. В свете этих фактов можно ли удивляться, что роковым вечером 20 сентября М. Годжа «заказал» нажим. Лишь капитуляция могла привести к власти наиболее реакционные силы, объединявшиеся вокруг аграрной партии. Сотрудничество с правительственными социалистами для аграриев стало теперь балластом и мешало прямым переговорам с гитлеровской Германией. Их стремления сводились к тому, чтобы пережить надвигающийся конфликт в тени нацистской Германии, нажиться на войне и выждать, чем завершится столкновение. В подобных расчетах не было ничего оригинального: это были вариации той же политики, которую проводил в годы первой мировой войны лидер аграрной партии А. Швегла. Стоит напомнить — Р. Беран в прошлом был секретарем А. Швеглы, а Йозеф Черны — его зятем.

Отрицательную позицию по отношению к народным демонстрациям заняла, впрочем, и правительственная коалиция в целом. Развязанная ею кампания должна была любыми средствами подорвать морально-политическую стойкость народа. «Все потеряно, все покинули нас, даже Советский Союз — таков был смысл всего этого. Подобные заявления влияли на умы и сердца, приводились «аргументы», правительственное радио всей своей программой навевало похоронное настроение. Общественность начала охватывать паника» — так охарактеризовала создавшуюся ситуацию «Руде право»¹⁵.

Актер Зденек Штенанек зачитал по радио правительственное заявление, в котором подчеркивалось, что Чехословакия покинута Англией и Францией, а поэтому нельзя даже и думать о принятии помощи СССР. В этом случае война поставила бы под угрозу саму основу национального существования чехов и словаков. «Президент республики и правительство не могли не принять план обеих великих держав как базу для дальнейших действий. Другого выхода не было, ибо мы остались одни».¹⁶ Заголовки в правительственных газетах, как и было предусмотрено, подчеркивали ответственность Запада. «Ужасное решение было принято под угрозой полного уничтожения. Собственные союзники диктовали нам условия как потерпевшим поражение! Ультиматум, не имеющий аналогий в истории нации! Все союзники отказали нам в помощи»¹⁷. К такой же аргументации прибегали и на собраниях коалиционных партий и их профсоюзных организаций, точнее говоря, на активах функционеров. «Не стоит скрывать, — говорилось

там,— что мы покинуты и остались одни... Было бы ошибкой думать, что в этом виновен господин президент республики или же наше правительство,— вся ответственность ложится на Англию и Францию»¹⁸.

Все средства были использованы, чтобы призвать народ к спокойствию. Давалось понять, что многое еще можно спасти в ходе дальнейших переговоров. Министр Э. Франке даже утверждал на заседании президиума национально-социалистической партии, что согласие правительства на передачу Германии пограничья всего лишь «дипломатический акт, и вовсе не обязательно осуществлять его»¹⁹. Руководство реформистских профсоюзов также обратилось к народу с призывами прекратить демонстрации. Они говорили, что еще не все решено, будут продолжены переговоры, а демонстрации помогли бы только врагам республики²⁰. Целью всех этих мер было убрать народные массы с улиц. А после этого правительственная коалиция смогла бы за спиной народа вернуться к своей политике.

Какой отклик пражские демонстрации встретили на Западе? Английская печать с симпатиями сообщила о них уже 22 сентября. По наблюдениям чехословацкого посольства в Лондоне, общественное мнение быстро склонялось на сторону Чехословакии, и этот поворот приобрел «характер нарастающей волны»²¹. Различные организации, профсоюзы, Союз сторонников Лиги наций и лейбористская партия в течение всего дня проводили демонстрации под лозунгами: «Долой Чемберлена!», «Поддержим Чехословакию!», «Созовите парламент, остановите Гитлера!»²² А. Кадоган, один из режиссеров политики «умиротворения» в Форин оффис, записал в своем дневнике: «Сколько смелости нужно человеку, чтобы быть трусом»²³. Еще накануне британский кабинет весьма чутко среагировал на изменения в общественном мнении. В тот момент, когда Н. Чемберлен садился в самолет в Гестоне, его правительство оказалось в еще более затруднительной ситуации. Но могло ли развитие событий в Праге ускорить переворот в общественном мнении на Западе? Руководство Коминтерна считало, что это было вполне вероятным. «Если бы,— отмечал Георгий Димитров,— народное движение в Чехословакии решительно отвергло капитуляцию, а армия решилась бы сопротивляться немецкому нападению, то это оказало бы огромное влияние на Англию и Францию и вызвало бы настолько мощное движение в данных странах, что под его давлением предательский англо-французский план потерпел бы полный провал. В любом случае нет ничего худшего, чем капитуляция без борьбы»²⁴.

Однако подобный образ мышления был весьма далек людям, стоящим во главе Чехословацкой буржуазной республики. Их политическая стратегия не выходила за рамки англо-фран-

цузского плана. В то время как массы пражских рабочих проходили перед парламентом, между Э. Бенешем и Я. Масариком состоялся очередной телефонный разговор.

Масарик. Мне нужен англо-французский план, чтобы знать, что, собственно, обещали англичане. Здесь мне его не дали. Сохраняйте спокойствие и порядок во время переговоров в Годесберге. Все зависит от этого. Настроения в нашу пользу нарастают здесь, как лавина. Но нельзя позволить людям проводить большие манифестации. Иначе сразу же скажут, что мы хотим помешать переговорам Чемберлена в Годесберге. Это помогло бы Гитлеру. Так полагают Черчилль, Иден и архиепископ. Пусть Вавречка или Годжа выступают по радио с предупреждением. Во время переговоров ничего не предпринимайте. Граница в наших руках. Нам обещаны гарантии. Но мы должны поддерживать дисциплину в течение двух-трех дней, то есть пока Чемберлен находится у Гитлера.

Бенеш. Я сейчас же распоряжусь. Сообщите в Форин оффис, что на границе сосредотачиваются немецкие воинские части. Они заняли Аш. Существует опасность, что они не остановятся на этом. Наши солдаты стоят на границе; при ее нарушении начнутся стычки и все окончится катастрофой. Мы держимся и внутрь никого не пропустим. Но и другая сторона должна придерживаться того же.

Масарик. Я немедленно выполню все, но главное — абсолютное спокойствие во время переговоров.

Бенеш. Да, абсолютное спокойствие»²⁵.

Странная логика. Английский народ протестовал против плана Н. Чемберлена, а Прага должна была молчать, так как господа в Годесберге не хотят, чтобы им мешали. Либералы в Праге и Лондоне принципиально не доверяли народу, энергии масс. Для них политика была привилегией кабинетов и дипломатии.

Днем чехословацкое посольство сообщило из Лондона, что еще сегодня падет правительство Чемберлена. Сообщение было дополнено советом сохранять спокойствие и оттягивать решение до понедельника 26 сентября²⁶. Почему именно до этого дня? Предполагалось, что до воскресенья в английском общественном мнении произойдет полный переворот, к тому же Н. Чемберлен вернется в Лондон не раньше воскресенья. Поэтому принципиальный поворот в Лондоне может наступить в понедельник 26 сентября. Подобные расчеты разделялись некоторыми американскими дипломатами²⁷.

Более того, переговоры в Годесберге проходили хуже, чем ожидали в Лондоне. Вечером Н. Чемберлен обратился к Э. Бенешу с просьбой, чтобы чехословацкое правительство приняло немедленные меры против любых действий, могущих

нарушить переговоры в Годесберге. Английское посольство при этом добавило, что подобные меры правительство, несомненно, примет еще в тот же вечер. Э. Бенеш сразу же продиктовал текст призыва к населению избегать «любых провокаций, ненормальных поступков, манифестационных выступлений и насильственных действий». Обращение заканчивалось заверением: «Правительство сделает все, чтобы ничто не нарушило дипломатические переговоры, идущие ныне между Англией и Германией»²⁸. Могло ли оставаться хоть какое-то сомнение в том, что правительство и президент продолжают подыгрывать Чемберлену и выступают против собственного народа?

Французская общественность также бурно протестовала против принесения в жертву Чехословакии. Чехословацкое посольство в Париже посетило около 200 делегаций, в большинстве своем рабочих. Посольство было оцеплено четырьмястами полицейскими. Несмотря на это, постоянно раздавались выкрики: «Долой премьер-министра!» Манифестации привлекли внимание журналистов и фоторепортеров²⁹. Активность народа заставила действовать и группу депутатов-социалистов, которые осудили насилие над чехословацкой независимостью³⁰.

Вновь появились попытки свергнуть правительство Даладье. Ж. Мандель, П. Рейно и А. Шампетье де Риб пытались узнать у Э. Даладье, действительно ли на Прагу оказывался нажим, сопровождаемый угрозой расторгнуть союзнический договор. Эти три министра готовы были подать в отставку. Однако Ж. Боннэ отражал их нападки, утверждая, что Прага сама «заказала» ультиматум. Э. Даладье предостерегал министров, что война приближается и их отставка будет дезертирством³¹. Л. Блюм также потребовал, чтобы Прага подтвердила или опровергла заявление Э. Даладье о том, что нажим на Прагу осуществлялся в согласии с явным пожеланием Э. Бенеша³². 22 сентября Ш. Осуский сообщил, что ультиматум «заказал» М. Годжа. Тот, разумеется, опроверг такое утверждение³³. Э. Бенеш написал Ш. Осускому обширное объяснение по вопросу об «ультиматуме по заказу», которое начиналось словами: «Я уполномочиваю Вас заявить Даладье и трем министрам все, что Вы сочтете необходимым, включая все предлагаемое Вами в связи с утверждением, что я требовал ультиматума для прикрытия». Этот текст должен был быть послан в Париж, но, если верить последующим депешам Ш. Осуского, он никогда не был доставлен туда. В бумагах К. Крофты этот документ включен в широкую подборку материалов Белой книги. Но в конце концов он не попал и в нее. Э. Бенеш избегал разрыва с людьми типа Боннэ и Даладье. В коалиционных партиях знали о интриге Ж. Боннэ,

но никто не считал нужным публично разоблачить его маневр. Откуда столько предусмотрительности по отношению к Ж. Бонне, которого в кулуарах называли негодяем и лгуном³⁴. Некоторые историки утверждают, что Э. Бенеш якобы ориентировался не на сторонников Мюнхена, а на их противников. Почему же тогда он сам не дал противникам Ж. Бонне убедительные аргументы, разоблачающие этого негодяя и лгуна? Почему он стерпел, когда Ж. Бонне заставил оппозицию замолчать, заявив, что Прага сама заказала собственные похороны? Ведь французские сторонники Мюнхена взваливали всю вину на Чехословакию не только во время сентябрьского кризиса. Многие годы французская дипломатия твердила, что Чехословакия сама виновата, ибо вовремя не договорилась с Гитлером. Если бы Чехословакия предложила больше, чем требовал Гитлер, то она могла бы спастись. Ее вина якобы состояла в том, что чехословацкие уступки не успевали за претензиями Гитлера. Подобные нелепости сторонники Ж. Бонне распространяли и после Мюнхена³⁵. И в Чехословакии не нашлось никого, кто бы опроверг это. Поэтому не стоит удивляться тому, что к Ж. Бонне относились со столь неуместной снисходительностью. Но такое поведение, бесспорно, было принципиальной политической ошибкой. Ведь речь шла о дальнейшем существовании республики.

Манифестации в Праге и международная солидарность с Чехословакией не оказали заметного влияния на формирование нового правительства, которое должно было сменить кабинет Годжи. Э. Бенеш осуществил свои намерения, с которыми он ознакомил утром В. де Лакруа. Обоим западным посланникам повторяли, что новый кабинет подтвердил согласие с англо-французскими «предложениями» и об этом будет опубликовано сообщение³⁶.

Естественно, правые силы стремились занять ведущее положение в новом кабинете. Социалисты, входящие в правительство, поддерживали Э. Бенеша. Они настаивали, чтобы отставка правительства Годжи не выглядела как «отступление под давлением народа». Они даже подумывали о созыве парламента, чтобы замаскировать тот факт, что народные демонстрации вынудили правительство уйти в отставку. К. Готвальд выступал за создание народного правительства, в котором наряду с социалистами и коммунистами были бы представители всех патриотических сил. Реакция угрожала призвать в таком случае Гитлера. П. Зенкл заявил на заседании президиума национально-социалистической партии: «Многие люди боятся правительства социалистических левых сил. Поэтому они готовы призвать Гитлера, чтобы он навел здесь порядок»³⁷. Реакция стремилась сохранить в силе решение

о капитуляции. На заседании административного совета аграрного банка в этот день говорилось: «Уход доктора Годжи — ужасная ошибка. Пусть останется Бенеш. Лишь бы только не... Даже самое плохое старое правительство лучше, чем новое»³⁸. Усилия были направлены главным образом на сохранение прежнего Политического комитета — реального центра политической власти, в котором правые имели несомненное превосходство. Вечером Э. Бенеш позвонил Б. Ньютоу и сообщил, что новое правительство назначено, но сохранен Политический комитет, давший согласие на англо-французский план³⁹. Впоследствии министр иностранных дел К. Крофта написал: «Тем самым ясно давалось понять, что новое правительство признает международные обязательства, принятые прежним правительством перед его отставкой, и не собирается пренебрегать ими»⁴⁰. Последствия были, разумеется, самые серьезные. Правительство ничего не решало — оно собралось только 28 сентября, — а такие вопросы, как, например, отношение к годесбергскому меморандуму, рассматривались только Политическим комитетом⁴¹.

Коалиция явно была единой, когда речь шла о том, что новый кабинет должен без изменений продолжать политику старого правительства. Во время переговоров о новом правительстве обсуждались две возможности: чиновничий кабинет, возглавляемый генералом армии Яном Сыровы, или так называемый общенациональный кабинет под руководством Рудольфа Берана. Характерно, что немецкая пресса в этот день получила информацию, что к власти придет правительство во главе с Р. Бераном, который всегда ратовал за сближение с Германией⁴². Одновременно некоторые газеты — органы чешских правых — развернули нападки на прежний внешнеполитический курс, причем эту кампанию из-за кулис направлял Я. Прейсс⁴³. По другим сведениям, кандидатами на пост премьера были Й. Черны, П. Зенкл, Я. Сыровы. В одной группе с Петром Зенклом назывались Л. Рашин, Г. Рипка, Я. Странский и другие. Другую группу составляли генерал Л. Крейчи, секретарь К. Крофты Г. Масаржик и банкир Я. Прейсс, которые намеревались создать «комитет общественного блага», составленный почти исключительно из генералов⁴⁴. В конце концов Э. Бенеш, чтобы удовлетворить все заинтересованные стороны, пошел на компромисс: главой правительства был назначен Ян Сыровы. Э. Бенеш, впрочем, опасался, как бы Гитлер не увидел в этом кабинете военное правительство, готовящееся к войне. В выборе Сыровы главную роль сыграла его популярность, проявившаяся во время демонстраций. Впоследствии А. Гампл скажет, что Яна Сыровы во главе правительства и государства поставил «глас улицы»⁴⁵. Была удовлетворена и группа П. Зенкла: ведь он стал

министром. Правые силы также могли быть довольны: фактически власть и впредь сохранялась в руках Политического комитета, в котором им принадлежало большинство. Компромисс всегда был в основе правительственной коалиции, и она осталась верна ему и в эти критические часы.

Одновременно с обсуждением состава нового правительства Э. Бенеш вел переговоры с Й. Тисо об автономии Словакии. Й. Тисо принял предложения Э. Бенеша. Партия Глинки направила в кабинет генерала Я. Сыровы министра М. Чернака. 3 октября М. Чернак вышел из правительства, так как Э. Бенеш не удовлетворил ультиматум этой партии, представленный как раз в день мюнхенской конференции ⁴⁶.

Как отнеслась к созданию правительства Сыровы Германия? Еще 22 сентября немецкая пресса получила откорректированную информацию, согласно которой правительство Сыровы было необходимо изображать как скрытую военную диктатуру, ничего не писать о его составе и программе ⁴⁷. Немецкое посольство охарактеризовало правительство Сыровы как сборище людей Э. Бенеша с левой тенденцией. Эта информация, скорее, выражала разочарование неудачей, постигшей Р. Берана. Ведь немецкая пропаганда заранее представила его как нового премьер-министра. Окружение Бенеша предпринимало попытки исправить подобные представления немцев. Генерал Блага из военной канцелярии президента, посланник Я. Смутны и дипломатический чиновник Чермак, используя различные каналы, сообщили немецкому посольству, что Э. Бенеш и Я. Сыровы готовы согласиться с любым диктатом, если Германия обеспечит существование малого чехословацкого государства. Войны хотят, давали понять гитлеровцам, только коммунисты, а Э. Бенеш и его окружение стремятся к соглашению. Э. Бенеш и правительство, намекалось в другой информации, готовы капитулировать, но хотели бы получить гарантии, что Германия не оккупирует всю чехословацкую территорию, что ее армия остановится в пограничных районах. Германию просили с пониманием отнестись к тому, что в создавшейся политической ситуации затронута честь нации, не подготовленной к столь обширным жертвам. Окружение Э. Бенеша настойчиво налаживало с Германией политические контакты. Их целью было уменьшить напряжение и подготовить почву для политических переговоров о реализации англо-французского плана ⁴⁸. Другое назначение подобных контактов — притупить острие немецких нападок на правительство Сыровы. Э. Бенеш стремился убедить, что предыдущие решения о принятии англо-французского плана останутся неизменными, а кабинет генерала Сыровы будет слушать не делу войны, а достижению соглашения об условиях передачи пограничных районов.

Б. Ньютон полагал, что немцы совершенно напрасно обеспокоены созданием правительства генерала Сыровы. Новый кабинет, писал он, не представляет военной диктатуры, и его создание не является провокацией. Я. Сыровы не обладает качествами и амбициями диктатора, а как военный он не имеет никакой ценности. Однако Я. Сыровы очень популярен. Он сможет лучше всех обеспечить дисциплину в армии, полиции, жандармерии и во всей стране. И он может рассчитывать на успех⁴⁹. Одновременно Б. Ньютон предостерегал, что сомнительная стабильность этого правительства не должна подрываться новыми требованиями. Главная задача правительства — поддержать порядок, успокоить массы. Требование, чтобы правительство немедленно освободило пограничные районы, может привести к его свержению, прекращению переговоров с Гитлером и в конце концов к войне⁵⁰.

Правительство Сыровы ясно подтвердило, что оно принимает условия англо-французского плана. Н. Чемберлен не упустил возможности должным образом подчеркнуть это в своих выступлениях⁵¹. Этот факт имел весьма серьезные последствия: сторонники политики «умиротворения» могли делать вид, что в принципе вопрос уже решен и остается лишь урегулировать второстепенные технические и процедурные детали.

Чехословацкая общественность не осознала полностью значение того, что правительство Сыровы не отмежевалось от решения кабинета Годжи. Сохранилась иллюзия, что новый кабинет является правительством обороны республики. КПЧ не выдвинула лозунга, призывающего к прямому и открытому отказу от англо-французского плана. В Коминтерне это расценили как серьезную ошибку⁵². Материалы тех дней позволяют считать, что партия, вероятно, заняла выжидательную позицию по отношению к новому правительству. Предполагалось, что правительство не допустит новых уступок. Если оно будет защищать целостность и интересы республики, то получит общую поддержку. Руководство КПЧ проявляло осторожность, не предпринимало таких действий против правительства, которые возлагали бы на партию фактически всю ответственность за результат войны. Коалиционные партии согласились капитулировать и ничего не изменили в своем решении. Демонстрации в Праге считались делом рук коммунистов, и коалиционные партии сделали все, чтобы парализовать их. На заседании президиума национально-социалистической партии редактор Мотычка заявил: «В Праге манифестации и толпы. С речами выступают коммунисты... Сегодня у нас только две партии: одна за войну, другая за капитуляцию»⁵³. Э. Бенеш и Я. Сыровы также передали немецкому посольству, что войны хотят только коммунисты. Это были

типичные приемы в духе Бонна, целью которых было идейно и политически изолировать коммунистов. Руководство КПЧ не исключало возможность войны, и партия была готова встать во главе народа; но вместе с тем оно полагало, что в данной ситуации партия не может рисковать и взять на себя всю ответственность за войну. Несомненно, к подобным рискованным действиям относили и требование, чтобы правительство немедленно отменило решение о согласии с англо-французскими «предложениями»⁵⁴. Однако уже на следующий день обстановка изменилась. Началась общая мобилизация, и возобладало убеждение, что тем самым утратило свою силу согласие правительства Годжи с англо-французским планом. Развитие событий показало, что это было ошибочным суждением.

Когда к вечеру был согласован состав нового правительства, кабинет Годжи собрался на свое последнее заседание. Вместо того чтобы открыто признать, что правительство грубо нарушило конституцию и за это осуждено всем народом, а потому его падение неотвратимо, М. Годжа произнес запутанную речь. В ней говорилось, что правительство должно подать в отставку, так как нельзя быстро собрать парламент, который, возможно, и высказал бы недоверие правительству. Эта софистика была занесена в протокол для того, чтобы не признавать, что капитулянтское правительство было вынуждено уступить «ненавистной улице»⁵⁵.

Пока правительство заседало, Э. Бенеш выступил по радио. Целью его выступления было успокоить общественность, дать ей надежду, что правительство действует, согласно продуманной линии, а не плывет по течению, влекомое событиями. «У меня,— заявил Э. Бенеш,— есть свой план на все случаи, и ничто не обманет меня». Для общественности это изречение было какой-то мистикой. Сразу же после Мюнхена люди из окружения Э. Бенеша раскрыли суть этого таинственного плана. Э. Бенеш верил, что в течение многих недель ему удастся вести переговоры о передаче пограничных районов; за это время он надеялся укрепить позиции Чехословакии путем соглашения с Польшей, хотя бы и ценой территориальных уступок. Свой план он обсудил с армейским командованием, и генералы рекомендовали на всякий случай принять меры к обеспечению безопасности на границе с Польшей. Даже и после уступки пограничных районов Германии Чехословакия смогла бы сохранить свою независимость, если бы имела надежных соседей в лице Польши и Венгрии. Таков был план Э. Бенеша⁵⁶. Еще ночью он послал президенту И. Мосьицкому письмо, в котором предлагал пересмотреть границу в пользу Польши. Но все это было крайне нереально. Именно 22 сентября Польша разорвала заключенный с Чехо-

словакией договор о национальных меньшинствах. Были призваны резервисты, а Ю. Бек даже не пытался скрывать, что польская армия сосредоточивается на чехословацкой границе⁵⁷.

О предстоящих переговорах с Германией Э. Бенеш сказал: «Мы хотим добиться соглашения между самыми большими нациями в мире. Если оно будет заключено и если это будет достойное соглашение, то оно будет весьма выгодно нашему народу и в нем получит выражение общее примирение Англии и Франции с Германией, наше с Германией и другими соседями, а также отразится наше сотрудничество с другими государствами...» Кто изучал речи и развитие мыслей Э. Бенеша в годы, непосредственно предшествовавшие Мюнхену, подтвердит, что именно этими словами он всегда характеризовал английскую политику «умиротворения». Но как можно было выдавать вассализацию и колонизацию Восточной Европы за процесс поиска нового соглашения с Германией, за новое примирение? В эти годы Э. Бенеш приспособлялся к политике Запада и, очевидно, не вполне осознавал тот риск, который несет с собой установление немецкого господства в Центральной Европе. Что имел в виду Э. Бенеш, говоря по радио о своем таинственном плане, впоследствии поведал Р. Бехине: «Он сказал, что коль скоро западные державы проводят политику, какая им нравится, то и он будет поступать так же и сам договорится с Гитлером. Э. Бенеш уступит ему онемеченные районы, и после этого мы будем жить в спокойных условиях»⁵⁸.

В заключение Э. Бенеш призывал к спокойствию, предостерегал перед демонстрациями, свергнувшими правительство Годжи: «Наш народ умный и реалистично мыслящий. Он всегда понимал тяжелые ситуации и мог различить, когда надо воевать, а когда — вести переговоры»⁵⁹. Э. Бенеш был готов прибегнуть к любым аргументам, лишь бы доказать пользу капитуляции.

Э. Бенеш своим выступлением пытался ввести в заблуждение общественность, успокоить возмущенных людей, сломить волю народа к обороне республики от фашизма. Тем не менее правые круги осуждали его выступление, видя в нем стремление затянуть переговоры и вызвать тем опасные осложнения. Правые считали, что Э. Бенешу следует вместо оптимистических заявлений о будущем государства и нации попросту признать катастрофическое банкротство своей политики⁶⁰. Правые уже не могли дожидаться того момента, когда они придут к власти и установят собственный курс внутренней и внешней политики. Пока они были вынуждены согласиться с новым компромиссом, который подтвердил прежнее различие позиций в правительственной коалиции.

Х. ГОДЕСБЕРГ

(22—23 сентября)

К отлету Н. Чемберлена в Германию обстановка существенно изменилась по сравнению с той, что была во время его поездки в Берхтесгаден. 22 сентября немецкой разведке пришлось признать: английская общественность возмущена капитуляцией перед Гитлером. Престиж Н. Чемберлена сильно упал¹. Визит в Берхтесгаден одобрило 70% британской общности. Однако если 21 сентября план, навязанный Чехословакии, вызвал возмущение 36% опрошенных англичан, то на следующий день число протестующих против него возросло до 46%². Большую роль в этих изменениях сыграли некоторые британские газеты. И все же официальная «Таймс» осталась при своем убеждении, что оценку политике Н. Чемберлена можно будет дать лишь по завершении всей операции. Кроме того, добавляла газета, нельзя забывать обещание предоставить гарантии, поэтому не следует обвинять правительство в предательстве³. Большие затруднения сторонникам политики «умиротворения» создала немецкая пресса: она совершенно недвусмысленно давала понять, что в Годесберге речь пойдет не только о судетских немцах, но и о том, должна ли вообще существовать Чехословакия⁴. Впрочем, британские пресса и дипломатия цинично признали тот факт, что, не будь грубого нажима, Прага не приняла бы условий англо-французского плана⁵. Французское правительство затратило немало усилий, чтобы свалить ответственность за этот нажим на Прагу; британский же кабинет полагал необходимым доказать Германии, что без помощи Англии Гитлер никогда не получил бы желаемого. Американская пресса, наоборот, так сильно критиковала поведение правительств Англии и Франции, что французский посол в США заявил протест К. Хэллу. Французскому послу ответили, что высокопоставленные деятели американского правительства подвергаются в печати столь же острой критике за ту роль, которую они сами сыграли в развитии событий в Европе⁶.

Перед встречей в Годесберге британская дипломатия пыталась внушить Германии, что Гитлер достиг легкой победы и поэтому должен выдвинуть умеренные требования. Гитлеру намекали, что сейчас сам Н. Чемберлен оказался в нелегком положении, оппозиция начала выступать против правительства и Германии следовало бы с пониманием отнестись к этому⁷. Немецкие дипломаты Г. Дирксен и Ф. Хессе настой-

чиво советовали не оказывать в Годесберге давление на Н. Чемберлена, так как это может вызвать падение его кабинета. Г. Вильсон советовал Гитлеру не спешить, ибо для осуществления плана требуется определенное время, а нажим может все свести на нет⁸. Уже на аэродроме в Гестоне У. Стрэнг и Г. Вильсон настойчиво убеждали немецких дипломатов, чтобы Гитлер не спешил так с оккупацией чехословацкой территории, ибо оппозиция в Англии растет, общественность не готова к большим уступкам, а поэтому нельзя исключить внезапного поворота в британской политике⁹. Вскоре выяснилось, что Гитлер оставил без внимания эти предостережения, убежденный, что лишь новый и более сильный нажим заставит англичан пойти на дальнейшие уступки.

Перед отлетом Н. Чемберлена в Годесберг британский кабинет, как известно, выдвинул столько условий, что вряд ли оставалась надежда на достижение соглашения с Гитлером. Хотя Н. Чемберлен не обращал особого внимания на мнение кабинета, но на этот раз ситуация действительно требовала, чтобы англичане притормозили реализацию своего плана в отношении Чехословакии. Однако Н. Чемберлен отбывал в Германию отнюдь не убежденный в неизбежном провале переговоров. Он ведь располагал согласием пражского правительства со своим планом. Н. Чемберлен, как свидетельствует его речь на аэродроме в Гестоне, по-прежнему оставался в плену навязчивой идеи, что сделка с Гитлером за счет Чехословакии приведет к прочному улучшению отношений между Англией и Германией.

Непосредственно перед отлетом Н. Чемберлен из французского посольства получил записку, которая содержала просьбу Э. Бенеша довести до сведения Чемберлена еще до поездки к Гитлеру следующие его пожелания:

1) вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах необходимо решать в границах Чехословакии, иначе угрожает революция и война;

2) передача территории должна проводиться под контролем международной комиссии;

3) немецкие войска могут пересечь чехословацкую границу только после официального решения этого вопроса;

4) Англия и Франция немедленно должны дать Чехословакии гарантии на случай немецкого вторжения;

5) при определении новой границы следовало бы соотноситься с линией укреплений¹⁰.

Подобные просьбы, конечно, ничего не значили для Н. Чемберлена. Наиболее важным был вопрос о гарантиях новых чехословацких границ. Британские обещания, как писала газета «Спектейтор», можно охарактеризовать лишь самыми неприличными словами, такими, что нельзя даже вслух

произнести¹¹. Британская дипломатия также не могла скрыть, что обещанные гарантии отнюдь не обеспечат будущие чехословацкие границы и вообще нельзя ожидать, чтобы британский парламент одобрил какие-либо гарантии любому государству в Центральной Европе¹². Когда французский посол Ш. Корбэн в день отлета Н. Чемберлена высказал мысль не включать Германию в число гарантов, Э. Галифакс просто отказался обсуждать эту тему, сославшись на то, что сначала надо решить проблему судетских немцев¹³.

Первая беседа с Гитлером сильно разочаровала Н. Чемберлена. Н. Чемберлен предложил, чтобы передача территории была осуществлена международной комиссией и Чехословакия получила бы международные гарантии. Правда, заметил он, это не означает, что ее границы останутся неизменными и пересмотр их в дальнейшем исключается. Однако Гитлер отверг подобный план. По его мнению, Чехословакия якобы представляет собой «искусственное образование», поэтому и другим национальным меньшинствам должна быть предоставлена возможность выйти из этого государства. Оккупацию следует закончить к 1 октября. Необходимо спешить: в Чехословакии создалась сложная ситуация, начинают действовать «большевистские элементы». Если эти силы возобладают, то война неминуема.

Н. Чемберлен попытался воздействовать на Гитлера, указав, что рискует своей карьерой, что он подвергается в Англии нападкам и его освистали перед отъездом в Германию. Но Гитлер настаивал на своем: чехи должны немедленно вывести свои силы за «языковую границу». Немецкая армия займет пограничные районы. Лишь после этого он позволил бы международной комиссии заняться определением границ. Гарантии Чехословакии его не касаются, это внутреннее дело Англии. От Германии ничего нельзя ожидать до тех пор, пока соседи Чехословакии не заявят об отсутствии у них каких-либо претензий к этой стране. Никакого пакта Германия также не подпишет. Встреча закончилась просьбой, высказанной Н. Чемберленом, чтобы Германия не предпринимала насильственных действий, поскольку она может получить все без войны¹⁴.

В это время в Лондоне проходило заседание правительственного комитета по чехословацкому вопросу. В половине одиннадцатого Э. Галифакс получил известие: переговоры проходят в плохой атмосфере. Гитлер требует немедленной оккупации, и лишь после этого он даст согласие на определение демаркационной линии. Он, как сообщалось, не может понять, что западное общественное мнение не примет такого решения. Н. Чемберлен попытает дать Гитлеру разъяснение по данному вопросу в письменной форме¹⁵.

Если бы Н. Чемберлен следовал указаниям своего кабинета, то он должен был бы попросту заявить Гитлеру, что его условия неприемлемы и необходима новая консультация с английским правительством. Из ряда сообщений видно, что в ходе переговоров Гитлер вел себя как ненормальный: кричал, употреблял грубые и непристойные выражения¹⁶.

На следующий день оба участника переговоров обменялись письмами. В первом письме Н. Чемберлен сообщал, что западное общественное мнение воспримет немедленную оккупацию Судет как демонстрацию насилия, не имеющую ничего общего с первоначальным планом. Однако Н. Чемберлен еще может запросить чехословацкое правительство, не согласится ли оно очистить указанную территорию и передать власть над ней судетонемецкой партии¹⁷. Гитлер ссылаясь на право самоопределения и неизменность решения, принятого немецкой империей. Чешское правительство, заявлял он, намерено выиграть время, с тем чтобы впоследствии вновь отказаться от своего согласия.

Во втором письме Н. Чемберлен предложил Гитлеру представить его требования в виде меморандума. Н. Чемберлен обещал послать этот меморандум в Прагу и потребовать как можно более быстрого ответа от чехословацкого правительства. Он надеется, что Гитлер выполнит свое обещание и не начнет военные операции, пока продолжаются переговоры. Ответ на меморандум Гитлера — внутреннее дело чехословацкого правительства. Н. Чемберлен в этих условиях считает необходимым вернуться в Англию для проведения консультации со своим кабинетом и французским правительством¹⁸.

23 сентября на ночной встрече Гитлер вручил меморандум. Н. Чемберлен вновь сетовал, что Гитлер намечает слишком короткие сроки, неприемлемые для западной общественности. В половине одиннадцатого пришло сообщение, что Чехословакия провела мобилизацию. Гитлер заявил, что все сорвано. Н. Чемберлен возразил: это лишь оборонная мера.

Г и т л е р: Но теперь чехи не уступят.

Ч е м б е р л е н: Наоборот, в принципе они уже согласились на отторжение территории. В конце концов, ведь Германия провела мобилизацию раньше. Меморандум — ваше последнее слово?

Г и т л е р: Да, теперь и я приму дополнительные военные меры.

Ч е м б е р л е н: Нет смысла продолжать переговоры в подобной обстановке. Я уезжаю с тяжелым сердцем, но я сделал все, что мог.

Р и б б е н т р о п: Вы еще не ознакомились с нашим меморандумом.

Чемберлен: В нем нет ничего нового. Вы нападете на Чехословакию?

Гитлер: Пока идут переговоры — нет.

Чемберлен: При этом условии я могу передать ваш меморандум чехословацкому правительству. Больше всего меня беспокоит короткий срок. Ведь это ультиматум, а не переговоры. Он произведет плохое впечатление на общественное мнение в Англии. Вы разговариваете как завоеватель, который диктует свою волю побежденному, как завоеватель, который только приказывает и предписывает и не дает времени на спокойное и законное осуществление плана. Меня очень беспокоит форма документа, но самое плохое в нем — сроки.

Гитлер: Я могу назначить один срок — 1 октября¹⁹.

На вопрос Н. Чемберлена, может ли быть гарантирована охрана чехов и оппозиционно настроенных немцев, проживающих в Судетах, Гитлер заметил, что он собирается преследовать только «убийц и коммунистов». Н. Чемберлен был удовлетворен таким ответом и обещал передать меморандум чехословацкому правительству²⁰. Ход переговоров ясно показывает, что Н. Чемберлен не возражал против сути требований Гитлера. Он всего лишь стремился придать оккупации такой вид, который позволил бы британскому правительству оправдаться перед общественным мнением. Принести Чехословакию в жертву следовало так, чтобы это выглядело как простое изменение границ, осуществляемое мирными средствами. А вместо этого Гитлер мобилизует свою армию, предъявляет ультиматум и угрожает войной.

Той же ночью пришло несколько новых известий для Н. Чемберлена. Агентство Гавас опубликовало сообщение о том, что Э. Даладье принял делегацию своей партии и, поскольку переговоры в Годесберге, вероятно, будут прерваны или отложены, обещал оказать Чехословакии помощь в случае нападения²¹. Около 10 часов утра посол Ш. Корбэн передал Э. Галифаксу, что французское правительство солидарно с действиями Н. Чемберлена в Годесберге и поддерживает его отрицательный ответ на неприемлемые требования. Французское правительство приняло некоторые меры для лучшей подготовки к войне²². Э. Галифакс позвонил Н. Чемберлену и сказал: общественность Англии полагает, что в своих уступках правительство дошло до крайнего предела и теперь очередь Гитлера уступать. Необходимо, чтобы Н. Чемберлен понял это, и не забывал о собственном положении и ситуации своего кабинета. Гитлеру следует объяснить: если он отвергнет те уступки, на которые согласилось чехословацкое правительство, то это приведет к войне²³.

Подобные же предостережения получили в Лондоне и люди Риббентропа. Им указывали, что в случае, если Н. Чемберлена постигнет неудача в Годесберге, то его кабинет может пасть. Оппозиция нарастает даже в консервативной партии; уже поговаривают о создании кабинета Черчилля — Идена, а это будет означать войну. Общественное мнение настроено против Германии ²⁴.

Вопреки всем предостережениям Гитлер вручил свой меморандум, а Н. Чемберлен обязался переправить его в Прагу. Выдвигаемые в нем требования были заранее согласованы с командованием немецкой армии и К. Генлейном; последний советовал оккупировать многие чешские области и тем избежать плебисцита. К ультиматуму была приложена карта, которая свидетельствовала, что Германия претендует на территорию Моравии вплоть до городов Простеев Пшеров и Валашске Мезержичи. Острава, Оломоуц и Границе оказывались в глубоком тылу у немцев. В Южной Моравии предполагалось оккупировать все области к северу от Брно. Тем самым перерезалось железнодорожное сообщение Праги со Словакией. За всем этим скрывался определенный политический маневр. Н. Генлейн советовал Гитлеру требовать гораздо больше, чем согласилось бы отдать чехословацкое правительство. Если бы война началась, то Англия и Франция оказались бы вынуждены принять в ней участие из-за какого-то меморандума, вымогательский характер которого вряд ли поймет общественность этих двух стран.

Какую информацию имела Прага о ходе переговоров в Годесберге? В своих мемуарах Э. Бенеш писал, что неудача переговоров в Годесберге подтвердила правильность его прогнозов о том, что Гитлера невозможно удовлетворить. Однако из этого он делает не очень логичный вывод, будто Годесберг подтвердил необходимость его прежних уступок, доведенных до крайней грани самопожертвования. «Мы должны были, — пишет Э. Бенеш, — доказать миру, что не собираемся легкомысленно вызывать войну» ²⁵. Такое заключение — плод последующих лет, итог позднейших рассуждений, призванных *post factum* обелить капитулянтскую политику. Ответа на вопрос, получила ли Прага информацию, из которой можно было сделать вывод, что переговоры в Годесберге закончились разрывом, неудачей, означающей полный крах англо-французского плана, мемуары не дают. В бумагах К. Крофты и Э. Бенеша содержатся лишь обрывочные донесения, которые, возможно, и были способны возбудить какую-то надежду на изменение ситуации, но они представляют собой лишь отдельные неподтвержденные, зачастую бездоказательные известия. Однако среди них имеется запись обширного сообщения Б. Ньютона о ходе годесбергских перегово-

ров, сделанная личным секретарем Э. Бенеша Я. Смутным²⁶. Это была точная и исчерпывающая информация. Она заканчивалась словами, что Н. Чемберлен передаст меморандум Гитлера чехословацкому правительству. Но это вряд ли могло возбудить надежду на принципиальные изменения положения. Из записи видно, что противоречия в Годесберге носили тактический характер. Это был уже не первый случай, когда руководители внешней политики Чехословакии не смогли понять истинного смысла макиавеллистских замыслов британской дипломатии.

Единственное, что могло бы питать надежды Э. Бенеша на изменение политики западных стран — это заявление: Англия и Франция уже не настаивают на своей рекомендации Чехословакии не проводить мобилизацию. Однако следует пристальнее рассмотреть, как возникло такое решение.

ХІ. ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

(23 сентября)

Опасения, с которыми Н. Чемберлен уезжал в Годесберг, подтвердились. Германия увидела в действиях западных держав проявление их слабости и поэтому увеличила свои требования. Противостоять намерениям Гитлера можно было, только обладая силой.

Однако демонстрация силы должна была носить такой характер, чтобы переговоры с Гитлером не прервались и не началась бы война. Чехословакия была самым уязвимым местом, следовательно, нужно было укрепить позиции именно на этом участке.

Утром 22 сентября французский генеральный штаб передал англичанам, что оккупация Чехословакии назначена на 24 сентября. Первоначально намечалось 28 сентября, но по желанию Гитлера немецкое командование ускорило подготовку на четыре дня. Французский генеральный штаб полагал, что в Годесберге от Н. Чемберлена потребуют полного расчленения Чехословакии и оккупации чешских земель вплоть до Белых и Малых Карпат. Немцы намерены создать особое демилитаризованное чешское государство и, возможно, словацкое. Французы сообщили также, что они не собираются воевать и считают оккупацию свершившимся фактом¹. Свое решение они обосновывали ссылками на состояние французской авиации, которая якобы не способна воспрепятствовать немецким стратегическим бомбардировкам.

Утром 22 сентября эта тревожная информация была дополнена сообщением Э. Бенеша о том, что немцы оккупировали Аш. Б. Ньютон передавал дополнительно, что немцы начинают оккупацию районов, оставленных чехословацкими войсками. В нацистских документах действительно найден приказ Гитлера судетонемецким добровольческим отрядам занять эти районы. Немецкая пресса, понятно, получила указание ничего не публиковать на эту тему. В основном речь шла о районах, лежащих перед полосой укреплений. Чешские войска с 21 сентября постепенно оставляли их. Фактически осуществлялись те самые требования, выдвинутые Гитлером в Годесберге, с которыми Н. Чемберлен не мог согласиться ввиду сопротивления британской общественности. Париж и Лондон больше всего опасались, что такой неурегулированный захват чехословацкой территории приведет к столкновениям, которые пере-

растут в военный конфликт. А они знали, что подобный конфликт может подорвать всю их концепцию «умиротворения».

В три часа дня в Лондоне для обсуждения сложившейся крайне опасной обстановки собрался специальный правительственный комитет². В связи с тем что поступили сообщения о занятии немцами Хеба и Аша, дискутировался вопрос, не взять ли назад данный чехам совет не проводить в Чехословакии мобилизацию. Ведь в воскресенье 18 сентября правительства Англии и Франции рекомендовали Чехословакии воздержаться от проведения мобилизации. Тогда они еще не получили согласия чехословацкого правительства на передачу пограничных районов. Теперь же возникла иная ситуация. Н. Чемберлен имел согласие Праги отдать Германии Судеты, но поведение Гитлера создало угрозу сорвать весь план Н. Чемберлена, поэтому-то комитетом и обсуждалась возможность доверительно подсказать Праге, что уже можно вести мобилизацию.

При этом расчет делался на то, что если Чехословакия прикроет свою границу полностью отмобилизованной армией, то Гитлер «поумнеет» и с уважением отнесется к словам Н. Чемберлена. Однако существовала и определенная опасность. Чехословацкая мобилизация могла спровоцировать Гитлера к немедленным действиям, что также сорвало бы сделку Н. Чемберлена с Гитлером. Британский правительственный комитет в конце концов решил послать в Париж телеграмму о том, что пришло время подумать о чехословацкой мобилизации. Копия телеграммы была направлена Б. Ньютону. Но он не должен был ничего сообщать Э. Бенешу, пока не будет получено согласие Н. Чемберлена, находящегося в Годесберге. Обсуждались различные варианты действий в случае войны. Все согласилось с мнением, что к Германии следует применить блокаду, но не следует начинать воздушную войну. Предложение отозвать из Германии посла и объявить санкции было отвергнуто как совершенно неэффективная мера. Обсуждалась и возможность перенести рассмотрение чехословацкого вопроса в Женеву в Лигу наций. Германия была бы осуждена как агрессор, а это оказало бы положительное воздействие на позиции доминионов и нейтральных государств. Комитет вновь подтвердил, что целью британского правительства является организованная передача чехословацкого пограничья Германии и западное общественное мнение примирится с этим. Однако если Гитлер прибегнет к открытому насилию, то он нанесет оскорбление британскому премьеру. В случае войны комитет рекомендует правительству действовать быстро и решительно. Венгерские и польские ультимативные требования были отвергнуты. Кроме того, подчеркивалось, что необходимо строго

контролировать все действия, предпринимаемые чехословацким правительством.

Во время заседания правительственного комитета на улицах Лондона состоялись демонстрации. Политическая общественность проникалась верой, что дни правительства Чемберлена сочтены.

Вечером Э. Фиппс получил указание выяснить мнение французского правительства о мобилизации. Вопрос о чехословацкой мобилизации можно будет решить сразу же по получении сообщений о ходе переговоров в Годесберге. А. Леже ответил Э. Фиппсу, что он уже предложил французскому правительству взять назад свои рекомендации от 18 сентября. Вечером, в 20 часов 30 минут, Б. Ньютон получил указание передать чехословацкому правительству, что Париж и Лондон уже не настаивают на своем совете воздержаться от мобилизации. Однако Б. Ньютон не должен передавать это сообщение до 21 часа. О принятом решении был информирован Париж.

В 21 час 30 минут в Лондоне вновь собрался правительственный комитет. В это время уже было получено донесение Г. Вильсона о том, что переговоры с Гитлером серьезно осложнились. Сообщалось также, что Н. Чемберлен попросил Э. Бенеша принять меры для поддержания спокойствия. Спустя час состоялся телефонный разговор между Н. Чемберленом и Э. Галифаксом. Предложения Англии, говорил Н. Чемберлен, неприемлемы для Гитлера как чрезмерно затянутая операция. Гитлер добивается немедленной оккупации, пришлось указать ему, что английская общественность не согласится с этим. Сейчас, по словам Н. Чемберлена, они обмениваются посланиями.

Решение о чехословацкой мобилизации обсудили еще раз, в свете информации Г. Вильсона. После дискуссии все пришли к выводу, что нельзя предпринимать никаких действий, которые поставили бы под угрозу переговоры в Годесберге. Указания, данные вечером Б. Ньютону, могли помешать Н. Чемберлену достигнуть договоренности с Гитлером. Поэтому было решено, чтобы Н. Чемберлен сам дал указание Б. Ньютону по вопросу о чехословацкой мобилизации. Поступило сообщение Б. Ньютона о новом чехословацком правительстве во главе с генералом Сыровы. С удовлетворением констатировалось, что это никак не связано с вопросом о мобилизации. Высказано было мнение, что если бы Прага провела мобилизацию и при этом заявила, что это делает по совету Англии, то переговоры в Годесберге окончились бы провалом. Т. Инскип информировал кабинет о мерах, возможных в случае войны. В течение 14 дней английская армия сможет отправить во Францию 2 дивизии, туда же перебазировается часть

авиации, но решение о бомбардировке Германии должно принять правительство, так как следует считаться с ответным ударом. Военно-морские силы можно привести в готовность в течение 5 дней⁴. К концу заседания состоялся новый телефонный разговор между Н. Чемберленом и Э. Галифаксом. Инструкции, данные Б. Ньютоном, было решено отменить. Н. Чемберлен порекомендовал Б. Ньютону встретиться с В. де Лакруа и обсудить с ним, насколько реален и осуществим совет провести мобилизацию.

Около полуночи поступило донесение: чехословацкий военный атташе в Париже сообщил, что на чехословацкой границе сосредоточено 30 немецких дивизий; чехословацкая армия окажет сопротивление. Франция, сообщали из Парижа, пошлет на свою восточную границу 7 дивизий. После полуночи из Годесберга пришло указание Б. Ньютону подождать со своим сообщением до утра 23 сентября. Однако Франция располагала гораздо более точными сведениями о военных планах Германии. Утром 24 сентября французский посол в Берлине прислал крайне пессимистичное донесение о результатах переговоров в Годесберге, в котором вновь повторял, что немецкие подразделения получили приказ в полночь 24 сентября перейти чехословацкую границу⁵. В 11 часов утра Я. Масарик сообщил Э. Бенешу: в Лондоне ожидают, что 25 и 26 сентября Германия нападет на Чехословакию. По мнению Я. Масарика, в этом случае Англия вступится за Чехословакию⁶.

Однако для подобных оптимистичных заявлений решительно не было оснований. В тот же день британский комитет по обороне империи обсуждал меморандум, подготовленный высшими военачальниками: Невеллем, Бекхаузом и Гортом⁷. В меморандуме высказывалось убеждение, что Англия не вступит в войну раньше Франции. Впоследствии это использовалось для нажима на Францию с целью заставить ее также не спешить со вступлением в войну. Мобилизация флота заняла бы 14 дней, столько же времени требовалось бы и армии. Генералы спрашивали, могут ли они настаивать на том, чтобы английские наземные силы в случае войны не сразу передислоцировались во Францию. В такой постановке вопроса, как показали дальнейшие события, и была зарыта собака. Отсутствие английских наземных сил во Франции удержало бы французское командование от наступательных действий против Германии. В результате у Германии, отмечалось в меморандуме, было бы достаточно сил, чтобы справиться с одной Чехословакией. Генералы говорили прямо, что Англия должна удержаться от любых наступательных операций, точнее говоря, от инициативы в этом вопросе. Она не должна провоцировать Германию бомбардировками. Необходимо выждать, пока Англия не будет готова обороняться и эффективно вое-

вать. Крайне непредусмотрительно начинать наступательные действия против Германии раньше, чем английские пехотные, морские и воздушные силы и противовоздушная оборона будут приведены в боевую готовность. Иначе Англия окажется в положении человека, который напал на тигра раньше, чем зарядил свое ружье. Подобные советы и рекомендации исходили от английских генералов в то время, когда на чехословацкой границе в боевой готовности стояло 30 немецких дивизий, а британское правительство несколько раз меняло решения по вопросу о чехословацкой мобилизации.

Днем Э. Галифакс получил еще одно сообщение о том, что переговоры в Годесберге зашли в тупик. У него вновь состоялась беседа с Н. Чемберленом о чехословацкой мобилизации, но последний советовал отложить ее, поскольку ожидается очередное письмо Гитлера⁸. Незадолго до 14 часов Э. Галифакс сообщил в Годесберг, что Б. Ньютон должен сделать в Праге заявление о мобилизации не позже 15 часов. Но Н. Гендерсон возразил: чехословацкая мобилизация может спровоцировать Гитлера на войну и свести на нет все усилия Н. Чемберлена. В 14 часов из Парижа поступило сообщение: Э. Даладье считает, что необходимо немедленно сделать заявление о мобилизации в Праге, ибо иначе на Париж и Лондон ложится тяжелая ответственность.

В 15 часов в Лондоне вновь собрался правительственный комитет. Э. Галифакс доложил, что непрерывно ведутся переговоры с Парижем и Годесбергом по вопросу о чехословацкой мобилизации. Делегация, находящаяся в Годесберге, советует быть сдержанными, опасаясь, что Гитлер ответит войной. В конце концов решили послать Б. Ньютону телеграмму, что британское правительство не настаивает на своем запрете от 18 сентября, иными словами, оно не настаивает на своем совете Чехословакии не проводить мобилизацию. Р. Ванситтарт должен информировать Я. Масарика о содержании телеграммы и попросить его не предавать гласности полученные сведения⁹. Телеграмма Б. Ньютону была отправлена в 16 часов. В ней содержалось предупреждение о том, что чехословацкая мобилизация может подтолкнуть другую сторону к началу войны, поэтому не следует поднимать излишний шум¹⁰. Подобное дополнение означало следующее: хотя британское правительство и дает указание провести мобилизацию, однако оно снимает с себя всякую ответственность — ведь общую мобилизацию невозможно осуществить без неизбежной гласности. Н. Чемберлен предупредил Б. Ньютона, что чехословацкая мобилизация может ускорить нападение Германии. Теперь, когда уже известны все обстоятельства, настроения всех основных военных и политических группировок, можно уверенно сказать, что тем самым Н. Чемберлен и его клика попросту

создавали себе алиби на случай войны, в которой они не хотели участвовать. В половине десятого вечера Г. Вильсон сообщил из Годесберга, что от Праги потребовали отложить мобилизацию, пока не будет обсужден меморандум Гитлера¹¹. Однако события развивались быстро. Когда Б. Ньютон вручал в Праге последнее предостережение, что мобилизация может вызвать нападение Германии, ему ответили: правительство уже приняло решение по этому вопросу¹².

Какова была обстановка в чехословацких пограничных районах перед объявлением мобилизации? По вине министерства внутренних дел, находившегося в руках аграриев, ряд районов и больших городов оказались заняты генлейповцами. Жандармерию, полицию, служащих таможен и других государственных учреждений, коммунистов и социал-демократов расстреливали или же увозили в Германию. Армии пришлось восстанавливать порядок в таких городах, как Усти над Лабой, Дечин, Шлухнов, Румбурк, Варнсдорф. Во многих местах шли упорные бои. В Северной Моравии генлейповцы захватили Яворницкий и Особлажский выступы. Многие пограничники были расстреляны генлейповцами, несмотря на то что они, выполняя приказ, не оказывали сопротивления¹³.

Военные меры в пограничных районах были приняты по следующим мотивам. Н. Чемберлен дал понять Гитлеру, что он мог бы запросить чехословацкое правительство, не согласится ли оно передать здесь власть в руки судетонемецкой партии. Прага действительно получила подобный запрос, который стал известен и коалиционным партиям. Поэтому правительство поспешно ликвидировало последствия соглашения министра внутренних дел, агрария, с генлейповцами, достигнутого в ночь с 21 на 22 сентября. Правительство заверило Б. Ньютона, что если Германия в дальнейшем не будет разжигать инциденты, то оно само справится с поддержанием порядка в этих районах. Чехословацкое правительство заявило также, что без предварительных гарантий немецкую армию не пропустят через границу. Однако Б. Ньютон не исключал, что правительство Сыровы даст согласие на то, чтобы контроль в пограничных районах был передан войскам нейтральных государств или же англо-французским подразделениям¹⁴.

В 17 часов 15 минут Б. Ньютон прибыл в министерство иностранных дел и заявил, что британское правительство уже не настаивает на своем совете воздерживаться от мобилизации, добавив, что следует ожидать ответных действий Германии. Поэтому Б. Ньютон советовал не придавать ненужной гласности проводимым мероприятиям, так как в Годесберге все еще существует возможность добиться соглашения¹⁵. Спустя час прибыл В. де Лакруа и подтвердил, что чехословацкое

правительство свободно принимать решения по вопросам обороны. У французского правительства, сказал он, пока нет особо тревожных сведений, и поэтому оно советует соблюдать возможно большую сдержанность¹⁶.

Несмотря на то что Э. Бенеш был опытным дипломатом, он не понял подлинного смысла этой британской игры. Только позднее, в своих мемуарах, он написал, что дальнейшее развитие событий показало: все это было политическим маневром с целью заставить Гитлера принять англо-французский план¹⁷. Однако тогда, в сентябре 1938 г., желаемое выдавалось за действительное: окружение Бенеша восприняло совет провести мобилизацию как принципиальное изменение положения в пользу Чехословакии.

Свидетельством тогдашних настроений служит информация, направленная чехословацким представительствам за рубежом: «Драматический поворот в развитии событий произошел вчера около 18 часов, когда к министру иностранных дел доктору Крофте прибыли французский и английский посланники, которые информировали его о ходе переговоров в Годесберге и последствиях, вытекающих из того, что премьер-министр Чемберлен не уступил нажиму Гитлера. Тем самым европейская ситуация коренным образом изменилась, и чехословацкий вопрос в действительности стал делом Европы и цивилизации. «Народни листы» пишут, что в этот момент был восстановлен единый союзный фронт»¹⁸. К сожалению, эта информация совершенно не соответствовала действительности.

Совещание Политического комитета под председательством Э. Бенеша пришло к выводу, что для сохранения мира необходимо провести мобилизацию¹⁹. К. Крофта без всяких оснований утверждал, что в политике правительств Англии и Франции произошел сенсационный поворот. Он подчеркнул, что помешать началу войны можно только с помощью мобилизации. Следовательно, решение провести мобилизацию было принято с пониманием того, что пока еще сохраняется прежняя политическая линия, обусловленная англо-французским планом и согласием кабинета Годжи на передачу пограничных районов. Вечером, в половине девятого, прибыл Б. Ньютон с первым предупреждением, что мобилизация может вызвать немецкое нападение. Одновременно он вручил запрос Н. Чемберлена: не считает ли возможным чехословацкое правительство передать пограничные районы в руки судетонемецкой партии? ²⁰ К. Крофта ответил Б. Ньютону, что правительство само в состоянии поддержать порядок в пограничье. Оно не может согласиться с требованием Гитлера о том, чтобы немецкая армия немедленно заняла пограничные районы: такое требование представляет собой лишь предлог для наступления на Прагу. Чехословацкое правительство пришло

к убеждению, что налицо угроза войны, но оно до сих пор не проводило мобилизацию, следуя советам Франции и Англии²¹. Однако раньше, чем телеграмма Б. Ньютона поступила в Лондон, Пражское радио сообщило, что объявлена всеобщая мобилизация. Она была объявлена спустя 5 часов 15 минут после первого сообщения Б. Ньютона о том, что у Лондона нет никаких возражений против этого.

Публичное объявление мобилизации было сделано в тот момент, когда Ж. Бонна обратился к английской делегации в Годесберге с предложением разрешить немецкой армии постепенно занять чехословацкие пограничные районы, так как немецкие войска якобы лучше обеспечат порядок, чем чешская полиция. Ж. Бонна с большим сожалением узнал о мобилизации Чехословакии, предсказывая, что это приведет к войне²².

Непосредственно после Мюнхена Г. Рипка написал: решение провести мобилизацию было принято именно для того, чтобы расчистить дорогу мирным переговорам²³. Это еще раз подтверждает, что чехословацкое правительство все еще придерживалось линии англо-французского плана, как и заявил Э. Бенеш накануне, в своем вечернем выступлении. В циркулярном письме министра иностранных дел говорилось, что решение провести мобилизацию было принято с ведома правительств Англии и Франции; правительство не имеет в виду спровоцировать конфликт и считает, что мобилизация носит превентивный характер — она может отвлечь Гитлера от нападения на Чехословакию²⁴.

Немецкое посольство в Праге назвало мобилизацию провокацией; но одновременно оно распространяло слухи о том, что Германия не собирается реагировать на это и подождет до 1 октября, когда истечет срок, установленный годесбергским ультиматумом²⁵. Немецкое посольство утверждало даже, что мобилизация проведена якобы под давлением Москвы. Поэтому не стоит удивляться, что партия Глинки, известная своим антикоммунизмом, заявила протест по поводу мобилизации. Может быть, именно поэтому на следующий день Э. Бенеш назначил министром М. Чернака, представителя глинковской партии.

Воодушевление, с которым трудящиеся отнеслись к мобилизации, навсегда останется свидетельством героического стремления чехословацкого народа к защите республики от фашизма. Впервые за многие столетия чехи и словаки с отвагой и твердой решимостью готовились к войне.

Каков был размах мобилизации? До ее проведения в армии насчитывалось 30 тыс. кадровых военных и 145 тыс. проходивших срочную службу. В связи с мобилизацией было призвано 18 возрастов резерва первой категории и специалисты из резерва второй категории, всего 1 млн. 250 тыс. чело-

век. Кадровая армия насчитывала 30 тыс. человек, призывные возрасты — 145 тыс. человек, возрасты резерва первой категории — 1 млн. 25 тыс. человек²⁶. Неожиданно большим было число немцев, откликнувшихся на мобилизацию. Немцев в армии насчитывалось 5140 офицеров (11,8% их общего числа) и 187 704 других категорий (20,2% всех военнослужащих). На долю лиц славянских национальностей приходилось большинство личного состава чехословацкой армии: 37 575 (или 86,4%) офицеров и 680 655 (или 73,7%) солдат. Так как немцы не имели права получать оружие и сосредоточивались в саперных отрядах в Восточной Словакии, недостаток личного состава пополнялся за счет добровольцев из таких организаций, как Национальная гвардия, «Сокол», ДТЕ, «Орел», ФДТЕ, пожарные команды, Немецкая активная физкультурная организация активистского направления и т. д. На армейских складах для них хранилось 80 тыс. старых австрийских винтовок²⁷.

Хотя чехословацкая оборонная промышленность была весьма развитой, особо интенсивно разворачиваться она начала лишь с 1936 г. В армию могло быть призвано 1 млн. 800 тыс. человек, но в 1937 г. было подготовлено снаряжение только для 800 тыс. Однако с 1 января 1938 г. до сентябрьской мобилизации на вооружение и строительство укреплений было ассигновано 3344 млн. крон, что составляло 56% от расходов на оборону за 1926—1936 гг.²⁸ Несмотря на взятые темпы, армия испытывала некоторые трудности. Так, например, отсутствовало достаточное количество вспомогательных аэродромов, что могло создать затруднения для авиации союзников. Авиация была значительно слабее немецкой. Производительность авиационной промышленности была такова, что не позволила бы возместить боевые потери в самолетах за счет собственного производства. Если бы дело не ограничивалось длинными дискуссиями о возможных прототипах танков, их количество могло быть большим. В артиллерии по-прежнему было весьма много орудий различных калибров, что затрудняло снабжение боеприпасами. Чувствительной была и нехватка противотанковых и зенитных орудий. Но недостатки были и у армии противника. Генеральный штаб Чехословакии признавал имевшиеся недостатки в вооружении, но считал, что «они не носили характера, лишаящего армию способности вести боевые действия»²⁹.

С объявлением мобилизации армия стала новым политическим фактором в стране. В ее руках сосредоточивалась большая власть. Вместе с тем это означало, что с данного момента ответственность армии за судьбу республики возросла, как никогда ранее.

Германия отреагировала на чехословацкую мобилизацию только тем, что Гитлер устроил в Годесберге одну из своих истерических сцен. Это показывало, что нацисты все еще были убеждены в том, что общеевропейской войны не будет. Однако не исключалась локальная война с Чехословакией. При таком повороте событий генерал М. Гамелен советовал Я. Сыровы попытаться спасти армию отступлением в словацкие горы, а в случае нужды — даже в Румынию³⁰. Но у этого плана были свои слабые стороны. Партия Глинки не хотела войны, тем более боевых действий в Словакии. Поэтому глинковцы вели переговоры с Польшей и Венгрией о том, чтобы в случае войны одна из этих стран быстро оккупировала Словакию. Следующей проблемой была позиция Франции. Ее военные планы предусматривали в основном оборонительные действия. Английское правительство со своей стороны стремилось всеми способами воспрепятствовать любым наступательным инициативам Франции. Если бы чехословацкий генеральный штаб согласился с советом М. Гамелена, то Германия смогла бы быстро выйти на стратегическую границу по Белым и Малым Карпатам. Но сторонники Мюнхена в Париже и Лондоне и так были готовы заключить с Германией компромиссное мирное соглашение, обеспечивающее Гитлеру господство над чешскими областями.

После объявления чехословацкой мобилизации немецкая пресса получила указание замалчивать ее. Позднее пришло указание армейского командования не публиковать никаких положительных материалов о моральном состоянии чехословацкой армии; пресса должна была подчеркивать ее разложение, растерянность, хаос и «большевизацию»³¹. В секретных же донесениях немецкого военного атташе в Праге Р. Туссена отмечался хороший боевой дух отмобилизованной чехословацкой армии³².

Чехословацкий генеральный штаб был невысокого мнения о немецкой армии: «В немецкой армии в конце сентября, спустя шесть недель после начала необъявленной мобилизации, большинство полков состояло из двух батальонов, части укомплектованы недостаточно обученными резервистами. Во многих батальонах отсутствовали пулеметные роты, не было тяжелой артиллерии, которая могла быть эффективно использована против наших укреплений. Хотя Германия значительно превосходила нас по количеству самолетов, большинство пилотов прошло только трех-четырехмесячное обучение. Что касается морального состояния, то, по оценке самих немцев, боевой дух немецких войск такой же, как при отступлении в 1918 г. Наша армия была хорошо вооружена, постоянные укрепления — в обороноспособном состоянии, боевой дух солдат был отличным. В такой ситуации армия имела все предпосылки для успешной борьбы с немецкой армией»³³. В качестве

источника слабости чехословацкой армии в исторических работах часто указывают на наличие в ней немцев. Однако следует подчеркнуть, что в это время в Германии действовала антигитлеровская оппозиция, выступавшая на стороне Чехословакии. Коммунистическая партия Германии обращалась к немецким солдатам с призывами помочь чехословацкой армии защищать свободу, демократию и мир, ибо это соответствует жизненным интересам немецкого народа³⁴. В лагере противника были друзья и союзники Чехословакии.

Реальную помощь Чехословакии, как это вполне ясно вытекает из предыдущего изложения, могла оказать только Красная Армия. Собственно говоря, приняв «предложения» Великобритании и Франции, правительство Годжи дало согласие на разрыв союзнического договора с СССР, как того требовал пункт 6 англо-французского плана. Однако Советское правительство заявило 23 сентября, что, невзирая на случившееся, оно готово выполнить свои договорные обязательства. М. М. Литвинов открыто сказал об этом с трибуны Лиги наций. Как только Польша начала стягивать свои войска к чехословацкой границе, Советское правительство предупредило польского посла, что оно разорвет договор о ненападении, если Польша нападет на Чехословакию. На границе с Польшей были сосредоточены значительные советские силы, поэтому Ю. Беку пришлось отнестись к этому предупреждению с очень большим вниманием. Неудача Н. Чемберлена в Годесберге вызвала сильный отклик в Москве, которая оставалась верной линии на совместные действия трех держав против гитлеровской агрессии³⁵. Назревшим шагом, как считал чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер, было создание советско-чехословацкого координационного органа по всем вопросам совместной обороны³⁶.

В пятницу 23 сентября вновь вышла «Руде право». Газета опубликовала статью Б. Шмералья о советской помощи. Пресса аграриев в те дни утверждала, что Советский Союз покинул Чехословакию. Цензура конфисковала номер «Руде право», разоблачавший подобную клевету. Может ли Советский Союз прийти на помощь Чехословакии? — спрашивал Б. Шмераль и давал положительный ответ. Советский Союз поможет, но необходимо, чтобы правительство попросило его об этом. Пока этого еще не было сделано. Советской помощи надо придать законный вид. Это можно сделать путем обращения с жалобой в Лигу наций. Но основная проблема в том, чтобы во главе республики стояло твердое правительство обороны. Б. Шмераль писал: «Однако мы не скрываем нашего мнения, что немедленная помощь Советского Союза возможна при одном политическом условии: он должен получить гарантию, что в Чехословакии не будет правительства, которое

капитулирует спустя несколько дней после получения этой помощи. Необходимо договориться о том, когда и при каких условиях будет заключен мир»³⁷.

Учитывая недавний опыт, такая постановка вопроса была уместной. Существовали обоснованные опасения, что Англия намерена обострить конфликт, а сама остаться в стороне. Что касается решимости чехословацкого правительства защищать республику, то последние иллюзии здесь полностью исчезли. Советский Союз, естественно, хотел получить гарантии, что в конце концов он не останется один на один с Германией, как мечтали сторонники Мюнхена на Западе. 24 и 25 сентября заседал Центральный Комитет КПЧ. Он одобрил линию партии, которая подчеркивала значение помощи СССР и осуждала капитулянтов³⁸. Было принято обращение к армии. «Подтвердилась правдивость наших слов, что если мы не сдадимся, то мир не отдаст нас» — так охарактеризовала «Руде право» основную линию политики партии³⁹.

Несомненно, в правительстве не было единого мнения по вопросу о советской помощи. Пресса получила указание воздерживаться от критики внешней политики СССР⁴⁰. Э. Бенеш верил, что в случае войны Чехословакия может полагаться на советскую помощь. Однако аграрии и генерал Сыровы не скрывали своего отрицательного отношения к ней⁴¹. Э. Бенеш и М. Годжа признали впоследствии, что после Годесберга Советский Союз предложил оказать помощь даже в том случае, если Франция останется в стороне от конфликта⁴².

Армейское командование и политическое руководство республики, видимо, рассчитывали главным образом на помощь советской авиации. В апреле и июле 1938 г. в Чехословакии находилась специальная советская военная миссия. Была приобретена лицензия на производство средних бомбардировщиков типа СБ-71. Чехословацкая армия закупила 36 таких самолетов. А в июле с помощью советских инженеров в Чехословакии было начато их производство. Советские специалисты осмотрели также линию укреплений и дали свои рекомендации.

В составе чехословацких военно-воздушных сил было около 40 французских бомбардировщиков типа Блох-200; по английским сведениям, в 1938 г. Советский Союз поставил в Чехословакию около 100 бомбардировщиков типа СБ-71. Основную часть собственной чехословацкой авиации составляли истребители. Промышленность Чехословакии ежегодно выпускала 300 самолетов. В сентябре 1938 г. армия имела 1000 самолетов первой линии, в резерве было 50—70 штук. Всего в строю было 1500 самолетов, 600—1000 пилотов, а в резерве — еще 1000, в целом 2000 человек. В сентябре ар-

мия получила около 100 современных советских бомбардировщиков, большей частью типа СБ-71. Французские самолеты Блох-200 не обладали большой скоростью. Тихоходными были и чехословацкие истребители, особенно типа Б-534, скорость которых не превышала 200 километров в час, что было меньше, чем у бомбардировщиков того времени. Зато пилоты были интеллигентными, инициативными и мужественными⁴³.

Приведенные цифры совершенно ясно показывают, что без советской помощи было невозможно оборонять Чехословакию. Наиболее уязвимой частью чехословацкой армии была авиация, и только советская помощь могла возместить этот пробел. Французское командование тогда буквально тряслось от страха перед нацистской авиацией, и Чехословакия не могла рассчитывать на помощь Франции. Большое количество аэродромов располагалось довольно близко от границы. 23 из них осталось на территории, отторгнутой от Чехословакии после Мюнхена.

ХІІ. ЧЕМБЕРЛЕН — ЗАЩИТНИК УЛЬТИМАТУМА ГИТЛЕРА

(24 сентября)

Чем был Годесберг — победой Чехословакии, ее надеждой или же поражением? Был ли он провалом прежней политики «умиротворения»? Представлял ли он поворот в политической ситуации на 180 градусов? Изменила ли мобилизация положение Чехословакии? Многие чешские историки характеризовали Годесберг именно таким образом. Но что же было в действительности?

В Годесберге Гитлер получил подтверждение своей программы-минимум — согласие на отторжение пограничных районов. Противоречия возникли лишь по вопросу о сроках оккупации. Если бы Н. Чемберлен прервал переговоры и твердо отверг меморандум Гитлера, то последнему не оставалось бы ничего другого, кроме как смириться с политическим поражением или решиться на безнадежную войну. Оба варианта поставили бы под угрозу нацизм в Германии. Однако Н. Чемберлен стремился спасти Гитлера, и ему было необходимо время для реализации своего плана. Поэтому британский премьер взял на себя обязанность почтальона, обещав переслать меморандум Гитлера в Прагу.

Приземлившись в Гестоне, Н. Чемберлен отказался комментировать свои переговоры в Годесберге. Он заявил, что должен вначале информировать свой кабинет и проконсультироваться с французским правительством; сейчас он может сказать только одно: он по-прежнему будет пытаться спасти мир¹. Н. Чемберлен был полон решимости вновь прибегнуть к тому же маневру, который оправдал себя после Берхтесгадена: начать с совещаний в узком кругу министров, продолжить их в правительстве и в конце концов организовать несколько встреч с французскими министрами. Он стремился постепенно получить согласие всех на принятие требований Гитлера. Он знал, пройдет время и общественность свыкнется с новыми требованиями Гитлера. Не повредит и решение правительства предпринять некоторые оборонные меры. Гитлер станет податливее, да и общественное мнение будет более покладистым, увидев, что война вновь стучится в двери. После этого симпатии общества вновь окажутся на стороне Н. Чемберлена, и он еще раз предстанет спасителем мира. Кроме того, меморандум Гитлера давал в распоряжение Н. Чемберлена восемь дней, а за это время многое могло измениться. Немецкая дипломатия и пресса получили указание писать,

что в Годесберге достигнуто принципиальное соглашение и миру угрожает лишь провокационная мобилизация чехословацкой армии². Такая оценка не слишком расходилась с мнением Н. Чемберлена. События вновь подтвердили, какой роковой ошибкой было согласие правительства Годжи с англо-французскими «предложениями».

В Гестоне Н. Чемберлен заявил, что собирается проконсультироваться с французским правительством. Что же творилось в тот день в Париже? Утром генерал М. Гамелен пригласил военных атташе и объяснил им, что у Франции нет иного средства предотвратить войну, как быть готовой к ней. Франция должна продемонстрировать свою силу. Поэтому за последние 48 часов на линию Мажино было отправлено 14 дивизий. Однако группировка Боннэ — Фландена не соглашалась с подобной демонстрацией силы. Э. Фиппс получил информацию: хотя правительство и может провести мобилизацию, оно не вправе объявить войну без согласия парламента. Правые утверждали, что депутаты от деревни проявляют колебания. Однако если Германия нападет на Чехословакию и та окажет сопротивление, то трудно будет удержать французскую общественность от войны больше чем десять дней. Все будет зависеть от характера немецкой агрессии и масштабов кровопролития³. Э. Фиппсу хватило наглости утверждать, что все самое лучшее во Франции стремится любой ценой избежать войны. Р. Ванситтарт в связи с этим заметил, что Фиппс поддерживает контакты исключительно с кликой Боннэ, которая является наиболее коррумпированной и аморальной группой пораженцев в Париже. Британскому же правительству было необходимо знать настроения и другой Франции, поэтому Э. Фиппс получил точные инструкции и список лиц, мнение которых о войне он должен узнать⁴. Самую откровенную позицию занимал Ж. Боннэ. Он угрожал Э. Даладье, что начнет открытую борьбу с правительством, если последнее внесет на рассмотрение парламента вопрос о войне⁵. Даже Лондон представлялся Ж. Боннэ ненадежным партнером, когда требовалось поддержать Гитлера. Поэтому он обратился через У. Буллита к правительству США с просьбой выступить инициатором международной конференции, которая положила бы конец чехословацкому кризису. Ф. Рузвельт принял предложение Ж. Боннэ, и его инициатива в конце концов вылилась в мюнхенскую конференцию⁶.

В принципе позиции Э. Даладье и Ж. Боннэ не отличались друг от друга, но французский премьер не проявлял такого истерического страха перед падением Гитлера. После совещания с М. Гамеленом он послал в Прагу сообщение, которое действовало как ледяной душ на всех, кто сохранял необоснованные надежды на то, что Годесберг означает принци-

альный поворот в развитии ситуации. Э. Даладье предупреждал: из факта чехословацкой мобилизации никто не вправе делать вывод, что можно аннулировать ранее данное согласие на англо-французский план. Французские оборонные меры Прага также не должна воспринимать как призыв к неуступчивости в ходе дальнейших переговоров о реализации этого плана. Чехословацкая армия может занять только укрепления, но не пограничные районы, оставленные 21 сентября. Если чехословацкое правительство, грозил Э. Даладье, будет действовать иначе, то это приведет к падению нынешнего правительства во Франции⁷.

Какая обстановка сложилась в Лондоне? В половине одиннадцатого утра состоялся долгий разговор между Э. Бенешем и Я. Масариком.

М а с а р и к: Перешлите мне текст ноты с советом провести мобилизацию. Какой у вас план?

Б е н е ш: Его пока у нас нет.

М а с а р и к: Здесь существуют две версии: 1) уступка лишь *pro forma**; 2) мы уходим из пограничных районов и пускаем немцев внутрь страны. Учтите, это недопустимо!

Б е н е ш: Исключено.

М а с а р и к: Я сказал им, что мы не откажемся от своей позиции. Армия должна остаться там, где она находится. Сыровы держится твердо?

Б е н е ш: Да, очень твердо. Все в порядке.

М а с а р и к: Как только на нас нападут, мы начнем стрелять.

Б е н е ш: Да.

М а с а р и к: Здесь все хорошо. Пресса вышколена. Я передал по радио в Америку, что мы провели мобилизацию по рекомендации Франции и Англии. Понимаете?

Б е н е ш: Да, мне сообщили вчера вечером в половине шестого, что оба правительства выступают совместно и уже не могут удерживать нас от мобилизации.

М а с а р и к: Здесь надеются, что вы все проведете спокойно и не доставите беспокойства старому господину в Годесберге.

Б е н е ш: Да.

М а с а р и к: Кажется, немец так отделал его, что наутро он едва мог дышать, а это, мне думается, совсем неплохо и для нас.

Б е н е ш: Да.

М а с а р и к: Некоторые опасаются, что мы вновь подчинимся.

* *Pro forma* (лат.) — ради формальности. — *Прим. ред.*

Бенеш: Нет, этого я не боюсь. Несомненно, наступает сильная реакция. Подождем дальнейшего развития.

Масарик: Какая реакция?

Бенеш: Против старого господина.

Масарик: Конечно, иначе нельзя, сейчас уже другая ситуация, в свое время мы согласились с планом, но теперь... Я верю, что все политические течения теперь на нашей стороне, даже «Таймс» признает: мы — хозяева положения. Трюкачество прекратилось.

Бенеш: У нас полное спокойствие, мобилизация беспрепятственно продолжается, даже немцы выполняют приказы, правительство контролирует положение.

Масарик: Если что-нибудь случится, я все сделаю. Теперь договоримся, поеду ли я в Америку или нет. Надеюсь, что тут все быстро закончится. Во Франции все пришло в движение. Большого мы сделать не могли.

Бенеш: Это выглядит обнадеживающе.

Масарик: Все, невзирая на классовую принадлежность, восхищаются нашим народом.

Бенеш: Вы не можете себе представить, что я вытерпел⁸.

Разговор мог убедить Э. Бенеша, что английская общественность благоприятно настроена по отношению к Чехословакии. Но его прежде всего интересовала позиция английского правительства. Не успел он положить телефонную трубку, как прибыл Б. Ньютон с сообщением, что меморандум Гитлера все еще не получен. Он просил сохранять спокойствие и не допускать инцидентов⁹.

Мобилизация проходила по плану, и Э. Бенеш выжидал. Он не предпринял никаких действий, которые свидетельствовали бы о его намерении как-то использовать тот факт, что Чехословакия располагает отмобилизованной армией.

Естественно, возникает вопрос: можно ли было в новой ситуации взять назад согласие с англо-французским планом? Ведь это согласие вынудили вымогательством. В качестве аргумента тогда использовали и неподготовленность армии. Теперь ситуация складывалась так, что не оставалось сомнений: Чехословакии угрожает не прямое немецкое нападение, а, скорее, потеря пограничных районов в согласии со старым планом.

В десять часов Э. Бенеш подготовил проект телеграммы, которую предполагалось послать Ш. Осускому и Я. Масарку. Им поручалось во время парламентских обсуждений проекта отторжения пограничных районов попытаться выторговать для Чехословакии более сносные условия. При определении границ, говорилось в телеграмме, необходимо обратить большее внимание на этнические, экономические и транспортные

факторы¹⁰. Таким образом, речь шла не об отказе от англо-французского плана, а лишь о попытках его улучшения; соответствующий демарш оба посланника могли предпринять лишь после специального распоряжения из Праги.

Так же обстояло дело и с обращением к Лиге наций. Французская и советская делегации рекомендовали, чтобы Чехословакия в случае нападения подала жалобу, согласно статье 17 Пакта Лиги наций. Однако чехословацкая делегация в Женеве стала прибегать к всяческим уверткам. Чехословакия, по ее мнению, могла обратиться к Совету Лиги наций только в том случае, если Франция и СССР гарантировали бы немедленную помощь, не зависящую от постановления Совета¹¹. Это вполне соответствовало духу пассивной концепции Э. Бенеша: ответственность за оборону Чехословакии должны были нести другие, а сама Чехословакия даже не собиралась что-либо предпринять. Уже с 17 сентября Германия начала агрессивные действия против Чехословакии, вооружив и поддержав генлейновские банды. Политическое руководство республики не нашло в себе смелости протестовать против этих актов агрессии. 24 сентября Э. Бенеш ограничился только разработкой принципов, на основе которых предполагалось подать жалобу на немецкую агрессию в Лигу наций. Жалоба должна была констатировать, что уже в течение длительного времени Германия организывает нападения на чехословацкую территорию и сосредоточила на чехословацкой границе около 30 дивизий; Германия начала агрессию, несмотря на согласие правительства Чехословакии вести переговоры об отделении Судет¹². Однако нота такого содержания так и не была направлена в Женеву.

Единственной дипломатической акцией, на которую отважился Э. Бенеш на следующий день после объявления мобилизации, была информативная телеграмма в Париж, Лондон и Москву. В ней сообщалось, что правительство выжидает вручения меморандума Гитлера и не пойдет ни на какие дальнейшие уступки. Отношение чехословацкого правительства к первоначальному англо-французскому плану зависят, говорилось в телеграмме, от развития ситуации в Париже и Лондоне. Не исключено, что прежние условия будут изменены. Если обстановка позволит, то чехословацкое согласие с англо-французским планом будет взято назад. «Пока еще мы оставляем открытыми все пути и возможности, кроме одной: после проведения мобилизации дальнейшие уступки невозможны»¹³. Если Годесберг действительно был коренным переломом в развитии событий, как об этом впоследствии писал Э. Бенеш в своих мемуарах, то политическая активность президента и правительства совершенно не соответствовала этому. Они более или менее пассивно выжидали, что принесет дальнейший ход

событий, точнее, что будет содержаться в меморандуме Гитлера.

Англичане затягивали вручение меморандума Гитлера. У них не было никаких причин для спешки. Н. Чемберлен вернулся в Лондон в субботу. Французское министерство иностранных дел получило текст меморандума Гитлера только в 22 часа. Правительству он был передан лишь в воскресенье в 10 часов 30 минут, когда уже не было опасений, что текст меморандума может появиться в парижских газетах. Решения правительства относительно меморандума не было никакого, и поэтому Э. Даладье и Ж. Бонне могли вести себя как им заблагорассудится¹⁴.

Не спешили и англичане. Б. Ньютон вручил К. Крофту английский перевод меморандума, причем без карты, только в 19 часов, пообещав дослать немецкий оригинал с картой позже. Он сам признавал, что без карты трудно разобраться в содержании меморандума. Однако не замедлил добавить, что документ этот — последнее слово Гитлера. К. Крофта по этому поводу заметил: ничего не рекомендуют, ничего не советуют¹⁵. Но дело обстояло вовсе не так. Доказательством может служить беседа Я. Масарика с Э. Галифаксом. Хотя последний на словах осудил гитлеровский меморандум и выразил сожаление, что он и Н. Чемберлен не могут посоветовать Чехословакии принять его, но... И тут последовали заявления, являющие прямо-таки классический образец вероломства британской дипломатии. «Э. Галифакс, — как сообщал Я. Масарик, — настаивал, чтобы мы подумали, не лучше ли покориться Гитлеру, чем быть раздавленными. Я дал отрицательный ответ. Галифакс торжественно заявил, что премьер до сих пор убежден в bona fide* Гитлера, в его готовности навсегда оставить Европу в покое, после того как Германия получит Судеты. Я не скрыл своего удивления такой преступной наивностью, однако он ответил тем, что повторил то же самое. Галифакс заявил, что Чемберлен выступает всего лишь почтальоном. Мое удивление и возмущение тем, что английский премьер служит почтальоном убийце и разбойнику, сильно расстроили Галифакса, но он лишь подтвердил, что, к сожалению, это так...»¹⁶

Это донесение посланника однозначно свидетельствовало, что английское правительство поддерживает требования Гитлера. Британские документы полностью подтверждают такое заключение. Уже утром Н. Гендерсон настаивал, чтобы чехословацкое правительство отправило к Гитлеру своего делегата и договорилось непосредственно с ним¹⁷. Англичане поняли, что роль посредника поставила их в трудное положение и

* Bona fide (лат.) — откровенно, искренно. — Прим. ред.

Англию могут втянуть в войну. Правда, Прага не реагировала на подобные рекомендации, однако сотрудник чехословацкого МИД Крно, который обычно принимал Б. Ньютона, отправился в немецкое посольство заверить, что между Прагой и Берлином нет никаких противоречий по вопросу о передаче пограничных районов и остается решить лишь незначительные процедурные вопросы. Что касается мобилизации, заметил Крно, то ее проведение вполне понятно: маленькая Чехословакия попросту боится своего большого соседа¹⁸.

Если вновь вернуться к вопросу, что же изменила мобилизация в положении Чехословакии, то на него нельзя дать однозначный ответ. Правительство не сумело, опираясь на сильную армию, добиться заметного политического успеха. Оно осталось верным прежней капитулянтской политике, своему обещанию выполнить англо-французский план. Правительство ограничилось пассивным выжиданием, не изменится ли ситуация. А что, собственно говоря, изменилось в Лондоне, куда утром из Годесберга возвратился Н. Чемберлен?

Английская общественность отнюдь не была расположена соглашаться с уступками Гитлеру. Это отражено в материалах прессы. Так, например, даже один из членов «клайвденской клики» Гарвин писал, что меморандум Гитлера «должен оцениваться правительством и парламентом в свете сохранения чести и безопасности. Этот меморандум требует согласия Англии и Франции на оккупацию территории Чехословакии, невзирая на мнение чехословацкого правительства»¹⁹. Тем самым Гарвин предупреждал Н. Чемберлена, чтобы тот действовал очень осторожно, если не хочет настроить против себя общественность.

24 сентября до обеда состоялось заседание правительственного комитета²⁰. Н. Чемберлен доложил о своих переговорах в Годесберге. Наиболее трудным, как он сказал, оказался вопрос о немедленной оккупации Судет. Но поскольку уже был принят принцип отторжения, оккупация признавалась неизбежной. Причем чем раньше, тем лучше. Судетонемецкая партия, считает Н. Чемберлен, не в состоянии поддержать порядок, а немецкая армия сумеет его навести. Это главное. Гитлер сказал, что судетские немцы просят защитить их. Они подвергаются угнетению, и Гитлер возьмет их под свою охрану. Где остановится Гитлер? — задавался вопросом Н. Чемберлен. Судетскую проблему он рассматривает лишь как расовый вопрос, но меморандум — это последнее слово Гитлера. Если меморандум будет отвергнут, Гитлер начнет войну. Чехословакия будет захвачена. Венгрия и Польша постараются урвать свою долю, и чехословацкое государство погибнет. Гитлер заявил в своем послании, что британский премьер — первый человек, которому он пошел на уступки. Н. Чем-

берлен убежден, что он оказывает влияние на Гитлера. Решение чехословацкой проблемы повлечет за собой изменение и в англо-немецких отношениях. Между территорией, передачу которой предусматривает англо-французский план, и тем, что требует Гитлер, утверждал Н. Чемберлен, нет существенных различий. Сомнений нет: Н. Чемберлен рекомендовал принять меморандум Гитлера.

Э. Галифакс информировал правительственный комитет о беседе с Я. Масариком, который очень остро выступил против немецких требований. Они обсудили вопрос о возможных совместных совещаниях в Лондоне с Э. Бенешем и французскими министрами. Э. Галифакс сказал Я. Масарику, что если немцы нападут на Чехословакию, то они установят уже стратегическую границу от Австрии до Силезии, а не ограничатся национальной. Э. Галифакс спросил, не являются ли требования Гитлера и английские гарантии лучшей альтернативой, чем судьба, которая ожидает страну, проигравшую войну. Он призвал чехословацкое правительство не принимать поспешных и преждевременных решений.

Э. Галифакс полагает, что ущерб, связанный с принятием требований Гитлера, не будет столь большим, чтобы оправдать вступление Англии в войну. В заключение он сообщил, что Англия пошлет в Чехословакию легион в 5 тыс. человек для контроля над областью, намеченной к передаче Германии.

Итак, первый тур заседаний выиграл Н. Чемберлен. Подлинные документы об этом совещании камня на камне не оставляют от существовавших ранее представлений о том, что в Годесберге произошел разрыв между Гитлером и Н. Чемберленом.

Второй круг заседаний начался спустя два часа, в 17 часов 30 минут. На этот раз уже собралось все британское правительство²¹. Но если в первом заседании участвовали только единомышленники Н. Чемберлена — Дж. Саймон, С. Хор и Э. Галифакс, — то здесь уже присутствовали министры, которые не собирались забывать решения, принятые перед отъездом в Годесберг. Н. Чемберлен не считал нужным руководствоваться этими решениями и теперь предпочел бы предать их забвению.

Н. Чемберлен сделал обширный доклад о ходе переговоров. Он заявил: Гитлер отверг предложения. Это вначале вызвало у Н. Чемберлена шок, но он помнил, как ненавидит Гитлер чехов, ибо жил среди них и не доверяет им. Гитлер с доверием относится только к такому плану, который обеспечил бы немедленную передачу Судет Германии. Иначе, как он считает, чехи вновь откажутся от выполнения своих обещаний. Гитлер показал карту Чехословакии, на которой были обозначены территории, подлежащие немедленной оккупации.

Плебисцит, заявил он, будет проведен после оккупации, но еще не ясно, на какой территории. Гитлер упоминал и о других национальных меньшинствах. Здесь Н. Чемберлен позволил напомнить Гитлеру, что в Берхтесгадене речь шла только о судетских немцах. Кроме того, с передачей территории чехи лишаются возможности обороны, поэтому они должны получить возмещение в виде гарантий. Гитлер ответил, что Германия не предоставит гарантий до тех пор, пока с этим не согласятся другие заинтересованные страны, включая Италию. На замечание, что Англия предпочитает, чтобы был заключен пакт о ненападении между Германией и Чехословакией, Гитлер ответил, что он не заключит ничего подобного, пока чехи не удовлетворят требования Польши и Венгрии. Порядок в Судетах может обеспечить только немецкая армия. Если в октябре в некоторых районах будет проведен плебисцит, то Гитлер выведет оттуда свои войска. Такое предложение, сказал Н. Чемберлен, не одобрило бы британское общественное мнение, которое подобные действия оценило бы как пассивное порабощение Чехословакии. Гитлер с удивлением замечал: он не видит здесь никакого повода для возражений.

Н. Чемберлен заявил членам кабинета, что карта Гитлера, по его мнению, мало отличается от британских схем, на которых обозначены районы, имеющие 50% немецкого населения. Гитлер считает, что при проведении плебисцита следует учитывать положение, существовавшее к 1918 г., ибо с тех пор чехи ассимилировали немцев. Во время встречи в Годесберге адъютанты прерывали переговоры, принося фальшивые сообщения о якобы продолжающихся инцидентах. Поэтому Н. Чемберлен спросил у Гитлера: не могли бы судетские немцы прекратить эти глупые инциденты? Гитлер объяснял происходящее тем, что у судетских немцев нет организации, их никто не подстрекает к инцидентам, но поэтому их нельзя и контролировать. В конце концов он все же обещал обратиться с призывом к своим людям.

Вернувшись в отель, Н. Чемберлен встретился со своими советниками. Они рекомендовали сообщить свое мнение Гитлеру в письменной форме, поскольку дискуссия носила весьма расплывчатый характер. Однако на свое письмо Н. Чемберлен получил ответ, сформулированный в духе выступления Гитлера в Нюрнберге. Гитлер и в письме продолжал настаивать на немедленной оккупации Судет.

Учитывая создавшуюся ситуацию, Н. Чемберлен решил ограничиться ролью посредника, который полон решимости не давать согласия на одностороннее урегулирование, в основу которого положены интересы только одной стороны. Он послал Гитлеру еще одно письмо, в котором требовал сообщить ему детали плана, который предполагалось представить Праге.

Н. Чемберлен хотел также получить гарантию, что Гитлер не пачнет войну, пока будут продолжаться переговоры, как это было уже обещано в Берхтесгадене. Н. Чемберлен понимал, что чехословацкое правительство под воздействием Лондона и Парижа откладывало свою мобилизацию. Он обещал Гитлеру, что Париж и Лондон продолжают прежнюю политику, а тот со своей стороны должен дать слово не нападать на Чехословакию, пока Прага не ответит на выдвинутые требования. Для чешского ответа не был определен конкретный срок. Н. Чемберлен рассчитывает, что этот ответ поступит в Лондон, а не прямо в Берлин.

Когда меморандум Гитлера был получен, Н. Гендерсон и Г. Вильсон расценили его как захватнический и аморальный документ, изложенный к тому же в резких выражениях, напоминающих диктат. Гитлер потребовал начать отвод чехословацкой армии уже 26 сентября и закончить его в течение двух дней. Н. Чемберлен ответил, что в такой ситуации он не видит возможности продолжать переговоры, так как столь короткие сроки сопряжены с большим риском. Гитлер возразил, что у него готов план вторжения в Чехословакию. Прежде он ни разу не употреблял слово «вторжение». Но теперь он заявил о решимости отодвинуть стратегическую границу гораздо дальше, чем намечалось в его меморандуме. Вторжение даст ему стратегическую границу, в меморандуме же он требует только определения ее по национальному признаку. Гитлер заявил, что после встречи в Берхтесгадене он подготовил план вторжения, не веря, что Н. Чемберлену удастся побудить чехов согласиться с самоопределением судетских немцев.

Если меморандум будет вручен чешскому правительству, считает Н. Чемберлен, он, несомненно, будет опубликован и это вызовет ужасную реакцию во всем мире. Вместе со своими советниками Н. Чемберлен еще раз перечел меморандум и должен был отметить его ультимативный тон. Гитлер, однако, возразил, что это не ультиматум, а всего лишь меморандум. Н. Чемберлен особенно возражал против таких решительных формулировок, как «немецкие требования», а также «установление коротких сроков эвакуации». Гитлер принял возражения и вычеркнул слово «требования», заменив его словом «предложения». Он согласился продлить срок эвакуации до 1 октября. Кроме того, Гитлер повторил обещание воздержаться от вторжения на время переговоров. Но именно в тот момент пришло сообщение о чехословацкой мобилизации. Гитлер заявил, что она меняет ситуацию. Н. Чемберлен успокаивал его: Чехословакия проводит мобилизацию лишь в интересах обороны. Гитлер угрожал призвать и у себя новых резервистов. Но в конце концов вновь пообещал не

начинать войну, пока переговоры не прерваны. Н. Чемберлен обещал передать меморандум чехословацкому правительству, которое, вероятно, проконсультирует свой ответ с Францией и Англией.

Изложив таким образом ход переговоров в Годесберге, Н. Чемберлен перешел к выводам. Первым днем своего пребывания в Германии он не удовлетворен. Гитлер отверг его предложения, более того, он усилил свои требования. Однако в ходе дальнейшего обмена мнениями он изменил свою точку зрения. Можно сказать, что ныне он говорил с большей верой в себя, чем во время первого визита. Гитлер уважает его, самодовольно заметил Н. Чемберлен. Он хочет добиться дружбы с Англией. Основной вопрос состоит в следующем: считает ли Гитлер судетскую проблему расовой? Является ли его целью только национальное объединение немцев или же нечто большее? Хочет ли он добиться господства над Европой? От ответа на эти вопросы зависит очень многое, но Н. Чемберлен был убежден, что Гитлер говорит правду, когда заявляет, что после решения судетской проблемы у него не будет никаких иных притязаний в Европе. И именно поэтому вполне возможен поворот в сторону улучшения англо-германских отношений. В конце концов, ведь Гитлер совершенно откровенно сказал Н. Чемберлену: он-де с большим удовольствием обсуждал бы с ним не судетскую проблему, а другие дела, отметив при этом, что вопрос о колониях — это не вопрос войны или мира.

И тут Н. Чемберлен особенно значительно заявил: «Если мы упустим возможность соглашения с Германией, то это будет трагедия. Мир в Европе зависит от соглашения между Англией и Германией. Ныне я приобрел влияние на Гитлера, он доверяет мне и согласен сотрудничать со мной. Нам представляется великолепная возможность положить конец нынешнему периоду гонки вооружений. Я признаю, — продолжал Н. Чемберлен, — что будет очень трудно добиться решения проблемы, придерживаясь прежней политики. Но я не вижу другого пути мирного урегулирования. Я надеюсь, что кабинет очень скрупулезно рассмотрит различия между предложениями, принятыми на прошлой неделе, и новыми проектами; стоят ли эти различия того, чтобы мы ввязывались в войну. Находясь в самолете, я представил себе немецкую бомбардировку Лондона. Мы не можем защитить Лондон и не можем начинать войну». Затем Н. Чемберлен сказал, что перед отъездом он еще раз беседовал с Ф. Эштоном-Гуэткином, который полагает, что порядок в Судетах лучше всего обеспечить следующим образом: Германия займет районы с чисто немецким населением, а англичане — со смешанным. По сути дела, это наполовину удовлетворит требования Гитлера. Немецкая армия дисциплинирована и находится под контролем. Чеш-

скую армию нельзя использовать для этих целей. Идеальным представляется привлечение международных сил, но это лишь теоретические рассуждения. Для подобного решения нет времени, и никто не может сказать, какая страна согласится послать свои войска. Н. Гендерсон и другие советники были против наделения судетских немцев полицейскими функциями.

Далее Н. Чемберлен утверждал, что нет существенных различий между территорией, определенной англичанами, и тем, что требует Гитлер. Кроме того, последний согласен на плебисцит. Если же Чехословакия решится на войну, то все равно в будущем она уже не сохранится в прежнем виде. Более того, Чехословакия никогда не будет иметь такие размеры, какие она сохранила бы в случае согласия с предложениями Гитлера. Если бы мы сейчас решились использовать свою силу, то вовсе не для спасения Чехословакии — это исключено, — а лишь для того, чтобы сейчас, а не позже путем войны подавить амбиции Гитлера. Современная война поставит под угрозу наши домашние очаги в Англии. Мы должны взвесить, может ли в будущем оборона Англии от немецких бомб стать более эффективной, чем сейчас.

На этом Н. Чемберлен закончил свое обширное изложение, и всем министрам стало ясно, что он рекомендует немедленную и полную капитуляцию перед нацистским диктатором. Презренный убийца, стоящий во главе нацистской империи, приобрел в лице Н. Чемберлена не только послушного почтальона, но и усердного и деятельного адвоката. Далее дискуссия протекала следующим образом:

С т э н л и: Чехословакия обратится к нам за советом, прежде чем она ответит на ультиматум Гитлера.

Ч е м б е р л е н: В этом случае мы проконсультируемся с французами.

Г а л и ф а к с: Они уже приглашены в Лондон. Однако могут появиться различные возражения, затруднения или же возникнет впечатление, что организован заговор с целью оказать новое давление на Чехословакию. Уже высказывалось мнение о возможности провести трехстороннее совещание в Женеве, в котором принял бы участие и Бенеш. Однако возникли сомнения, сможет ли Бенеш выехать в данный момент из своей страны. Поэтому лучшим выходом остается ознакомление французов с меморандумом Гитлера и приглашение их в Лондон.

Д а ф ф К у п е р: Я почти убежден, что если на Чехословакию нападут, то под давлением общественного мнения мы будем вынуждены вступить в войну. Однако мы можем опоздать, если не будем действовать достаточно быстро. Я не верю, что парламент и общественное мнение одобрят наши действия после того, как Гитлер еще раз отверг предложения

Чемберлена. Какое влияние имеет премьер на Гитлера? Я уверен, что Гитлер не остановится на позициях, зафиксированных в предлагаемом меморандуме. Я убежден, что теперь Чехословакия будет воевать и что мы обязаны объявить всеобщую мобилизацию. Только так можно помешать Гитлеру разжечь войну. Мобилизация должна быть объявлена как предварительная оборонная мера.

И н с к и п: Прежде чем принять подобное решение, мы должны изучить меморандум Гитлера».

Остальные поддержали это предложение.

Военный министр Л. Хор-Белиша сообщил о некоторых оборонных мерах.

«Э л л и о т: Многое будет зависеть от позиции Чехословакии. Нельзя рассчитывать, что Чехословакия согласится на требования Гитлера. И нам не следует заранее принимать решение о невмешательстве Англии на тот случай, если она их отвергнет.

Ч е м б е р л е н: Решение об оборонных мерах зависит от того, что будет принято в связи с меморандумом Гитлера. Пока обстановка не требует безотлагательных мер, поэтому вполне можно отложить решение на воскресенье. Нет необходимости принимать его сегодня вечером.

У и н т е р т о н: Если Чехословакия отвергнет требования Гитлера, то общественное мнение будет настаивать на действиях, которые вовлекут нас в войну. Я опасаясь, что наши меры будут приняты с большим опозданием. Я думаю, что в воскресенье кабинет должен обсудить дальнейшие оборонные мероприятия. Боюсь, что Германия может напасть на нас в любое время.

Г а л и ф а к с: Я убежден, что Германия сделает все, чтобы Англия осталась вне конфликта. Следует вспомнить о принципиальной линии нашей политики, прежде чем мы примем решение о всеобщей мобилизации».

Остальные министры поддержали предложение Н. Чемберлена отложить принятие решения на воскресенье. Мотивировалось это теми соображениями, что таким образом чехословацкое правительство будет самостоятельно решать вопрос, отвергнуть или принять меморандум Гитлера, не опираясь на поддержку Англии.

«М а к д о н а л д: Если мы примем сейчас решение о мобилизации, то Чехословакия сделает из этого вывод, что оно носит политический характер, которого на самом деле нет. Поэтому я рекомендую изучить меморандум Гитлера.

Д а ф ф К у п е р: Несмотря на все, я считаю, что только всеобщая мобилизация может оказать воздействие на Гитлера.

Ч е м б е р л е н: Сначала надо принять решение о генеральной линии нашей политики.

Макдональд: Принятие решения необходимо отложить.

Хор - Белиша: Откажемся ли мы от дружественных отношений с Германией, если Чехословакия решится на войну и отвергнет предложения?

Чемберлен: Мы не можем отказаться от дружбы с Германией, даже если начнется война. Если Франция решит поддержать Чехословакию, то следует выяснить, какие действия предпримет она для выполнения своих обязательств. Наша позиция в этом вопросе остается неизменной.

Галифакс: Я полагаю, что делу очень помогло бы выяснение различий между англо-французским планом и меморандумом Гитлера. Что касается размера территории, намеченной к передаче, то больших различий нет. В наших проектах плебисцит не предусматривался, Гитлер же предлагает провести плебисцит под международным контролем. Основное расхождение состоит в том, что немецкие войска намерены безотлагательно начать свой поход. Масарик видел меморандум, и у него возникли серьезные возражения. Он сказал, что чехи скорее будут воевать и погибнут, чем согласятся его принять. Я понимаю негодование чехословацкого народа. После давления, оказанного на чехословацкое правительство с целью заставить его принять предложения от 19 сентября, британское правительство не может настаивать на дальнейших жертвах. Необходимо выяснить, существует ли возможность другого решения, какие границы будут установлены в случае войны и какие можно определить сейчас. Я посоветовал Масарику, чтобы чехословацкое правительство не спешило определить свое отношение к меморандуму.

Дафф Купер: Утомянул ли премьер в Берхтесгадене об общих гарантиях Англии, Франции и России?

Чемберлен: О России не было речи.

Хор: Если Чехословакия примет меморандум, то наши гарантии должны сразу же вступить в силу. А Гитлеру можно заявить, что если он нападет на Чехословакию, то будет иметь дело с коалицией Франции, Англии и России.

Галифакс: Учитывая гарантии, остальные вопросы, связанные с национальными меньшинствами, можно будет решить путем арбитража».

Заседание кабинета завершилось договоренностью о том, что принятие решения о мобилизации и относительно других оборонных мер будет отложено, пока не выяснится, какую политику следует проводить после меморандума Гитлера. Обсуждение самого меморандума будет проведено в воскресенье. Французское правительство получит информацию о немецких требованиях, и ему предложат встретиться для консультаций.

Таким образом, заседание кабинета отнюдь не было победой Н. Чемберлена. Однако Н. Чемберлен, как изворотливый

политик, не допустил принятия решения, которое помешало бы ему следовать прежней политике. Принятие решения было отложено на более благоприятное для него время. Дж. Кеннеди сообщил в Вашингтон, что в британском правительстве наступил разлад. Н. Чемберлен добивается мира с Гитлером любой ценой, а другие министры требуют твердой позиции по отношению к Германии²². В Лондон пригласил американского фашиста Ч. Линдберга, видимо для того, чтобы он запугал британскую общественность призраком немецких бомбардировок.

Существенную поддержку оказали Н. Чемберлену доминионы. Высокие комиссары один за другим заявляли: доминионы не согласны, чтобы Англия вмешивалась в войну в Центральной Европе. Однако никто не возражал против войны во имя защиты империи²³.

ХІІІ. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ ГОДЕСБЕРГА

Хотя встреча в Годесберге проходила иначе, чем хотелось Н. Чемберлену, его позиция осталась неизменной. Все последние годы британская внешняя политика преследовала цель — открыть Гитлеру путь в Восточную Европу, чтобы вызвать в дальнейшем войну между Германией и Советским Союзом. Советский Союз считался злейшим врагом, более опасным, чем Германия¹.

Отсюда проистекала и твердая решимость Н. Чемберлена не допустить, чтобы агрессия против Чехословакии стала причиной войны². Политика «умиротворения» была политикой антикоммунистической, антисоветской. Н. Чемберлен принципиально отвергал систему коллективной безопасности в Европе, ибо ее можно было осуществить только в сотрудничестве с СССР. Он добивался полного отстранения Советского Союза от участия в решении европейских проблем. Нашлись и в Чехословакии историки, которые эти утверждения считали простым пропагандистским маневром, не имевшим ничего общего с исторической действительностью. Однако предоставим слово профессору теологии Фр. Дворнику, который в 1937—1939 гг. находился на Западе с особой политической миссией.

Анализируя причины антисоветизма Н. Чемберлена, Фр. Дворник писал после Мюнхена: «Что касается дальнейшего развития, то Чемберлен верит: если нынешняя европейская ситуация и впредь осталась бы неизменной, а СССР продолжал бы играть важную политическую роль, то катастрофическая война стала бы неизбежной и Великобритания оказалась бы в крайне неблагоприятном положении. Ей пришлось бы сделать выбор: или присоединиться к красному знамени, или остаться нейтральной — что было весьма трудно ввиду союза с Францией, — или заявить об открытом союзе с государствами осп. Поэтому Чемберлен на протяжении последних месяцев настойчиво стремился использовать всю мощь Англии как великой державы для того, чтобы если не разложить существующие блоки, то по крайней мере предотвратить такую опасную ситуацию. Иными словами, Чемберлену — предельному индивидуалисту по своему характеру, — когда он все анализировал, представлялось более выгодным лишить СССР положения великой державы, не дать ему возможности играть в Европе столь важную и опасную роль и полностью отгеснить СССР на оборонительные позиции. До сего времени Чемберлену эта тактика удавалась. Особенно она ему удалась в отношении

Чехословакии. Сегодня более чем очевидно, что в ущерб нашим интересам у Чемберлена надо всем возобладало опасение, что в случае возникновения военного конфликта из-за Чехословацкой республики СССР оказался бы втянутым в дела Центральной Европы и стал там решающим фактором»³.

Разумеется, католическому теологу роль СССР могла представляться только как «опасная». Ведь официальная точка зрения папского престола в Риме гласила: войну следует предотвратить любой ценой, даже ценой Чехословакии, ибо единственным победителем в европейской войне был бы Коминтерн⁴.

Конечно, антисоветизм был свойствен не только Н. Чемберлену, он был характерен для всего британского господствующего класса. «Этот класс,— писал журналист Г. Н. Брейлсфорд, отнюдь не коммунист,— чувствовал такое отвращение к СССР, что любому союзу с ним предпочитал подчинение диктаторам Германии и Италии»⁵. Точно так же, как правительства Франции и Англии не выступили совместно с Советским Союзом в Испании, они не хотели делать этого и в случае с Чехословакией. Они лгали, заявляя, что СССР не в состоянии вести войну. Неоднократно утверждалось, что Советский Союз, даже если бы и захотел, не смог бы выполнить свои обязательства перед Чехословакией. Сторонники политики «умиротворения» вели эту клеветническую кампанию в ситуации, когда Франция открыто изменила своим договорным обязательствам. Ж. Боннэ и его сторонники подвергали сомнению всякое советское заявление, касавшееся помощи Чехословакии. Они игнорировали Советский Союз, стремясь лишить его повода вмешаться в чехословацкий кризис. Советское правительство использовало все возможности, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в его готовности выполнить свой союзнический долг перед Чехословакией. У сторонников политики «умиротворения» были союзники внутри чехословацкого правительства, которые слово в слово повторяли клеветнические измышления Ж. Боннэ; они игнорировали Лигу наций и унижительную капитуляцию предпочли защите республики вместе с СССР. Во время годесбергских переговоров правительство СССР вновь дало положительный ответ на запрос чехословацкого правительства, выполнит ли Советский Союз свои договорные обязательства в случае, если англо-германские переговоры не дадут результатов и Чехословакии с оружием в руках придется защищаться от Германии⁶.

Внутри Англии и Франции шла острая политическая борьба между капитулянтами и противниками нацистской Германии. И если английское посольство в Париже недвусмысленно

поддерживало продажные профашистские элементы, то советская дипломатия старалась оказать помощь всем тем, кто был убежден, что будущее Франции не в капитуляции перед Германией. Так же обстояло дело и в Англии, где И. М. Майский стремился поддерживать контакты и с консервативной оппозицией во главе с У. Черчиллем. Например, в начале сентября И. М. Майский информировал У. Черчилля о советских предложениях, переданных М. М. Литвиновым французскому дипломату Ж. Пайяру. Это были предложения о совместных действиях трех великих держав в Женеве, о совещании представителей генеральных штабов советской, французской и чехословацкой армий. Хотя У. Черчилль и уведомил об этом Э. Галифакса, однако от себя он добавил, что, пока Гитлер склонен к мирному решению, британское правительство, собственно говоря, не должно поддерживать эту советскую инициативу⁷. Э. Галифакс был такого же мнения; поскольку политика компромисса с нацистами еще возможна, то нет необходимости, считал он, связываться с Женевой и СССР⁸.

Чехословацкое правительство также не реагировало на рекомендации Советского правительства обратиться в Женеву с жалобой на Германию. К. Крофта даже уклонился от участия в заседаниях ассамблеи Лиги наций, потому что Э. Галифакс и Ж. Бонне бойкотировали Женеву. Принятие англо-французских «предложений» чехословацкое правительство объясняло так, что было очевидно, что оно стремится взвалить ответственность за свою капитуляцию на Советский Союз. Естественно, подобные действия чехословацкого правительства вызвали немалое недовольство советской стороны.

После того как переговоры с Годесберге зашли в тупик, воскресли надежды, что можно будет восстановить общий фронт против нацистской агрессии. З. Фирлингер считал, что такие настроения ненадолго появились и в Москве.

«Первые признаки изменений французской и английской политики в положительную сторону,— отмечалось в политическом отчете З. Фирлингера,— восприняты здесь с большим удовлетворением. На мое первое сообщение о том, что Франция и, возможно, даже Англия в случае нападения на нас Германии будут на нашей стороне... здешние правительственные круги реагировали весьма благоприятно; сообщение об этом было получено 24-го числа этого месяца, то есть в нерабочий день, когда учреждения не работают и когда Потемкин, замещающий Литвинова, был на даче. Я отправился к дежурному сотруднику Комиссариата иностранных дел, где смог по телефону с Потемкиным, который в тот же день вернулся в город. Затем ночью было созвано совещание, и с тех пор на все мои вопросы и запросы отвечают немедленно

и очень решительно. Таким образом, оказалось возможным в сравнительно короткое время решить вопрос о направлении специалистов и высших офицеров авиации в Прагу, причем мне сообщили, что все пожелания генерала Файфра [командующий чехословацкой авиацией.— В. К.] приняты во внимание и соответствующие воздушные советские силы готовы в случае необходимости немедленно вылететь в Чехословакию.

Кроме того, Комиссариат иностранных дел стремился вновь проявить инициативу в деле созыва трехстороннего совещания представителей генеральных штабов. Как только здесь стало известно, что англичане дали согласие на то, чтобы французский генеральный штаб вел переговоры (сообщение об этом мне передал Потемкин), советский военный атташе в Париже был уполномочен вести переговоры.

Как вчера сообщил мне с радостью Кулондр, советский военный атташе в Париже заявил, что Советский Союз на западных границах имеет 30 полных дивизий, находящихся в боевой готовности, не считая технических частей, которые готовы немедленно начать операции. Я сказал Кулондру, что перспективы всеобщей мобилизации в Советском Союзе дают возможность предполагать, что, кроме этой армии, находящейся в боевой готовности, Советский Союз в случае настоящего мирового конфликта может отправить на фронт другую большую армию, поскольку вооружение и соответствующая военная промышленность позволяют это сделать...

В дополнение картины можно было бы еще добавитъ, принимая во внимание мои впечатления и сообщения, что в здешних правительственных кругах наблюдается намного больше решимости приложить значительные усилия в случае мирового конфликта, чем это внешне может показаться и чем это может быть видно из выступления Литвинова...» *9

М. М. Литвинов в это время был в Женеве на заседании ассамблеи Лиги наций. В день отъезда Н. Чемберлена в Голдесберг он беседовал с членом английского парламента лордом Р. Бутби. Он сетовал на английскую делегацию, которая его полностью игнорирует; хотя ситуация серьезная, никто не ищет с ним встречи, а ведь война может быть делом самых ближайших дней, и Англия и СССР могут стать союзниками. Он вновь подчеркнул, что СССР совместно с Францией выполнит свои обязательства в отношении Чехословакии. Р. Бутби обратился к главе английской делегации в Женеве лорду — хранителю печати Де ла Уарру и попросил его запросить в Лондоне инструкции для беседы с М. М. Литвиновым. Возвратившись за-

* Русский перевод опубликован в сб.: Новые документы из истории Мюнхена, с. 142—146.

тем в Лондон, Р. Бутби изложил содержание своей беседы Э. Галифаксу¹⁰.

Обо всем этом Э. Галифакс доложил правительственному комитету, заседание которого состоялось 23 сентября и проходило под впечатлением сообщений о трудных переговорах в Годесберге. Он информировал о том, что М. М. Литвинов два или три раза беседовал с чехословацкой делегацией, обещая эффективную помощь в случае, если на Чехословакию будет совершено нападение. Э. Галифакс полагал, что помощь, скорее всего, будет оказана авиацией, ибо, по его мнению, сомнительно, чтобы из-за известных трудностей с Польшей и Румынией была реальна помощь наземными войсками. Однако М. М. Литвинов считал, что обращение в Лигу наций могло бы облегчить проход Красной Армии через Румынию. «Литвинов,— сообщил Галифакс,— считает желательным созвать совещание заинтересованных держав и полагает, что общий ультиматум (Англии, Франции и России), предъявленный Германии, может все же еще оказаться эффективным. По его мнению, твердое заявление, что Россия примет участие в войне против Германии, является единственным средством, которое может произвести впечатление на г-на фон Риббентропа».

Э. Галифакс уведомил комитет, что им было дано Р. Батлеру в Женеву указание попытаться разузнать у М. М. Литвинова, какую позицию занимает Советское правительство в создавшейся ситуации. Форин оффис конкретно интересовало, как поступил бы Советский Союз, если бы переговоры в Годесберге не привели к успеху, а Германия напала бы на Чехословакию. Это указание было послано в Женеву, когда Де ла Уарр отправил уже отчет о беседе с М. М. Литвиновым, который повторил, что Советский Союз выполнит свои обязательства. Э. Фиппс в Париже также получил указание узнать, какой информацией о позиции СССР располагает французское правительство. Д. Чилстон в Москве получил те же указания, что и Р. Батлер в Женеве¹¹.

Все это, впрочем, ни в коей мере не означало, что британское правительство изменило свой политический курс и под давлением обстановки склонялось к сотрудничеству с СССР. Наоборот, особый упор на выяснение, как же конкретно намеревается Советский Союз выполнить свои договорные обязательства, обнаруживал неизменное стремление использовать ответы советской стороны для того, чтобы возбудить сомнения в реальности советской помощи Чехословакии.

В беседах с М. М. Литвиновым и И. М. Майским в Женеве принимали участие Р. Батлер и Де ла Уарр. Они желали узнать, как М. М. Литвинов конкретно представляет себе советскую помощь, о которой он говорил 21 сентября. Ответ был ясным: если Германия нападет на Чехословакию, Советский

Союз и Франция выполняют свои обязательства. Но есть и другие возможности предотвратить вооруженное нападение. Можно было бы, например, созвать совещание трех держав в Париже, показав Германии, что ей протпвостоят единый фронт Англии, Франции и Советского Союза. Женева уже имеет репутацию пустой говорильни и не производит на Германию никакого впечатления. Что касается конкретного размаха советских военных приготовлений, то, ответил Литвинов, у него нет точных сведений, поскольку он уже длительное время находится за пределами СССР. Он не может подтвердить сообщения германской печати о том, что СССР оказывал Чехословакии определенную военную помощь. Советское правительство довело до сведения Польши, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, СССР посчитал бы это актом агрессии и был бы вынужден без предупреждения денонсировать пакт о ненападении с Польшей. В заключение беседы М. М. Литвинов выразил надежду, что контакты с английской делегацией в Женеве будут поддерживаться и в дальнейшем и что советская делегация ожидает ответ на свое предложение о конференции трех держав. Р. Батлер, однако, разъяснил, что в Лондоне еще верят в успех годесбергских переговоров и их вопросы относятся только к тому случаю, когда события станут развиваться не так, как они надеются¹².

И. М. Майский в своей книге о Мюнхене воспроизводит следующий разговор с М. М. Литвиновым: «Когда мы возвращались от англичан в отель «Ричмонд», где мы проживали, я сказал народному комиссару: «То, что вы только что предлагали англичанам, означает войну. Хорошо ли обдумали это наши в Москве и решились ли всерьез?» М. М. Литвинов твердо ответил: «Да, принято серьезное решение... Когда я уезжал из Москвы в Женеву, началась концентрация советских войск на границах с Румынией и Польшей. Это было примерно две недели назад. Думаю, что теперь там сосредоточено по меньшей мере 25—30 дивизий с соответствующим количеством авиации, танков и т. д.». Я спросил его: «А если Франция обманет и не выступит? Что тогда?» Литвинов раздраженно махнул рукой и лаконично сказал: «Это имеет второстепенное значение». «А как Польша и Румыния? Согласятся ли они на прохождение наших войск?» — «Польша, — ответил Максим Максимович, — конечно, не сделает этого, а Румыния — это другое дело. У нас есть сведения, что Румыния позволит нам это сделать, особенно если Лига наций, пускай и не единогласно, как этого требует ее Устав, а преобладающим большинством голосов признает Чехословакию жертвой агрессии. — Максим Максимович на мгновение замолчал, а потом добавил: — Самое главное — как поступят чехи. Если они будут бороться, мы поможем им вооруженными силами»¹³.

Само собой разумеется, у читателя может возникнуть вопрос, почему М. М. Литвинов не сообщил британской делегации эти сведения о военных приготовлениях в СССР. Однако необходимо помнить о том, что сторонники «умиротворения» беспрестанно обвиняли Советский Союз в военных замыслах, выдавая свою политику за политику защиты мира. То, что фактически предлагал М. М. Литвинов, было решением проблемы мирным путем, возвратом к системе коллективной безопасности, которая могла уберечь Европу от последовавших многомиллионных жертв. Именно поэтому был сделан упор на созыв в Париже совместной конференции трех держав, которые создали бы ядро антигитлеровской коалиции. Против такой коалиции Германия была бы бессильна. Гитлер мог петушиться и угрожать войной лишь потому, что между остальными европейскими державами не было единства, что британское правительство не желало совместных действий с СССР, а хотело сделки с фашистским агрессором.

Если бы советское предложение о созыве совместной конференции трех держав было реализовано, то политике «умиротворения» пришел бы конец. Гитлер потерпел бы политическое поражение, которое потрясло бы всю нацистскую систему. Как азартный игрок, он поставил на карту весь свой политический престиж. В Лондоне это понимали и, хотя в Годесберге Гитлер вел себя как распоясавшийся насильник, стремились спасти его от поражения. Собственно говоря, «умиротворители» больше всего боялись коммунизма в Германии и вообще в Европе. В тот самый момент, когда в Женеве состоялась беседа между М. М. Литвиновым и британской делегацией, в Риме французский дипломат Блонде заявил, что если Европа к востоку от Рейна окажется под гегемонией Германии, то это будет все же лучше, чем если бы там был установлен «советский хаос»¹⁴. Позже Э. Галифакс выскажет свое мнение, что германская экспансия в Центральной Европе является совершенно естественным делом, а уход Франции из этой части Европы — основное условие достижения соглашения на базе пакта четырех держав. На свое предложение о созыве конференции трех держав М. М. Литвинов так и не получил ответа, хотя осуществление советских предложений могло спасти народы Европы от опустошительной и гибельной войны. Сторонники политики «умиротворения» не только не хотели допустить такой войны, которая была бы проиграна Гитлером, но они боялись даже политического поражения Гитлера после неуспеха Годесберга. У доверенного лица Э. Бенеша состоялась тогда в Лондоне разговор с одним консервативным политиком, который откровенно пояснил ему образ мыслей ближайших друзей британского премьера: «Германское правительство попало в скверное положение, когда война не сулила ему никакой надежды на успех,

но в то же время оно не могло отступить, не рискуя вызвать переворот в Германии. Немецкий народ поддержал бы Гитлера в его усилиях мирными средствами возвратить утраченные владения и приобрести новые, однако он не поддержит его военные устремления. Если Гитлер не выиграет этой кампании за мир, это будет для него очень сильным поражением. В Германии наступила бы паника, произошел бы переворот, мог победить коммунизм. А этого не имели права допустить ведущие английские политики, боящиеся коммунизма не только в Испании, Италии, Франции, но даже и в Англии. Чехословаки поступили бы как последние эгоисты, если бы не приняли во внимание это обстоятельство»¹⁵.

Эти несколько слов выражают суть политической тактики Н. Чемберлена и его сторонников после Годесберга: чтобы не допустить политического поражения Гитлера, лучше принести в жертву Чехословакию.

У. Стрэнг, один из ведущих британских дипломатов того времени, впоследствии писал в своих воспоминаниях, что если бы конференция трех держав состоялась, как предлагал М. М. Литвинов, то СССР потребовал бы, чтобы Запад точно определил характер своего вооруженного вмешательства, как это спустя год произошло на англо-франко-советских переговорах в Москве.

На переговоры, которые проходили в Москве в 1939 г., безусловно, уже падала тень мюнхенского заговора, и было совершенно естественно, что СССР хотел получить гарантии. Однако до Мюнхена такого рода совместные переговоры проходили бы при более благоприятных условиях. У. Стрэнг признает, что в 1938 г. им казалось, что гораздо лучше и более многообещающе удовлетворить Германию, чем объединиться с СССР против нее¹⁶.

В воскресенье 25 сентября никакого решения еще не было принято. Н. Чемберлена ожидали длительные и трудные переговоры, исход которых был совершенно неясен. В этот день М. М. Литвинов спросил И. М. Майского: «Что вы обо всем этом думаете, будет война или нет? Вчера наши мнения расходились; я полагаю, что англичане и французы еще раз уступят и войны не будет». М. М. Литвинов заметил, что Я. З. Суриц в Париже придерживается того же мнения, тогда как Б. Е. Штейн в Риме считает, что начнется война. И. М. Майский ответил: «Насколько я знаю англичан, я готов согласиться с вами. Однако в нынешней ситуации существуют также некоторые факторы, которые могут сыграть огромную роль. Например, как поведут себя чехи в момент опасности?»¹⁷

В тот день в Лондоне проходила англо-французская встреча. Важно было, чтобы французская делегация не смогла бы оправдать свою капитуляцию, ссылаясь на известные

высказывания Ж. Бонна о том, что позиция СССР якобы неясна, а советская помощь нереальна. Поначалу Э. Даладье приводил весьма внушительные данные о советских вооруженных силах. Он указывал, что СССР имеет 5 тыс. самолетов, что 800 самолетов он уже отправил в Испанию и 200 — в Чехословакию. В Испании советские самолеты проявили себя хорошо, и французские специалисты оценивали их весьма высоко. Советская авиационная промышленность находится по меньшей мере на столь же высоком уровне, как и германская¹⁸.

Народный комиссарплат обороны СССР 25 сентября поручил советскому военному атташе в Париже сообщить французскому генеральному штабу, что на западной границе СССР в состоянии боевой готовности находится 30 стрелковых дивизий, кавалерийские дивизии, авиация и танки¹⁹. Военный атташе Васильченко передал эти сведения 26 сентября, когда генерал Гамелен уже выехал в Лондон²⁰. При встрече с Н. Чемберленом М. Гамелен ни словом не обмолвился о боевой готовности советских вооруженных сил. Позже он утверждал, что в тот момент в его распоряжении еще не было сообщения К. Е. Ворошилова и он якобы не договорился с Э. Даладье, следует ли говорить об этом с Н. Чемберленом²¹. Во время последующего совещания с британским главным командованием М. Гамелен сказал, что он не рассчитывает на значительную помощь сухопутных войск СССР, однако он принимает во внимание участие советской авиации в Чехословакии, а если будет нужно — и в Румынии²². В целом М. Гамелен считал, что Красная Армия будет иметь 5 млн. бойцов, 100 дивизий; он отдавал себе отчет, что германская армия имеет серьезные недостатки в командных кадрах и в системе военной подготовки. Численность чехословацкой армии он оценил в 30 дивизий и полагал, что Германия не может выставить против нее более 40 дивизий²³. Сами французы считали, что СССР в состоянии использовать на европейских театрах военных действий 3750 самолетов. Дипломаты прибалтийских государств снижали это число до 3000²⁴. Этих сил было достаточно, чтобы отвлечь Гитлера от войны. Следует еще раз подчеркнуть, что политика «умпротворения», или уступок Гитлеру, проводилась не потому, что у противников Германии не было достаточных сил для обороны; она проводилась с единственной целью — спасти нацистскую систему.

В исследованиях советских историков приводятся исчерпывающие данные о готовности СССР к войне против фашизма в 1938 г. Кроме упомянутых выше 30 стрелковых дивизий, кавалерийских и танковых частей, в сентябре 1938 г. в боевую готовность была приведена вся авиация Белорусского и Киевского военных округов, усиленная к тому же Воронежской военно-воздушной армией особого назначения. Для боевых

действий в Чехословакии были предназначены четыре бригады общей численностью 548 самолетов.

Советский Союз готовился к большой европейской войне. Уже в июне 1938 г. были реорганизованы в особые военные округа Киевский и Белорусский военные округа, ускорены работы по возведению укреплений и коммуникаций, пополнялись склады и запасы военного снаряжения. В Белорусском особом военном округе формировались две армейские группы (Витебская и Бобруйская), а в Киевском особом военном округе — четыре армейские группы (Житомирская, Винницкая, Одесская и Проскуровская кавалерийская группа). Уже в первой половине сентября в состоянии боевой готовности были приведены все приграничные округа. После 21 сентября вблизи границы начала размещаться Винницкая армейская группа. Житомирская армейская группа проводила военные маневры вблизи границы. Мероприятия, обеспечивающие боеготовность, были осуществлены также в Ленинградском и Калининском военных округах. В целом осенью 1938 г. в состоянии боевой готовности было приведено 60 стрелковых, 16 кавалерийских и 24 танковых дивизии, 3 мотострелковых бригады и большое количество авиации. Нет необходимости подчеркивать, каких материальных жертв стоили советскому народу эти военные приготовления, осуществленные для оказания поддержки находившейся в опасности Чехословакии. Состояние боевой готовности было отменено лишь 27 октября 1938 г.²⁵

Сторонники политики «умпротворения» добивались от Гитлера соблюдения определенных внешних форм, чтобы примирить общественное мнение на Западе с тем, что Чехословакия приносится в жертву. Одна из британских политических группировок полагала, что Гитлер вел бы себя более корректно, если бы он видел противостоящую ему силу. 26 сентября У. Черчилль сделал публичное заявление, что правительствам Англии, Франции и СССР следовало бы сообща послать Германии ноту, в которой предупредить, что если она нападет на Чехословакию, то они выступят на стороне последней. В тот же день К. Эттли направил Н. Чемберлену письмо, в котором высказывал мнение, что Чехословакия должна отвергнуть годесбергский меморандум. Он напомнил, что Исполком лейбористской партии еще 8 сентября принял резолюцию с требованием, чтобы Англия вместе с Францией и СССР предостерегла Германию от совершения нападения на Чехословакию²⁶. У. Черчилль в своих воспоминаниях рассказывает, что 26 сентября в 15 часов 30 минут он был принят Н. Чемберленом и Э. Галифаксом и убеждал их в том, что только совместное заявление Англии, Франции и СССР может еще спасти мир. Они сообща составили такое заявление, и вечером в 20 часов Э. Галифакс утвердил его текст²⁷. Характерно, что официальная га-

веста «Таймс» в тот же день опубликовала сообщение о готовности на советских западных границах мощной советской армии и 3000 самолетов. Это было серьезное предупреждение для Польши и, естественно, для немцев²⁸. В тот же день было опубликовано заявление Форин оффис. В нем говорилось: «Если, несмотря на все усилия британского премьер-министра, Германия совершит нападение на Чехословакию, то Франция обязана будет немедленно прийти ей на помощь, а Великобритания и Россия, безусловно, поддержат Францию»²⁹.

Это заявление было типичным для британской внешней политики. Намеренно сохранялась неизвестность, кто же является его автором. У. Черчилль утверждал, что автор текста — Э. Галифакс; иные полагали, что заявление составлено Р. Липером, начальником отдела информации Форин оффис, и что Э. Галифакс только одобрил публикацию этого заявления³⁰. Неопределенность в этом вопросе была совершенно преднамеренной. Преследовалась цель принудить Германию пойти на уступки, сохраняя в то же время возможность в любое время заявить, что этот документ появился на свет из-за какой-то служебной ошибки и, следовательно, не выражает мнения британского правительства.

Гораздо более важным было то, что это заявление предварительно не консультировалось с правительством СССР. М. М. Литвинов посчитал поэтому, что заявление о совместных действиях с СССР было сделано только для того, чтобы оказать давление на Гитлера; при этом у британского правительства не было никакого намерения действительно выступить совместно с СССР против Германии. К тому же М. М. Литвинов не согласился бы с утверждением, будто Н. Чемберлен заботится о мире. Он не мог бы поставить свою подпись под заявлением, которое, собственно говоря, должно было принудить Гитлера признать полезность политики Н. Чемберлена для Германии и примкнуть к политическому курсу «умиротворения»³¹. На заседаниях британского кабинета 25—26 сентября несколько раз высказывалось предложение вовлечь Советский Союз в политику «умиротворения», например включив его в число возможных гарантов урезанной Чехословакии, вынудив его согласие по примеру Франции отказаться от союза с Чехословакией. Эти маневры должны были ввести в заблуждение британскую общественность, которая спрашивала, почему правительство уступает требованиям нацистов и отказывается от сотрудничества с СССР. Кабинет Н. Чемберлена все время ссылаясь на англо-французский план 19 сентября, сутью которого являлось расчленение Чехословакии. Заявление Форин оффис 26 сентября преследовало все ту же цель — заставить Гитлера принять чемберленовскую политическую линию. Однако Советский Союз

не имел с этими планами ничего общего. Это публичное заявление вопреки желанию его авторов только еще раз напомнило английской общественности, какое значение для защиты европейского мира имели бы совместные с СССР действия. Естественно, что это не понравилось Н. Чемберлену, и он потребовал от своих министров опровержения заявления Форин оффис. С. Хор был уполномочен поддерживать ежедневную связь с английской прессой. Ничего подобного больше уже не должно было повториться, если хотели, чтобы соглашение с Гитлером было достигнуто ³².

Заявление о совместной политике с СССР не соответствовало и планам клики Боннэ в Париже. Ведь Ж. Боннэ обосновывал свою капитулянтскую политику утверждениями, что Франция слаба и без поддержки Англии не сможет устоять перед Германией. Долгое время он доказывал, что СССР не хочет и даже не может выполнить свои договорные обязательства. И вдруг британский Форин оффис делает заявление, согласно которому совместные действия Франции, Англии и СССР могут быть немедленно осуществлены, если Германия развяжет войну. Это было ударом по лживой аргументации Ж. Боннэ. Поэтому он потребовал от Э. Фишера разъяснений. Ж. Боннэ было сказано, что публикация заявления — это якобы результат махинаций У. Черчилля и Р. Ванситтарта, но вообще это был лишь тактический маневр и обо всем деле можно уже забыть. Политический курс британского правительства остается неизменным. Ж. Боннэ попытался всеми силами извратить и дискредитировать все дело. Французская правая печать с готовностью взяла на себя эту грязную работу ³³.

Чтобы парализовать маневры Ж. Боннэ и не дать ему возможности беспрепятственно распространять ложь и клевету о позиции Советского Союза, французскому агентству Гавас были даны материалы и 27 сентября оно опубликовало сообщение из Москвы о том, что осуществлена подготовка к мобилизации среди гражданского населения и что Генеральный штаб Красной Армии готов к переговорам с Францией и Англией: «У Советского правительства нет тайных намерений, и оно полно решимости выполнить все свои обязательства и оказать Чехословакии помощь всеми своими силами. Здесь считают, что сегодня есть все условия для совместного соглашения и установления тесного сотрудничества между Францией, Великобританией и Советским Союзом. Советское правительство готово начать переговоры в этом направлении» ³⁴.

Однако британские реакционеры упрямо придерживались своего прежнего политического курса. Н. Чемберлен преуменьшал значение заявления М. М. Литвинова о помощи Чехословакии и особенно указывал на то, что Чехословакия сама не проявила заинтересованности в этой помощи ³⁵. Э. Бенеш не

принял рекомендацию М. М. Литвинова обратиться в Женеву с жалобой на германскую агрессию. И хотя в Женеве в это время проходили заседания ассамблеи Лиги наций, чехословацкого вопроса в повестке дня заседаний не было. Это является потрясающим свидетельством того, насколько Лига наций была далека от реальных международных проблем. Британская делегация заботливо старалась, чтобы из повестки дня заседаний ассамблеи были устранены все жгучие вопросы. В кулуарах ассамблеи на фоне чехословацкого кризиса образовались три лагеря. В первую группу, возглавляемую Польшей, входили страны, поддерживавшие агрессоров. Вторую, весьма многочисленную группу составляли малые государства, которые хотя втайне и симпатизировали Чехословакии, но боялись Германии и западных держав. Именно за счет малых государств Франция и Англия и хотели откупиться от Германии. В третьей группе были государства, открыто выступавшие против агрессии: Советский Союз, Китай, Испания, Мексика и Новая Зеландия³⁶. Эти государства голосовали против британского предложения об изменении статьи 16 Устава, возлагавшей на государства — члены Лиги наций обязанность оказывать помощь жертвам неспровоцированной агрессии.

Британская политика антикоммунизма и антисоветизма имела влияние и на Прагу. Если Э. Бенеш после Годесберга и предпринял некоторые несмелые и половинчатые шаги, которые в случае войны должны были обеспечить ему советскую помощь, то все это хранилось в глубокой тайне. Э. Бенеш боялся политической изоляции от Запада и не переставал заверять, что он не проводит никакой совместной с СССР политики. Лишь после того, как в 1939 г. были начаты переговоры о новой коалиции против Германии, Э. Бенеш кое-что рассказал о своих контактах с СССР. Эрика Манн тогда написала следующее: «Мне стало известно, что доктор Бенеш через чехословацкую военную миссию установил, что Россия была великолепно подготовлена. Мне также стало известно, что Россия была готова оказать Чехословакии помощь независимо от того, сделает ли это Франция». О боеготовности СССР Э. Манн приводит такое высказывание Э. Бенеша: «Россия была верна нам до последнего мгновения; я знал это. Незадолго до мюнхенской конференции я послал в Россию военную миссию; она возвратилась с самыми радужными сообщениями о боевом духе и боеготовности русских. Данные о воздушных, морских и наземных силах были абсолютно удовлетворительные»³⁷.

Это заявление Э. Бенеша о готовности Советского Союза, разумеется, ничего не меняет в принципиальной оценке его внешнеполитического курса. Но оно опровергает ложь, распространяемую адвокатами политики «умиротворения», которые обвиняют Советский Союз в том, что он будто бы ничего

не сделал для защиты Чехословакии, а ограничился только политическими заявлениями. Военные мероприятия, проведенные в СССР, разоблачают этих фальсификаторов истории. Когда в последние дни сентября Гитлер усилил свой нажим на Чехословакию и даже назначил на 28 сентября свое нападение на нее, советское военное командование провело дополнительные мероприятия. В состояние боевой готовности было приведено еще 17 стрелковых дивизий, 22 танковых и 3 мотострелковых бригады³⁸.

Наконец, следует еще раз подчеркнуть мысль, на которую советская внешняя политика обращала особое внимание: если Германии будет противостоять общий фронт трех великих держав, к нему сразу же присоединится большинство государств Европы, заинтересованных в сохранении мира. И Гитлер не решится развязать войну. Следствием этого было бы политическое поражение Гитлера, которое нацистский режим едва ли выдержал бы. А поэтому во имя антикоммунизма гитлеровский режим должен был быть спасен. Принесение Чехословакии в жертву казалось в Париже и Лондоне вполне приемлемой ценой.

XIV. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

(25—26 сентября)

Н. Чемберлену не удалось сразу заставить английское правительство принять годесбергский ультиматум, и в Лондон были приглашены французские министры. Британский премьер сделал попытку повторить старую игру. Если ему удастся склонить Э. Даладье к новой капитуляции перед Гитлером, то он сможет заявить английскому правительству, что Англии не остается ничего другого, как идти в ногу с Францией. То же самое скажет и Э. Даладье своим министрам в Париже: Франция должна идти в ногу с Англией. Важно было, как в этой ситуации поведет себя Прага. Хотя ее слово и не было решающим, но оно не было лишено своего значения. Однако Н. Чемберлен не без умысла посоветовал Праге не спешить с ответом, и Прага, к сожалению, послушалась этого вероломного внушения. Она молчала достаточно долго, чем позволила Н. Чемберлену выиграть свой новый раунд. А после этого мнение чехословацкого правительства можно было уже не принимать во внимание. Концепция Э. Бенеша, основанная на политической пассивности, потерпела свое крупнейшее поражение.

Как же в этой ситуации вела себя Германия? После Берхтесгадена германская пресса открыто писала о программе так называемого тотального решения, то есть о полном уничтожении чехословацкого государства. Преждевременное раскрытие Германией своих конечных целей вызвало повсюду на Западе сомнения в правильности политики «умиротворения». Теперь германская пресса получила указание писать, что Годесберг — это великая победа Гитлера. Н. Чемберлен, дескать, намеревался обсудить в первую очередь основные проблемы англо-германского примирения и лишь после этого собирался решать чешский вопрос. Иными словами, Н. Чемберлен был готов заключить сделку только после того, как Гитлер компенсирует выдачу Чехословакии. Гитлер будто бы отклонился от этого плана, что и вызвало временное недоразумение. Однако, с другой стороны, была достигнута принципиальная договоренность, несогласованными остались лишь второстепенные, процедурные вопросы. Германская пресса получила директивы поддерживать Н. Чемберлена и клеймить позором Чехословакию как нарушителя мира. Лозунг гласил: «С Чемберленом к миру, со Сталиным к войне»¹. Меморандум Гитлера следовало трактовать как реализацию берхтесгаденского соглашения. Если Прага отвергнет этот меморандум, тогда станет очевидным, что

и ее согласие на англо-французские предложения не было искренним. В директиве говорилось: особенно необходимо подчеркивать, что меморандум Гитлера является его последним словом. После всего этого ответственность за войну, если она возникнет, падает на Чехословакию. В случае, если Прага потребует, чтобы предварительно были даны гарантии новых границ, Германия откажется вести об этом переговоры, пока не будут удовлетворены претензии Польши и Венгрии². Эти установки германской пропаганды удивительным образом совпадали с аргументацией правой печати Запада, утверждавшей, что в Годесберге Гитлер, в сущности, не потребовал ничего нового, он добивался лишь, чтобы Прага выполнила обещания, данные 21 сентября. Становилось очевидным, сколь тяжелой и просто роковой ошибкой было принятие капитуляции 21 сентября, а также то, что новое правительство Сыровы не сумело от этих обещаний отказаться. Германская дипломатия предприняла попытку морально изолировать Чехословакию, утверждая, что Прага провела мобилизацию вопреки желанию Англии. Н. Гендерсон дал И. Риббентропу такую информацию об обстоятельствах объявления чехословацкой мобилизации, которая облегчала нацистам этот маневр³. И. Риббентроп говорил всем, что Н. Чемберлен в Годесберге взял на себя обязательство позаботиться о реализации меморандума Гитлера. Однако, принимая во внимание общественное мнение, об этом нельзя было сказать публично, и коммунике поэтому, утверждал И. Риббентроп, ограничилось фразой: «Чемберлен передаст меморандум чешскому правительству»⁴. Вся деятельность английского посла в Берлине свидетельствовала о том, что это утверждение И. Риббентропа являлось, по сути, достоверным. Английский посол требовал непрерывного нажима Лондона на Прагу, чтобы заставить ее принять меморандум и направить своего уполномоченного в Германию для ведения переговоров. В Англии нарастает оппозиция и возникает угроза свержения правительства Чемберлена, делился Н. Гендерсон своими опасениями с американским послом Х. Вильсоном. Он настоятельно просил, чтобы Ф. Рузвельт поддержал Н. Чемберлена. По его мнению, годесбергский меморандум является не чем иным, как программой осуществления англо-французских «предложений». Вопрос состоит только в методе осуществления уступки той территории, которую чешское правительство в принципе согласилось отдать⁵. То, что английское правительство открестилось от чехословацкой мобилизации, хотя оно само согласилось с ней накануне, еще раз доказывает макнавеллизм английской дипломатии.

Пока германская пропаганда подчеркивала, что мир в Европе зависит от договоренности между Гитлером и Чемберленом,

командованию германской армии было указано, что военных действий не будет до 30 сентября⁶. Личная канцелярия Гитлера заботилась о техническом оснащении его эскорта на случай войны, причем в расчет принималась даже возможность применения в предстоящей войне боевых газов⁷. В Словакии германский консул Друффель вел переговоры с авантюристическими элементами из партии Глинки, пытаясь склонить их к поддержке идеи словацкого государства под протекторатом Германии⁸. Все это свидетельствовало, что Гитлер не отказывается от так называемого тотального решения, то есть расчленения чехословацкого государства. Если, согласно этому плану, чешские земли включались в состав третьего рейха, то Словакии была уготована судьба вассального государства под контролем Германии. План Чемберлена давал так называемое частичное, или временное, решение, то есть оккупацию пограничных областей, за которой, однако, через некоторое время все равно последовало бы так называемое тотальное решение.

Ян Масарик в Лондоне знал уже давно: дело плохо, если Н. Чемберлен выступает адвокатом Гитлера. В 8 часов 37 минут он позвонил Э. Бенешу⁹:

М а с а р и к: После обеда я встречу с важными лицами. Что я могу им сказать? Положение комичное. Я говорил с Галпфаксом. Действительно, консервативная партия предпринимает новую попытку, и мы должны ее сорвать в самом начале. Когда сюда придет Даладье, я скажу ему, что у меня есть для него ваше сообщение. Я скажу ему, что мы проявили достаточно доброй воли, приняли предложения и тем самым предотвратили войну. Еще позавчера к нам обращались, чтобы мы помогли Чемберлену, а он взамен преподносит этот документ. Я скажу ему, что мы не можем это принять.

Б е н е ш: Да, по телеграфу я сообщу еще подробности.

М а с а р и к: Вы видели карту? Это то самое, что они хотели...

Б е н е ш: Это значительно больше. Они хотят от нас, чтобы мы немедленно передали все государство в руки Гитлера.

М а с а р и к: Им нужно ваше согласие. После обеда я пригласю всех редакторов и скажу им: вот что мы получили, возьмите это. Все газеты утверждают, что это абсолютно невозможно.

Б е н е ш: И не только это; покажите на карте, как можно уничтожить целое государство. На словах они требуют проведения плебисцита. Острава и Пльзень будут отрезаны. В Моравии остается только коридор в 60 километров. Это просто-напросто неприемлемо.

М а с а р и к: Эти прохвосты не дали мне карту. Я скажу, что мы не можем это принять.

Бенеш: Главное, чтобы от нас не требовали эвакуации и вывода войск. Мы не можем отступить от тех максимальных уступок, на которые мы согласились: то есть комиссия, гарантии и т. д.

Масарик: В соответствии с англо-французским планом.

Бенеш: Спокойно, по-деловому».

Этот разговор показывает, что и Э. Бенеш и Я. Масарик понимали: надвигается новая катастрофа.

В воскресенье утром Э. Бенеш принял французского посланника. У В. де Лакруа сложилось впечатление, что меморандум Гитлера вывел Э. Бенеша из себя и что национальное унижение может сильно сказаться на дальнейших действиях чехословацкого правительства. Э. Бенеш, как он дал понять, желал вести переговоры об условиях передачи пограничных районов не с германским правительством, а лишь при посредстве предполагаемой международной комиссии. Чехословацкое правительство для поддержания порядка в пограничных районах было готово допустить в страну международные силы, состоящие лучше всего из скандинавов (но ни в коем случае не из датчан, ибо у Дании есть свои собственные нерешенные проблемы национальных меньшинств). Из беседы вытекало, что новое правительство сохраняет верность обязательствам, данным правительством Годжи относительно «предложений»¹⁰.

Итак, Э. Бенеш решил возражать против годесбергского ультиматума, ссылаясь на то, что его правительство дало согласие на англо-французский план, а меморандум Гитлера выходит за его рамки. Это был сомнительный способ защиты. Сомнительный, ибо Гитлер и Н. Чемберлен теперь единодушно утверждали, что речь, собственно говоря, идет только о выполнении того, с чем чехи сами согласились.

Вопрос о политической тактике после годесбергского ультиматума 25 сентября обсуждался на заседании Политического комитета чехословацкого правительства¹¹. На этом заседании Э. Бенеш сообщил, что получил от Э. Даладье предостережение не предпринимать ничего, что могло бы создать впечатление, будто Чехословакия хочет воевать за то, что она уже пообещала уступить. Э. Даладье предупреждал, чтобы она не требовала назад то, от чего уже отказалась, не следует также снова вводить войска в оставленные пограничные районы. На Западе, предупреждал Э. Даладье, готовится кампания, которая ставит целью обвинить Чехословакию в том, что она увиливает от своего первоначального согласия с англо-французскими «предложениями». В Англии ожидают, что Гитлер нападет на Чехословакию еще до 1 октября, и Э. Даладье рекомендует защищаться в укреплениях. Э. Бенеш, как он сказал, уже информировал Францию о том, что чехословац-

кое правительство подтверждает свое согласие с англо-французскими «предложениями». Однако укрепления будут оставлены не раньше, чем международная комиссия окончательно определит новые границы. Что касается Польши, следовало сделать великодушный жест и предложить исправление границ и тем самым обеспечить себе спокойный тыл. Н. Чемберлен хотел бы обсудить это с чехословацким представителем, и Прага дала согласие. Было сказано, что новое правительство выполнит слово, данное своим предшественником.

Эти же идеи Бенеша содержит и телеграмма, в тот же день посланная в Париж. Согласие на англо-французский план, указывалось в телеграмме, остается в силе, поэтому чехословацкое правительство не эвакуирует пограничные районы и укрепленную зону до тех пор, пока международная комиссия не определит новые границы и пока не будут обеспечены гарантии. Если Э. Даладье признает эти условия, Э. Бенеш ручается за то, что согласие правительства Годжи на англо-французский план остается в силе. В этой телеграмме, кроме всего прочего, говорилось так: «Мы хотим помочь британскому и французскому правительствам, а особенно Даладье, тем, что ни в чем не нарушим англо-французских предложений и выполним их полностью...»¹² Это была в высшей степени неудачная тактика. Сторонники политики «умиротворения» поэтому могли утверждать, что спорным остается, собственно говоря, только вопрос о процедуре, о реализации того, на что сами чехи дали согласие. Э. Бенеш неправильно рассчитывал, что Гитлер ввяжется в войну и согласие на англо-французский план отпадет само собой. От другой возможности: Гитлер войну не начнет, а станет действовать в согласии с заверениями Н. Чемберлена, что Германия может получить все без войны,— Э. Бенеш не застраховал себя. В этом случае согласие Э. Бенеша с англо-французскими «предложениями» означало бы согласие с уничтожением Чехословацкой республики. Сомнений в этом больше не оставалось, после того как новое правительство генерала Сыровы сообщило по Пражскому радио, что оно принимает на себя все обязательства правительства Годжи¹³. Такие действия вызвали возмущение тех политических деятелей на Западе, которые еще защищали Чехословакию. Например, Ж. Мандель негодуяще заявил Э. Бенешу: «Мы не можем более энергично защищать Чехословакию, чем вы сами»¹⁴. Немецкое посольство в Праге сообщило в Берлин, что чехословацкое правительство согласно с передачей пограничных районов Германии и многое облегчилось бы, если бы им гарантировали национальное существование и посулили установить приемлемые новые границы¹⁵. Контакты с германским посольством поддерживал посланник Крно (видимо, с ведома Э. Бенеша, заинтересованного, чтобы

п Германия была осведомлена о позиции чехословацкого правительства и воздержалась бы от насильственных действий против Чехословакии).

В тот же день Э. Бенеш предпринял попытку получить политическую поддержку президента Ф. Рузвельта и обратился к нему с просьбой повлиять на Англию и Францию, чтобы они не покидали Чехословакию и не павязывали ей меморандума Гитлера¹⁶. Однако от Ф. Рузвельта, как мы увидим, последовали ответные действия, которые лишили Чехословакию последних надежд на помощь США.

Правительственная печать и радио Чехословакии продолжали вести пропаганду в прежнем духе ничем не оправданного оптимизма. Они пробуждали надежды, что будто в мире происходит поворот в пользу Чехословакии. В результате чехословацкая общественность оказалась совсем неподготовленной, когда пробил роковой час.

Подлинное содержание годесбергского меморандума тщательно скрывали от французской и английской общественности, так как оба правительства хорошо помнили отрицательную реакцию на англо-французский план. Лишь один Я. Масарик ознакомил прессу с ультиматумом Гитлера. Это произвело ошеломляющее впечатление, и никто не посмел выступить в поддержку меморандума. Даже «Таймс» призвала отвергнуть этот гнусный документ¹⁷. Нет нужды подчеркивать, что публикация этого компрометирующего ультиматума была встречена правительством Черберлена без всякого восторга.

Тем временем французская делегация готовилась к визиту в Лондон. В течение всего 1938 г. важную роль в развитии англо-французских отношений играл вопрос, на каких условиях Англия готова оказать помощь Франции в случае войны. Эти условия были сформулированы в особом послании Э. Галлфакса, которое Э. Фишс передал Ж. Бонна. В нем говорилось: «Англия будет добросовестно прилагать все усилия к тому, чтобы судетский вопрос был решен мирным путем. Но если бы этого не удалось добиться, то английское правительство не хочет, чтобы между Англией и Францией возникло непонимание. Английское правительство считает своим долгом сообщить правительству Франции, что Англия брала на себя обязательство оказать помощь Франции только в том случае, если на нее было бы совершено неспровоцированное нападение. Но у Англии нет обязательств оказывать помощь Франции, если она выступит на помощь Чехословакии. Английское правительство обращает внимание правительства Франции: нынешнее состояние вооружений Франции и Англии таково, что даже при получении помощи со стороны России исход войны был бы катастрофическим. Поэтому если

бы между Германией и Чехословакией произошел конфликт, то последняя была бы оккупирована раньше, чем кто-либо смог бы прийти ей на помощь, а в таком случае суверенитет Чехословацкой республики мог бы быть восстановлен только в результате мировой войны. Мировая же война связана с такой ответственностью, что, хотя Англии хорошо известны обязательства Франции по отношению к Чехословакии, она должна просить Францию дать обещание ничего не предпринимать без предварительной договоренности с Англией». Э. Фишс устно добавил, что эта просьба касается проведения во Франции как всеобщей, так и частичной мобилизации¹⁸. О послании Э. Галифакса было известно и Праге. Это значило, что без предварительного согласия британского правительства на французскую помощь Чехословакии рассчитывать не приходится. В сентябре англичане не раз напоминали Парижу об этом обязательстве.

Все имеющиеся в распоряжении сведения о заседании французского правительства перед отъездом в Лондон однозначно свидетельствуют: хотя правительство и отвергло меморандум Гитлера как неприемлемый, однако оно продолжало придерживаться первоначального англо-французского плана. Особенно при этом подчеркивалась необходимость создания международной комиссии, которая предварительно обозначила бы новые границы. Разумеется, в этом усматривалась лишь предпосылка для достижения компромисса с Гитлером. Ж. Боннэ подчеркивал, что меморандум Гитлера является только лишь вариантом осуществления англо-французского плана. В приглашении посетить Лондон Ж. Боннэ видел предзнаменование, что путь к компромиссу с Гитлером остается открытым и что Англия не будет воевать за Чехословакию¹⁹. Здесь в полной мере появились весьма опасные последствия капитуляции правительства Годжи 21 сентября, ставшей инструментом давления в руках проводников политики «умиротворения».

Заседание французского кабинета было трудным: вновь обсуждался вопрос об оказании нажима на чехословацкое правительство; снова Ж. Боннэ защищался утверждением, что нажим на Прагу был пропущен по заказу чехословацкого правительства. Он угрожал своей отставкой. Это послужило поводом для слухов, что правительство Даладье падет и что новый кабинет министров будет более сильным, так как в него войдет несколько генералов. Э. Бенеш не преминул огласить эти слухи на заседании Политического комитета, который собрался в 13 часов; слухи якобы подкреплялись тем фактом, что отъезд французских министров в Лондон был отложен на вечер. Э. Бенеш от себя добавил: «Эти встречи вызывают страх»²⁰. Вечером, комментируя отъезд французской делегации

в Лондон, он отметил, что Э. Даладьё будет твердо придерживаться принципа, что дальше уступать уже нельзя.

Положение в самой Англии утром 25 сентября было весьма противоречивым. Общественное мнение решительно настроилось против меморандума Гитлера, а также и против первоначального англо-французского плана, в котором оно видело угрозу жизненным интересам самой Великобритании. На Н. Чемберлена, однако, оказывали давление некоторые консервативные и либеральные политики, например С. Болдуин и Д. Ллойд Джордж, требовавшие избежать войны хотя бы даже ценой глубочайшего унижения. В Англии распространялся тезис германской пропаганды, что в Годесберге была достигнута принципиальная договоренность и что Н. Чемберлен взял перед Гитлером моральное обязательство принудить Прагу принять меморандум²¹. В течение 25 сентября Н. Чемберлен провел три заседания правительства и одно совещание с французскими министрами. Дж. Кеннеди сообщал в Вашингтон, что грозят отставкой семь министров британского кабинета²². Н. Чемберлен хорошо понимал, что в его руках находится решение вопроса о чехословацких союзнических договорах. И он использовал это, чтобы добиться изоляции Чехословакии. Он делал вид, будто не понимает, что это государство является последним бастионом, где можно защитить Европу, и изображал его какой-то малозначительной страной. Он обманывал себя и свое окружение, утверждая, что партия Генлейна не «пятая колонна», а законный выразитель интересов недовольного национального меньшинства, что Гитлер не стремится к господству в Европе, а добивается только самоопределения для несчастных судетских немцев. Он делал вид, что всякое соглашение с Гитлером является успехом, ибо нацистский режим следовало спасти любой ценой.

Первое заседание правительства состоялось 25 сентября в 10 часов 30 минут²³. Э. Галифакс выразил надежду, что Прага даст свой ответ Лондону, а не прямо Гитлеру. Н. Чемберлен напомнил об обещании английских гарантий. Хотя Гитлер не принял англо-французского плана от 19 сентября, однако пока, считал он, нет оснований что-либо в нем изменять.

Главный лорд адмиралтейства А. Дафф Купер заметил: «Составной частью нашего плана было заключение пакта о ненападении с Германией, но он не обеспечен. Дадим ли мы гарантии Чехословакии раньше, чем она удовлетворит требования Польши и Венгрии?»

Министр иностранных дел Э. Галифакс: «Пока вопрос еще не решен, было бы опасно давать гарантии Чехословакии. Однако готовы ли мы оказать помощь, если бы Гитлер оккупировал всю Чехословакию? Тут есть определенное моральное

обязательство по отношению к стране, которая приняла наш план».

Министр финансов Дж. Саймон: «Ряд нынешних трудностей вызывается тем, что решение было принято без указания определенных сроков, которые не были твердо и ясно установлены».

Министр внутренних дел С. Хор: «На прошлой неделе мы приняли решение о передаче территории с условием, что оно будет реализовано под международным контролем. В том случае, если бы мы были готовы дать Чехословакии окончательные гарантии, было бы страшной ответственностью советовать ей принять условия Гитлера».

Министр торговли О. Стэнли: «Надо решить вопрос, должны ли мы советовать Чехословакии принять или отвергнуть требования Гитлера. Тогда отпадут остальные вопросы».

Г а л л и ф а к с: «В течение последнего дня мнения по этим вопросам менялись. Вчера многое мне казалось почти ясным. Что другое оставалось Чехословакии, кроме как принять ультиматум Гитлера? Альтернативой была только война, которая привела бы к разорению страны, страданиям, потерям человеческих жизней. Вчера я полагал, что различия между планом от 19 сентября и нынешним проектом Гитлера несущественны. Сегодня я в нерешительности, не означает ли этот проект сумбурную передачу со всеми вытекающими последствиями для национальных меньшинств. У меня сложилось впечатление, что Гитлер ни в чем не уступил, ничего нам не предложил, он только диктует свои условия, как если бы выиграл войну, которой в действительности не было. Я ощущаю неуверенность, когда речь идет об определении конечных целей, преследуемых Германией. Мир с нацизмом будет непрочным. Поэтому я полагаю, что было бы неправильным осуществлять нажим на Чехословакию и заставить ее принять ультиматум. Поставим этот вопрос перед Прагой. Если Чехословакия откажется, то, вероятно, будет война. Франция присоединится, а Англия ей поможет. Я не предлагаю сейчас принять это как окончательное решение, но мои размышления в течение последней ночи привели меня к выводу, что меморандум принципиально отличается от нашего плана и, стало быть, было бы очень трудно снова осуществлять какой-либо нажим на Чехословакию. Гитлер ведь заявил, что он получил власть с помощью слов, а не пушек. Уверены ли мы, что как раз и в данной ситуации он не получил преимущества только с помощью слов и что если бы Германия была вынуждена воевать, то результатом войны было бы свержение нацистского режима? Я весьма тесно сотрудничал с Чемберленом в течение всего кризиса, но я не уверен, что мы с ним всегда мыслили

в унисон. Считаю себя обязанным изложить кабинету свои мысли и колебания».

Лорд — председатель Совета Хэйлшем, напомнив о ряде обещаний, данных Гитлером в 1936—1938 гг., а затем нарушенных им, заявил, что он не верит его заверениям. Если Франция вступит в войну, то Англия должна будет ей помочь. Нельзя оказывать никакого нажима на Чехословакию.

В дискуссию вступил министр образования Дж.-Р. Стэнхоп: «Если Чехословакия станет воевать, она быстро будет разгромлена. Но даже если бы мы нанесли Германии поражение, мы не могли бы восстановить Чехословакию в ее сегодняшнем виде. Поэтому мы должны дать Чехословакии совет принять условия Гитлера».

Лорд-канцлер Ф.-Г. Моэм: «Если Чехословакия попросит нашего совета, мы должны сказать ей: союзники не могут предотвратить ее поражения. Французская авиация в плачевном состоянии. Италия и Япония выступают против нас. Франция, понеся большие потери, капитулирует. Чехословакия исчезнет с карты мира. Мы потерпим финансовый крах. Поэтому следует дать Чехословакии совет принять условия Гитлера».

Э. Уинтертон, заместитель министра внутренних дел и канцлер герцогства Ланкастер, заметил: «Кабинет не может рекомендовать принять требования Гитлера. Это ультиматум. Парламент не одобрил бы этого. Нашему престижу будет нанесен такой удар, что правительство вынуждено будет подать в отставку».

Министр координации обороны Т. Инскип: «Правительство должно рассуждать, исходя из сути дела, а не из ситуации в парламенте. Трудно сказать, что произойдет в парламенте. Я не думаю, что нам следовало бы оказывать нажим на Чехословакию, угрожая ей, что мы ее не поддержим. Однако является фактом, что Франция в этой войне будет неэффективным союзником. И хотя я верю в конечную победу, но она сопряжена с разрушениями для той и другой стороны. У нас нет моральной обязанности призывать Чехословакию к борьбе. Мы не симпатизируем последним проектам, но мы должны смотреть прямо в лицо грубой действительности. Война не в наших интересах. Хотя мы не можем призывать Чехословакию принять требования Гитлера, однако мы должны представить ей факты и разъяснить: если Чехословакия откажется принять меморандум, то нет средств сохранить ее неприкосновенность. Мы не можем ждать, чтобы Франция пришла на помощь Чехословакии. Западная граница Германии имеет только слабое военное прикрытие. Следует уяснить намерения французов».

Министр военной авиации К. Вуд: «Мы не можем принять здесь окончательное решение, пока Чемберлен не проведет переговоров с французами. За последние несколько недель мы

не раз пмели сведения, что они, по-видимому, колеблются вступать в войну. Линдберг дал высокую оценку германской авпаии. Наши союзники в неуверенности и колебаниях. Я думаю, что условия Гитлера следовало бы принять. Мы должны представить Чехословакии факты, как правильно сказал Инскип. Окончательное решение надо отложить и принять его после визита французозв».

Г а л и ф а к с: «Я как раз получил письмо Масарика. Он просит английскую и французскую делегации принять его. У него есть для них неотложное послание чехословацкого правительства».

Д а ф ф К у п е р: «Чехословакия будет спрашивать, получит ли она нашу помощь, если отвергнет ультиматум. Поэтому еще до полудня кабинет должен решить, какой дать ответ. Линдберг — поклонник нацизма. Следует учесть и мнение парламента. Если условия Гитлера были бы сейчас опубликованы, то это вызвало бы взрыв возмущения. Сегодншняя информация была намеренно приукрашена. Возмущение общественности могло бы привести к поражению правительства в парламенте. Нельзя просить Ньютона, чтобы после сильного и крайнего нажима на прошлой неделе он оказал новое давление с целью принятия условий Гитлера. Я опасаюсь, что французское правительство попытается так же, как это было на прошлой неделе, взвалить на нас всю ответственность. Нам следовало бы сказать чехословацкому правительству: мы считаем условия Гитлера неприемлемыми, и, если Чехословакия отклонит этот ультиматум, мы ее поддержим; мы надеемся, что Франция сделает то же самое. На чаше весов — будущее Европы, будущее страны и демократии».

Стэнли: «Перед отъездом Чемберлена в Годесберг я подчеркнул два условия: 1) должны быть установлены точные сроки проведения передач; 2) германская армия не смеет переходить границу до тех пор, пока не будет проведено разграничение территории. Ни одно из этих условий не учтено в меморандуме. Война, несомненно, ужасна, но она будет не менее ужасной и в том случае, если ныне мы уступим, ибо она все равно станет неизбежной. Ныне Германия еще не подготовлена к ведению длительной войны. Но если мы будем выжидать, она расширит и укрепит свое влияние в Юго-Восточной Европе. Все-таки нам не к лицу роль почтового ведомства. Если мы полагаем, что условия Гитлера хороши, то осуществим нажим на Чехословакию. Но если они плохи — а это можно сказать с уверенностью, — то очевидно, что мы будем воевать вместе с Францией».

Министр по делам доминионов М. Макдональд: «Опубликование условий Гитлера вызвало бы, вероятно, возмущение общественности. Необходимо решить вопрос по существу.

Губернаторы доминионов полагают, что если неделю назад мы приняли принцип уступки, то теперь пришло время решить вопрос о методе реализации. Ведь не начнем же мы войну из-за метода. Я советую принять условия, но не идти ни на какие новые уступки и предоставить Чехословакии гарантии. Хотя и нельзя осуществлять нажим на Чехословакию, но, если Прага отвергнет ультиматум Гитлера, тогда наше положение окажется таким, как его изобразил премьер в своей парламентской речи 24 марта».

Лорд — хранитель печати Де ла Уарр: «Требования Гитлера стали ультимативными. Если бы Германия продвинулась за черту укреплений, то давать гарантии было бы рискованно. Ведь сейчас немцы не могут оккупировать те области, где позже должен состояться плебисцит. Был отброшен принцип упорядоченной передачи. Гитлеру нельзя доверять. Позже он потребовал бы еще больше. Я опасаясь, что мы упускаем нравственную основу всего дела. В результате мы можем потерять симпатии всего мира и утратить собственную моральную убежденность. Нельзя требовать от Чехословакии, чтобы она приняла эти условия. Мы не можем прятаться за спину Франции, а Франция в свою очередь за нас. Нам следовало бы сказать Франции, что если она вступит в войну, то мы пойдем вместе с ней. Если бы Франция не решилась действовать, тогда возникла бы новая ситуация».

Министр по делам Индии Маргесс оф Зетланд: «Мы должны предъявить Чехословакии очевидные факты. Гитлер не блефует, он готов вовлечь мир в войну. Наше слабое место — Ближний Восток. Общественность, которая сейчас на нас нападает и требует твердой позиции по отношению к Германии, существенно изменилась бы за месяц настоящей войны. Галифакс сказал, что он не уверен в сохранении мира, пока в Германии будет нацизм. Но в Германии может возникнуть нечто еще более худшее, чем нацизм. Поэтому мы должны любой ценой предотвратить войну! Мы не имеем права оказывать нажим на Чехословакию, но мы должны разъяснить ей очевидные факты».

Саймон: «Должен сказать, что Чехословакию нельзя спасти ни теперь, ни позже. Имеется ли здесь какой-либо средний путь? Если Чехословакия отклонит ультиматум Гитлера, она перестанет существовать. А если она отклонит, то должны ли мы сразу же вступать в войну с Германией? Ведь не можем же мы связывать свое вступление в войну с тем или иным решением чехословацкого правительства. Оно могло бы решиться даже на отчаянные шаги, которые, однако, не оправдывали бы наше участие в войне. Мы не можем допустить такого положения, когда за Чехословакией оставалось бы последнее слово по вопросу, быть ли нашей стране вовле-

чепной в войну. Итак, какую позицию нам следует занять в отношении Чехословакии? Мы должны предъявить ей факты, которые нам известны, и нам следовало бы обещать ей гарантии. Но мы не можем обещать помощь, если она отклонит условия Гитлера. Мы можем пообещать, что выясним позицию Франции. Однако сомнительно, чтобы последняя приняла окончательное решение выполнить свои обязательства».

Э. Бёрджин: «Будут ли переданы и когда будут переданы пограничные районы — это не имеет решающего значения. Инциденты могут иметь место сегодня и когда угодно позже. Наша сила в обороне, а не в нападении. Нападение извне не является наилучшим средством для разгрома нацистского режима. Нам следовало бы сказать чехам, чтобы они приняли ультиматум Гитлера. Если они откажутся, пусть не ждут от нас помощи».

У. Эллиот: «Но не можем же мы потребовать от Чехословакии, чтобы она приняла условия, равнозначные поражению».

Военный министр Л. Хор-Беллша: «Не надо сожалеть о поездке Чемберлена в Берхтесгаден и Годесберг. Эта акция снова объединила мировое общественное мнение. Теперь остается решить, что делать с Чехией. Можем ли мы еще усиливать моральные обязательства, неизбежно вытекающие из предпринятых нами действий? Мы стоим перед решением, имеющим нравственный характер. Чехословакия — демократическое государство, которое вдохновляется теми же идеалами, что и Англия. Она вместе с нами противостояла нацистской тирании. Если мы будем принуждать Чехословакию уступить, нам не избежать осуждения. Если мы будем оказывать давление на Чехословакию, мы станем фактически союзниками господина Гитлера. Когда после обеда премьер-Галифакс встретится с Масариком, надо будет разъяснить ему фактическое положение, а также подчеркнуть: мы разделяем мнение, что Чехословакия имеет право отвергнуть условия Гитлера».

На этом было закончено утреннее заседание британского кабинета. Основной вопрос заключался в том, оказывать ли давление на Чехословакию. Мнения членов кабинета разделились. Возникает вопрос: как развивалась бы дискуссия, если бы чехословацкое правительство своевременно и совершенно ясно отвергло годесбергский ультиматум? В полдень Н. Чемберлен снова попытался привлечь Э. Галифакса на свою сторону²⁴. Он дал понять, что если бы французы настаивали на отпоре меморандуму Гитлера и британский кабинет их в этом поддержал, то ему, Чемберлену, не оставалось бы ничего другого, как подумать об отставке²⁵. Но пока он не сдавался. Очень много ожидал он для себя от встречи с французской делегацией. Утреннее заседание кабинета П. Чемберлен умыш-

ленно закончил без принятия какой-либо резолюции; резолюцию Н. Чемберлен предложит лишь тогда, когда будет полностью уверен в том, что она будет принята.

Незадолго до полудня между Я. Масариком и Э. Бенешем состоялся их очередной разговор по телефону²⁶.

Бенеш: Нам было сказано, что ответ мы должны дать через Англию, и в понедельник в Лондоне с нами хотели бы обсудить его. Мы должны послать туда своего представителя.

Масарик: Кто хочет дискутировать?

Бенеш: Чемберлен.

Масарик: Вчера прошел слух, что обсуждение должно было состояться в Женеве.

Бенеш: Это мне сказал Галифакс.

Масарик: Мы должны подчеркнуть публично, что не принимаем меморандума.

Бенеш: С нашим представителем — а это парижанин [Осуцкий] — вам следует находиться в контакте.

Масарик: Хорошо, я готов. Я просил официального приема у обеих делегаций. Пообещали. Речь пойдет о деталях, особенно о Брно, Пльзене, Витковицах».

Этот разговор проясняет последующую часть плана Н. Чемберлена. После воскресной встречи с французскими министрами, которая, как полагали в Лондоне, закончится новой капитуляцией Франции, Н. Чемберлен намеревался пригласить в Англию представителя чехословацкого правительства и навязать ему годесбергский меморандум. Важное значение имело предупреждение Я. Масарика, на которое Э. Бенеш вообще не прореагировал: годесбергский ультиматум необходимо с шумом публично отвергнуть. Только это могло воздвигнуть серьезное препятствие на пути сторонников капитуляции. Однако Э. Бенеш придерживался совсем иного мнения. Он не считал нужным спешить с ответом. В создавшейся ситуации это была большая политическая ошибка. Ведь на заседаниях британского кабинета нередко раздавались голоса, что возмущение общественности диктатом Гитлера было способно свергнуть правительство.

Дневное заседание британского кабинета было начато в 15 часов. Во вступительном слове Э. Галифакс сообщил, что французские министры прибудут позже, а в 17 часов британская делегация заслушает Масарика. Встреча с Я. Масариком состоялась, однако из протокола заседания британского кабинета и из записи совещания с французскими министрами не видно, чтобы сообщению Я. Масарика придавалось какое-нибудь значение. Дело осложнялось еще и тем, что осталось неясно, является ли заявление Я. Масарика ответом чехословацкого правительства или же только его личным мнением.

На заседании правительства выступили некоторые министры. Например, министр внутренних дел Сэмюэль Хор рассуждал о возможности смягчить условия Гитлера с помощью выдвижения какого-нибудь контрпредложения. Другие министры предостерегали о возможной реакции британского общественного мнения. Некоторые из них повторяли, что не вступит же Англия в войну из-за вопроса о форме передачи чешских пограничных районов.

Затем слово взял Н. Чемберлен. Он сказал, что в дискуссию были высказаны различные мнения о меморандуме Гитлера. Однако этот меморандум был адресован не Англич, следовательно, британский кабинет не обязан давать на него ответ. Это дело чехословацкого правительства. Некоторые министры ставили вопрос, следует ли снова оказывать нажим на Чехословакию. Меморандум Гитлера, бесспорно, вызывает сомнения с моральной точки зрения, однако его следует оценивать с материальных позиций. Что такое нажим на Чехословакию? Все, кто здесь высказывался против нажима, явно не возражали против того, что нам следовало бы ознакомить Чехословакию с фактическим положением дел. Единственное, что мы могли бы сделать,— это сказать, что Чехословакия не получит английской помощи, если не примет условий Гитлера. Однако мы не можем выступать с заявлениями подобного рода, потому что дело касается не только Чехословакии, но и Франции.

Впрочем, заявил Н. Чемберлен, он не разделяет и взглядов Даффа Купера, который хочет заверить Чехословакию, что Англия окажет ей помощь и в том случае, если Прага отвергнет меморандум. По этому вопросу в кабинете должно быть единство, которого все еще нет. По всей вероятности, позиция Чехословакии будет определяться позицией Франции. Поэтому французское правительство раньше или позже должно определить свою позицию. Британскому кабинету не следует сейчас принимать решение, непосредственно не связанное с его политикой. Однако создалась ситуация, когда Англия может быть втянута в войну. Поэтому единой должна быть вся империя. Общественное мнение надо убедить, что правительство сделало все для того, чтобы предотвратить войну. В переговорах с французами и Масариком желательно руководствоваться следующими принципами:

«1. Нам не следует говорить, что если предложения будут отвергнуты, то мы обязываемся объявить войну Германии.

2. Нам не следует также говорить, что если предложения будут отвергнуты, то мы ни при каких обстоятельствах не объявим войны Германии.

3. Мы должны предложить на рассмотрение французского и чехословацкого правительств все относящиеся к делу факты в их настоящем свете, так, как мы их понимаем».

Вероломный замысел Н. Чемберлена состоял в том, чтобы кабинет не принимал определенного решения до встречи с французами; тем самым Н. Чемберлен на предстоящих переговорах ничем не был бы связан.

С. Хор напомнил о своем предложении, чтобы Гитлеру было представлено собственное британское решение проблемы. Но Н. Чемберлен возразил, что Гитлер ничего подобного не примет. Однако сам Н. Чемберлен считает возможным выдвинуть такой британский проект. Гитлер хочет мира, утверждал Н. Чемберлен, следовательно, есть надежда на компромисс. Обсуждение затем сосредоточилось на вопросе, может ли кабинет закончить свои заседания, не определив британской позиции в отношении новых требований Гитлера.

«Хор-Белиша: Если французы поставят перед нами вопрос, поддержим ли мы Чехословакию, мы не можем уйти от ответа. Ведь премьер в письме Гитлеру заявил, что если немецкая армия нападет на Чехословакию, то это государство будет обороняться. Тем самым была определена и позиция Англии.

Чемберлен: Я не могу разделить такую точку зрения. Это было сделано под впечатлением тогдашней информации о создавшемся положении.

Вуд: В совещаниях французских и английских военных представителей могли бы принять участие и русские. Однако решение кабинету следует принять после обмена мнениями с французской делегацией.

Стэнли: Принятие решения нельзя постоянно откладывать. Время — важный фактор. Мы должны были бы окончательно сообщить решение о нашем отношении к предложениям Гитлера правительствам Франции и Чехословакии. Сейчас иная ситуация, чем 24 марта. Пришло время, когда нам следовало бы ясно определить свою политику. Предлагаю Франции сказать, что, если Чехословакия отклонит меморандум Гитлера, а Франция ей поможет, мы пойдем вместе с Францией».

У. Эллиот поддержал предложение С. Хора о достижении компромисса, ибо принятие меморандума в его полном объеме невозможно. М. Макдональд рекомендовал упор сделать на гарантиях. А. Дафф Купер согласился, что полярные точки зрения сопряжены с определенным риском. Он признает, что важно выяснить мнение французов. Как только оно станет известным, кабинет должен будет снова собраться. Э. Галифакс заметил, что совещание с французами можно будет начать лишь в девять часов вечера. А. Дафф Купер и О. Стэн-

ли снова выразили беспокойство, что позиция правительства Великобритании так и не определена. Поэтому они предложили разделить заседание на две части. Сначала следует выяснить мнение французских министров, а затем вновь созвать британский кабинет — для принятия окончательного решения.

Н. Чемберлен согласился с таким предложением. Премьер-министр и министр иностранных дел могут сами решить, хотя ли они встретиться с Я. Масариком до переговоров с французами или же отодвинуть встречу с ним на более позднее время.

Итоги заседания кабинета свидетельствуют о том, что Н. Чемберлену опять удалось выиграть время, не допустив принятия решения о направлении политического курса британского правительства. Заседание правительства свелось к следующему: 1) не принимать никакого окончательного решения относительно меморандума Гитлера до переговоров с французскими министрами; 2) переговоры с французами будут разделены на две части; 3) будет проведено совещание генштабов по вопросам обороны обеих стран²⁷. Позже, уже во время войны, узнав подробности этой англо-французской игры в прятки, Э. Бенеш заметил: «В известном смысле Англия выглядит здесь хуже, чем Франция. Франция только спряталась за спину Англии и предоставила Чемберлену руководить... Страшно представить, что будет, когда обо всем этом напишут»²⁸.

Совещание с французскими министрами открылось в 21 час 25 минут²⁹. Началось оно сообщением Н. Чемберлена о переговорах в Годесберге. Э. Даладье попросил извинения, что французская сторона якобы не смогла изучить документ Гитлера, поскольку получила его лишь в 11 часов 30 минут. Смысл этого извинения совершенно ясен: Э. Даладье пока не хотел занять определенную позицию по отношению к требованиям Гитлера. Правительство Франции, вытекало из слов Э. Даладье, продолжает стоять на принципах англо-французского плана 19 сентября. Н. Чемберлен возразил, что Гитлер требует оккупации пограничных районов Чехословакии только для поддержания там порядка. По его мнению, нет существенного различия между англо-французским планом 19 сентября и меморандумом Гитлера. Такую нелепость он, разумеется, не отважился бы высказать на заседании своего кабинета.

Затем возвратились к вопросу, как следовало бы поступить, если бы чехословацкое правительство отвергло меморандум Гитлера. В действительности Н. Чемберлен уже знал ответ, переданный Я. Масариком, а именно что меморандум для Чехословакии неприемлем. Н. Чемберлен предложил рассмотреть, нет ли возможности выдвинуть контрпредложение мемо-

рандуму, например о созыве конференции, о чем уже говорил Даладье. Однако последний возразил, что он вообще даже не упоминал ни о какой конференции. Его возражение обошли, заметив, что Даладье сам рекомендовал вернуться к первоначальному плану. Обе стороны настороженно следили друг за другом, ни одна не хотела взять на себя ответственность за ликвидацию Чехословакии. Хотя все участники переговоров были согласны с этим по существу, но добивались, чтобы ответственность за такого рода решение взяла на себя делегация, спящая по другую сторону стола.

«Как поступит Франция, если Гитлер нападет на Чехословакию?» — спросил Н. Чемберлен. «Она выполнит свои договорные обязательства», — ответил Э. Даладье, добавив, что он повторяет это уже три дня. Однако Н. Чемберлена такой ответ не удовлетворил, и он был полон решимости прижать французов к стенке. Зная, что они не предпримут никаких военных мер без консультации с Лондоном, Н. Чемберлен в то же время упорно скрывал позицию Англии в создавшейся ситуации. Англичане принуждали французов раскрыть свои военные планы на тот случай, когда они не смогут рассчитывать на британскую военную помощь. Н. Чемберлен заранее был уверен, что французская делегация в конце концов должна будет признаться, что при этом условии французская армия будет пассивно отсиживаться за линией Мажино.

Н. Чемберлен не сомневался в том, что, заняв мнимонейтральную позицию, он добьется от французской делегации того, к чему стремился: Франция вновь безоговорочно подчинится Англии. А добившись такого результата, премьер сумеет укротить тех своих министров, которые полагали унизительным выдать Чехословакию Гитлеру без гарантий. И парламент станет смреннее, когда Чемберлен сообщит ему, что Англия была бессильна, раз французы сами признали, что ничего не смогут предпринять против Германии.

«Чемберлен: Мы охотно ознакомились бы с вашими планами. Я полагаю, что в случае германской агрессии Чехословакии нельзя оказать непосредственную помощь. В каких областях намерена проводить операции французская армия?

Даладье: Франция могла бы сковать значительную часть германских сил».

Чемберлен заметил, что он не намерен настаивать, однако желательно знать французские планы прежде, чем английское правительство примет решение. При этом британская делегация хорошо знала, что слабым местом французской военной доктрины была установка на пассивную оборону.

«Саймон: Собираетесь ли вы предпринять наступательные действия раньше Чехословакии?

Даладье: Это разъяснит Гамелен,

Саймон: Я хотел бы получить лишь однозначный ответ. Намерены ли вы оставаться без объявления войны на линии Мажино или хотите объявить войну и начать наступление сухопутных войск?

Даладье: Это зависело бы от многого.

Саймон: Мне не хотелось бы вас смущать, по нам, как вашим друзьям, интересно знать, что произойдет. Думаете ли вы использовать против Германии военно-воздушные силы? Это означало бы активные враждебные действия против Германии».

Дж. Саймон прекрасно знал, что Англия обязала Францию в таких делах не предпринимать ничего без предварительной консультации и одобрения британским правительством. Задавая такие вопросы, англичане, собственно говоря, не ставили иной цели, как вырвать у Э. Даладье признание, что он еще не принял решения и все зависит от того, что по этому поводу скажет британское правительство.

На вопрос Дж. Саймона Э. Даладье ответил, что к воздушному нападению они относятся, как и все иные страны.

«Саймон: Я снова повторяю вопрос, намерена ли Франция использовать для наступления сухопутные войска и авиацию. Авиация все-таки средство не обороны, а нападения.

Даладье: Было бы смешно, если бы мы провели мобилизацию, а потом пассивно сидели в укреплениях. Смешно было бы ничего не предпринимать и в воздухе. Германские укрепления не основательны; после концентрации наших сил мы начали бы наступление против Германии. Мы можем подвергнуть воздушному нападению важные промышленные центры, которые легко достижимы».

Дав относительно ясный ответ, Э. Даладье сразу же свел его на пет оговоркой, что он охотнее бы говорил только о моральных обязательствах, а не о стратегии. Неделию назад он дал согласие на расчленение дружественной страны во имя сохранения мира. Это было по-варварски и крайне тяжело, но он чувствовал, что это лучше, чем война. Однако Гитлеру этого мало, и надо определить, где следует его остановить. Если будут найдены средства упорядоченной передачи, то можно будет реализовать то, что было решено неделю назад. Однако на карте Гитлера чехословацкое государство разорвано на две части.

После этой длинной реплики, пожалуй, не оставалось сомнений, что французская делегация продолжает настаивать на первоначальном плане. Однако англичанам было нужно, чтобы французы ясно сказали, что не могут начать войну без их помощи. Поэтому Дж. Саймон снова повторил: «Мы разделяем ваши чувства, однако остается вопрос, что делать, если будет война?» Ответ Э. Даладье свидетельствовал, что в Париже тоже размышляли о компромиссе, который удовлетворил бы

Гитлера и притом не возмутил общественное мнение. Передачу территории, сказал Э. Даладье, могла бы осуществить международная комиссия в течение 7—10 дней, причем районы, населенные немцами, были бы оккупированы немедленно. Сейчас чехи заняли войсками укрепления и покинут их только по решению международной комиссии. За одну неделю можно успеть все сделать и создать впечатление, что вся операция проведена мирным путем. Иначе чехи решились бы воевать. Не можем же мы согласиться на то, чтобы Гитлер их задушил, как это показывает его карта.

Н. Чемберлен ответил, что такой вариант едва ли удовлетворит Гитлера. Он и без того раздражен тем, что все слишком затягивается, и требует немедленного решения. Однако сейчас британскую делегацию интересует иное. Вопрос в том, что делать, если немцы предпримут вторжение в Чехословакию. Продвигаться они смогут очень быстро и за короткое время окажутся в Праге. Одна из возможностей состоит в том, что Франция проведет мобилизацию и станет выжидать. Однако Э. Даладье перебил и сказал, что французы намерены предпринять наступление и подвергнуть Германию бомбардировке. В Лондоне, продолжал Чемберлен, вызывает тревогу информация о французской авиации и авиапромышленности. Как будут восполняться потери в самолетах? А что произойдет, когда германские бомбы обрушатся на французские города? В состоянии ли Франция обороняться? Какие заверения получила она от России? И по этому поводу британское правительство располагает тревожными сведениями. Тон французской печати не свидетельствует о готовности Франции к войне. И было бы печально, если бы Франция пошла на помощь своему другу, а сама оказалась не способна себя защитить и в конце концов погибла бы. Поэтому британская делегация была бы рада выслушать разъяснение по всем этим вопросам.

Э. Даладье чувствовал, что его прижимают к стене. И он ответил контратакой. Ему говорят о трудностях. Значит ли это, что Франция вообще ничего не должна делать? Может быть, британское правительство готово принять условия Гитлера? Может быть, оно приняло решение оказывать дальнейший нажим на Чехословакию? Это означало бы ее уничтожение или удушение, что, впрочем, одно и то же. Французская печать не отражает мнения страны; если бы это было так, он сам уже перестал бы быть премьер-министром. Продажные газеты не определяют мнения страны. Французы поняли, что судетские немцы должны быть переданы Гитлеру, но они не поняли, почему Франция должна бросить Чехословакию на произвол судьбы. Гитлер будет властителем Европы. Вслед за Чехословакией придет очередь Румынии, Турции, и в конце

концов Гитлер может развернуться против Франции, может захватить Кале, высадиться в Ирландии. Следует ли нам постоянно уступать его ультиматумам? Мы должны иметь смелость сказать: «Довольно!» У французской авиации есть свои слабые места, но она в состоянии совершать налеты на Германию. Россию часто изображают то сильной и богатой, то, наоборот, совсем слабой. Истина находится посередине. Россия имеет 5 тыс. самолетов, 800 из них было в Испании и сумело обуздать немцев и итальянцев. Испанский фронт стабилизировался после прибытия 300 советских самолетов. 200 советских самолетов находятся в Чехословакии, их пилотируют чехи. Производство самолетов в России ничем не уступает германскому. Мы же держимся весьма скромно. Англия молчит о своем флоте, о блокаде и войне на море. Чемберлен здесь сказал, что Гитлер считает меморандум своим последним словом. Означает ли это, что британский кабинет готов его принять? Но если такова должна быть наша политика, то давайте пригласим чехословацкого представителя! Давайте спросим его, прежде чем принесем его страну в жертву.

Хор: «Если завтра начнется война, то какие шаги мы предпримем, чтобы не допустить захвата Чехословакии? Операции на море дадут результат не скоро. Россия хотя и имеет много самолетов, однако не совсем ясно, что она предпримет. Окажет ли она помощь всей силой своей авиации? (Даладьё: Да!) Но любая акция не окажет немедленного воздействия. За несколько недель большая часть Чехословакии будет разрушена. Значит, нам следовало бы обсудить, с помощью каких средств можно этому помешать. Поведение британского правительства зависит от ответа на вопрос, как предотвратить захват Чехословакии».

С. Хор не сказал ничего нового; сторонники политики «умиротворения» уже более двух лет твердили, что спасти Чехословакию нельзя, а восстановить будет невозможно даже после победоносной войны. Вести войну ради Чехословакии, по их словам, совершенно бесцельно и бессмысленно. А раз так, то не оставалось ничего, кроме капитуляции. Хотя Э. Даладьё и разделял эту псевдоаргументацию, но в данный момент речь шла совсем об ином: кто возьмет на себя ответственность за предательство Чехословакии? Британские министры своими вопросами стремились заставить Э. Даладьё признать, что у Франции нет другого выхода, кроме капитуляции. Подобное признание Н. Чемберлену было нужно, чтобы сломить сопротивление оппозиционно настроенных министров в собственном кабинете.

Но в том же нуждался и Э. Даладьё. И он хотел вернуться в Париж, имея в руках аргумент: коль скоро Англия не поддерживает Францию, не остается ничего другого, кроме как

капитулировать. Однако выступить первым значило предстать перед общественностью, и без того возмущенной бесконечными уступками нацистскому грабителю в качестве союзника фашистского вымогателя.

Поэтому Э. Даладье, пытаясь избежать этого, решил задать британской делегации три вопроса:

1. Принимает ли английское правительство план Гитлера?
2. Намеревается ли английское правительство навязать этот план чехословацкому правительству? Ведь известно, что чехи скорее умрут, чем примут его.
3. Считает ли английское правительство, что Франция ничего бы не предприняла?

На эти три вопроса ответил сам Н. Чемберлен. По первому вопросу: «Не паше это дело — принимать или отвергать план Гитлера. Это дело Чехословакии. Он был не нам адресован, поэтому не нам принимать или отклонять его. Наша роль сводится только к тому, чтобы передать этот план Чехословакии». По второму вопросу: «Мы получили предварительный ответ чехословацкого правительства. Чехи явно не желают, чтобы мы предпринимали какие-либо действия до тех пор, пока они сами не представят иной, более обстоятельный документ. Их предварительный ответ лишь неквалифицированное отклонение предложений Гитлера в их нынешнем виде. Мы не хотим и не можем оказывать давление на чехословацкое правительство. У нас нет средств изменить его решение. Однако нам не безразлично, что последует за передачей ответа Гитлеру». По третьему вопросу: «Не дело британского правительства высказывать здесь какую-либо точку зрения; принимать решения — это дело французского правительства. Однако действия Франции затронут, бесспорно, и Англию. И мы хотели знать ваше мнение, прежде чем сами будем принимать решение. Как долго французские министры хотят остаться в Лондоне?»

«Д а л а д ъ е: Весьма недолго.

Ч е м б е р л е н: Можно попросить Гамелена прибыть завтра? И сможет ли он говорить и от имени французской авиации?»

Э. Даладье ответил утвердительно. Н. Чемберлен сообщил, что сейчас он встретится со своим кабинетом. Вскоре после полуночи было решено возобновить переговоры лишь 26 сентября, после прибытия в Лондон М. Гамелена. Совещание не дало Н. Чемберлену желаемых результатов, хотя Э. Даладье и был подвергнут буквально перекрестному допросу.

Британский кабинет собрался сразу же после окончания совещания с французскими министрами³⁰. Информирова кабинет о ходе совещания с Э. Даладье, Н. Чемберлен сообщил, что французское правительство желает вернуться к первоначальному англо-французскому плану от 19 сентября, настаи-

вая на создании международной комиссии и отклоняя проведение плебисцита. У него нет доверия к намерениям Гитлера в Европе. Кратко изложив дискуссию с Даладье, Н. Чемберлен особо остановился на своей оценке ответа чехословацкого правительства. Он носит, по его мнению, лишь предварительный характер и является неквалифицированным отказом. Э. Бенеш, как подтвердили последующие события, снова допустил одну из самых грубых ошибок, обусловленных пассивностью и ничем не оправданным выжиданием. Ясный и категорический ответ чехословацкого правительства на годесбергский меморандум лишил бы Н. Чемберлена возможности для столь широкого маневрирования. В заключение Н. Чемберлен сообщил, что, учитывая уклончивые ответы французских министров на вопросы, касающиеся военных планов Франции, он предложил пригласить Гамелена, чтобы убедиться, действительно ли Франция намерена вести серьезные действия против Германии. С. Хор добавил, что Э. Даладье упомянул о возможности альтернативного решения с помощью международной комиссии, которая бы в течение десяти дней передала чехословацкие пограничные районы Гитлеру.

«Даффер Купер: Мне кажется, что британские министры не выразили согласия ни с одним из предложений французского правительства. Однако очевидно, что они сами также не предложили никакого позитивного решения.

Уинтертон: Кажется, французы займут линию Мажино и оттуда предпримут атаки на Германию. А это неизбежно приведет к войне.

Эллиот: Можно ли резюмировать, таким образом, что германский меморандум неприемлем? Чехословакия его отклонит, Германия свершит нападение, возникнет неспровоцированная агрессия, и Франция предпримет какие-то действия?

Чемберлен: Да, согласен.

Моэм: Сегодня переговоры с французским правительством проводились три часа и, кажется, безрезультатно. Я предполагаю, что французы намерены держать Германию в неуверенности относительно того, выполнит ли Франция свои союзнические обязательства и этим свяжет большое количество германских сил на французской границе. И общественное мнение Европы посчитает, что она свой долг выполнила.

Инскип: Даладье и Гамелен консультировались сегодня несколько часов. Я думаю, что Гамелен не даст ответа на вопрос чисто политического характера, а именно как будет действовать французское правительство, если вспыхнет конфликт. Едва ли будет возможен перекрестный допрос по стратегическим вопросам, равно как и получение окончательных заверений в том, что французские силы готовы к войне.

Чемберлен: Я хочу сделать французскому кабинету иное предложение. Теперь ясно, что Чехословакия решила отклонить требования Германии. Необходимо взвесить, как об этом сообщить Гитлеру. Судя по всему, Гитлер вторгнется в Чехословакию, и тогда мы увидим, что предпримет Франция. Но я не хочу упустить единственную возможность предотвратить войну. Я предлагаю направить Гитлеру личное письмо, сообщить, что Прага отвергла его проект, и обратиться к нему с последним призывом. Я внесу предложение создать смешанную германо-чешско-английскую комиссию. Она не начинала бы все сызнова, а обсудила бы, как осуществить англо-французские «предложения», которые были приняты чехословацким правительством. Как реализовать их, сохраняя порядок, возможно быстрее и не шокируя общественное мнение. Этот шаг показал бы всем, насколько твердо и последовательно мы добиваемся сохранения мира. Если бы эта попытка оказалась безуспешной, мы ничего бы не потеряли, однако это могло бы способствовать консолидации общественного мнения в наших интересах. Это помогло бы сплотить доминионы вокруг нашего курса. Я хочу послать свое письмо через Г. Вильсона и Н. Гендерсона. Г. Вильсон там уже был, разговаривал с Гитлером и поедет туда снова в качестве моего доверенного советника. Я думаю, что мне лично уже не стоит намечать новую встречу с Гитлером. Если Гитлер не даст ответа на письмо, то Г. Вильсон будет уполномочен устно заявить ему от имени премьер-министра: в случае отклонения этого обращения Франция будет воевать, а это неизбежно втянет в войну и Англию. Возможно, что Гитлер и блефует, однако путь, который мы сейчас предлагаем, открывает перед ним выход. Рекомендую наше обращение опубликовать возможно скорее; необходимо побудить Гитлера занять великодушную позицию.

Саймон: Если Чемберлен, исходя из своего опыта, считает, что такая линия может оказаться полезной, кабинету следует выразить с ней согласие. Гитлер собирается выступить в понедельник с речью, которая будет транслироваться по радио, а поэтому наше мероприятие должно быть осуществлено еще до его выступления.

Дафф Купер: Нам пужно наконец сказать Гитлеру, что, если он отклонит это обращение, чехи будут воевать, Франция окажет им помощь, а мы выступим вместе с ней.

Чемберлен: Ясно, что именно это я и не могу сказать Гитлеру в своем письме. Это уничтожило бы всякую надежду на принятие моего обращения.

Стэнли: Чехи просят не предпринимать никаких действий до тех пор, пока они не дадут окончательного ответа. Думаю, что они хотят выиграть время.

Хэйлшем: Начальники штабов требуют, чтобы они были оповещены о начале войны за 48 часов до ее объявления, иначе они не смогут завершить подготовку к военным действиям. Соответствует ли этому требованию нынешнее предложение?

Чемберлен: Я не считаю, что предлагаемый шаг мог бы привести к войне. Я рекомендую конфиденциально сообщить об этом предложении французским министрам. Я уверен, что они охотно с ним согласятся.

Макдопальд: Я согласен. Мы должны использовать для спасения мира все возможности. Это необходимо и для обеспечения единства империи. Мы должны принимать во внимание мнение доминионов.

Дафф Купер: Я спрашиваю, будет ли Гитлеру дапо понять, что мы выступим на стороне Чехословакии, если этот план будет отклонен.

Чемберлен: Я предполагал, чтобы нечто подобное было сказано в письме к Гитлеру, но он воспринял бы это как угрозу, что свело бы на нет надежды на принятие нашего обращения. Но ему можно было бы сказать, что последствия отказа принять наше предложение трудно даже представить. Впрочем, если письмо будет отклонено, Г. Вильсон имеет полномочия передать еще вдобавок устное предупреждение. Точная формулировка этого предупреждения будет зависеть от того, что мы узнаем о намерениях французского правительства.

Хор-Белиша: Гамелен откажется сообщить подробности о своих планах, пока у него не будет уверенности, что мы будем участвовать в их реализации. Он поддерживает тесные контакты с нашим военным министерством. Я согласен обратиться к Гитлеру с последним призывом. Его психологический эффект мог бы быть усилен проведением предупредительных военных мероприятий. Я рекомендую провести мобилизацию новых частей территориальной армии.

Чемберлен: От Гамелена мы ждем только заявления, что реализация его плана зависит от утверждения французским правительством».

Ночное заседание английского правительства завершилось принятием решения: 1) Г. Вильсон вручит Гитлеру новое письмо; 2) французская делегация будет проинформирована обо всем, в том числе об устном заявлении, которое должен сделать Г. Вильсон.

Итоги продолжавшихся целый день переговоров были примерно таковы. «Перекрестный допрос» Э. Даладье не принудил его признать, что Франция не подготовлена и что война за Чехословакию исключается. Однако Э. Даладье намекнул на возможность компромисса, который мог бы удовлетворить Гитлера. С британской стороны за подобный компромисс высказывался С. Хор. Н. Чемберлен в конце концов с этим

согласился. Утром, еще до встречи обеих делегаций, Э. Даладье дал согласие на это предложение³¹.

Встреча с французскими министрами началась 26 сентября в 10 часов 30 минут³². Н. Чемберлен объявил, что Г. Вильсон отправится к Гитлеру с его письмом. Их встреча состоится во второй половине дня, но еще до выступления Гитлера. Э. Даладье подтвердил, что он с этим согласен. Э. Галифакс отметил, что Э. Бенеш ведет переговоры с Польшей. Э. Даладье добавил: Рыдз-Смиглы в 1937 г. дал Гамелену письменное обязательство, что польская армия никогда не нападет на Чехословакию. У Польши и Чехословакии вместе 84 дивизии, что составляет как раз половину германской армии. Если бы обе эти армии действовали сообща, Германия не могла бы использовать на западном фронте более половины своих вооруженных сил.

Наконец Э. Даладье внес предложение проинформировать чехословацкое правительство, чтобы предупредить какой-либо отчаянный шаг с его стороны. Н. Чемберлен согласился, что Прагу надо бы успокоить, сообщив, что задача Г. Вильсона состоит не в том, чтобы вести переговоры с Гитлером, а лишь в том, чтобы убедить его не отказываться от них и не прибегать к применению силы.

Совещание завершилось трафаретными заверениями в единстве. Н. Чемберлен благодарил французских министров, что они помогли рассеять опасения, появившиеся в Лондоне. Н. Чемберлен встретился также с М. Гамеленом, который предоставил ему относительно точную информацию о военных возможностях Франции и Чехословакии³³. По словам М. Гамелена, Франция была способна выставить после первой очереди мобилизации 5,5 млн. солдат (100 дивизий), против Германии можно использовать 60 дивизий; в наступательных действиях примет участие 56 дивизий. Пока Франция располагает 23 активными дивизиями, из них 15 дислоцированы на границе с Германией. Германия же располагает 66 дивизиями, из них против Чехословакии — 34 дивизии; 9 дивизий находится на французской границе. Чехи намерены любой ценой защищать фланги своей обороны, то есть северную и южную границы Моравии. Предусматривается отступление чехословацкой армии из западной части государства, оставление Праги. Мобилизация будет закончена 27 сентября, концентрация войск — позже. Французская армия не намеревается пассивно отсиживать за линией Мажино и при согласии правительства готова развернуть наступательные действия. Хотя немедленное наступление и было бы выгодным, французская армия может его начать только через четыре-пять дней после эвакуации Парижа из-за воздушных налетов.

Какие силы сможет Германия использовать на Западе — это зависит от Польши. Вероятнее всего, на западном фронте Германия ограничится только резервными частями, не отвлекая основные вооруженные силы с чехословацкого фронта. Главные силы германской авиации (истребители) расположены на западной границе. Французская авиация не будет бомбить германские города, опасаясь ответного удара немцев. Если бы Германии удалось своевременно подтянуть силы из Чехословакии, то французы отступили бы за линию Мажино. М. Гамелен считает, что германский генеральный штаб располагает способными офицерами. Что касается помощи СССР, то М. Гамелен считает, что Красная Армия встретила бы сопротивление Польши и Румынии. Румыния, впрочем, пропустила бы советские самолеты. Венгрия была бы скована Малой Антантой. Германия, как полагает М. Гамелен, имела 3 тыс. самолетов первого эшелона (еще 2 тыс. самолетов в резерве). Что касается продолжительности сопротивления Чехословакии, то, по мнению М. Гамелена, многое зависит от Польши, прежде всего от того, сможет ли Германия предпринять наступление из силезского «выступа». Чехословакия имеет 34 хорошо оснащенных дивизии. Зимой немцы, по прогнозу М. Гамелена, оттеснили бы французов за линию Мажино. После начала позиционной войны Франция будет нуждаться в помощи Англии. У Германии будет 113 дивизий, из них 40 — моторизованных. На вопрос, могла бы французская авиация бомбить Германию с чехословацкой территории, М. Гамелен ответил, что такая возможность имеется, однако он не хотел бы распылять свои аппаресурсы. М. Гамелену было сказано, что Англия ежемесячно производит 300 самолетов, французская авиапромышленность — значительно меньше. В случае войны во Францию могли бы прибыть только две английские дивизии. Главный вклад Англия внесла бы в войну на море и в воздухе. На повторный вопрос, как долго выстоит Чехословакия, М. Гамелен ответил: вероятно — недели, возможно — месяцы; но ответ смогут дать только политики. Все зависит от Польши.

На основе этой информации у британского правительства сложилось впечатление, что выступление Франции против Германии вполне реально. Это дало бы возможность Чехословакии продлить сопротивление еще на несколько недель. После встречи с Н. Чемберленом последовали переговоры М. Гамелена с министром Т. Инскипом и генералом Гортом. В это время поступило сообщение о подготовительных военных мероприятиях, осуществленных Советским Союзом. Англичан явно не радовала перспектива прохода Красной Армии через Польшу³⁴. Мысль о французском наступлении приводила Н. Чемберлена в ужас. Собственно, он готов был пассивно взирать

на нападение Германии на Чехословакию, надеясь, что война не продлится долго и Запад примирится с новой ситуацией. Однако французы угрожали предпринять наступательные действия, которые могли бы втянуть Англию в войну. Поэтому Н. Чемберлен обратился к французскому правительству с просьбой консультироваться с Англией, прежде чем предпринимать наступление против Германии. В Париже это поняли как возражение против любых наступательных действий. А Бонпэ воспринял это как поддержку своего политического курса³⁵. Чтобы усилить противодействие любым наступательным действиям против Германии, генерал Вюллемиэ направил министру авиации Франции письмо, в котором он постарался красочно расписать недостатки французских военно-воздушных сил (нехватка запасных частей, отсутствие в Париже противовоздушной обороны, маленькая скорость и небольшая дальность полета у французских бомбардировщиков). Поэтому Франции следует бояться военно-воздушного возмездия Германии³⁶.

26 сентября, в полдень, британский кабинет собрался снова. Н. Чемберлен сообщил, что он только что получил послание Ф. Рузвельта, призвавшего не прекращать поиски мирного решения чехословацкой проблемы. Г. Вильсон уже отправился в Берлин, где Н. Гендерсон обеспечил его прием. О результатах предпринятых действий можно будет судить вечером, после выступления Гитлера с речью по радио³⁷. Э. Даладье выразил полное согласие с миссией Г. Вильсона. В случае неудовлетворительного ответа Гитлера на письмо Н. Чемберлена Г. Вильсон должен был заявить: «Французское правительство проинформировало нас, что, если Чехословакия отклонит меморандум Гитлера, а Германия нападет на нее, Франция выполнит свои союзнические обязательства. Если французские вооруженные силы окажутся вовлеченными в активный вооруженный конфликт с Германией, мы будем считать себя обязанными их поддерживать». Э. Даладье выразил согласие с этим демаршем и обещал сохранить все в тайне. Э. Даладье к тому еще добавил, что Франция начала бы свои действия примерно через пять дней после нападения на Чехословакию.

Затем правительство было проинформировано о заявлении М. Гамелена о том, что французское командование полагает, будто его наступательные действия отвлекут значительные германские вооруженные силы с чехословацкого фронта. М. Макдональд вновь напомнил правительству о том, что доминионы настаивают на примирении с Гитлером, считая, что его меморандум лучше войны. Э. Галифакс сообщил, что посланники Франции и Англии предприняли в Варшаве шаги, направленные против военных приготовлений Польши. Они

рекомендовали Польше принять предложение Э. Бенеша о пересмотре границ путем соглашения.

Н. Чемберлен, сообщив о требовании У. Черчилля созвать парламент, рекомендовал отложить это до 28 сентября, когда ситуация станет более ясной. Н. Чемберлен рассчитывал, что к этому времени компромисс с Гитлером уже будет достигнут и парламент окажется перед совершившимся фактом. Чтобы запугать общественное мнение угрозой надвигающейся войны, будет объявлен призыв соответствующих категорий резервистов. Вопрос об объявлении мобилизации должен был быть решен после вечерней речи Гитлера. Чемберлен получил полномочия в случае необходимости, не созывая еще раз кабинета, запросить у короля согласие на объявление мобилизации и проведение других оборонительных мероприятий.

В заключение, подводя краткие итоги англо-французских переговоров, можно сказать, что Н. Чемберлену удалось отстоять свою линию на «умиротворение» фашистского агрессора. Компромисс с Гитлером продолжал оставаться наиболее реальной перспективой наперекор всему, что говорилось о войне и военных шансах отдельных сторон. Уже сам факт посещения М. Гамеленом Лондона должен был оказать воздействие на Гитлера и дать ему понять, что, если он не примет предложение о компромиссе, Германии придется иметь дело с англо-французской коалицией. Это психологическое давление должно было бы быть подкреплено также вечерним сообщением Форин оффис, которое поставило бы Гитлера еще и перед перспективой войны с англо-франко-советской коалицией. Однако следует различать политическую тактику и действительные цели политики. А в этом случае не было никаких сомнений в том, что целью британской политики было принесение Чехословакии в жертву.

XV. ПРАГА ПОСЛЕ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

Хотя негативная позиция Чехословакии в отношении годесбергского меморандума была совершенно очевидной, переговоры в Лондоне в течение целого дня велись исходя из одной предпосылки, что чешский ответ лишь вынужденно мог бы быть отрицательным. Создается впечатление, что Н. Чемберлен сам хотел облегчить себе положение, давая понять Праге, чтобы она не спешила и не посылала ответа Гитлеру прямо, а только через посредничество Лондона. Более того, он намекнул, что в понедельник 26 сентября в Лондоне готовы принять чехословацкого представителя для обсуждения этого ответа¹. Это означало, что раньше понедельника чехословацкий ответ и не ожидался. Одновременно это позволяло Н. Чемберлену в течение всего воскресенья вести себя в британском кабинете и на переговорах с французскими министрами так, как будто бы ему ничего не было известно о позиции чехословацкого правительства. Если учесть, что часть министров британского кабинета не выразили прямого согласия с политической линией премьера, то можно представить, как сложилась бы обстановка, если бы Прага ответила сразу и категорически отвергла шантаж Гитлера.

Решение по поводу меморандума Гитлера принимал прежний Политический комитет Годжи, а не правительство генерала Я. Сыровы. Последнему была дана лишь возможность публично подчеркнуть, что оно полностью соглашается с капитуляцией 21 сентября. В пражских дипломатических кругах было известно, что правительство с ответом на меморандум не торопится, выжидая, какую позицию займут правительства Англии и Франции во время своих совещаний в Лондоне². Хотя в воскресенье Я. Масарик и передал отрицательный ответ на годесбергский меморандум, однако Н. Чемберлен квалифицировал этот ответ как неокончательный, предварительный и необдуманный. Дело в том, что К. Крофта предупредил Б. Ньютона, что официальный ответ правительства на меморандум не будет представлен раньше вечера 26 сентября. Дело якобы в том, что правительство еще не решило, послать ли кого в Лондон для ведения переговоров. Пока думают поручить это Я. Масарику и Ш. Осускому. Так как ответ на меморандум предполагается дать обширный, то хотели его послать в Лондон самолетом. Но на чешском самолете лететь небезопасно, поэтому они просят правительство его величества, нельзя ли прислать в Прагу английский самолет³.

Ответ задерживался и потому, что разрабатывать аргументацию, которая подробнейшим образом доказывала, что меморандум Гитлера неприемлем, поручили отдельным министерствам. Впрочем, что он неприемлем, с первого взгляда увидел и Н. Чемберлен, бегло прочитав его в Годесберге. Доверить разработку аргументации тугодумной министерской бюрократии, несомненно, означало напрасную потерю времени. А в политике именно время является важным фактором. Здесь если кто и выигрывал время, так это Н. Чемберлен. Он мог теперь свободно заниматься собственными оппозиционно настроенными министрами, не опасаясь с самого начала получить твердый и ясный отказ Праги, который, несомненно, усилил бы оппозицию в кабинете министров.

Однако отрицательный ответ, переданный Я. Масариком, был поставлен под сомнение не только Н. Чемберленом, но и прежде всего самой Прагой. «Воскресные заседания правительства, — писала газета «Народни политика», — лишь предварительно могли определить принципиальную позицию по отношению к германскому меморандуму, но не дать точного ответа, который сильно зависит от хода совещаний в Лондоне. Правительство заняло пока только предварительную позицию к заново сформулированным годесбергским предложениям. Официальный ответ нашего правительства на меморандум может быть вручен только после его детального изучения и тщательного выяснения всех его последствий»⁴. В Париж Э. Бенеш сообщил, что его правительство все еще продолжает настаивать на первоначальном англо-французском плане, который будто бы оставлял еще надежду, что многое можно спасти. Однако годесбергский меморандум лишает последней надежды. Ж. Бонпэ получил эту телеграмму уже после возвращения из Лондона⁵.

Такая позиция чехословацкого руководства, разумеется, прямо побуждала участников лондонских совещаний к поискам компромисса, который позволил бы воспользоваться этой малопоследовательной тактикой Э. Бенеша и удовлетворить Гитлера. Уже в воскресенье Н. Чемберлен спрашивал Я. Масарика по телефону, не согласилась ли бы Чехословакия на созыв международной конференции, которая нашла бы компромисс между англо-французским планом и годесбергским меморандумом. Э. Галифакс считал почти само собою разумеющимся, что Чехословакия примет условия Гитлера⁶.

В воскресенье в 17 часов 30 минут Я. Масарик был принят Н. Чемберленом и Э. Галифаксом. Он вручил им ноту, которая отклоняла требование годесбергского меморандума. В ноте подчеркивалось, что правительство Годжи приняло англо-французские «предложения» под сильнейшим давлением. Затем

получило указание провести мобилизацию. Новое правительство генерала Сыровы также подтвердило свое согласие с первоначальными «предложениями». Последний меморандум Гитлера в действительности является ультиматумом, далеко выходящим за рамки первоначального англо-французского плана. Окончание ноты было ясно: «Мое правительство хочет самым торжественным образом заявить, что требования г-на Гитлера в их нынешней форме являются совершенно непримлемыми для моего правительства. Этим новым и жестоким требованиям мое правительство чувствует себя обязанным оказать самое крайнее сопротивление...»⁷ Я. Масарик от себя также подчеркнул, что документ Гитлера является абсолютно непримлемым, что в состав территории, подлежащей захвату, включены обширные и важные чешские области, укрепления и т. п. После того как была проведена мобилизация армии, правительство не может принять такой план. Ему разъяснили, что запрет на проведение мобилизации был снят для того, чтобы предотвратить угрозу нападения. Н. Чемберлен в свою очередь спросил, что чехословацкое правительство думает по вопросу о гарантиях. В ноте о них не упоминается. Не думает ли правительство Чехословакии, что вопрос о гарантиях исключен из плана Гитлера?

После этого были обстоятельно рассмотрены технические детали: вопросы о передаче материальных ценностей, имущества граждан, отгона скота. Англичане интересовались характером чехословацких военных приготовлений, снова и снова повторяя: Чехословакию нельзя спасти, и даже после победоносной войны ее было бы невозможно возродить. Я. Масарик торжественно заявил: наследие отцов нельзя предать. Он также пытался убедить, что не следует бояться генерала Сыровы, ибо у него никогда не было никакой симпатии к большевикам, но чехословацкая армия ничего не собирается отдавать Германии.

Это звучало слишком категорично, поэтому Н. Чемберлен спросил, принимает ли все еще чехословацкое правительство первоначальный англо-французский план. Он отметил, что Гитлер считает свой меморандум последним словом. Поэтому необходимо считаться с тем, что он предпримет дальнейшие шаги к увеличению своих военных сил. Если бы Гитлера удалось склонить к согласию на проведение конференции, где решался бы вопрос о методах передачи территории, само собой разумеется на основе англо-французского плана, то могло ли бы чехословацкое правительство также согласиться с таким образом действий? Я. Масарик ответил, что он запрашивает об этом свое правительство⁸.

Совершенно очевидно, что едва ли у Н. Чемберлена могли оставаться сомнения в позиции Чехословакии по отношению

к меморандуму Гитлера. Однако после 19 часов поступила телеграмма Б. Ньютона, в которой говорилось, будто К. Крофта передал ему, что ответ не является окончательным. Тем временем шли сумбурные телефонные переговоры между английским посольством в Праге и чехословацким министерством иностранных дел.

В 18 часов 30 минут сотрудник министерства иностранных дел Чермак сообщил, что ответ чехословацкого правительства на меморандум будет дан вечером. Затем в Прагу позвонил У. Стрэнг и сказал, что Я. Масарик уже вручил ответ в Лондоне. Чермак якобы этого не знал, однако позднее он позвонил еще раз в посольство и передал, что ответ Я. Масарика является также ответом правительства. Вместе с тем правительство разрабатывает более обстоятельную аргументацию, которая будет представлена лишь вечером, поэтому просят в Лондоне не принимать никакого решения, пока в их распоряжение не будет передана подробная аргументация. В 2 часа 30 минут ночи тот же Чермак сообщил в английское посольство, что все уже находится в Лондоне и чехи больше не настаивают на предоставлении британского самолета. Утром, в 9 часов, Чермак позвонил опять и сказал, что ответ Я. Масарика является окончательным ответом правительства. Он подтвердил это снова в 18 часов 30 минут⁹. Однако в это время Г. Вильсон уже давно был в Германии, и ответ чехословацкого правительства не мог оказать никакого влияния на проходившее в Лондоне совещание. Какие же последствия имела эта неразбериха? Прежде всего тем самым была поставлена под сомнение нота Я. Масарика, уведомляющая об отклонении меморандума. Следовательно, Н. Чемберлен мог заявлять, что чешский ответ является лишь предварительным, иными словами, он мог вести себя так, будто этого ответа вообще не было. На заседании своего кабинета он сделал пояснение, что позиция чехословацкого правительства будет зависеть от Франции, дав этим понять, что Чехословакия столь ничтожная величина, что с ней не следует считаться. В течение дня рокового воскресенья 25 сентября на заседаниях британского кабинета, проведенных совместно с французскими министрами, Я. Масарику было уделено так же мало внимания, как позднее посланнику В. Мاستному в Мюнхене.

О своей встрече с Н. Чемберленом и Э. Галифаксом Я. Масарик по телефону проинформировал Э. Бенеша¹⁰.

«Масарик: Я вручил это*, потом меня пригласили. Беседа продолжалась примерно час. Игнорируют нас так, что трудно этому поверить. Получите об этом шифровку. Мне

* Имеется в виду чехословацкий ответ на меморандум. — *Прим. ред.*

задали вопрос, согласны ли мы на созыв конференции, если бы ее удалось организовать в последнюю минуту.

Бенеш: Да.

Масарик: Я, само собой разумеется, ответил: да, если великие державы гарантируют, что тем временем ничего не случится. Вы согласны?

Бенеш: О какой конференции идет речь? Чтобы все это привести в порядок?

Масарик: Да, но по другой системе, а не на основании последнего скандального проекта.

Бенеш: Какого? Его?

Масарик: Думаю, он сделает отчаянную попытку избежать этого. А вы согласны?

Бенеш: На это очень трудно ответить. Нас потом ведь будут принуждать, чтобы мы это выполнили, а на конференции нас заставят пойти еще на новые уступки.

Масарик: Это значит, что сначала должен был бы рухнуть план.

Бенеш: А также первоначальные предложения?

Масарик: Да, это бы означало, что была бы полностью новая платформа.

Бенеш: Ну, конечно, после этого «да».

Масарик: Он * не понял, что здесь теперь мы получили новый план, что прежний уже не существует. Понимаете? Он вообще этого не понял. Гарантии, которые там были, вообще не существуют в этом новом плане, поэтому он отпадает.

Бенеш: Да. Ведь все на новой основе, значит, они не поддерживают даже первоначальные англо-французские предложения, но если нам будут даны гарантии и нас потом надолго оставят в покое, то да.

Масарик: Я отвечу таким образом, чтобы вас не обязывать. У французов имеется инструкция прежний англо-французский план считать неприемлемым.

Бенеш: Да, следовало бы найти новую основу.

Масарик: Да, новую основу. Благодарю».

Нет необходимости подчеркивать: Я. Масарик и Э. Бенеш были далеки от того, что имел в виду Н. Чемберлен, когда внес свое предложение о созыве конференции. Вообще не было и речи о новой основе; это был только тактический маневр, который сделал бы возможным принятие меморандума Гитлера. Очевидно, Я. Масарик питал большие иллюзии относительно своих политических возможностей в лондонских кругах. Свидетельством этого является его предыдущий телефон-

* Имеется в виду Н. Чемберлен. — *Прим. ред.*

ный разговор с Э. Бенешем, состоявшийся незадолго до того, как Я. Масарик был принят Н. Чемберленом ¹¹.

«Масарик: Ноту я вручил здешнему правительству. В ней я изложил, почему это * неприемлемо. Нота не будет раньше времени опубликована.

Бенеш: Да.

Масарик: Я также информировал Корбэна. Одновременно попросил Осуского, чтобы он сделал перевод ноты на французский язык и вручил ее французскому правительству. Он полностью согласен с этим. В 17 часов 30 минут я буду говорить об этой ноте с Чемберленом и Галифаксом. Согласны?

Бенеш: Согласен.

Масарик: И увидите, что произойдут большие события.

Бенеш: Хорошо.

Масарик: Я скажу, что тот, прежний **, мы приняли под сильным нажимом и теперь уже не можем принять ничего. Мы просим только, чтобы нас не покидали, если нас в это втянули.

Бенеш: Да».

Большие события, предсказанные Я. Масариком, не произошли. Нота, от которой Я. Масарик ожидал многого, в англо-французских переговорах осталась практически незамеченной. Как вскоре выяснилось, повод для этого дало само чехословацкое правительство, точнее говоря, комитет Годжи.

Вскоре после полуночи Я. Масарик позвонил в канцелярию президента и категорически потребовал объяснений относительно заявления, сделанного английскому посольству в Праге ¹², в котором было сказано, что окончательный ответ на годесбергский меморандум будет послан в Лондон в понедельник вечером самолетом. Я. Масарик требовал согласия Э. Бенеша подтвердить, что нота, которую он во второй половине дня вручил Э. Галифаксу, точно соответствует инструкциям Праги. Такое же сообщение необходимо сделать Б. Ньютону. У Я. Масарика имелись подозрения, что кто-то действует за спиной Э. Бенеша. Поэтому он категорически требовал, чтобы дополнительный ответ на годесбергский меморандум был передан через него и все было бы сделано с ведома Э. Бенеша. Я. Масарику немедленно было дано требуемое разъяснение: правительство якобы не намеревалось посылать кого-либо в Лондон. Однако в действительности 25 сентября еще просто не было решено, поедет ли в Лондон особый уполномоченный, и поэтому английское посольство получило иную информацию. Затем ему было сказано, что переговоры

* Имеется в виду меморандум Гитлера. — *Прим. ред.*

** Имеются в виду англо-французские «предложения» от 19 сентября. — *Прим. ред.*

об английском самолете были якобы простым зондажем. Правительству будет передано, что Масарик просит ничего не предпринимать, пока оно не познакомится с его нотой; сам же Масарик, мол, считает, что никакого дополнения она не требует. В протоколах канцелярии было записано: «Любое последующее подробное разъяснение и обоснование снова подразумевало бы какие-то переговоры, и Масарик ради бога просит, чтобы мы этого не делали, так как события вышли уже за пределы влияния подобных действий. Главное, чтобы ведение переговоров было предоставлено полностью ему одному и ему было разрешено быть кратким»¹³.

В любом случае действия правительства и президента в деле годесбергского меморандума были крайне безответственными. В сущности, Я. Масарик по собственной инициативе отверг меморандум, тогда как правительство хотело выждать до вечера понедельника. Однако события в Лондоне развивались так, что, собственно говоря, уже не требовалось и не ожидалось никакого ответа Чехословакии. Решающее значение сыграло то, что у Н. Чемберлена во время переговоров в критическое воскресенье были развязаны руки. А чтобы еще больше дискредитировать отклонение меморандума нотой Я. Масарика, Н. Чемберлен дал указание, чтобы германскому посольству в Лондоне было направлено разъяснение: если в печати появится извещение о том, что чехи отклонили годесбергский меморандум, не надо считать это последним словом. Кроме того, премьер просит посольство сообщить ему, какие отклики имела его последняя акция — поездка Г. Вильсона. Германское посольство должно знать, что Я. Масарик опубликовал годесбергский меморандум в английской печати самовольно и Н. Чемберлен возмущен этим¹⁴. Чтобы придать возмущению Н. Чемберлена видимость искренности, газета «Таймс» публично осудила то, что чехи предоставили английской печати текст меморандума. Это, по мнению газеты, могло бы иметь плохие последствия, Гитлер мог отказаться пойти на компромисс¹⁵. У. Стрэнг позвонил ночью и просил, чтобы Я. Масарик ни при каких обстоятельствах не публиковал своего отрицательного ответа на годесбергский меморандум, потому что это сведет на нет все надежды на дальнейшие переговоры с Гитлером. Я. Масарик пообещал; он сказал, что передал текст ответа французам и послал его Э. Бенешу с просьбой не публиковать. У. Стрэнг по телефону поручил английскому посольству в Праге предпринять соответствующие шаги против публикации ответа. Сотрудник посольства Трутбек, который находился в это время в Праге у телефона, был весьма удивлен сообщением, что Я. Масарик вообще дал какой-то ответ. Еще после обеда в воскресенье К. Крофта заверил его, что ответ правительства на меморандум будет готов

лишь в понедельник вечером. Трутбек обещал немедленно все выяснить. Он установил, что, кроме ноты Я. Масарика, Э. Галифаксу вечером 26 сентября будет передан еще пространный меморандум. К. Крофта просит, чтобы британское правительство не принимало никакого решения до получения этого второго меморандума. Н. Чемберлен при переговорах с французами и на последнем почном заседании своего кабинета ссылался на этот разговор. Лишь позднее английскому посольству в Праге было заявлено, что нота Я. Масарика является полным чехословацким ответом, к которому уже не будет ничего добавлено ¹⁶.

Э. Бенеш понял, что своими колебаниями и неуверенностью он упустил решающий момент, когда мог бы еще повлиять на воскресные совещания в Лондоне. Поэтому в понедельник утром он дал К. Крофте распоряжение немедленно уведомить посланников обеих великих держав, что врученная накануне Я. Масариком нота является полным ответом на годесбергский меморандум. Э. Бенеш хотел бы, чтобы это стало известно в Лондоне еще до десяти часов утра, когда должны были возобновиться переговоры с французами. Так как он знал, что англичане пытались скрыть этот отрицательный ответ — ведь было отдано распоряжение не публиковать его в печати, — Э. Бенеш дал указание К. Крофте ознакомить с ответом также посланников Югославии, Румынии, СССР и США ¹⁷. Советское правительство уже обратило внимание, что по отношению к годесбергскому меморандуму Прага действует неуверенно и нерешительно. Поэтому оно попросило ознакомить его с полной документацией об ультимативных требованиях и ответе Чехословакии ¹⁸.

В понедельник утром У. Стрэнг позвонил Я. Масарику и сообщил ему, что в итоге совместных воскресных совещаний было принято решение направить Г. Вильсона с миссией в Берлин. Цель этой поездки — выяснить возможность двусторонних переговоров между Германией и Чехословакией. Я. Масарик ответил, что Э. Бенеш не понимает, почему после многих недель многосторонних переговоров Англия внезапно обращается к идее двусторонних переговоров, с которыми уже имеется очень печальный опыт. У. Стрэнг заметил, что подразумеваются переговоры в присутствии Англии ¹⁹.

В понедельник в 10 часов утра у Я. Масарика состоялся телефонный разговор с канцелярией президента. Я. Масарик был настроен весьма оптимистично, однако не советовал продолжать делать детальный анализ меморандума. Английская пресса, считает он, превосходна. Меморандум Я. Масарика произвел сильное впечатление на английское правительство. (Разумеется, это не пахло отражения в протоколах заседания кабинета.) Французским министрам он также вручил свою

ноту еще до начала совещаний. (Из протоколов совместных англо-французских совещаний видно, что Э. Даладье вообще не упомянул об этом документе Я. Масарика.) Из записей, составленных в канцелярии президента Э. Бенеша, явствует, что Я. Масарик советовал подготовить и держать под руками более широкий контрдокумент, который можно было бы противопоставить меморандуму Гитлера на случай, если бы дело дошло до переговоров. Он упомянул также о попытке Н. Чемберлена отрицать какую-либо причастность Англии к решению о проведении чехословацкой мобилизации²⁰.

Как известно, случается, что при передаче информация искажается. Так было и на этот раз. На заседании Политического комитета было сообщено, что Я. Масарик передал: моя точка зрения одержала победу в английском кабинете. Комитету передали также сообщение посланника Ш. Осуского, будто французское правительство единодушно постановило настаивать на первоначальном англо-французском плане от 19 сентября²¹. Первая информация была просто полностью искажена, вторая также была опровергнута последующим развитием событий. В понедельник в Праге министры обсуждали годесбергский меморандум, однако никакого окончательного решения не приняли. Я. Масарику в Лондон были отправлены две пространные депеши, содержавшие детальную аргументацию против меморандума Гитлера²². Однако все эти детали в Лондоне уже никого не интересовали, да никто и не был в состоянии понять, о чем, собственно, идет речь. Момент, когда следовало высказать ясное и категорическое «нет», был упущен. Теперь Лондон интересовал лишь один вопрос: будет ли иметь успех миссия Г. Вильсона? В Праге еще питали надежды, вызванные телефонными разговорами Я. Масарика. В этой атмосфере мнимых надежд верили, что миссия Г. Вильсона не будет иметь успеха²³.

В 18 часов Пражское радио передало заявление, что годесбергский меморандум выходит за рамки первоначального англо-французского плана и что соглашение может быть достигнуто только в том случае, если западные державы будут придерживаться своих первоначальных «предложений»²⁴. Безусловно, такая тактика ссылок на условия капитуляции 21 сентября в противовес меморандуму Гитлера не могла принести никаких успехов. Ведь Н. Чемберлен основывал свои действия как раз на утверждении, что меморандум Гитлера является всего лишь реализацией, хотя и не совсем удачной, англо-французского плана. Западные капитулянты дружно утверждали, что дело только за решением процедурных вопросов: после согласия, данного Чехословакией 21 сентября, не существует уже, собственно, никаких серьезных возражений против требований Гитлера.

В понедельник Я. Масарик передал Н. Чемберлену ответ на запрос, согласна ли Чехословакия принять участие в международной конференции по вопросу о немецких национальных меньшинствах. В ответе указывалось, что чехословацкое правительство могло бы дать согласие на участие в такой конференции, где оно могло бы изложить свои возражения против условий англо-французского плана от 19 сентября, принятого Прагой под сильным нажимом. Однако оно хотело иметь надежные ручательства, что во время заседаний на Чехословакию не будет совершено нападения. Текст ответа Я. Масарик вручил также Э. Галифаксу²⁵. Ответ, разумеется, не удовлетворил английского премьера, разделявшего убеждение Гитлера, что Чехословакия хочет только выиграть время и затянуть переговоры. Сторонники политики «умиротворения» хотели иметь лишь простое согласие Чехословакии на созыв конференции. Конференция для них могла явиться как раз той ширмой, под прикрытием которой можно было пойти навстречу диктату Гитлера. Впрочем, идея конференции в английской политической концепции уже появилась весной 1938 г. Э. Даладье также увез с собой из Лондона впечатление, что наилучшим выходом из создавшегося положения могла бы быть именно международная конференция, которая вынесла бы окончательное постановление о пересмотре границ²⁶.

Если внимательно проследить за тактикой Н. Чемберлена после его возвращения из Годесберга, то можно обнаружить в ней новые элементы политической маскировки. Еще в Годесберге Н. Чемберлен начал заявлять, что он ведет переговоры только как посредник, интересы которого непосредственно не затронуты. По возвращении в Лондон он назвался простым почтальоном, перед которым не стоит другой задачи, кроме как передать меморандум чехословацкому правительству. Это могло создать впечатление, будто решение проблемы перешло в руки чехословацкого правительства. В действительности все было не так. В течение всего воскресенья Н. Чемберлен вел переговоры без участия чехословацких представителей. Когда Я. Масарик заявил протест против годесбергского меморандума, Н. Чемберлен не принял этого даже во внимание. После опубликования меморандума Гитлера Я. Масариком Н. Чемберлен выразил свое недовольство этим шагом Чехословакии и запретил публикацию чехословацкого протеста против меморандума. У. Стрэнг получил распоряжение замаскировать истинную цель миссии Г. Вильсона, заверив Прагу, что Вильсон якобы не совершит ничего такого, что нанесло бы ущерб позиции чехословацкого правительства. Однако и это заявление У. Стрэнга должно было остаться скрытым от общественности²⁷.

Было совершенно ясно: Н. Чемберлен совсем не собирался играть роль беспристрастного посредника или ничего не значащего почтальона. Он продолжал переговоры с Гитлером и сделал все, чтобы отстранить от них чехословацкое правительство. Через своих дипломатов он давал понять, что от чехословацкого правительства вообще не ждут ответа и что обязанность этого правительства заключается в том, чтобы вести себя по возможности тихо и не осложнять транзакций Чемберлена с Гитлером. Игру Н. Чемберлену облегчал сам Э. Бенеш, который придерживался принципа, что Чехословакия во всем должна слепо следовать за западными великими державами, а в своих отношениях с Германией старался вообще держаться на втором плане. Разумеется, это обуславливало пассивность внешней политики Чехословакии и способствовало тому, что вопрос о ее судьбе решался в Лондоне, а не в Праге.

О миссии Г. Вильсона Я. Масарик информировал Э. Бенеша в понедельник в полдень²⁸. Он сообщил, что личное послание Н. Чемберлена Гитлеру, которое передаст Вильсон, составлено на основе полной договоренности между Англией и Францией. Н. Чемберлен сам предупредил Я. Масарика, что это послание в Берлин будто бы ни в коем случае не предопределяет решения чехословацкого правительства. Новая попытка делается потому, что есть надежда с помощью прямых переговоров между Чехословакией и Германией предотвратить войну. Это сообщение является конфиденциальным, однако Н. Чемберлен желает, чтобы Э. Бенеш был проинформирован о поездке Г. Вильсона. В действительности Н. Чемберлен хотел только застраховать себя на тот случай, если бы чехословацкое правительство предприняло нечто такое, что сорвало бы миссию Г. Вильсона. Между Я. Масариком и Э. Бенешем сразу же состоялся следующий разговор:

М а с а р и к: Я сообщу, что передал вам это * и вы приняли это во внимание. Но вы сказали, что не можете себе представить двусторонних переговоров...

Б е н е ш: И кроме того, скажите, что, когда длительные многосторонние переговоры заменяются двусторонними, дело не может прийти к какому-нибудь решению.

М а с а р и к: Понимаю. Скажу только, что вы это приняли во внимание и до последнего момента предпринимали все возможные попытки, но что против возможности ведения двусторонних дипломатических переговоров с Берлином вы высказали сомнения. Понимаете?

* Имеется в виду разговор с Н. Чемберленом о миссии Г. Вильсона. — *Прим. ред.*

Бенеш (после долгого колебания): А что, собственно говоря, это должно значить? Означает ли это, что прежние планы отпадут?

Масарик: Об этом ничего не говорили. Я думаю, пужно будет, чтобы правительство заняло определенную позицию по этому вопросу. Мы, само собой разумеется, за переговоры, однако они невозможны без предоставления гарантий, а что касается двусторонних переговоров...

Бенеш: Это конфиденциально?

Масарик: Да.

Бенеш: И об этом не будет опубликовано никакого коммюнике?

Масарик: Нет.

Бенеш: Тогда я просил бы, чтобы вы обратились к разным лицам, к англичанам и французам, и выяснили, что это должно означать.

Масарик: Я говорил как раз со всеми, но никто ничего не знает. Говорил с французами, но доклад, который они сделали, они никому не дали и не дают. Я передам, что по вопросу двусторонних переговоров у вас есть много возражений и что вы были бы благодарны, если бы могли ознакомиться с решением, которое было принято. Согласны?

Бенеш (после долгого колебания): Лучше скажите так: мы охотно бы узнали, какие задачи предназначают этим двусторонним переговорам после коллективных, продолжавшихся несколько недель. Я должен это знать, прежде чем смогу дать какой-либо ответ.

Масарик: Стало быть, сказать просто-напросто: после многих недель коллективных переговоров вы не находите вообще никакой возможности, не видите какого-либо смысла...

Бенеш: Нет.

Масарик: ...делать это на двусторонней основе.

Бенеш: Нет, я хотел бы, чтобы вы сказали: я рад бы узнать, что при этом у вас на уме, — и после этого дал бы ответ.

Масарик: Дело обстоит так, господин президент, здесь все меняется то так, то этак, и ничего нельзя заранее сказать. Поэтому я просил бы вас дать мне однозначное указание, что я должен сказать.

Бенеш: Вы скажете следующее: после многих недель коллективных переговоров я не совсем хорошо понимаю, почему сейчас все это переводится на другую линию, и хотел бы это знать».

Днем из Парижа от Ш. Осуцкого пришла депеша, касающаяся миссии Г. Вильсона. В ней говорилось, что это якобы была апелляция к Гитлеру избрать путь переговоров, а не войны. Париж заверял, что за этим не скрывается нового

проекта во вред Чехословакии и что, стало быть, надо сохранять доверие и ждать²⁹.

На состоявшемся в 16 часов заседании Политического комитета М. Годжа сделал сообщение о миссии Г. Вильсона. Он сказал, что Лондон будто бы послал Г. Вильсона к Гитлеру, чтобы отвлечь его от мысли о войне. С Запада дают знать, чтобы не прекращались переговоры с Германией. В письме, которое повез с собой Г. Вильсон, Англия и Франция якобы заявляют, что они вступятся за Чехословакию, если на нее будет совершено нападение³⁰. Как обычно, и эта информация была весьма далека от реальной действительности. Г. Вильсон имел лишь поручение передать при исключительных обстоятельствах устное предостережение. Однако в письме, предназначавшемся Гитлеру, ничего подобного не содержалось. В протоколах заседания Политического комитета нет ни малейшего признака того, что члены комитета осознавали, какая опасность для Чехословакии кроется в том, что Н. Чемберлен и после разлада в Годесберге снова ищет компромисса с Гитлером.

Пока дипломатические маневры шли полным ходом, чехословацкая армия завершила мобилизацию в соответствии с планом. Генеральный штаб разместился вблизи Вышкова. Части первой армии были дислоцированы на Шумаве, в Крушных Горах, в Крконошах и Орлицких горах. Их задачей было прикрывать эвакуацию из Чехии. Вторая армия, на южной чешской и моравской границе между Влтавой и Дунаем, должна была любой ценой защищать южный фланг обороны. Третья армия защищала северный фланг обороны, между Орлицкими горами и Тешинем, и опиралась на сильные укрепления. Четвертая армия формировалась в Словакии. Самые слабые укрепления были в Южной Моравии. Э. Бенеш считал, что следовало бы построить еще приблизительно 2 тыс. укрепленных объектов, для чего потребовалось бы самое меньшее два года³¹. Мобилизация проходила без затруднений, во многих местах на призывные пункты шли и пронацистски настроенные немцы. Немецкие социал-демократы не скрывали своей решимости бороться против фашизма³². Однако многие командующие армиями снова предупреждали не давать оружия в руки ненадежных немцев, так как иначе возникнет угроза мятежа³³.

Генеральный штаб на основе полученных донесений о концентрации германских войск приходил к выводу, что наступление немцев предполагается по трем главным направлениям: с юга — от Вены и Линца; с севера — через Чешская Скалице и Свитави; с запада — на Хеб. Эти три колонны, видимо, должны были встретиться у г. Немецки Брод³⁴. Генеральный штаб предполагал, что Германия не сможет использовать на

чехословацком фронте более 75 дивизий; это был бы перевес 2 : 1, что не давало Германии особого шанса, принимая во внимание характер театра военных действий, а также укрепления и внутренние оборонительные линии чехословацкой армии. Учитывая перевес немцев в авиации, следовало ожидать массированных налетов на шоссе и железные дороги, особенно на переправы через Мораву. В случае успеха наступления немцев создавалась опасность, что государство было бы разделено на две половины и значительная часть армии была бы отрезана от военных заводов в Словакии³⁵.

В воскресенье 25 сентября начальник генерального штаба полагал, что наиболее мощная группировка немецких войск сконцентрирована против южной чешской и моравской границы, и приблизительно определял ее в 7—12 дивизий. Поэтому была усилена оборона на участке между р. Влтавой и Врательном над Дуйи³⁶. С другой стороны, начальник генерального штаба считал, что успех чехословацкой армии будет целиком зависеть от позиции Польши. Это была та же идея, которую генерал М. Гамелен повторял в Лондоне. Поэтому генерал Л. Крейчи требовал от Э. Бенеша, чтобы любой ценой была приобретена если не дружба Польши, то по крайней мере ее доброжелательный нейтралитет — даже ценой значительных территориальных уступок. Взамен Польша должна была предоставить материальную помощь, горючее, лошадей, а если понадобится, дать согласие на перелет советских самолетов или даже на проход советских войск через польскую территорию³⁷.

В понедельник М. Годжа обратился к польскому послу и от имени правительственной коалиции и с согласия Э. Бенеша предложил следующее: а) Чехословакия готова уступить Польше Тешинскую область; б) Чехословакия хочет воспользоваться этим исправлением границ для принципиального изменения своей внешней политики, а именно: внешняя политика Чехословакии будет ориентирована на Варшаву; Чехословакия поддерживала бы распространение великодержавного польского влияния в Центральной Европе и в странах Дунайского бассейна; в) Чехословакия готова уступить Венгрии Жупанийский остров, а Германии уступить пограничные территории. Со всеми этими территориальными изменениями в принципе согласно и новое правительство. После всех этих территориальных уступок произошло бы и изменение внешней политики Чехословакии. Однако Гитлер своей грубостью вызвал такую ответную реакцию левых сил, что сейчас никакое правительство не в состоянии как-либо изменить обстановку внутри страны. Если Гитлер не откажется от своих унижительных требований, Чехословакии придется защищаться. Если бы Варшава разъяснила в Берлине, что, собственно говоря,

проблема судетских немцев в целом уже урегулирована, а принятие чехами новых унижительных требований Гитлера, учитывая внутреннюю ситуацию Чехословакии, невозможно, тогда со всей проблемой в целом можно было бы покончить в течение одной недели и мир в Европе был бы сохранен³⁸.

И хотя вся эта программа была изложена М. Годжей, нельзя сомневаться, что произошло это с ведома Э. Бенеша. Ведь, собственно, не выдвигалось никакого иного предложения, кроме одного: чтобы Германия удовлетворилась первоначальным англо-французским планом, — а это и была официальная линия правительства, Политического комитета и самого Э. Бенеша.

Но Польша преследовала другие цели и не хотела примириться только с территориальными приобретениями в Тешинской области. Как разъяснил У. Буллит польский посол в Париже Ю. Лукаевич, Польша желает иметь общую границу с Венгрией. Польский военный атташе уже 23 сентября сообщил французскому генеральному штабу, что если начнется война, то Польша немедленно оккупирует всю Словакию, чтобы потом передать ее Венгрии. В противном случае Германия может захватить всю Чехословакию, а это приведет к установлению германского контроля и на южных польских границах. Мирное решение вопроса в Восточной Европе, по мнению Польши, предполагает полное расчленение Чехословакии; небольшой остаток чешской территории мог бы быть впоследствии нейтрализован и не имел бы собственной внешней политики. У. Буллит заметил, что у этого решения мало надежды быть принятым Западом³⁹. Ю. Лукаевич заявлял, что Польша никогда не согласится с таким решением, которое будет способствовать развязыванию войны в Центральной Европе. Английские политики в то время были заняты исключительно торгом с Германией и не желали, чтобы Польша вмешивалась во все это дело. Поэтому в Варшаву непрерывно посылались предостережения, чтобы Польша не прибегала ни к какой насильственной акции против Чехословакии⁴⁰.

Венгерское правительство вело себя значительно более сдержанно. Оно хотя и выступало со своими территориальными претензиями, но должно было считаться и с государствами, входившими в Малую Антанту и предостерегавшими от нападения на Чехословакию. Однако венгерское правительство предупреждало Запад, что если Венгрия не получит того, что требует, то существующее в настоящее время в Будапеште правительство может пасть. К власти придут венгерские нацисты. Вместе с тем министр иностранных дел Венгрии К. Каня заверял, что Германия якобы никогда не ставила вопроса о возможности использования венгерской территории

для нападения на Чехословакию⁴¹. Конечно, эти заверения были фальшивыми.

При таком состоянии дел попытка Э. Бенеша и М. Годжи сблизиться с Польшей была совершенно нерасальна. Их политика основывалась на капитуляции 21 сентября и поэтому не могла иметь никакой перспективы. Дело обстояло так: если Чехословакия хотела сохранить свое существование, она должна была отважиться на борьбу.

В понедельник вечером Гитлер произнес речь во Дворце спорта. Он угрожал Чехословакии, обвинял ее правительство и президента в том, что те стремятся вовлечь Европу в войну. Гитлер повторял, что Чехословакия является искусственно созданным государством, что даже словаки не желают уже жить вместе с чехами.

Правительство Сыровы собралось в 20 часов того же дня, чтобы обсудить создавшееся положение. Министр Г. Вавречка сообщил, что только на следующий день на совещании у Бенеша будет произведен анализ речи Гитлера и подготовлен ответ, а также будет решено, кто от имени правительства публично произнесет его. Такая процедура была, конечно, очень медлительной и не учитывала того обстоятельства, что время являлось решающим фактором в подобной ситуации. Коалиционный правительственный механизм работал медленно и непроизводительно, когда речь шла о защите республики. И был на удивление подвижен, если речь шла о принятии капитуляции.

Многие из министров высказались за непосредственные переговоры с Германией. Министр С. Буковски внес предложение, чтобы Э. Бенеш сам поехал для переговоров в Англию. Я. Сыровы отклонил это предложение, а К. Крофта разъяснил, что Англия отказывается от ведения переговоров, предоставляя делать это чехословацкому правительству, и, более того, можно будто бы ожидать падения кабинета Чемберлена.

Разумеется, подобного рода информация не имела ничего общего с реальным положением дел. Н. Чемберлен вовсе не намеревался предоставить ведение переговоров с Германией пражскому правительству, по крайней мере не раньше чем будет завершен его торг с Гитлером. Падение английского кабинета после воскресных совещаний в расчет не принималось, потому что Н. Чемберлену удалось защитить свою политическую линию, причем во многом благодаря пассивности чехословацкой внешней политики.

Я. Сыровы, докладывая о состоянии армии, сказал, что настроения личного состава исключительно хорошее, причем не только у чехов, словаков, а часто и у немцев. На это резко отреагировал министр-людовец М. Чернак. Он заявил, что хотя в Словакии нет сопротивления, но нет также и

настроения сражаться. Правительство должно немедленно и полностью удовлетворить потребности «словацкого национализма, который у словаков является формой проявления любви к своему государству». Он предлагал, чтобы правительство и президент дали согласие на немедленную передачу власти в Словакии партии Глинки. Я. Сыровы возражал против этого, утверждая, что такой вопрос нельзя решать, когда республика находится под угрозой и война может начаться в ближайшие два-три дня. Поскольку к М. Чернаку присоединились также министры И. Карваш и В. Файнор, указывавшие на то, что, приняв такое решение, правительство выбило бы из рук Гитлера один из его пропагандистских козырей. Я. Сыровы в конечном счете согласился рекомендовать Я. Бенешу, чтобы тот на следующий день обсудил с людовцами вопрос о передаче им власти в Словакии⁴².

Дело заключалось в том, что буржуазная Чехословакия своевременно не решила внутренние национальные вопросы, и эти нерешенные проблемы углублялись ныне внешнеполитическим кризисом республики. С другой стороны, не было сомнений, что уже в то время людовцы координировали свои действия с Германией. Й. Тисо вел переговоры с немцами, цель которых состояла в том, чтобы Словакия не принимала участия в войне, если таковую развяжет Гитлер. М. Чернак, позже ставший посланником правительства Тисо в Берлине, выступил со своими сепаратными требованиями именно в тот момент, когда Гитлер в своей речи во Дворце спорта также заявил, что словаки должны получить возможность создать самостоятельное государство.

Командование чехословацкой армии высказало свое отношение к речи Гитлера. По мнению генерала Л. Крейчи, речь Гитлера преследовала цель — демонстрацией мощи германской армии утратить Чехословакию и удержать ее союзников от выполнения своих обязательств; Гитлер пытался также расколоть единство чехов и словаков, принудить Чехословакию принять его меморандум и отдать Германии свои пограничные районы не позднее 1 октября. Согласно рекомендациям армейского командования, чехословацкая печать должна была оказывать противодействие германской пропаганде, а именно: она должна была подчеркивать военную мощь Чехословакии и ее решимость защищаться от агрессии; оказывать воздействие на союзников Чехословакии и раскрывать им глаза на то, что планы Гитлера нацелены на постепенное овладение всей Европой; укреплять единство чехов и словаков⁴³.

Если армейское командование рекомендовало активно обороняться от нападок германской пропаганды, то политическое руководство республики после 21 сентября не смогло решиться на что-либо похожее на самостоятельные политические дей-

ствия. Оно отстаивало свою капитуляцию, питая ложные иллюзии, что реализация англо-французских «предложений» потребует длительных дипломатических переговоров. А на этих переговорах можно будет добиться хотя бы частичных корректив в пользу Чехословакии, с тем чтобы окончательное решение могло иметь приемлемую форму.

Капитуляция 21 сентября и обманчивые иллюзии, с ней связанные, явились апогеем политических возможностей Э. Бенеша и Политического комитета, решающим фактором демобилизации всякой политической активности правительства в течение всего периода между Годесбергом и Мюнхеном. Эта роковая пассивность позволяла сторонникам политики «умиротворения» обманывать общественное мнение, утверждая, что, собственно говоря, все уже решено и остаются лишь кое-какие второстепенные вопросы процедурного характера.

На заседаниях Политического комитета и правительства никогда не высказывалось ничего такого, что выходило бы за рамки англо-французского плана от 19 сентября. Как правило, на этих заседаниях Э. Бенеш сообщал своим министрам сведения, поступившие по телефону из Парижа и Лондона. Нередко это были сведения преувеличенные, неточные, а следовательно, неделовые. Именно так выглядело заседание Политического комитета совместно с председателями входящих в правительственную коалицию партий, состоявшееся во вторник, в 10 часов 30 минут утра. На этом заседании Э. Бенеш докладывал о результатах воскресных англо-французских переговоров и о миссии Г. Вильсона⁴⁴. В его изложении суть сводилась к следующему: Н. Чемберлен заявляет, что поддерживает первоначальные англо-французские «предложения» (в действительности это была неправда). Французское и английское правительства понимают, что требования меморандума Гитлера не совпадают с первоначальными «предложениями». Я. Масарик сообщил по телефону, что в решениях англо-французских совещаний нет якобы ничего такого, что задевало бы чехословацкие интересы (разумеется, это тоже не соответствовало действительности). Великие державы продолжают придерживаться англо-французского плана. Оба государства в этом действуют заодно (это было, разумеется, крайне сомнительным). В письме Н. Чемберлена к Гитлеру говорится, что оба правительства западных держав верят, что Германия не предпримет ничего против Чехословакии; в противном случае это натолкнулось бы на вооруженный англо-французский отпор (само собой разумеется, в письме не было ничего подобного). При этом в письме дается понять, что можно продолжать переговоры на основе англо-французского плана. Ш. Осуский получил сообщение от Р. Массигли, что в случае германского нападения англо-французская солидарность

является полной (к сожалению, все было как раз наоборот).
III. Осускому сообщили, что дела в Лондоне закончились хорошо и что он может быть удовлетворен. (Если воскресными совещаниями был удовлетворен Ж. Бонне, то это было катастрофой для Чехословакии.)

Свою исключительно оптимистическую информацию Э. Бенеш закончил рекомендацией: Чехословакия не должна предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать недоразумение и дать повод говорить, будто она толкает мир к войне. Мы должны настаивать на том, что пограничные районы нельзя передать в руки Германии до 1 октября. Нельзя соглашаться ни на какой плебисцит. Территория может быть передана лишь после того, как международная комиссия определит условия передачи и обозначит новые границы Чехословакии, которые будут гарантированы.

«Беран: Надо подчеркнуть, что Чехословакия сдержит свои обещания, чтобы Англия и Франция ни в чем не могли нас упрекать.

Бехице: Мы настаиваем также на всех условиях англо-французского плана.

Бенеш: События обрушиваются со страшной силой. Пусть наши друзья поймут, что сегодня мы находимся в таком же положении, в каком была Сербия в 1914 г. Моральное право — на нашей стороне. Мы должны сделать все, чтобы войны не было, но мы должны держать свое слово (имелась в виду капитуляция 21 сентября), не позволить, чтобы наша территория была оккупирована, и не дать возможности себя понуждать». (Э. Бенеш спешил, когда нужно было добиться решения о капитуляции, но он терял время, когда надо было действовать быстро и безотлагательно.) «Парламент будет созван лишь в решающий, критический момент». (В конечном счете он вообще не был созван, и вопрос о мюнхенской капитуляции решался без парламента.)

«Шрамек: Приняло ли новое правительство прежние обязательства?

Сыровы: Совершенно очевидно, что мы их приняли. Формально мы, разумеется, этого не сделали».

Итог этого совещания был суммирован в двух пунктах:

1. Необходимо сделать все, чтобы войны не было.
2. Англо-французские «предложения» необходимо осуществить, но идти дальше нельзя.

Если после возвращения Н. Чемберлена из Годесберга и проведения мобилизации чехословацкой армии Э. Бенеш допускал, что при определенных обстоятельствах можно было бы в случае необходимости взять назад согласие с англо-французскими «предложениями» или хотя бы добиться при реализации определенного улучшения этого плана, то после англо-

французских совещаний в Лондоне всей политической мудрости правительства и президента хватило только на то, чтобы констатировать, что капитуляция 21 сентября сохраняет силу. В то время как англо-французский план от 19 сентября в ходе дебатов, длившихся 51 час, в Праге был сочтен максимумом того, что можно принять под крайним нажимом, то ныне он был сочтен минимумом, который надо защищать в противовес меморандуму Гитлера. Однако для Ж. Бонне и Н. Чемберлена важно было только одно, а именно что Прага 21 сентября капитулировала и ныне сохраняет свое согласие на уступку населенных немцами территорий. Этого было вполне достаточно, чтобы они могли беспрепятственно продолжать торговаться с Гитлером.

XVI. МИССИЯ ВИЛЬСОНА К ГИТЛЕРУ

(26—27 сентября)

Н. Чемберлен в течение всего сентябрьского кризиса старался отстранить британский Форин оффис от дипломатических переговоров и самому вести все дела с Гитлером. Так и на этот раз. Г. Вильсон был послан в Берлин в качестве личного советника Н. Чемберлена; Н. Гендерсону было поручено подготовить почву для приема Г. Вильсона. Как обычно, он обратился к Г. Герингу с просьбой посодействовать успеху Г. Вильсона. Чемберлен предпринимает последнюю попытку мирного урегулирования, и немцы должны понять, сказал Н. Гендерсон, что у британского премьера имеются трудности не только с чехословацким правительством, которое отвергло меморандум Гитлера, но что его политика наталкивается также на сильное противодействие в самой Англии. Г. Геринг указал, что чехи провели мобилизацию, на территории Судет продолжаются беспорядки, в Германию прибывают все новые беженцы — все это свидетельствует, что данное состояние не может сохраняться дольше, чем до 1 октября. Если начнется война, то Польша выступит вместе с Германией. Н. Гендерсон постарался свести причины возникших недоразумений к процедурным вопросам, ибо раз уже в принципе об уступке территории договорились, то нет никакой причины для войны. В конце концов Г. Геринг обещал помочь организовать встречу Г. Вильсона с Гитлером¹.

В германском министерстве иностранных дел Н. Гендерсон вручил также послание Н. Чемберлена. В нем содержалась просьба к Гитлеру не обращать никакого внимания на любые сообщения о переговорах Великобритании с Францией и Чехословакией, а считать проявлением британской политики только то, что исходит непосредственно от британского премьер-министра. Н. Гендерсон по собственной инициативе добавил к этому, что Н. Чемберлен сталкивается дома с сильной оппозицией. Германской внешней политике следовало бы помнить об этом обстоятельстве, потому что может возникнуть также противодействие Н. Чемберлену, которое перечеркнет все его мирные намерения².

Для дальнейшего развития событий важное значение имело предложение Н. Гендерсона разработать альтернативу к меморандуму, чтобы требования Гитлера можно было реализовать. Разумеется, такой альтернативный план следовало предложить Гитлеру еще до того, как в понедельник вечером он произне-

сет свою речь. Тогда он мог бы, например, заявить, что удовлетворится символической оккупацией какого-нибудь небольшого района Чехословакии, например Хебского. Н. Гендерсон рекомендовал, чтобы на Прагу в этом направлении был оказан новый нажим. Чехословацкое правительство пусть само предложит Гитлеру немедленно уступить Хебский район³.

В Лондоне ухватились за эту идею, и, таким образом, уже 26 сентября родился пресловутый «time-table», «временной план», являвшийся не чем иным, как несколько измененным меморандумом Гитлера⁴. Главная идея нового плана заключалась в том, что Англия предлагала взять на себя ручательство за осуществление передачи чехословацкой территории. Тем самым отпало бы возражение Гитлера, что он не может верить обещаниям чехословацкого правительства. Германская армия 10 октября начала бы оккупацию пограничной зоны, а особая комиссия 31 октября установила бы окончательную линию новой границы. После этого можно было бы договориться о чехословацкой демобилизации, о пересмотре чехословацких союзнических договоров и о гарантиях новых чехословацких границ⁵. Если первоначальный англо-французский план истолковывался Э. Бенешем таким образом, что сначала будут определены условия передачи и даны гарантии и лишь после этого последует оккупация, то британский «time-table» шел навстречу меморандуму Гитлера, в котором выдвигалось требование: в первую очередь оккупация и лишь после нее переговоры о дальнейшей судьбе искалеченной Чехословакии.

В письме Н. Чемберлена к Гитлеру, привезенном Г. Вильсоном, кратко сообщалось, что чехословацкое правительство хотя и отвергло меморандум, но сохраняет свое согласие на передачу пограничных районов, которое оно дало 21 сентября. Далее следовал настойчивый совет, чтобы Гитлер принял предложение о созыве конференции, которая решила бы вопрос об условиях передачи территорий. Британское правительство выражало готовность присутствовать на этих переговорах⁶. В письме не было предостережения, что если Гитлер отвергнет это предложение, то единственной альтернативой остается война. И хотя Э. Даладье позже утверждал, что он якобы видел текст ноты, где такое предостережение содержалось⁷, однако Н. Чемберлен информировал кабинет министров, что Г. Вильсон должен был сделать такое предостережение только устно. Незадолго до первой встречи с Гитлером Г. Вильсон получил от Н. Чемберлена депешу, в которой это устное предостережение было сформулировано следующим образом: «Французы окончательно заявили, что намерены поддержать Чехословакию, если она подвергнется нападению. Это привело бы нас к войне. Надо сказать канцлеру, что война — единственная альтернатива мирному решению»⁸.

Первая встреча Г. Вильсона с Гитлером состоялась в 17 часов. Г. Вильсон вручил письмо Н. Чемберлена и обратил внимание Гитлера на то, что германский меморандум был резко встречен британским общественным мнением. Гитлером овладел приступ ярости. Он вел себя как маньяк, отказывался что-либо слушать, порывался убежать из помещения⁹. С его языка срывались такие ругательства, как «старый вопючий пес сошел с ума», «глупый осел», «тулая свинья»¹⁰. Г. Вильсон посчитал момент неблагоприятным для того, чтобы передать устное предостережение о возможной войне этому взбешенному маньяку.

Гитлер высокомерно отверг письмо Н. Чемберлена и заявил, что готов ждать чешского согласия на оккупацию Судет самое позднее до 14 часов 28 сентября¹¹. Подобное поведение немецкого канцлера должно было бы привести к разрыву дипломатических отношений. Но западноевропейской реакции был нужен Гитлер с его гестапо и концентрационными лагерями для борьбы с коммунизмом. Поэтому Г. Вильсон и Н. Гендерсон были готовы простить Гитлеру его буйство и удалились, договорившись, что переговоры будут продолжены на следующий день.

В 20 часов Гитлер произнес речь во Дворце спорта. Бывший английский министр Л. Эмери сказал, что его выступление напоминало скорее вой дикого зверя, чем речь человеческого существа. Однако Г. Вильсон на следующий день счел возможным поздравить Гитлера с великолепным приемом, который публика оказала его ораторскому искусству¹². Тактически Гитлер построил свою речь следующим образом: он якобы заботится только о судетских немцах, ему чехи не нужны. Чешское государство его не интересует. Да и вообще, что это за государство — словаки также уже не желают жить вместе с чехами. Чехи собираются воевать, словаки хотят мира. Если начнется война, то ответственными за нее, разумеется, будут только чехи. Германия не намерена нападать на Францию; и если Франция окажет военную помощь Чехословакии, то она тем самым совершит агрессию против Германии¹³. Германская печать получила указания особенно подчеркивать тезис из речи Гитлера о том, что ответственность за все лежит на Чехословакии, а все остальные страны желают мира¹⁴.

В выступлении Гитлера правительство Чемберлена усмотрело ответ на свое предложение продолжить переговоры, переданное Г. Вильсоном. Н. Гендерсон из выступления Гитлера сделал свои выводы. Он сообщил в Лондон, что чехам, по его мнению, следовало бы посоветовать немедленно предложить Гитлеру пограничные территории, провести демобилизацию своей армии и отвести вооруженные силы из тех районов, на которые заявила притязания Германия¹⁵. Этот злой дух в обра-

зе английского дипломата с большим опережением высказывал всегда именно то, что нацистские правители отваживались требовать гораздо позже.

Комитет британского правительства по чехословацкому вопросу собрался в 22 часа, для того чтобы обсудить ситуацию, создавшуюся после выступления Гитлера¹⁶. Дж. Саймон зачитал основные положения из этого выступления, и министры пришли к выводу, что Гитлер обрушился главным образом на Э. Бенеша. Отсюда следует, посчитал комитет, что нет никакой причины для проведения британской всеобщей мобилизации. Однако Н. Чемберлен, зачитав телеграмму Г. Вильсона, что позиция Гитлера остается бескомпромиссной, сказал: «Если следующая встреча Вильсона с Гитлером будет неудовлетворительной, то не останется ничего другого, как провести мобилизацию. Впрочем, окончательное решение будет принято лишь по возвращении Г. Вильсона в Лондон». Н. Чемберлен набросал основные положения заявления для печати, которое должно было явиться ответом на речь Гитлера. В заявлении указывалось: если Гитлер не верит, что чехи сдержат свои обещания, то британское правительство готово гарантировать быстрое и эффективное осуществление англо-французских «предложений» при условии, что Германия согласится на предлагаемый компромисс. Во время дискуссии в комитете были высказаны соображения о желательности привлечь к реализации англо-французских «предложений» и другие страны, например Италию. Затем были зачитаны новые телеграммы и телефонограммы Г. Вильсона, содержавшие предложение, чтобы вопрос об условиях передачи территории был решен чешскими и немецкими представителями путем непосредственных переговоров. Однако комитет посчитал, что тактика Н. Чемберлена сулит большие надежды на успех. В заключение Э. Галифакс ознакомил комитет с новым документом — запиской, составленной в Форин оффис об «организованном и быстром оставлении судетских территорий». Предложение о том, чтобы эта записка была послана Г. Вильсону в Берлин, где тот мог бы использовать ее в своих переговорах с Гитлером, было отвергнуто. По мнению комитета, в данной ситуации было преждевременно сообщать Гитлеру подробности.

На речь Гитлера Н. Чемберлен ответил заявлением, сделанным журналистам. Грубые оскорбления Гитлера им были оставлены без внимания, не упоминал он и об отклонении Гитлером своего письма. Все это напоминало ситуацию, имевшую место накануне выступления Гитлера в Нюрнберге 12 сентября: что бы и в какой бы форме Гитлер ни говорил, Н. Чемберлен был готов продолжать политику «умиротворения» и заключить с ним сделку. В заявлении, переданном в печать, говорилось, что Н. Чемберлен намерен продолжать

усилия в том же направлении, тем более что по большинству спорных вопросов уже достигнуто согласие. Британское правительство готово взять на себя ручательство, что данные обещания будут выполнены в возможно кратчайшие сроки. Следует только установить приемлемые сроки и порядок передачи территории. В Праге заявление Н. Чемберлена стало известно утром 27 сентября¹⁷.

Вторая встреча Г. Вильсона с Гитлером состоялась в первой половине 27 сентября. Г. Вильсон в начале разговора поинтересовался, не имеет ли Гитлер какого-либо сообщения для Н. Чемберлена. Тот ответил, что ничего, кроме приветствия и благодарности за усилия по сохранению мира. Г. Вильсон подчеркнул, что Англия хотела бы достичь соглашения с Германией, напомнил, что Гитлер сам однажды назвал Англию и Германию оборонительным валом против разлагающих сил с Востока. Если Чехословакия примет меморандум Гитлера, тогда все будет в порядке. Если отклонит, то неизвестно, чем закончится дело. Если Германия нападет на Чехословакию, то Франция выполнит свои договорные обязательства, а Англия будет считать себя обязанной оказать помощь Франции. Лишь теперь Г. Вильсон нашел смелость передать свое устное предупреждение. Однако он смягчил его, указав на угрозу мирового коммунизма и напомнив об общей антикоммунистической миссии Англии и Германии. В ответ Гитлер заметил, что это привело бы к всеобщей войне, но все равно, если чехи отвергнут его меморандум, он полон решимости их разгромить. Г. Вильсон «усиленно подчеркнул необходимость избежать катастрофы», образумив чехов. В заключение Гитлер заверил, что в его лице Англия имеет большого друга¹⁸.

Оба собеседника были единодушны в том, что война против Германии привела бы к расширению советского влияния в Центральной Европе, а поражение Гитлера вызвало бы даже коммунистическую революцию в Германии. Следовательно, единственный выход состоял в том, чтобы заставить чехов капитулировать перед годесбергским меморандумом¹⁹. Английское посольство в Берлине сопровождало отчет Г. Вильсона о миссии рекомендацией оказать на Прагу новый нажим. Альтернатива, подчеркивало посольство, ясна: или меморандум Гитлера, или война²⁰.

Перед утренней встречей с Гитлером Н. Гендерсон получил из Лондона указание проинформировать германский МИД о том, что чехословацкое правительство отвергло годесбергский меморандум. Однако Н. Гендерсон не выполнил распоряжения²¹, объяснив Лондону, что на этой стадии переговоров лучше было не сообщать о ноте Я. Масарика с отказом принять меморандум Гитлера. Это, считал Н. Гендерсон, могло бы оказать неблагоприятное влияние на предстоящую беседу.

Г. Вильсона с Гитлером. Данное распоряжение Н. Гендерсон обещал осуществить лишь после возвращения Г. Вильсона в Лондон ²².

Сообщая о второй встрече с Гитлером, Г. Вильсон отметил: годесбергский меморандум остается в силе, сохраняется срок оккупации — 1 октября. Это необходимо довести до сведения чехословацкого правительства. Г. Вильсон выражает сомнение, можно ли полагаться на Я. Масарика, которому уже в воскресенье было ясно сказано: ничто не может предотвратить поражение Чехословакии. Если чехи будут вести переговоры непосредственно с немцами, как этого требует годесбергский меморандум, они могут еще достичь соглашения. Британский военный атташе, только что возвратившийся в Берлин из Чехословакии, докладывает, что моральный дух чехословацкой армии низкий и ее сопротивление будет недолгим. Если чехословацкое правительство возражает против второго параграфа меморандума, считая его унижительным, то пусть само отведет войска из населенных немцами районов и сообщит об этом Гитлеру не позднее чем утром 28 сентября. Оно может указать, что делает это в интересах европейского мира ²³.

В итоге миссии Г. Вильсона к Гитлеру стало ясно: Чехословакия должна принять годесбергский меморандум. В этом усердно убеждали и американские дипломаты — У. Буллит в Париже и Х. Вильсон в Берлине ²⁴. Самой собой разумеется, что главным инициатором был сам Н. Гендерсон ²⁵. Впрочем, германская дипломатия, прежде всего И. Риббентроп, также выражала надежду, что Англия снова окажет сильный нажим на Прагу и тем самым разрешит проблему ²⁶.

Последние переговоры и заявления совершенно определенно показывали намерение германских и английских кругов добиться разрешения чехословацкого кризиса с помощью непосредственных переговоров между Германией и Англией и не допустить в то же время, чтобы Чехословакии вообще могло принадлежать какое-либо слово в решении этих вопросов. Чехословакия была лишь объектом торга между Н. Чемберленом и Гитлером. Ей оставалось одно: принять годесбергский меморандум и тем самым сдаться на милость Гитлера. Эти намерения отстранить Чехословакию от участия в решениях были уже видны из речи Гитлера 26 сентября, когда его нападки были направлены только на Чехословакию. Это же видно и из того, что Н. Гендерсон не счел нужным сообщать германскому правительству, что Я. Масарик в воскресенье вручил ноту с отклонением годесбергского меморандума. Та же тактика видна и в дальнейших шагах германской, французской и английской дипломатии вплоть до того момента, когда в Мюнхене соберется конференция четырех держав. Чехословакия

обрекалась на молчание и все чаще клеймилась как нарушитель мира. И это делалось не только в Берлине, но и в Париже.

27 сентября германская печать получила указания усилить нападки на Э. Бенеша, обвиняя его в намерении начать войну. Капитулянтские же элементы в Праге рекомендовалось поддерживать перспективами экономического сотрудничества. Для успокоения остальных европейских государств следовало развивать тезис о том, что Германия не имеет уже никаких других территориальных претензий. Относительно германских военных мероприятий следовало хранить глубокое молчание, тогда как о Чехословакии писать как о государстве, усердно готовящемся к войне²⁷. Корреспонденции о так называемом терроре чехов должны были публиковаться и впредь, однако запрещалось сообщать о деятельности судетонемецких террористических банд. Цель этой газетной кампании понятна: убедить, что нарушителем мира в Европе является только Чехословакия. Усиленные нападки германской печати лично на Э. Бенеша преследовали цель добиться его отставки. Подобная же цель видна и в речи Гитлера 26 сентября. Об этом открыто говорил германский посланник в Праге Э. Эйзенлор, который в это время находился в Берлине²⁸.

Гитлер и его советники, видимо, рассчитывали, что после отставки Э. Бенеша в Чехословакии могло бы сформироваться такое правительство, которое без сопротивления приняло бы годесбергский меморандум и тем помогло Гитлеру выбраться из тупика. В пражском дипломатическом корпусе полагали, что меморандум Гитлера не был принят из-за сопротивления левого крыла коалиции, считавшегося опорой Э. Бенеша. Падение Бенеша могло привести к власти правых, не скрывавших своей готовности вести переговоры непосредственно с Германией. А в годесбергском меморандуме как раз содержалось требование, чтобы условия оккупации были уточнены путем прямых переговоров между Германией и Чехословакией. Можно полагать, что это требование было выдвинуто Гитлером для поддержки правых сил в Чехословакии.

Политической изоляции Э. Бенеша и Я. Масарика, их полному отстранению от участия в англо-германских переговорах должна была, несомненно, служить и передача немцами записей подслушанных ими телефонных разговоров между Прагой, Лондоном и Парижем. Эти записи английскому посольству в Берлине передал генерал Боденшатц. Позднее Г. Геринг в разговоре с Н. Гендерсоном также упомянул об этих записях. По его мнению, они показывают, что у Э. Бенеша никогда не было намерений отдать Германии пограничные территории, а Я. Масарик якобы намеревался добиться падения английского и французского правительств, если те не станут поддерживать Чехословакию против Германии. На основании этого

Г. Геринг утверждал, что британское посредничество исчерпало свои возможности. Если согласие Чехословакии на годесбергский меморандум не будет получено и ее уполномоченные не придут в Берлин для ведения переговоров до 14 часов 28 сентября, то в Германии будет объявлена всеобщая мобилизация и она начнет оккупацию. Вместе с Германией выступают Италия, Польша, Венгрия и Югославия; на Россию нападет Япония²⁹.

Цель этой германской акции заключалась в том, чтобы дискредитировать ведущих чехословацких политических деятелей, не допустить их к участию в дальнейших переговорах. Угроза Гитлера начать войну должна была заставить Англию оказать новый нажим на Прагу, принудить чехословацкое правительство согласиться с годесбергским меморандумом.

Английское посольство в Берлине добавило к этим записям телефонных разговоров и свои замечания. Оно считало, что Я. Масарик, очевидно, связан с оппозицией и верит, будто под ее давлением правительства Англии и Франции окажут поддержку Чехословакии. По мнению посольства, записи, скорее всего, являются подлинными³⁰. Ряд записей переговоров действительно соответствует протоколам, хранящимся в пражских архивах. Однако записи телефонных разговоров, переданные немцами англичанам, ни в коей мере не подтверждают обвинения Г. Геринга в том, что Э. Бенеш якобы не намеревался передавать пограничные территории. Наоборот, из этих разговоров видно, что Э. Бенеш оставался верен англо-французскому плану 19 сентября, что, впрочем, известно также и из всех других доступных источников.

К. Крофта заявил англичанам протест против немецкого обвинения в том, что Э. Бенеш якобы не намерен осуществить англо-французский план, а Я. Масарик плел интриги с оппозицией против их правительства³¹. Э. Галифакс изволил ответить через Я. Масарика лишь 8 октября, что он принял этот протест. Однако в его ответе нет даже упоминания, согласен он или нет с протестом К. Крофты³². В дипломатической практике это значило, что хотя англичане и приняли протест К. Крофты, однако полностью с ним не согласились.

Единственным человеком, сразу же появившим, какую цель преследовали немцы, передавая эти записи, был Н. Чемберлен. Он тут же сделал вывод, что впредь чехи уже не должны играть никакой роли в его переговорах с Германией. Поэтому Н. Чемберлен ответил Н. Гендерсону, что после злобных нападок Гитлера на Э. Бенеша он не считает полезным советовать чехословацкому правительству, чтобы то обращалось к Германии с какими-либо собственными предложениями. История с перехваченными телефонными разговорами, по его мнению, свидетельствует о недоверии немцев к Э. Бенешу,

о котором Гитлер говорит, что тот не намерен выполнить свои обещания. Вместе с письмом Н. Чемберлен послал Н. Гендерсону текст заявления, переданного им печати в качестве ответа на речь Гитлера 26 сентября о том, что Англия сама будет поручителем при «упорядоченной и быстрой передаче» чехословацкой территории³³. Таким образом, Н. Чемберлен поддержал намерение Германии исключить Чехословакию как партнера из дальнейших переговоров. Это полностью отвечало и его планам после возвращения из Годесберга. Пассивность Э. Бенеша, его нерешительность только способствовали этой интриге.

27 сентября в центре всеобщего внимания оказался новый германский ультиматум, переданный Чехословакии через англичан. Первоначально Гитлер обещал в Годесберге Н. Чемберлену, что он будет ждать восемь дней, то есть до 1 октября. Теперь этот срок был сокращен. После завершения визита Г. Вильсона Гитлер отдал приказ, чтобы первый эшелон войск, предназначенных для наступления, был сосредоточен на исходных позициях не позднее 6 часов 15 минут утра 30 сентября. Авиация должна была начать боевые действия в зависимости от метеорологических условий³⁴. Позже Гитлер уверял Н. Гендерсона, что он действительно был готов начать войну³⁵.

Германия угрожала войной уже с весны. Гитлер провел мобилизацию своей армии, чтобы подкрепить угрозы. Но только теперь он предъявил явный ультиматум сроком в 24 часа. Его военные угрозы приобрели вполне конкретный характер. Гитлер хорошо понимал, что у него есть лишь две возможности: или в течение 24 часов начать войну, или отказаться от своей угрозы. Но отказ был бы равнозначен политическому поражению. Гитлер хорошо знал, что сторонники политики «умиротворения» постараются не допустить его политического поражения и что в то же время они боятся войны. Поэтому, идя на такой шаг, он делал ставку на полную, но бескровную победу.

27 сентября, во второй половине дня, Г. Геринг встретился с Н. Гендерсоном, чтобы разъяснить ему, при каких обстоятельствах и в каких условиях Германия будет вести войну.

Оккупация чехословацких пограничных районов, сказал Г. Геринг, подготовлена до мельчайших деталей. Если чехи окажут сопротивление, они будут в короткий срок разгромлены. Н. Гендерсон не решился повторить такого же предупреждения, какое было поручено заявить Вильсону, то есть он не сказал, что в этом случае Франция и Англия вступятся за Чехословакию. Г. Геринг понял смысл этого и заверил, что Германия не намерена нападать на Францию. Это следовало понимать так: если бы Франция предприняла наступление на западном фронте, то Германия сочла бы это агрессией. После этого Г. Геринг поведал о некоторых закулисных интригах в

нацистских политических кругах. Гитлер якобы был подвергнут критике за то, что упустил случай сорвать чешскую мобилизацию. Он не напал на Чехословакию только потому, что верил, будто Н. Чемберлен имеет влияние на чехов. Если бы Н. Чемберлен приехал в Годесберг с конкретным планом оккупации, переговоры прошли бы по-другому. Н. Гендерсон заметил только, что Гитлер не предоставил для этого возможности и конкретный план мог бы быть разработан при сотрудничестве обеих сторон. Г. Геринг снова упомянул о перехваченных телефонных разговорах, которые, по его мнению, являются доказательством отсутствия доброй воли с чешской стороны. Он представил военный поход против Чехословакии как триумфальное шествие. Позднее Н. Гендерсон следующим образом резюмировал этот разговор: если Англия не принудит Чехословакию к соглашению с Германией, то Чехословакию постигнет такая же участь, какая незадолго до этого постигла Эфиопию. Впрочем, добавлял он, следует заставить Гитлера сделать публичное заявление, что Судеты — его последнее территориальное притязание в Европе. Иначе Англия будет поставлена перед новым кризисом в Центральной Европе³⁶.

О разговоре Г. Геринга с Н. Гендерсоном знали также и французы. Ш. Корбэн информировал об этом британский Форин оффис 28 сентября. Однако в его сообщении не указывалось, что намерена предпринять Франция, если Германия в 14 часов начнет нападение на Чехословакию, но зато подчеркивались заверения Геринга, что Германия не собирается нападать на Францию и Англию³⁷. Это характеризовало перемены в тактике руководящих французских политических деятелей, которые еще во время воскресных совещаний в Лондоне заявляли, что Франция ответит на германское нападение объявлением войны.

Само собой разумеется, Н. Гендерсон об этом разговоре информировал также чехословацкого посланника в Берлине. Он сказал ему, что Гитлера известили об отклонении Чехословакией годесбергского меморандума и что это повлечет за собой войну. Чехословацкий дипломат ответил, что чехословаки по крайней мере умрут с честью. Н. Гендерсон заметил, что наиболее почетное, что мог бы сделать Э. Бенеш, — это объявить всему миру, что уступает превосходящей силе, чтобы избежать войны, которая разорила бы его страну и всю Европу. Он, Гендерсон, полагает, что если бы Э. Бенеш это сделал, то история его оценила бы гораздо выше, чем если он ввергнет свою страну, а может быть, и весь мир в катастрофу. Хотя германские методы жестоки и нетерпимы, говорил Н. Гендерсон, все же такое решение лучше, чем умирать с честью³⁸. Н. Гендерсон даже не предполагал, что всего через несколько часов Э. Бенеш полностью выполнит его совет.

Перед ночным заседанием британского кабинета Н. Гендерсон отправил депешу, в которой подытожил свои встречи и наблюдения за прошедшие сутки. Он снова призывал к безоговорочной капитуляции перед Германией. В депеше говорилось, что ситуация совершенно ясна. Если чехословацкое правительство до 14 часов 28 сентября не примет германские условия или же не сообщит, что хочет избежать конфликта и поэтому выводит свои войска и полицию из Судет, то Гитлер отдаст приказ о всеобщей мобилизации. Последует мобилизация во Франции. Совершенно бесполезно говорить с Берлином о чем-нибудь еще. Если английский народ желает воевать, то пусть хотя бы уяснит себе, что не готов к войне. Если британское правительство хочет сохранить мир, оно должно оказать сильнейший нажим на Прагу и Париж. Следствием войны будет разорение Чехословакии, и действия французов не могут предотвратить этого. Франция смогла бы предпринять только ограниченное наступление, но именно оно опасно, так как могло бы втянуть Англию в войну. Поэтому следует добиться, чтобы Франция не предприняла никакой акции без предварительной консультации и договоренности с Англией. Если мы изберем путь войны, то не должны питать иллюзий в отношении Германии. На падение морального духа немцев мы не сможем рассчитывать даже спустя несколько лет. Германская авиация и противовоздушная оборона здесь гораздо сильнее, чем считается за границей³⁹

Утверждение Н. Гендерсона о моральном духе немцев было явно лживым. Берлин был свидетелем, насколько отрицательно относится германская общественность к военным авантюрам Гитлера. 27 сентября, в сумерки, через центр Берлина проходила механизированная дивизия. Эта демонстрация силы продолжалась около полутора часов, и Гитлер ожидал, что она вызовет безудержный подъем военного психоза среди населения города. Однако шел не 1914 г. Солдаты были совершенно безучастны, а зрители на тротуарах Вильгельмштрассе и на Унтер-ден-Линден хранили ледяное молчание. Демонстрация в поддержку войны обернулась молчаливой демонстрацией против войны. Гитлер, спрятавшись за шторой, смотрел этот неудавшийся спектакль. Он ожидал, что восторженная толпа вызовет его на балкон имперской канцелярии. Однако было тихо. Это его разъярило: «С таким народом я, конечно, не могу вести войну»⁴⁰. Г. Геринг сам признавал, что Гитлер был настолько удручен этим нежеланием народа воевать, что теперь охотнее искал компромиссного решения⁴¹. В тот же вечер он направил Н. Чемберлену новое письмо, в котором намекнул, что согласен продолжать переговоры. Однако ему нужно было пайти способ, каким образом без ущемления престижа отступить от своего ультиматума. И. Риббентроп дал указание сво-

ему агенту в Лондоне Ф. Гессе конфиденциально проинформировать Г. Вильсона о том, что Гитлер готов принять метод постепенной оккупации Судет. Ф. Гессе выполнил поручение, и Н. Чемберлен уже 27 сентября знал, что компромисс с Гитлером еще возможен⁴².

Во второй половине дня, в 16 часов 30 минут, собрался особый комитет британского правительства по чехословацкому вопросу⁴³. Г. Вильсон доложил о своей утренней встрече с Гитлером. Он сообщил, что канцлер был спокоен и сердечен и направил личное письмо Н. Чемберлену. Гитлер якобы сожалел, что хотя вопрос о передаче территории в принципе решен, однако ситуация складывается таким образом, что Англия движется к мировой войне. Ведь он дал уже достаточно заверений в том, что это его последнее территориальное требование в Европе. Остаются только две возможности: либо его меморандум будет принят, либо чехи будут сокрушены. Германия готова внести поправки в свои требования, но только тогда, когда чехословацкое правительство примет меморандум и впустит германские войска в страну. Г. Вильсон рекомендует послать в Прагу телеграмму, в которой следует обратиться к чехословацкому правительству и посоветовать ему тихо и молча принять оккупацию зоны, обозначенной на карте Гитлера красным цветом. По мнению Г. Вильсона, это последняя возможность предотвратить войну. Н. Чемберлен заявил, что состоится ночное заседание кабинета министров, которое заслушает доклад Г. Вильсона и решит, какого содержания телеграмма будет послана в Прагу. Нет нужды подчеркивать, что все условия, выдвинутые британским правительством перед Годесбергом, и возражения оппозиции после возвращения Н. Чемберлена были мигом забыты и отброшены. Ныне рекомендовалось одно: безоговорочная капитуляция перед вымогательством Гитлера.

Следующим пунктом повестки дня заседания комитета было сообщение о консультациях с начальниками штабов британских вооруженных сил. Они высказали опасения, как бы Франция не начала раньше времени наступательные действия, что, по их мнению, не могло бы дать желаемого эффекта. Они рекомендовали оказать на Францию воздействие и взять с нее обязательство, что французская армия не начнет никаких наступательных действий без согласия Англии. Был одобрен текст телеграммы французскому правительству. Этот факт свидетельствовал о новой низости правительства Н. Чемберлена. Ведь если бы Гитлер на следующий день напал на Чехословакию, то Англия удерживала бы Францию от выполнения союзнического долга. Э. Галпфакс припомнил донесение британского военного атташе в Берлине Фарлана, который отвозил в Прагу годесбергский меморандум Гитлера и, глядя из

окна вагона, «сумел» сделать вывод о недостаточной боевой готовности чехословацкой армии. Ныне Э. Галифакс цитировал его путевые наблюдения, в которых утверждалось, что чехи очень плохо подготовлены к войне. Поэтому, как он полагал, было бы весьма непредусмотрительно принимать решение, исходя из предпосылки, что чехи будут сражаться, как тигры. Напротив, считает Э. Галифакс, в Германии энтузиазм к войне гораздо больший. Он зачитал проекты телеграмм в Париж, Берлин и Прагу, которые должны были настойчиво напомнить о необходимости принять условия Гитлера до 14 часов 28 сентября. Таким образом, Э. Галифакс полностью согласился с тем, что рекомендовал Н. Гендерсон.

Последним рассматривался вопрос о Белой книге, в которой должны были быть опубликованы некоторые документы, отражающие ход сентябрьского кризиса. Э. Галифакс заявил, что такую книгу нельзя публиковать без согласия правительств, которых касаются эти документы. Однако Н. Чемберлен напомнил о своем обещании К. Эттли, что все депутаты получают Белую книгу перед заседанием парламента, назначенным на среду 28 сентября. Было решено Белую книгу опубликовать, однако в нее не включать документ, в котором чехословацкое правительство 21 сентября выразило согласие с англо-французским планом. Дело в том, что в этом документе было упоминание о сильном и настойчивом нажиме со стороны Англии. Комитет опасался, что у депутатов могли бы возникнуть нескромные вопросы о том, какие, собственно говоря, инструкции давались посланникам Англии и Франции для этого нажима. В той ситуации, какая сложилась в Англии, якобы нельзя было публиковать подобные документы.

Следует упомянуть, что документы об англо-французском нажиме содержала чехословацкая Белая книга, рукопись которой хотя и была подготовлена сразу же после Мюнхена, однако обнародована была только тридцать лет спустя.

Вечером Н. Чемберлен усталым и смиренным голосом зачитал свое выступление по радио, которое, собственно говоря, было его ответом Гитлеру⁴⁴. Основные положения этого выступления состояли в следующем:

1. Конфликт в Чехословакии не стоит того, чтобы из-за него велась война.
2. Более того, этот конфликт, в сущности, уже разрешен, остаются лишь процедурные вопросы.
3. Англия готова поручиться за быстрое выполнение обещаний, данных Германии.
4. Чтобы предотвратить войну, Чемберлен готов снова отправиться в Германию.

Выступление Н. Чемберлена предназначалось британской общественности, которую оно должно было успокоить утверж-

дением, что, собственно говоря, предмет спора не представляет собой ничего существенного и что новые переговоры с Германией смогут все легко уладить. В то же время выступление предназначалось и Гитлеру, в нем прямо указывалось, что Германия все может получить без войны.

Предлагая компромисс, Н. Чемберлен в то же время хотел показать Гитлеру, что тот не может диктовать неограниченно. Во второй половине дня Н. Чемберлен дал согласие на объявление мобилизации британских военно-морских сил. Мобилизации сухопутной армии и авиации пока не проводилось. Британской общественности необходимо было дать почувствовать приближение опасности войны; вместе с тем ожидалось, что и Гитлер умерит свои угрозы. Однако было бы ошибкой полагать, что Англия всерьез готовилась к войне. Именно в это время Форин оффис усердно разрабатывал конкретный план передачи чехословацких пограничных районов, который удовлетворил бы Гитлера и был бы приемлемым для чехословацкого правительства ⁴⁵.

Британский кабинет собрался 27 сентября в 21 час 30 минут ⁴⁶. Это было его последнее заседание перед мюнхенской конференцией. Н. Чемберлен поехал после этого в Мюнхен без каких-либо инструкций своего кабинета, не имея даже решений своего правительственного комитета. Это является потрясающим свидетельством достойной удивления практики британской парламентской демократии.

Г. Вильсон сделал правительству отчет о своих переговорах с Гитлером. Он сообщил, что во время первой встречи Гитлер был очень взволнован, так как готовился к речи во Дворце спорта. Когда Г. Вильсон сказал, что чехословацкое правительство отклонило его меморандум, Гитлер вскочил со стула, и стоило большого труда добиться, чтобы он снова сел. (Вильсон умолчал о той грубой и вульгарной брани, которой Гитлер осыпал Н. Чемберлена.) Гитлер заявил, что не может отказаться от своих условий: он несколько недель ждал соглашения с Э. Бенешем. Но теперь уже не может ждать, а должен действовать, и Судеты 1 октября станут германскими. Г. Вильсон посчитал, что в подобной атмосфере не имело смысла продолжать дискуссию. Он не передал Гитлеру устного предупреждения, как ему было поручено, так как опасался, что после этого речь Гитлера стала бы еще более воинственной. Поэтому Г. Вильсон закончил беседу и спросил, не смогут ли они продолжить ее на следующий день.

Вторая беседа состоялась во вторник 27 сентября в 11 часов утра. Г. Вильсон затронул некоторые пункты, высказанные Гитлером в его речи: например, что Гитлер не будет иметь никаких других территориальных требований, после того как

он получит Судеты. Г. Вильсон спросил, нет ли у Гитлера какого-либо сообщения для Н. Чемберлена, чтобы британский премьер смог принять это во внимание при своих дальнейших действиях. Гитлер ответил, что было бы желательно, чтобы Англия продолжала нажим на Чехословакию. Есть только две возможности: либо Прага примет его меморандум, либо германская армия вторгнется в Чехословакию. Г. Вильсон ответил, что Н. Чемберлен будет в этом духе информировать Чехословакию, на которой лежит ответственность за окончательное решение. Затем Г. Вильсон, согласно его версии, не спеша и точно изложил устное поручение Н. Чемберлена.

Гитлер слушал спокойно и после этого начал встревоженно задавать вопросы. Значит ли это, что если немецкие войска перейдут чехословацкую границу, то Англия нападет на Германию, хотя он не хочет нападать на Францию? Риббентроп также задал подобный вопрос. Г. Вильсон снова повторил устное предупреждение. Гитлер уверял, что не имеет намерения нападать на Францию, а нападет только на Чехословакию. Но само собой разумеется, Германия готова ко всяким возможностям — для этого построена линия Зигфрида. Запад все-таки должен понять, что именно Чехословакия несет ответственность за данное положение вещей. Еще с минуту Гитлер бранил Чехословакию, но в этом не было ничего нового, чего бы мир не знал из его предыдущих выступлений. Наконец Гитлер начал воздавать хвалу Н. Чемберлену за его усилия предотвратить войну. Но он якобы не может поверить, чтобы Англия и Германия стали воевать друг против друга, поэтому Гитлер снова взывает к Н. Чемберлену, чтобы тот заставил Чехословакию принять меморандум.

Г. Вильсон понял, что Гитлер считает Э. Бенеша обманщиком, который никогда не выполнит своих обещаний. Кроме того, Гитлер полагает, что Э. Бенеш мог отвергнуть его план только потому, что уверен в поддержке Франции и Англии. Гитлер не понимает, почему Париж и Лондон находятся под влиянием Э. Бенеша. В Германии известно о сообщениях, которые Я. Масарик посылал Э. Бенешу. И знают, что Я. Масарик призывал Э. Бенеша стоять твердо и неуступчиво. Он говорил, что нет нужды уступать территорию раньше, чем Англия и Франция не скажут ясно, что они желают этого. Все это утвердило Гитлера в мнении, что Э. Бенеш колеблется. Почему же в Лондоне позволяют, чтобы их политика определялась из России, находилась под русским влиянием, распространяющимся через Париж и Прагу? Гитлер опять повторил, что в данное время есть только две возможности. Поэтому он снова взывает к Н. Чемберлену, чтобы было сделано все, что вело бы к соглашению и предотвратило войну.

К. Вуд задал вопрос, дал ли Гитлер понять, что он приветствовал бы реализацию «предложений» от 19 сентября, поскольку их приняло чехословацкое правительство.

Г. Вильсон ответил: Гитлер считает, что это уже поздно. У него есть сомнения в том, способна ли Англия заставить Э. Бенеша выполнить свои обещания. По мнению Г. Вильсона, необходимо взвесить, существует ли альтернативное решение, которое позволило бы предотвратить захват Чехословакии военной силой. Гитлер дал понять, что удовлетворился бы оккупацией территории, которую определила бы международная комиссия. Остается вопрос о плебисците. Впрочем, Гитлер согласился бы и на присутствие британского легатона, который контролировал бы проведение плебисцита. Единственная возможность, которая может спасти Чехословакию от вторжения, состоит в отводе чехословацких войск из зоны, обозначенной на карте красным цветом, что позволит германской армии занять территорию. Как только это будет осуществлено, международная комиссия сможет дополнительно определить демаркационную линию — в случае необходимости и с помощью плебисцита. Если все будет осуществлено таким образом, то чехословацкое правительство сможет воспользоваться заявлением Гитлера, что Судеты являются его последним территориальным требованием в Европе. Чехословакия имела бы также гарантии Англии и Франции. Если Чехословакия выразит согласие с таким планом, Германия, возможно, будет с ней сотрудничать. Для оправдания своих уступок чехословацкое правительство может указать, что действовало так в интересах европейского мира и хотело избежать кровопролития. Однако если Чехословакия не примет этот план, то последует германская оккупация гораздо большей территории. Если Чехословакия будет оказывать сопротивление, то германская армия не остановится на этнографической границе.

Здесь уместно напомнить, что, собственно говоря, Г. Вильсон изложил тот план, который спустя два дня целиком и полностью приняла мюнхенская конференция. В сущности, это был годесбергский диктат Гитлера, несколько замаскированный крайне сомнительными условиями.

Затем началась дискуссия. Н. Чемберлен напомнил, что Польша ныне находится на стороне Германии, и посчитал это результатом отклонения меморандума Гитлера Э. Бенешем. Он отметил, что верховные комиссары доминионов все более решительно настаивают, чтобы путем нажима добиться принятия меморандума Чехословакией. Он припомнил также доклад британского военного атташе в Берлине, у которого во время поездки в Прагу сложилось впечатление, что чехи оказали бы только слабое сопротивление.

Слова попросил А. Дафф Купер. Он сказал, что приведенные премьером факты все направлены на то, чтобы сделать единственное заключение. Но есть ведь и другие факты, которые подсказывают иной вывод. Сообщения из США и Франции указывают на гораздо более твердую позицию этих стран. Мнению доминионов нельзя придавать слишком большого значения: в войне они все равно пойдут с Англией. Он очень сожалеет, что Г. Вильсон не передал Гитлеру устное поручение до его речи. Таким образом, в Германии может сложиться мнение, что Англия не решится на войну. Более того, ныне Англия своей позицией укрепляет у немцев это неправильное мнение. Здесь предлагался план, по которому британское правительство после переговоров с французскими министрами должно принудить Чехословакию к капитуляции. Это совершенно неверный курс, и он, Дафф Купер, не может с ним полностью согласиться.

К о л в и л л: «Но все-таки мы должны указать Чехословакии на последствия, которые имело бы отклонение меморандума!»

О. Стэнли попросил, чтобы новый план был изложен подробнее. На этот раз слово взял сам Н. Чемберлен. Он говорил, что Вильсон пришел к выводу: Гитлер, вне всякого сомнения, нападет на Чехословакию. Если чехословацкая армия окажет сопротивление этому нападению, то немцы не остановятся на красной линии, обозначенной на их карте, а будут продвигаться дальше. Они дойдут до стратегической границы, отхватив половину Моравии. Однако если Чехословакия заявит, что она не будет препятствовать продвижению германских войск до красной линии, то можно избежать кровопролития. Мы предлагаем, чтобы Чехословакия избрала этот путь, но считаем, что следовало бы предложить ей его. Этот план рассмотрели Чемберлен и еще три министра, с которыми премьер находится в контакте (Э. Галифакс, Дж. Саймон, С. Хор). Все четверо считают, что это последняя возможность воспрепятствовать развязыванию войны. И было бы неправильно, чтобы кабинет отверг этот план раньше, чем будут представлены все возможные факты, чтобы кабинет сам их взвесил.

«Стэнли: В чем заключается различие между этим планом и меморандумом Гитлера?»

С а й м о н: Если Чехословакия отклонит меморандум, последует германское нападение и немцы не остановятся на красной линии. Если же Чехословакия сама отведет свои войска за красную линию, тогда немцы ее не перейдут. Осуществление нашего нынешнего плана равнозначно молчаливому приятию меморандума Гитлера.

Г а л и ф а к с: Бонне полагает, что в речи Гитлера есть три пункта, о которых можно дискутировать. Одним из них

является вопрос о международной комиссии. Другой пункт — принципиальное согласие Чехословакии на уступку пограничных районов. Форин оффис разработал новый план, «time-table», и послал его в Париж и в Прагу. Однако слишком мала надежда, что он будет принят. Соответствующие депеши о нем были отправлены до получения доклада Вильсона о встрече с Гитлером. Новый план, рекомендованный Чемберленом и Вильсоном, противоречит известным решениям, принятым на воскресных совещаниях с французами. Значит, следовало бы снова проконсультроваться с французскими министрами. План предполагает полную капитуляцию перед Германией. Впрочем, если кабинет министров не примет этого плана, могут возникнуть тяжелые последствия для Чехословакии. Все же необходимо представить Бенешу точную картину ситуации».

Э. Галифакс в своем выступлении сказал, что между англо-французскими «предложениями» и меморандумом Гитлера он находит гораздо большие различия. И они заключаются не только в том, что установлены разные сроки и предлагаются разные методы оккупации. Нельзя принуждать чехословацкое правительство делать нечто такое, что само британское правительство считает грязным. Он не представляет, чтобы британский парламент мог одобрить такой план. И такой план нельзя даже рекомендовать, пока Чехословакия не получит гарантии, что немцы остановятся на красной линии. В заключение Э. Галифакс заявил, что он сам понимает, насколько рискованна и затруднительна такая гарантия. Однако нет иной возможности, кроме как сказать Чехословакии, что она несет ответственность за свои собственные решения. Он также считает, что следует проконсультроваться с французами и сделать все возможное.

«Чемберлен: Галифакс привел здесь сильные и, возможно, убедительные доводы против принятия нашего плана. Если таково мнение и остальных министров, то премьер готов взять свой план назад.

Саймон: Я согласен с Галифаксом».

Итак, было решено, что в Прагу будет послана телеграмма с требованием, чтобы чехословацкое правительство публично заявило, что оно не будет оказывать сопротивление оккупации так называемой зоны красного цвета.

Термины «зона красного цвета» и «красная линия» были взяты из карты Гитлера, приложенной к годесбергскому меморандуму. Так на ней была обозначена территория с преобладающим немецким населением; зеленым цветом была обозначена на карте территория, большинство населения которой составляли чехи и на которой Гитлер требовал проведения плебисцита.

Как расценить это заседание? Означало ли оно, что Н. Чемберлен и его советник Г. Вильсон потерпели поражение? Ведь во второй половине дня Э. Галифакс сам присутствовал на заседании правительственного комитета, который высказался в поддержку годесбергского меморандума, иначе говоря, за рекомендацию оказать на Прагу новый нажим. Почему же на заседании кабинета министров Э. Галифакс так решительно выступил против плана Чемберлена? Ответить на этот вопрос несложно. План Чемберлена был нереален. У него не было надежды быть принятым всем кабинетом министров, он вызвал бы возмущение общественности, а по всей вероятности, был бы отвергнут и парламентом. И была очень небольшая надежда, что его примет Прага. Но главное заключалось в том, что уже задолго до заседания кабинета Э. Галифакс послал в Прагу свой «time-table», который являлся более изощренным планом реализации годесбергского меморандума. Имелась большая надежда, что «time-table» будет принят в Праге, Париже и Лондоне. Уже вечером Б. Ньютон вручил этот план Э. Бенешу. По поводу плана Э. Галифакса на заседании кабинета высказался только О. Стэнли, задав вопрос, как он мог без согласия правительства послать в Берлин телеграмму, в которой предлагается провести оккупацию Хебского района к 1 октября. Э. Галифакс ответил, что ведь это предлагал М. Годжа; кроме того, сделано это было с согласия французов, да и территория эта расположена вне линии укреплений.

Н. Чемберлен сообщил, что во второй половине дня надо предупредить Прагу о намерениях Германии в случае, если Гитлер в течение 24 часов не получит согласия Чехословакии на свой меморандум, начать оккупацию. Он ознакомил кабинет и с телеграммой Н. Гендерсона, в которой рекомендовалось, чтобы Чехословакия сама договорилась с Германией, если она хочет избежать судьбы Эфиопии.

В заключение кабинет обсудил вопрос о выступлении Н. Чемберлена на заседании парламента, который созывался в среду 28 сентября. Н. Чемберлен сказал, что в его речи по радио ситуация была изложена лишь в общих чертах, однако в парламенте он должен пойти несколько дальше. Он познaкомит палату общин с посланием, переданным Г. Вильсоном Гитлеру. Но в связи с этим возникает вопрос, как формулировать британские обязательства на случай войны. Н. Чемберлен решительно настроен не говорить в своем выступлении ничего такого, что могло бы быть расценено как утверждение, что Англия вступит в войну, если Германия нападет на Чехословакию. Кабинет министров согласился, чтобы Н. Чемберлен только сказал, что если Франция, выполняя свои союзнические обязательства, вступит в активный конфликт с Германией, то Англия сочтет себя обязанной ее поддержать. Он должен был

подчеркнуть, что до последней возможности боролся за мир. Если во время дискуссии будут высказаны противоположные точки зрения, то премьер-министр займет нейтральную позицию.

Этим была исчерпана программа заседания кабинета. Оппозиционные министры могли вынести впечатление, что честь Англии спасена и капитуляция перед нацистским безумцем предотвращена. Но это было ошибкой, «time-table» уже находился в Праге, и согласие чехословацкого правительства с этим планом будет вымогаться с помощью самого неразборчивого нажима.

Вскоре после полуночи Н. Чемберлен получил письмо Гитлера, которое заканчивалось призывом продолжать усилия по «мирному решению» судетонемецкой проблемы. Письмо наталкивало Чемберлена на мысль, что все это можно бы решить на международной конференции. Ведь уже в воскресенье он добился согласия чехословацкого правительства на ее проведение. И Э. Даладье также не раз высказывался за проведение подобной конференции⁴⁷. Прикрыть капитуляцию перед меморандумом Гитлера ширмой международной конференции — это был бы такой тактический маневр, который позволил бы Гитлеру выбраться из тупика и, более того, добиться победы без войны.

XVII. ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ В ПРАГЕ ПЕРЕД КАТАСТРОФОЙ (27—28 сентября)

После отклонения чехословацким правительством годесбергского меморандума Гитлера на Чехословакию пачал оказываться все усиливающийся дипломатический нажим. Одним из первых у К. Крофты появился румынский посланник Р. Круцеску, поддерживавший тесные личные контакты с М. Годжей и французским посольством. Он прибыл вскоре после того, как Лондону было сообщено, что ответ, переданный Я. Масариком, окончательный и что чехословацкое правительство ничего другого уже не скажет. Р. Круцеску доказывал, что было большой ошибкой придавать ответу характер принципиального отклонения германского меморандума. По его мнению, следовало бы указать, что правительство настаивает на последовательном осуществлении англо-французских «предложений». Точно так же значительной ошибкой явилось проведение мобилизации, после которой сильно ухудшились чехословацкие позиции¹. Вмешательство румынского дипломата наглядно раскрывало политические позиции как внутренних, так и зарубежных мюнхенцев.

Политические донесения румынского посланника отражали настроения крайне правых сил Чехословакии. Дело в том, что речь Гитлера, произнесенная им в понедельник, своим вульгарными нападками на Э. Бенеша возродила надежды правых на то, что президент подаст в отставку и это приведет к радикальному повороту чехословацкой политики. Германская дипломатия и не скрывала, что именно эту цель преследовали личные выпады Гитлера. На эту тему Р. Круцеску имел беседу с Г. Масаржиком, который 22 сентября вместе с Я. Прейсом был одним из инициаторов создания крайне правого кабинета. На вопрос Р. Круцеску, намерено ли чехословацкое правительство продолжать и впредь политику сопротивления Германии, рассчитывая при этом на поддержку западных держав, Г. Масаржик ответил: «Именно в этом заключается главная трудность. Если кто-нибудь хочет покончить жизнь самоубийством и употребляет для этого все возможные способы, ему почти невозможно помешать. В кругах земельных собственников и буржуазии все больше растет недовольство президентом. После выступления Гитлера уже никто не может скрыть, что дальнейшее пребывание Э. Бенеша на посту главы государства — с теми взглядами, которых он придерживается, — усиливает напряженность и что его отставка, явно ожидаемая в

Берлине, значительно смягчила бы требования, предъявляемые ныне Чехословакии»².

К нажиму на Чехословакию присоединились и США. Государственный секретарь К. Хэлл распорядился, чтобы американские представительства организовали отправку в Прагу и Берлин телеграмм, призывающих сохранить мир³. Американская дипломатия игнорировала как не заслуживающий внимания факт, что не Чехословакия, а Гитлер угрожал войной. И если Париж и Лондон не могли осмелиться повторить нечто вроде ультиматума 21 сентября, то эту роль взяла на себя американская дипломатия. В Прагу поступило более 20 телеграмм, призывающих к спасению мира, разумеется путем «умиротворения». Сам Э. Бенеш заметил по этому поводу: «В тот момент это была решающая поддержка политике и тактике Н. Чемберлена, отвечавшая также стремлениям Ж. Бонна и Э. Даладье»⁴. Когда Гитлер объявил свой ультиматум и все ожидали, что война будет начата 28 сентября в 14 часов, английская дипломатия стала оказывать сильное давление на румынского короля Кароля, чтобы тот, используя все свое влияние, убедил Э. Бенеша принять годесбергский меморандум⁵.

Самое сильное и наиболее действенное давление оказало послание Н. Чемберлена Э. Бенешу о том, что, если до 14 часов 28 сентября Чехословакия не примет годесбергский меморандум, на нее будет совершено нападение. К этому П. Чемберлен присовокупил угрозу, уже ряд месяцев повторявшуюся сторонниками политики «умиротворения»: «Отказ приведет к тому, что Чехословакия будет наводнена германскими войсками и никакие меры других держав не предотвратят такой участи вашей страны и народа независимо от того, чем бы ни закончилась возможная мировая война»⁶.

И хотя в документе имелась приписка, что британское правительство не может давать никаких советов, как Чехословакии следует поступить, однако в целом это послание Н. Чемберлена имело лишь единственное назначение — внушить чехам: если вы хотите спасти свой народ, то должны принять меморандум Гитлера. Это означало, что Н. Чемберлен вновь оказывает нажим на Чехословакию, хотя на последних заседаниях британского кабинета усиленно подчеркивалось, что новый нажим на нее совершенно недопустим. Более того, послание Н. Чемберлена оказалось только введением к новому британскому плану выдачи Чехословакии Гитлеру, носившему невинное название «time-table» («временной план»). Этот план был вручен в 21 час 30 минут, или спустя три часа после упомянутого послания Н. Чемберлена. Между тем в депеше чехословацкого посольства в Берлине сообщались новые подробности о последнем ультиматуме Гитлера. Оказывается, Н. Гендерсон скрыл от Гитлера отрицательный чехословацкий

ответ па годесбергский меморандум, чтобы, дескать, еще более не настроить его против Чехословакии⁷.

После вручения Э. Бенешу послания Н. Чемберлена в распоряжении Чехословакии оставалось только 1230 минут для подготовки к германскому нападению.

Правительством Чехословакии были прежде всего сделаны приготовления дипломатического характера. Постоянному представителю в Женеве был направлен текст протеста, подготовленный после объявления мобилизации 23 сентября. Протест должен был быть передан генеральному секретарю Лиги наций в тот момент, когда будет начато германское нападение⁸. В протесте Чехословакия требовала созыва Совета Лиги наций и осуждения агрессора. Кроме того, было подготовлено обращение, которое должно было быть вручено Совету, когда он будет созван. В этом обращении говорилось: «Войска германской империи перешли границы нашей республики. В эти трагические минуты чехословацкое правительство заявляет, что это нападение Германии на республику не имеет никакого, а тем более нравственного оправдания... Сейчас решается, будет в Европе и в мире действовать право или насилие. Поэтому Чехословакия обращается к своим союзникам и друзьям с просьбой о помощи и выполнении договорных обязательств. Она поступает так с полным убеждением, что это касается также и их судьбы. Чехословакия будет защищаться до последнего»⁹.

Чехословацкий представитель в Женеве попросил продолжить работу ассамблеи до срока, указанного Гитлером в его ультиматуме. М. М. Литвинов согласился продлить свое пребывание в Женеве и участвовать в подобном заседании¹⁰. Ж. Поль-Бонкур от имени французской делегации подтвердил, что Франция согласна с тем, чтобы Чехословакия обратилась в Женеву. Он надеялся, что подобный протест вызовет широкую кампанию солидарности с Чехословакией и сможет способствовать созданию сильной антигитлеровской коалиции¹¹. Французская и советская делегации высказывали мнение, что постановление Совета весьма облегчило бы реализацию их союзнических обязательств. Однако имелись сомнения, примет ли ассамблея соответствующее постановление, так как ожидалось, что несколько государств воздержатся от голосования, а некоторые даже могут проголосовать против предложенной резолюции¹².

Но главная опасность грозила со стороны Англии. Британская делегация еще 27 сентября получила инструкцию своего правительства: пока есть надежда сохранить мир, не допустить, чтобы в Женеве были приняты какие-либо акции против Германии. Как видно, в Англия все же опасались, что Чехословакия, получив двадцатичасовой ультиматум, может обратиться в Женеву с жалобой на агрессора. В британской инструкции утверждалось, что всякая преждевременная акция в Же-

неше только привела бы Гитлера в ярость. Какие-либо действия можно предпринимать лишь после исчезновения надежды сохранить мир. Если встанет вопрос о том, кто должен председательствовать на ассамблее, говорится в британской инструкции, то ни в коем случае нельзя допустить, чтобы председателем стал русский, а следовало бы избрать его из делегаций Франции, Англии или Чехословакии. Наилучшим решением было бы избрание председателем ассамблеи британского делегата¹³.

Не было ни малейшего сомнения в том, что британские политики хотели бы продолжать курс на «умиротворение» и в Лиге наций. Уже 28 сентября британская делегация сообщила Э. Галифаксу, что могут возникнуть трудности и в Совете Лиги наций, где председатель и секретарь считают, что принятие постановления об агрессии является маловероятным, так как Швеция, Бельгия и Литва побоятся высказаться против Германии¹⁴. Вся ответственность за подобное положение лежала на Англии. Малые государства Европы действительно испытывали страх перед Гитлером, поскольку видели, что Англия и Франция фактически предоставляют ему свободу рук в Европе. Но несмотря на это, принципиальной ошибкой чехословацких политиков было то, что, даже когда страна находилась в крайне критической ситуации, они так и не смогли решиться заявить в Женеве протест против нацистской агрессии. Даже германская дипломатия расценила создавшееся в Лиге наций положение как позорное¹⁵. Этот кризис в международной организации, которая должна была бы быть стражем мира и безопасности во всем мире, являлся показателем глубокого разложения всей капиталистической Европы.

Откровенная угроза Гитлера развязать войну, установить точный срок начала военных действий — все это играло на руку сторонникам политики «умиротворения». Война приобретала ощутимые очертания непосредственной опасности, и это неизбежно влияло на общественное мнение. Начал подниматься курс поборников «мира любой ценой». Во второй половине дня Гитлер перенес срок начала военных операций на утро 30 сентября. К вечеру 27 сентября в Германии была объявлена мобилизация новых пяти дивизий для линии Зигфрида. Планы предстоящего наступления должны были оставаться строго секретными, так как внезапность нападения должна была стать основой успеха¹⁶. В ночь на 28 сентября германское агентство печати опубликовало заявление, будто слухи о новой германской мобилизации являются ложными; в то же время В. Кейтель лично отдавал приказы о продолжении мобилизации, но без ее публичного объявления¹⁷. Э. Вейцекер в своих воспоминаниях свидетельствует, что в ночь с 27 на 28 сентября Гитлер был полон решимости уничтожить Чехословакию путем военного нападения¹⁸.

В то время как Гитлер готовился к войне, сторонники политики «умиротворения» не мешкали, стараясь убедить его в том, что он может получить все мирным путем. Их усилия могли быть успешными только при одном условии, а именно что Чехословакия пойдет навстречу требованиям Гитлера, поэтому нажим продолжался. Так, Э. Даладьё информировал американского посла У. Буллита о том, что уже в три часа дня 27 сентября им было послано Э. Бенешу предложение, чтобы чехословацкая армия отошла за линию укреплений, а оставленную территорию заняла бы германская армия. Около 18 часов такое же предложение должна была повторить и Англия¹⁹. Вместо этого около 18 часов Б. Ньютон принес Э. Бенешу послание Н. Чемберлена, предупреждающее, что на следующий день на Чехословакию будет совершено нападение Германией, а три часа спустя Б. Ньютон вручил британский план «time-table», по содержанию тождественный плану, предложенному днем Э. Даладьё.

Вечером пришла депеша Ш. Осуского из Парижа, в которой говорилось, что А. Леже, секретарь министерства иностранных дел Франции, предлагал, чтобы Прага, «стоя над пропастью, как можно скорее пачала осуществление англо-французских предложений». На вопрос, имеет ли он в виду какие-либо конкретные мероприятия, тот ответил, что многое зависит от того, что привезет Г. Вильсон от Гитлера²⁰.

Немного позже французский посол в Лондоне Ш. Корбэн представил на рассмотрение Форин оффис еще один план, который, по мнению Ж. Боннэ, мог спасти положение. Что составляло суть этого плана? В нем констатировалось, что, согласно заявлению Гитлера, 1 октября германская армия начнет оккупацию пограничных областей Чехословакии. Конечно, нельзя требовать от Чехословакии новой жертвы. Однако если бы Прага еще до истечения срока сама предложила Германии оккупировать некоторые территории, то этим избежала бы обвинений в том, что она прибегает к различного рода маневрам, чтобы выиграть время. Это удовлетворило бы самолюбие Гитлера. Чехи затем могли бы дать согласие на то, чтобы 1 октября Гитлер оккупировал еще некоторые территории. В тот же день была бы создана международная комиссия. Далее Ш. Корбэн сказал, что французскому правительству желательно знать, согласно ли британское правительство на то, чтобы подобный проект был передан на рассмотрение Праги²¹. Этот план свидетельствовал о том, что британская и французская дипломатия, в сущности, преследовала одну и ту же цель — удовлетворить аппетиты Гитлера, заставив Чехословакию принять годесбергский меморандум.

Ш. Корбэн предложил этот проект еще до того, как стало известно, что привез Г. Вильсон от Гитлера. Доклад Г. Виль-

сона звучал категорично: Гитлер настаивает на оккупации всей зоны, обозначенной на его годесбергской карте красным цветом, 1 октября. Поэтому позже французы приспособили свой проект и к этому требованию. За 15 минут до того, как Б. Ньютон вручил К. Крофте британский план «time-table», была получена депеша Ш. Осуского о новом разговоре с А. Леже. Генеральный секретарь министерства иностранных дел советовал, чтобы Чехословакия провела эвакуацию всех территорий, расположенных перед линией укреплений. В противном случае Гитлер начнет войну, а народы Франции и Англии не поймут, почему они должны сражаться из-за какого-то незначительного вопроса процедурного характера. Если же Чехословакия не послушает советов, то она утратит ту моральную поддержку, которую она имеет в общественном мнении Запада. Следует что-то предпринять, чтобы не создавалось впечатление, будто Чехословакия прибегает к волоките. К тому же ей ведь обещаны гарантии, и будет создана международная комиссия. При необходимости Чехословакия могла бы попросить Ф. Рузвельта об арбитраже по вопросам, которые не сможет решить международная комиссия²². За этими многочисленными учтивыми фразами скрывался совет Чехословакии принять меморандум Гитлера, иначе говоря, передать ему 1 октября свои пограничные районы. Германская армия беспрепятственно проникла бы в страну, и лишь после этого пошла бы речь об урегулировании жизненно важных вопросов того обломка, который остался бы от Чехословакии.

Около восьми часов вечера в Праге началось заседание правительства и Политического комитета. Присутствовал также председатели политических партий, входящих в правительственную коалицию. Основное предложение Э. Бенеша заключалось в том, что следует и впредь в отношении Германии руководствоваться советами и рекомендациями двух великих западных держав. Он заявил о своей готовности вести с Германией переговоры о компромиссе, если Гитлер примет в качестве основы переговоров англо-французский план от 19 сентября. После сообщения из Англии о реальной возможности войны было принято решение, чтобы цензура не пропускала никаких известий о германской мобилизации. Г. Вавречка, министр пропаганды, заявил, что для информации населения будет вполне достаточно изложения речи Н. Чемберлена в том виде, как она была произнесена. Практически это означало, что чехословацкая общественность вообще не будет информирована о надвигающейся угрозе войны. Поскольку теперь хорошо известен тот жестокий способ, каким нацисты начинали повсюду свою агрессию, производя массовое уничтожение гражданского населения, такое решение чехословацкого правительства нельзя не назвать крайне безответственным. Далее Э. Бенеш философи-

ствовал на тему, что если вспыхнет война, то снова будет восстановлен антигитлеровский фронт. Зная сегодня подоплеку устремлений сторонников политики «умиротворения», следует также и это оптимистическое высказывание Э. Бенеша на заседании правительства признать на тот момент несостоятельным.

Бесспорным, заявил К. Крофта, является только одно: помощь Советского Союза. Показательно, что, как только над Чехословакией нависала непосредственная угроза военного нападения, никто из министров или членов Политического комитета не пытался умять или ставить под сомнение советскую помощь. Однако всякий раз, когда правительство должно было решать вопрос, сопротивляться или капитулировать, многие министры снова начинали повторять избитые клеветнические измышления Жоржа Бонна о нереальности советской помощи. В этой связи характерно, что и на данном заседании не было высказано никакой критики действий западных великих держав. Напротив, Э. Бенеш предупреждал, чтобы в отношении Запада сохранялась максимальная лояльность. Его собственная интерпретация предшествовавшего развития событий была неумеренно оптимистической. Г. Вильсон, по его словам, предостерег Гитлера от применения насилия. После же возвращения Г. Вильсона целый день, как он слышал, обсуждались различные планы, в том числе план поэтапной эвакуации пограничных районов. Э. Бенеш сообщил далее, что В. де Ла-круа во второй половине дня представил ему такой план, который будто бы является достаточно приемлемым. По этому плану, как уверял Э. Бенеш, международная комиссия сперва должна определить новые границы Чехословакии, и лишь после этого наступит оккупация. Таким образом, до конца октября ничего больше не будет передано Германии.

Информация Э. Бенеша не соответствовала действительности, ибо Э. Даладье требовал как самое меньшее, чтобы еще до 1 октября чехами была оставлена вся территория, лежащая перед линией укреплений. Эта территория более или менее соответствовала зоне красного цвета на годесбергской карте Гитлера. Только после 1 октября должна была быть образована международная комиссия. В этом заключались существенные отличия представлений Э. Бенеша об организованном, гарантированном осуществлении «предложений» 19 сентября от меморандума Гитлера, который требовал немедленной оккупации без всяких гарантий и ограничивающих обязательств. Почему же Э. Бенеш так приукрашивал политику Запада? Ответ на этот вопрос можно найти в протоколах данного заседания; там прямо говорится: «Президент республики подчеркнул, что наша осторожность исторически оправдана, поскольку мы разговаривали с Берлином через Англию, которая является информированным свидетелем нашего образа действий. В этом

состоит также польза от миссии Ренсимаена. Английский посредник полностью признал, что он знает детально о наших действиях в течение последних 6 месяцев и что наша совесть чиста... Тактически правильно было то, что всегда мы выдвигали вперед Англию и Францию. Еще ныне посланник Я. Масарик заявил, что мы примем также и последние их предложения, если они соответствуют англо-французскому плану»²³.

Держаться за фалды Запада — вот в чем заключалась пассивная политическая мудрость М. Годжи, которую разделял и Э. Бенеш. Конечно, более внимательный взгляд на вещи показывает, что такая тактика являлась просто самоубийственной. Только политический слепец мог не видеть, что Запад ведет Чехословакию к гибели. «Выдвигать вперед Англию и Францию», как об этом говорил Э. Бенеш, в те дни означало не что иное, как позволить Н. Чемберлену спокойно завершить свою позорную сделку с Гитлером. Ведь Н. Чемберлен был лично заинтересован в том, чтобы его переговоры с Гитлером не были осложнены никакой чехословацкой инициативой. Вопреки утверждениям Э. Бенеша, «осторожность действий» исторически не оправдала себя; наоборот, через несколько дней вся Чехословакия будет повторять горькую правду: «О нас решили без нас». Пассивность, подавление всяческой политической инициативы, которая могла бы помешать политике «умиротворения», являлись программным принципом политического руководства республики. Если поставить вопрос, какое, собственно говоря, решение приняло правительство в ситуации, когда стране непосредственно грозило нападение извне, то следует прямо ответить, что никакого решения по какому-либо политическому вопросу вообще принято не было. Единственно, что решили, — это скрыть от народа, что республика стоит на пороге войны.

Около половины десятого вечера к К. Крофте явился британский посланник Б. Ньютон и вручил ему британский план передачи пограничной территории, о котором уже говорилось выше. План носил скромное название «time-table». Б. Ньютон сказал, что этот «временной план» выражает точку зрения британского правительства, но это являлось по меньшей мере преувеличением, так как Э. Галифакс лишь упомянул об этом плане на заседании внутреннего кабинета после того, как документ был уже в Праге. Б. Ньютон добавил далее, что план был обсужден с французским правительством и якобы одобрен им. Текст ноты, сопровождавшей план, содержал также обычную формулу заклинания мюнхенцев: альтернативой этому плану может быть только война, которая полностью уничтожит Чехословакию, и ее нельзя будет возродить даже в том случае, если Германия в конечном счете потерпит поражение.

Что же составляло суть этого плана? За многими его фразами скрывался годесбергский меморандум Гитлера. К 1 октября немцы, согласно плану, заняли бы «западный выступ» Чехии, поскольку эта территория расположена перед поясом укреплений, а к 10 октября была бы закончена оккупация всего пограничья. И лишь к концу октября некая международная комиссия установила бы новые чехословацкие границы. Позже, в случае необходимости, такая граница могла бы быть уточнена с помощью плебисцита. И только после того, как все было бы закончено, могли начаться переговоры о гарантиях для урезанной Чехословакии²⁴.

Это была полная противоположность тому, что ожидал Э. Бенеш: он надеялся, что сначала международная комиссия обозначит границы, определит условия эвакуации и великие державы дадут гарантии новых границ; после этого пограничные районы будут оставлены чехами и германская армия сможет их занять. Но британский план шел навстречу Гитлеру: сначала оккупация и только после того, как германская армия будет в Чехословакии, можно начинать переговоры. Гитлер настаивал на немедленной оккупации, обосновывая это тем, что правительство в Праге умышленно затягивает дело, спекулируя при этом на возможном изменении политики Англии и Франции. Сторонники политики «умиротворения» приняли эту аргументацию Гитлера и именно поэтому предложили Праге свой «time-table»²⁵.

По всей вероятности, сразу же после получения этого английского плана Э. Бенеш понял, что рухнули его надежды на то, что можно еще чего-либо добиться путем дипломатических переговоров на основе англо-французских «предложений» от 19 сентября. Согласие чехословацкого правительства с этими «предложениями» являлось просто-напросто капитуляцией, и Н. Чемберлен все свои действия после Годесберга основывал на этом. Может быть, только теперь Э. Бенеш понял, какой ошибкой было предоставление английскому правительству свободы действий в ситуации, когда Чехословакия могла опереться на свою отоброшенную армию, на Советский Союз, а в Женеве она могла обрушиться на территориальные требования Гитлера. Бывший секретарь Т. Г. Масарика В. Шкрах писал позднее Э. Бенешу: «От С. С. Александровского я знаю, что до 27 сентября вы еще верили, что Франция и Англия идут с нами»²⁶.

Утром 27 сентября чехословацкая общественность еще не была оповещена о том, что произошло ночью. На всех благоприятно подействовало сообщение агентства Гавас о готовности Советского Союза оказать военную помощь Чехословакии. С надеждой было воспринято известие о международной солидарности и демонстрациях в поддержку Чехословакии, проходив-

пшх в разных странах Европы. Однако руководство политических партий было осведомлено о событиях ночи. В первую половину дня члены постоянного комитета парламента явились к Э. Бенешу; среди депутатов находились также К. Готвальд и Л. Рашии. Они настаивали на том, чтобы не идти на уступки и взять назад свое согласие с англо-французскими «предложениями». Во главе государства должно быть, по их мнению, поставлено сильное правительство. В ответ Э. Бенеш разразился жалостными тирадами о том, что страна всеми покинута и не может идти на изолированный конфликт. Он признал свою ответственность за прежнюю политику, но считал, что именно так и должен был поступать: принять Ренспмена, согласиться с англо-французскими «предложениями», объявить мобилизацию. Он сказал, что Франция охотно поддержала бы Чехословакию, но Ж. Бонне боится СССР и с удовольствием оставит Восточную Европу на милость Гитлера. Президент, жаловался Э. Бенеш, должен все делать за правительство, а коалицию раздирают непрерывные распри, тогда как чиновничий кабинет решает дела быстрее. К. Готвальд настаивал, чтобы правительство попросило помощи Советского Союза, но Э. Бенеш начал доказывать, что без Франции невозможно принять помощь СССР и надо пытаться делать все возможное, чтобы удержать Францию на своей стороне. Короче говоря, это снова была та же самая печальная пассивность Э. Бенеша, которую К. Готвальд позднее охарактеризовал следующим образом: «Для Бенеша было характерным, что он тянулся в хвосте сентябрьских событий, подчиняясь свершившимся фактам, вместо того, чтобы попытаться самому более радикально повлиять на развитие событий»²⁷.

Петиционный комитет «Останемся верными», объединивший левую интеллигенцию и выступавший с критикой политики правительства по отношению к партии Генлейна, направил Э. Бенешу телеграмму следующего содержания: «Мы требуем, чтобы правительство немедленно обратилось за помощью в Лигу наций в соответствии со статьей 11 ее Устава. Мы имеем точную и достоверную информацию о том, что распространяемое утверждение не соответствует действительности, будто Советский Союз откажет в помощи Чехословакии после отказа Франции. Мы требуем сообщить общественности, что Советский Союз даже не запрашивали, готов ли он помочь Чехословакии один, независимо от оговорки, внесенной в чехословацко-советский договор о взаимной помощи. Мы требуем, чтобы сообщения о том, что и Советский Союз нас также оставил, были опровергнуты и впредь конфисковались. Мы требуем, чтобы правительство немедленно начало переговоры с Советским Союзом об устранении *junctim* [связи — лат.] действия договора с вопросом о помощи со стороны Франции»²⁸,

Эти требования были посланы Э. Бенешу не случайно. В кругах информированной политической общественности было известно, что на горизонте маячит новый компромисс Запада с Гитлером и что, стало быть, чехословацкое правительство также в ближайшее время будет поставлено перед необходимостью безоговорочной капитуляции. Однако Э. Бенеш в действиях по отношению к СССР руководствовался своими принципами: Чехословакия не проводит собственной политики, а идет вслед за Францией. В данной ситуации это означало, что Чехословакия практически следует политике Ж. Бонна. Около полудня советское полпредство сообщило в Москву, что позицией чехословацкого правительства остается Берхтесгадеп и что ночью правительство снова подтвердило Парижу и Лондону, что оно настаивает на выполнении их «предложений» от 19 сентября²⁹.

Несмотря на то что после Годесберга на заседаниях британского кабинета часто раздавались голоса, осуждающие всякий дальнейший нажим на Прагу, он снова повторялся в течение всего дня 28 сентября. И хотя британский план «time-table» (который был послан также и в Берлин) в понимании британского Форин оффис представлял собой компромисс между Берхтесгадемом и Годесбергом, Н. Гендерсон упорно настаивал, что любыми средствами надо заставить Э. Бенеша принять меморандум Гитлера. Этот британский дипломат, ставший рупором нацистской политики, по примеру Гитлера повторял, что мир в Центральной Европе не будет обеспечен до тех пор, пока чехи не перестанут господствовать над чужими нациями. Если они не примут предложения Гитлера, то потеряют все³⁰.

В Праге правые круги склонялись к тому, чтобы принять подобные рекомендации, если при этом Гитлер проявит хотя бы намек на готовность к компромиссу. Заголовок газеты аграриев «Венков» звучал многозначительно: «Полные готовности к жестоким жертвам, мы требуем терпимости и от другой стороны»³¹. В правительственных кругах стало известно, что Германия выдвинула предложение о конфиденциальных переговорах с Чехословакией. Э. Бенеш дал согласие на такие переговоры, чтобы, дескать, знать, о чем, собственно говоря, идет речь³². Следовательно, он сам в конце концов согласился на то, чего давно уже добивались правые. Впрочем, события развивались настолько быстро, что эта сомнительная инициатива осталась без последствий. Во всяком случае, согласие Э. Бенеша на отдельные переговоры с Германией являлось показателем того, что политические разногласия, существовавшие ранее в правительственном лагере, утрачивали свое значение.

Правые круги, несомненно, ожидали падения Э. Бенеша.

Однако Б. Ньютон считал, что для такой отставки еще не настал благоприятный момент. Э. Бенеш был порукой тому, что политика согласия с англо-французским планом продолжает сохраняться. А если бы он подал в отставку сразу же после речи Гитлера 26 сентября, то это было бы слишком явным доказательством того, что Чехословакия практически лишилась своей самостоятельности, и обещанные британские гарантии получили бы нежелательное толкование. Кроме того, возникал вопрос, кто мог занять место Э. Бенеша³³. Смысл этой аргументации Б. Ньютона заключался в том, что Э. Бенеш не должен уйти в отставку раньше, чем будет завершена вся чехословацкая операция. Уже до полудня 28 сентября стало ясно, что заключительной фазой этой операции явится международная конференция. Перед этой конференцией Н. Чемберлен хотел быть уверенным в благоприятной позиции чехословацкого правительства, точнее говоря, он хотел иметь согласие на новый английский план. Это согласие вымогалось у чехословацкого правительства уже в течение всей первой половины дня.

Правительство и представители коалиционных партий собрались в четыре часа дня, чтобы рассмотреть новый британский план. Во время заседания было получено сообщение, что на следующий день главы четырех великих держав встретятся на конференции в Мюнхене. Э. Бенеш представил кратко разъяснение к британскому плану, отметив, что он предполагает сначала оккупацию и лишь после этого установление границ. Этот план, стало быть, существенно отличается от первоначальных англо-французских «предложений». Несмотря на это, указал далее Э. Бенеш, этот план надо в принципе принять, так как — здесь он повторил известную формулу мюнхенцев — «единственной альтернативой было бы вторжение и растаскивание по кускам территории, и даже в случае мирового конфликта Чехословакия не могла бы быть восстановлена в ее нынешних границах». К. Крофта дополнил это разъяснение заявлением, что британский план надо принять, хотя и с оговорками по тем вопросам, где он отступает от первоначальных «предложений» 19 сентября. Ряд лиц, участвовавших в дискуссии, прежде всего М. Годжа, склонялся к мнению, что вначале можно было бы эвакуировать территорию перед линией укреплений, однако сами укрепления отдать лишь после демаркации границ и получения гарантий. Кстатц, это был тот план, который британская дипломатия горячо рекомендовала. Э. Бенеш начал успокаивать собравшихся видами на обещанные великими державами гарантии и на возможность создания небольшого, но в национальном отношении монолитного государства. Он советовал провести все это неконституционным путем, так как, по его мнению, парламент

едва ли одобрил бы такого рода территориальные изменения. И в этот момент Р. Бехине начал истерически повторять утверждения самых ярких мюнхенцев, обвинявших коммунистические партии в том, что те якобы желают любой ценой вызвать войну. «В республике есть партия, которая хочет войны, вероятно потому, что ее хочет Россия, — утверждал Р. Бехине. Сейчас, продолжал он, настало время, чтобы партии и отдельные лица взяли на себя всю ответственность; может быть, следует созвать широкий коалиционный совет, но нельзя допустить агитационные выступления в парламенте. «Партия войны» может быть полезной только в том случае, если война неизбежна». Получалось, что если бы на республику было совершено нападение, то господствующий класс не возражал бы против того, чтобы коммунисты умирили за республику. Но коль скоро господствующий класс хотел капитулировать перед Гитлером, потому что этого требовала его солидарность с классовыми интересами французского и английского капитала, то коммунистов просто следовало заставить замолчать. Название «партия войны» было мошенническим изобретением людей типа Бонна, которые после Берхтесгадена хотели принудить замолчать своих критиков. В действительности же именно политика «умиротворения» открывала двери новой мировой войне.

Э. Бенеш советовал правительству придерживаться уже однажды принятой основы. Под этим он имел в виду капитуляцию 21 сентября. Сам он высказывался за реализацию англо-французского плана, причем спорные вопросы должны были быть представлены на арбитраж президенту Ф. Рузвельту. Такого рода американский арбитраж являлся составной частью французского плана, накануне полученного Э. Бенешем из Парижа. Э. Бенеш все еще не был способен понять, что против Годесберга нельзя бороться с помощью Берхтесгадена. Заседание правительства и представителей партий, входящих в коалицию, закончилось без принятия какой-либо резолюции. В заключение А. Гампл снова высказал опасение, что едва ли удастся убедить народ и армию в том, что «мы сами должны были сделать себе ампутацию». «Главное, — утверждал он, — чтобы результаты неизбежных уступок не обернулись против политики, которая в данных условиях является единственно возможной»³⁴. А единственно возможной политикой правительственная коалиция считала расчленение государства.

Несмотря на то что заседание правительства закончилось в атмосфере всеобщего замешательства и пессимизма, не было сомнения, что британский план был, в сущности, принят, хотя и с определенными оговорками, которые в данной ситуации не имели особого политического значения.

В восемь часов вечера британский Форин оффис настойчиво напомнил о необходимости немедленного принятия плана. Свое согласие следовало без промедления сообщить в Берлин. Чехословацкое правительство должно было назначить своего представителя, который на следующий день выедет в Мюнхен³⁵. Б. Ньютон сообщил, что он уже просил Э. Бенеша ответить на британский план и получил разъяснение, что К. Крофта подготавливает ответ. И поскольку британский план выходит за рамки первоначальных «предложений», ответ поэтому будет содержать некоторые оговорки. Б. Ньютон рекомендовал К. Крофте, чтобы правительство представило точно сформулированный документ; если его не удовлетворяют некоторые сроки, пусть, мол, оно предложит другие³⁶. Очевидно, англичане стремились оправдаться перед Гитлером за то, что Н. Чемберлен не привез в Гodesберг точно выработанного плана расчленения Чехословакии. В течение ночи Б. Ньютон неоднократно напоминал Э. Бенешу, что в любом случае ответ должен быть благоприятным и незамедлительным. Э. Бенеш неизменно повторял, что в принципе ответ будет положительным, за исключением оговорок по двум пунктам. Текст будет представлен лишь 29 сентября. Б. Ньютон пригрозил, что такое промедление может вызвать негативное отношение к посланию, которое Э. Бенеш направил Н. Чемберлену в связи с предстоящей мюнхенской конференцией³⁷.

Документ, названный «Чехословацкий ответ на английские рекомендации временного плана», все же был датирован 28 сентября 1938 г.³⁸ В ответе констатировалось, что чехословацкое правительство принимает британский план, но со следующими оговорками: нельзя начинать эвакуацию чехословацкой территории до тех пор, пока международная комиссия не определит новые границы и пока Чехословакия не получит обещанные гарантии. Границы необходимо установить таким образом, чтобы было учтено и мнение чехов. Спорные вопросы можно представить на арбитраж президенту Ф. Рузвельту. Собственно говоря, это было лишь относительное принятие британского плана, который шел навстречу желаниям Гитлера: сначала оккупация и лишь потом определение границ. Хотя Э. Бенеш и отвечал «да», однако хотел, чтобы сначала были установлены новые границы и получены гарантии, и только потом согласен был на оккупацию. Но так как до открытия мюнхенской конференции оставалось уже слишком мало времени, то это пожелание не имело существенного значения, ибо в случае необходимости оно могло быть объявлено несущественным процедурным вопросом. В качестве главного аргумента сторонники мюнхенской политики на Западе использовали ссылки на то, что чехословацкое правительство уже капитулировало 21 сентября,

Критический срок, 14 часов 28 октября, миновал без объявления войны, так как к этому времени была достигнута договоренность о проведении мюнхенской конференции. Несмотря на это, перед историком встает вопрос, насколько чехословацкая армия была тогда готова к германскому нападению и как вероятнее всего могла развиваться война, если бы Чехословакия решилась защищать свой суверенитет. Не будем здесь приводить различные гадания на эту тему, однако будет не бесполезно привести здесь сделанные тогда же оценки и рассуждения о военных шансах Чехословакии. Следует при этом иметь в виду, что борьба вокруг вопросов «умиротворения», капитуляции, сохранения Чехословакии или спасения гитлеровского режима в Германии захватила и военные круги Франции, Англии и других стран. Это нашло отражение и в соответствующих исторических документах. Так, британский военный атташе в Берлине составил позднее обстоятельный доклад о германских военных приготовлениях, используя сведения, предоставленные британской разведывательной службой в Германии³⁹.

Вопрос о подготовке к военному нападению на Чехословакию был решен Гитлером, скорее всего, в конце мая, после неудавшейся попытки оккупировать чехословацкие пограничные районы. Его план состоял из двух частей: защитные мероприятия на западной германской границе и сосредоточение наступательных сил против Чехословакии; это сосредоточение должно было быть завершено к концу сентября. Массовый призыв резервистов начался в середине августа. Численность армии возрастала, а фактическая мобилизация камуфлировалась производимыми время от времени увольнениями в запас, взамен чего проводился новый набор резервистов. В войсках проводились учения по преодолению преград и укреплений, подобных тем, какие имелись в Чехословакии.

Гитлер решил, что военные операции будут начаты не ранее конца сентября: надо было завершить жатву и уборку осеннего урожая, в сентябре должен был состояться съезд нацистской партии; армейское командование также требовало более длительного времени для осуществления подготовки к войне. Неопределенным пунктом в расчетах Гитлера оставался вопрос: действительно ли Англия и Франция окажутся вне военного конфликта? Общественное мнение в Германии в свою очередь не проявляло энтузиазма к войне. Командование армии предупреждало Гитлера о риске всеобщего европейского конфликта. Сказывалась бросающаяся в глаза нервозность, вызванная страхом перед большой европейской войной. Однако армейское командование было не в состоянии убедить Гитлера.

В самом конце нюрнбергского съезда папистов стало очевидно, что нажим на Чехословакию не гарантирует осуществления требований Гитлера. Миссия Ренсимаена обманула его ожидания, хотя, с другой стороны, она значительно способствовала распространению мнения, что требования Гитлера, дескать, обоснованны. С этого момента Гитлер начал настаивать на развязывании войны. Он предполагал, что союзники Чехословакии будут реагировать не столь быстро и Германия тем временем добьется в Чехословакии молниеносного и очевидного успеха. Для Гитлера политически важно было продемонстрировать германской общественности зримый успех, дабы отвлечь ее внимание от резко ухудшающегося экономического положения в стране. И. Риббентроп, И. Геббельс и Г. Гиммлер непрерывно убеждали Гитлера в том, что он может начать войну, так как Англия останется в стороне.

Наконец Гитлер отдал приказ о концентрации 30 дивизий на чехословацкой границе. Передвижения воинских частей должны были происходить скрытно, в основном ночью. Система снабжения получила приказ быть в боевой готовности к 23 сентября. Ведя переговоры в Берхтесгадене, Гитлер хотел лишь выиграть время. Его целью было захватить всю территорию Чехии и Моравии. Ко времени переговоров в Годесберге его армия уже была готова к нападению. До завершения всеобщей мобилизации оставалось дня три. Однако после Годесберга Гитлер уже не был так уверен, что Англия и Франция не станут проводить мобилизацию. В этом подозрении его укрепляло проведение мобилизации Чехословакией. Все это оказывало на Гитлера сдерживающее влияние. Германская общественность также начала осознавать, что ей грозит большая европейская война. Особенно это выявилось 27 сентября в Берлине, когда демонстрацию военной мощи встретили молчанием, так обескуражившим Гитлера. Но он уже не мог отступить от своих требований, пойти на риск своего политического поражения. В конечном счете Мюнхен дал Гитлеру все, что он хотел, хотя это и не составляло еще содержания его окончательных требований.

По мнению британской разведывательной службы, хотя в Германии и чувствовалась высокая степень недовольства, едва ли можно было ожидать, что в случае войны в Германии свергнут Гитлера.

В чем заключался германский план войны? Первоначальная цель состояла в том, чтобы захватить чехословацкие пограничные районы. И поскольку большая часть этой территории была расположена перед линией чешских укреплений, это не было особенно трудной задачей. Главной же целью было уничтожение чехословацкой армии. Решающее наступле-

ние должно было вестись из Австрии на Южную Моравию с захватом городов Зноймо, Иглава и Брно.

Британская разведывательная служба считала, что если бы Гитлера не удовлетворила мюнхенская конференция, то Германия объявила бы всеобщую мобилизацию, одновременно начав осуществлять воздушные налеты на Чехословакию с целью быстрее уничтожения ее вооруженных сил, а затем она могла бы обрушиться на Запад. Гитлер при этом рассчитывал на поддержку польской армии, которая должна была выступить вместе с германской армейской группировкой в Силезии. Британская разведка считала, что и Венгрия не осталась бы в стороне. Таким образом, германский план исходил из двух условий: а) война с Чехословакией будет короткой, изолированной и не перерастет во всеобщий конфликт; б) вместе с Германией будут Италия, Польша и Венгрия. Считалось, что использование танковых частей было бы успешным только на южном участке фронта, тогда как на других направлениях использовать танки было бы трудно. Командование германской армией осуществляли генералы В. Браухич, Г. Рундштедт, Ф. Бок, В. Рейхенау, В. Лист, Адам и В. Лееб. Большая часть германских вооруженных сил была сосредоточена против Чехословакии, на западе Германии находилась лишь единственная армейская группа. К границам Чехословакии были переправлены войска и из Восточной Пруссии, что также свидетельствовало о предварительной договоренности с Польшей. Британская разведывательная служба полагала, что Германия способна выставить 90 дивизий.

Французская разведка считала, что германская армия уже 27 сентября была полностью готова к войне. Оккупация чехословацких пограничных районов являлась лишь эпизодом в общем плане овладения Европой⁴⁰. Сведения чехословацкой разведки в целом соответствовали британским данным: на чехословацких границах было сосредоточено около 30 дивизий первого эшелона вермахта. Главный удар был нацелен на Южную Моравию. Большая часть немецкой авиации была также сосредоточена против Чехословакии, что свидетельствовало об относительной уверенности Гитлера в том, что Германия с Запада серьезной опасности не грозит⁴¹. Действия вооруженных отрядов партии Генлейна имели скорее пропагандистское, чем военное значение. Согласно сводкам, эти отряды провели всего 140 акций, захватили 2600 чехословацких граждан, убили 95 человек. Их собственные потери составили 49 человек⁴².

Представляют интерес мнения военных атташе в Праге, Туссен, который находился в личном контакте с Гитлером, говорил, что, даже если бы правительство Годжи в мае предложило автономию генлейповцам, Чехословакия едва ли про-

существовала бы год-два. Гитлер, по словам Туссена, верил, что война против Чехословакии была бы изолированной только до тех пор, пока в нее не вступил бы Советский Союз. В этом случае Германии пришлось бы вести войну в европейском масштабе. Туссен считал, что сами чехи смогут сопротивляться одну-две недели. Он проговорился, что немцы рассчитывали пробить себе путь огнем артиллерии и, прорвав фронт, проникнуть в страну. Они имели своих осведомителей в каждой чехословацкой дивизии, даже среди офицеров, однако были далеко не обо всем информированы. Танки, считал Туссен, не имели бы решающего значения в этой войне ⁴³.

Как явствует из послевоенной немецкой литературы, германское командование думало об использовании против Чехословакии воздушных десантов, которые были подготовлены в 7-й военно-воздушной дивизии, входившей в состав армейской группы Г. Рундштедта в Сплезии. Эти десанты должны были быть сброшены около Брунтала, чтобы оказывать помощь наземным войскам при прорыве через мощные укрепления на северной границе Моравии. Одновременно они должны были блокировать подход чехословацких стратегических резервов, сосредоточенных около Оломоуца. После того как произошла передача пограничных районов Чехословакии, немцы осуществили 8 октября учебную высадку десанта, которую наблюдал Г. Геринг. Очевидно, германская армия хотела проверить свои будущие операции против линии Мажино.

По мнению Б. Ньютона, чехословацкая мобилизация была закончена 28 сентября, однако концентрация сил требовала еще нескольких дней. Командование чехословацкой армии было убеждено, что немцы не смогут овладеть чешскими землями, если Франция начнет отвлекающее наступление на западе ⁴⁴. Как доносил британский военный атташе из Парижа, по сведениям, полученным из окружения М. Гамелена, Чехословакия способна выставить 33—34 хорошо вооруженных, обученных и морально стойких дивизии. Немцы, хотя и могут выставить 120 дивизий, однако против Чехословакии они смогут использовать из них самое большее 40. Французское командование предполагает, что немцы встретят упорное сопротивление и понесут тяжелые потери ⁴⁵.

По всей вероятности, самые обстоятельные сведения о чехословацкой армии имел французский генерал Ф. Фоше, являвшийся начальником военной миссии в Праге. Он был убежден, что против Гитлера следовало сражаться. Он доказывал, что немцы не могут выставить против Чехословакии более 33 дивизий, то есть столько же, сколько было с чехословацкой стороны. А кроме того, здесь имелись сильные укрепления. Фоше тешил себя надеждой, что и после Мюнхена тупо-

умное гитлеровское руководство наделает достаточно серьезных ошибок, чтобы восстановить против себя чехов, так что Франция может надеяться, что у нее еще останутся кое-какие союзники в Центральной Европе⁴⁶. Данная генералом Фоше высокая оценка чехословацкой армии общеизвестна и широко цитируется в исторической литературе.

Как же оценивали военные перспективы сами представители Чехословацкой республики? Э. Бенеш в своих высказываниях был весьма непостоянен. Когда в октябре 1938 г. он прибыл в Англию, одна из английских газет опубликовала его заявление о том, что Чехословакия и без иностранной помощи могла бы в течение нескольких месяцев оказывать сопротивление Германии. Кроме того, он тогда был убежден, что советская помощь могла быть очень значительной⁴⁷. Позднее, очевидно под впечатлением германских военных успехов 1939—1941 гг., он внес поправку в свое мнение, считая, что война, начавшись она в сентябре 1938 г., в течение нескольких дней привела бы Чехословакию к политической и военной катастрофе. Разумеется, нельзя не отметить, что эти суждения Э. Бенеш высказывал уже в то время, когда он всеми силами пытался оправдать мюнхенскую капитуляцию как единственно возможное решение. Начальник генерального штаба генерал Л. Крейчи принадлежал к тем чехословацким офицерам, которые вопреки своим политическим взглядам сохраняли восхищение и уважение к Красной Армии. Он не скрывал убеждения, что общая коалиция великих держав в очень короткий срок покончила бы с Германией и что Запад сделал роковую ошибку, отвергнув совместные с СССР действия⁴⁸.

Советская помощь оставалась для Чехословакии единственной реальной надеждой вплоть до последних часов ее независимости. Перед встречей в Мюнхене Советское правительство информировало Э. Бенеша о том, что он может рассчитывать на советскую помощь⁴⁹. 28 сентября, перед истечением срока германского ультиматума, Э. Бенеш обратился к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи авиацией⁵⁰. Но есть серьезные основания полагать, что с советской стороны обсуждался вопрос об оказании помощи Чехословакии в первую очередь сухопутными войсками, и не только через территорию Румынии, но также и через Польшу. В одной из депеш Э. Фирлингера прямо говорится о том, что «при благоприятном развитии Советы попытаются достичь общих с нами границ»⁵¹.

Для реализации советской помощи ключевое значение имели восточные земли Чехословакии, через которые представлялась единственная возможность связи с СССР. Этот факт раньше всех понял Ю. Бек, стремившийся к отторжению и раз-

делу Словакии, помимо всего прочего, как раз для того, чтобы помешать «советскому проникновению» в Центральную Европу.

Правительство Годжи проводило в Словакии ту же самую политику, какую до этого оно осуществляло в населенных немцами пограничных районах Чехии и Моравии. Оно притесняло демократических, прогрессивных и революционных представителей словацкого народа, а партию националиста Глинки стало считать единственным представителем словацкого народа, подобно тому как партию Генлейна принимало за единственного представителя судетских немцев. Й. Тисо, точно так же как и К. Генлейн, использовал нерешенность словацкого национального вопроса. Хотя представитель Словацкой народной партии Глинки и вошел в правительство генерала Сыровы, однако Й. Тисо начал политические спекуляции. Он одновременно вел переговоры с Э. Бенешем и с венграми. К. Сидор вел переговоры в Варшаве. Германский консул в Братиславе Э. Друффель после Годесберга требовал от экстремистских элементов внутри партии Глинки провозгласить словацкое государство под эгидой Германии. Соглашения Й. Тисо и К. Сидора с Ю. Беком, М. Хорти, а одновременно и с Э. Бенешем сменяли друг друга, заключались и нарушались изо дня в день. В то же время бековская Польша все настойчивее требовала уступки ей Тешинской области. Польский посол договаривался с Германией о разделении сфер влияния в Северной Моравии. Сторонники Тисо в Словацкой народной партии Глинки полагали, что после германского нападения Словакии следовало бы быстро связать свою судьбу с Польшей или с Венгрией или же могла бы быть создана некая трехчленная уния⁵². Однако в конце сентября преимущество стали отдавать германским предложениям о создании словацкого государства под протекторатом Германии. Одновременно и чешские правые начали предлагать партии Глинки значительную большую долю участия в правительстве. Чешская, германская, венгерская и польская буржуазия боролась за влияние в Словакии. Партия Глинки использовала это соперничество, спекулировала, вела переговоры со всеми. 30 сентября Й. Тисо вручил Э. Бенешу ультиматум, требовавший незамедлительно передать власть в Словакии в руки Словацкой народной партии Глинки. Одновременно сообщая с К. Сидором он попросил, чтобы бековская Польша обещала будущему словацкому государству свою защиту⁵³. Хортистской Венгрии дали понять, что прежние соглашения с нею носили только тактический характер⁵⁴.

Время существования самостоятельной и независимой Чехословацкой республики исчислялось часами. Внешнеполитический кризис республики был усугублен кризисом внутри-

политическим, источники которого крылись в нерешенности коренных национальных, социальных и экономических вопросов. Чем ближе был триумф гитлеровской Германии, тем больше росла беззастенчивость чешской и словацкой реакции. Фашизм означал войну, а война, по мнению близоруких крупных землевладельцев и мелких буржуа, вела к росту конъюнктуры. Но военная конъюнктура всегда носит лишь временный характер и не имеет ничего общего с будущностью народов. Гитлеровский фашизм был смертельным врагом чешского и словацкого народов. Реакционные авантюристы скрывали этот факт и стремились нажить политический капитал даже на катастрофе, в которую вверг республику господствующий класс капиталистов и помещиков.

XVIII. СОГЛАШЕНИЕ О МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(27—28 сентября)

Когда в понедельник 26 сентября французские министры прощались в Лондоне, а Гораций Вильсон уезжал к Гитлеру, Н. Чемберлен задал вопрос: насколько прочны позиции правительства Даладье, ибо неизвестна была реакция французской общественности. Согласится ли она с ультиматумом Гитлера? Или настроится на вооруженное сопротивление, будет требовать выполнения договорных обязательств перед Чехословакией? Э. Фишс получил строгие инструкции точно выяснить политические взгляды руководящих французских деятелей, а также настроения в отдельных французских провинциях.

Его сведения рисуют картину, отличающуюся от той, которую видели чехословацкие дипломаты в Париже. Франция не была морально разложившейся страной, как это утверждали чехословацкие капитулянты. Хотя война и не вызывала особого энтузиазма французов, но зато у них была, согласно британским данным, «твердая и меланхолическая решимость оказывать сопротивление нацистской агрессии». Повсеместно было распространено убеждение, что рано или поздно война с Гитлером неизбежна. В северных промышленных районах сохранялась высокая гражданская дисциплина, и с моральной стороны все было подготовлено для поддержки Чехословакии. Настроения добиваться «мира любой ценой» встречались скорее на юге, например в районе Бордо. В то время как в мелкобуржуазной среде находил благоприятный отклик лозунг, призывавший отказаться жертвовать жизнью за Чехословакию, среди французских рабочих господствовало убеждение, что надо выполнить союзнические обязательства в отношении Чехословакии. Непоколебимо было также доверие к советской помощи¹.

В Париже, как и в Лондоне, общественность была возмущена меморандумом Гитлера. По сведениям британского посольства в Париже, французы якобы поняли, что дело не в незначительных процедурных вопросах, как это утверждала клика Бонна, а под угрозу поставлены жизненные интересы и безопасность самой Франции. Общественность пришла к выводу, что Гитлер пытается требовать большего, чем это предусматривал англо-французский план. Эти сведения британскому послу полностью подтвердил Э. Эрро. Он уверял, что большинство в парламенте будет голосовать за войну, даже если

у общественности война и не вызывает никакого восторга. Французы совершенно определенно готовы оказать сопротивление фашизму. В случае германского нападения на Чехословакию Франция намерена обратиться в Женеву и предоставить решение Совету Лиги наций. Тем самым она помешала бы Германии обвинить в агрессии Францию и Англию, если бы те выступили на помощь Чехословакии². Того же придерживался и председатель сената Жонене. Он был убежден, что война неизбежна. И даже если бы уступили Гитлеру, то это отодвинуло бы только начало войны, ибо позже Гитлер обрушился бы с гораздо большей силой на Францию.

В стране царит атмосфера решимости бороться. Французская общественность твердо убеждена, что лучше воевать теперь, чем позднее, так как в данной ситуации больше надежд на победу. И сам председатель сената в отличие от других французских политиков не опасается коммунистических беспорядков в случае тяжелых воздушных налетов. Как Э. Эррио, Жонене даже не представляет, что в скором времени будет созван парламент. Решить этот вопрос — дело правительства. Господствует убеждение, что если вспыхнет конфликт, то война формально не будет объявлена³.

Иных убеждений придерживались правые политики, например Л. Марэн, Ж. Кайо и другие. По их мнению, Франция не вступила бы в войну за Чехословакию, ибо спорными являются только вопросы процедуры, а за это не стоит воевать. Иная ситуация наступила бы в случае, если Германия напала прямо на Францию⁴. Проповедником подобных взглядов был также и кардинал Вердье, на поддержку которого еще недавно Э. Бенеш возлагал большие надежды. По мнению этого представителя церкви, войны хотят только коммунисты; французы должны воевать только в том случае, если будет затронута их честь. Хотя коммунисты и утверждают, что Франция опозорит себя новым компромиссом с Гитлером, однако господин кардинал не считает, что так уж бесчестно идти на дальнейшие уступки. Возможно, что в будущем война станет необходимостью, однако сейчас ни Франция, ни Англия не подготовлены к войне. Крестьяне твердо выступают за компромисс, хотя они тоже сражались бы, если бы этого потребовала честь Франции⁵.

Особое место в этой серии предательств и политике поражения принадлежало лидеру социалистов Леону Блюму. 27 сентября он явился к Э. Фишпу, чтобы сказать, что испытывает огромное восхищение перед Н. Чемберленом и его непрерывными усилиями по спасению мира. Он, мол, восхищен идеей послать Г. Вильсона к Гитлеру и полностью согласен с заявлением британского премьера, которым тот ответил на

речь Гитлера 26 сентября. При этом Л. Блюм повторял утверждения французских пораженцев, заявлявших, что никто бы не понял, почему надо начинать войну из-за вопросов процедуры. И только тогда, когда стало бы очевидно, что Гитлер хочет разорить всю Чехословакию, Франция выступила бы, убежденная, что война неминуема. В противном случае Франция была бы только опозорена. Моральный дух резервистов, которые располагаются на линии Мажино, якобы достоин удивления⁶.

Моральное состояние демократической французской общест-венности, как это следует из донесений британской развед-ки, было в то время значительно лучше настроений большин-ства политических деятелей буржуазной Франции.

После возвращения министров из Лондона состоялось за-седание французского правительства, на котором Э. Даладье высказался в защиту принципа, согласно которому в данный момент следует демонстрировать Гитлеру решительность, ибо только так можно спасти положение. Ж. Боннэ и его сторон-ники не были с этим согласны. Они боялись, что французские военные приготовления, которые пока преследовали лишь так-тическую цель — заставить Гитлера пойти на компромисс, в конечном счете могли бы вылиться в войну. Поэтому груп-па Ж. Боннэ решила добиваться компромисса с Германией любой ценой⁷.

В поисках убедительного аргумента против возможного вы-ступления Франции в защиту Чехословакии Ж. Боннэ вече-ром, после возвращения из Лондона, позвонил Э. Фиццу и поставил перед ним три вопроса. Эти вопросы касались ситуа-ции, которая возникла бы в том случае, если бы Германия на-чала на Чехословакию, Франция провела мобилизацию и на-чала военные действия против Гитлера. Что в этом случае сделает Великобритания? Будет ли проводить мобилизацию одновременно с Францией? Введет ли всеобщую воинскую по-винность? Готова ли будет объединить экономические и фи-нансовые ресурсы обеих стран? Ж. Боннэ пояснил, что фран-цузские руководители будто бы не ставили эти вопросы на пе-реговорах в Лондоне, так как хотели дать британскому пра-вительству достаточно времени, чтобы их обсудить. Однако в создавшейся обстановке им хотелось бы, чтобы британское правительство дало на эти три вопроса быстрый ответ⁸.

Ж. Боннэ очень хорошо знал, какие ответы можно ожи-дать от Н. Чемберлена. Ведь он сам участвовал в лондонских совещаниях и видел, что британский премьер совершенно преднамеренно не хотел оставить Франции каких-либо сомне-ний в том, какова будет британская позиция в случае войны. Ныне Ж. Боннэ хотел это обстоятельство использовать. Если он сумеет представить французскому правительству четкое

заявление британского правительства о том, что в случае войны Франция не может рассчитывать на гарантированную британскую помощь, то никто из французских министров не отважится обсуждать вопрос об изолированной войне Франции против Германии. Ведь принцип совместных с Англией действий являлся навязчивой идеей французской политики. П.-Э. Фланден уже 26 сентября выступил с заявлением, что Франция не имеет морального права вмешиваться в войну, которая возникнет только из-за проблемы судетских немцев. По вопросу войны правительство должно в первую очередь посоветоваться с парламентом. Франция якобы должна заявить англичанам, что она не имеет достаточно сил, чтобы одной вести войну на трех фронтах (против Германии, Италии и Испании)⁹. Генерал Вюллемин в тот же день послал письмо министру Ги де Ла Шамбру, где самыми мрачными красками изображал будущие германские воздушные налеты на Париж¹⁰.

Французские пораженцы усилили свою активность в тот момент, когда стало известно, что Гитлер предъявил Чехословакии ультиматум. Они повторяли, что Франция не имеет никакого морального права вступать в войну за государство, которое уже само дало согласие уступить свои пограничные территории, и спорными остаются лишь процедурные вопросы. Предпринимались бесчисленные демарши у Э. Даладье, у президента А. Лебрена с требованием продолжения политики «умиротворения». При этом они ссылались на ветеранов первой мировой войны, на вдов и сирот и требовали, чтобы война не была начата без согласия парламента. Они с пеной у рта доказывали, что Франция не подготовлена и война для нее была бы заранее проигранным делом. При этом А. Лебрен не смог дать им связного ответа, а лишь только что-то сумбурно лепетал¹¹.

Эти подрывные действия французских пораженцев были несколько осложнены сообщением агентства Гавас из Москвы, которое подтвердило сведения о советских приготовлениях к защите Чехословакии. Ж. Бонна дал указание печати опровергать это сообщение, объявив его ложным, инспирированным Москвой, которая будто бы хочет войны. От имени своего министерства он сделал заявление, что Кэ д'Орсе не имеет подтверждения сообщению, сделанному агентством Гавас. П.-Э. Фланден в свою очередь заказал объявления, которые были расклеены по Парижу и в которых утверждалось, что мобилизация, мотивированная чисто тактическими соображениями, якобы является антиконституционной¹². Активность этой клики пораженцев была настолько сильной, что на нее обратило внимание чехословацкое посольство. В одной из телеграмм Ш. Осуского об этом говорится следующее: «Близкое

окружение Боннэ утверждает, что если Гитлеру не пойдут на уступки, то будет война. Сам Ж. Боннэ и его приятели распространяют слухи, что Франция ни при каких обстоятельствах не будет воевать. Тот факт, что и после вчерашнего лондонского соглашения он остается в составе правительства, производит впечатление, что лондонское решение и английское коммюнике являются лишь маневром»¹³.

Пораженцы хвастались, что их акции, демарши, кампании и вся их активность в целом оказали сильное воздействие на правительство, особенно на Э. Даладье, и парализовали влияние тех сил, которые побуждали к оказанию сопротивления капитуляции перед Гитлером¹⁴. После войны Э. Даладье пытался оправдывать свою политику утверждением, что политическое руководство Франции не было единым в вопросе войны и мира.

27 сентября на заседании правительства Ж. Боннэ задал вопрос: как следует толковать понятие «помощь Чехословакии»? Он был не против того, чтобы помогать поставками материалов, а если потребуется, и мобилизацией вооруженных сил, которые приковали бы часть германской армии к границам Франции, но он решительно выступал против активного ведения войны. Э. Даладье просил уточнить, означает ли это в понимании Ж. Боннэ, что Франция бросит Чехословакию на произвол судьбы? Если Франция хочет повлиять на Гитлера и склонить его к компромиссу, то она должна была бы в данный момент, наоборот, подчеркивать свою силу, а не слабость. Но Ж. Боннэ настаивал на том, что правительство не должно объявлять войну, если германская армия 1 октября перейдет чехословацкую границу. Дебаты завершились заявлением Э. Даладье, что хотя правительство имеет право объявить мобилизацию, однако войну может объявить только парламент¹⁵. Характерно, что министры Ж. Боннэ, Ш. Помарэ и А. де Монзи поддерживали контакты с германским агентом графом де Бриноном, который информировал Берлин о расстановке сил во французском правительстве. 27 сентября де Бринон передал в Берлин план Ж. Боннэ, идущий навстречу меморандуму Гитлера. Суть этого плана заключалась в быстром проведении оккупации пограничных районов Чехословакии. Переход чехословацкой границы 1 октября маскировался бы присутствием иностранных военных контингентов и гарантиями, которые Запад предоставил бы Чехословакии¹⁶.

Следовательно, параллельно с британскими усилиями достичь компромисса на основе меморандума Гитлера Ж. Боннэ в свою очередь подготавливал собственный план, который должен был предоставить Гитлеру выход из создавшегося положения, точнее говоря, из тупика, в который он попал из-за своих угроз развязать войну, 27 сентября в 20 часов

30 минут Э. Фишпс получил срочную депешу, содержание которой он должен был немедленно обсудить с Э. Даладье или Ж. Боннэ. В ней говорилось о том, что британское правительство получило сообщение, якобы подтверждавшее, что в случае войны сопротивление чехов было бы непродолжительным. Поэтому оно тем более просит, чтобы французское правительство предварительно согласовывало с ним всякое свое решение о мероприятиях, направленных на выполнение договорных обязательств в отношении Чехословакии. Англичане особенно просили, чтобы Франция не предпринимала никаких активных действий против Германии, не посоветовавшись перед этим с Англией. Впрочем, она могла бы без британского согласия увеличить гарнизоны на линии Мажино¹⁷. В ситуации, создавшейся во французском правительстве, британский демарш оказал серьезную политическую поддержку клану Боннэ, позволив ей утверждать, что Франция не может вступить в войну без Англии. И Ж. Боннэ немедленно подтвердил, что французское правительство полностью согласно с британской точкой зрения и обязуется не принимать никакого решения об активных действиях против Германии без предварительной консультации и согласования с Лондоном¹⁸. Чтобы и в Праге не питали никаких иллюзий о возможности автоматической помощи Франции в случае германского нападения на Чехословакию, Ж. Боннэ дал указание сообщить текст уведомления Э. Галифакса чехословацкому послу в Париже. В депеше Ш. Осуского в Прагу об этом говорилось: «Англия заявила буквально так: нападение на Чехословакию не должно вызвать ни немедленного, ни автоматического ответа со стороны Франции»¹⁹.

Кабинет Даладье не был единодушным. Он заседал весь вечер 27 сентября. Нападки на Э. Даладье велись то справа, то слева. Глава правительства проявлял нерешительность, но в конце концов склонился к тезису, что хотя Гитлера и можно разгромить в короткой войне, однако единственными победителями в такой войне были бы большевики, так как во всех странах Европы произойдут социальные революции и возникнут коммунистические режимы. Во имя спасения Европы от коммунизма следует проявить в Берлине новую инициативу, которая предотвратила бы войну²⁰.

Вечером пришло сообщение А. Франсуа-Понсе о фиаско Гитлера с демонстрацией военной силы в Берлине. Это укрепило надежду Ж. Боннэ на то, что новая встреча с Гитлером сможет покончить с кризисом путем компромисса. Он обратился с этим к Н. Чемберлену, тот был настроен скептически, однако в конце концов согласился, что мог бы сделать еще попытку, обратившись за посредничеством к Муссолини²¹. Э. Даладье также начал осуществлять зондаж амери-

канской позиции, интересуясь у У. Буллита, как отнесутся в Америке к организации на нейтральной почве международной конференции, которая покончит с чехословацким кризисом²². В этом, несомненно, заключалась одна из инициатив — в данном случае французской стороны, — приведших к мюнхенской конференции.

На случай если бы Гитлер отказался принять проект проведения конференции, Ж. Боннэ имел в запасе еще один план, который шел навстречу требованиям, заключенным в меморандуме Гитлера. 27 сентября, ночью, он сообщил в Лондон основные идеи своего плана: следует предложить, чтобы области с немецким населением были эвакуированы еще до 1 октября и потом оккупированы германской армией, и только затем международная комиссия начала бы работу по установлению новых чехословацких границ²³. Ж. Боннэ было известно, что Н. Гендерсон также получил инструкции предложить в Берлине некий компромиссный проект. Однако посол сообщил в Лондон, что этот английский план, по его мнению, не идет навстречу Гитлеру. А. Франсуа-Понсе в Берлине получил указание подождать, какой успех будет иметь Н. Гендерсон со своим планом. Если бы оказалось, что английского предложения Гитлеру мало, тогда настала бы очередь А. Франсуа-Понсе предложить значительно больше²⁴.

В критический день 28 сентября британское правительство усилило свой нажим на Париж, чтобы иметь уверенность в том, что Франция ничего не предпримет в случае, если Гитлер в 14 часов начнет, как он объявил, свое нападение на Чехословакию. В связи с этим Э. Фиппс получил инструкции передать Ж. Боннэ ответы на его три вопроса. На первый вопрос, проведет ли бы Англия в случае войны мобилизацию одновременно с Францией, Э. Фиппс должен был ответить, что пока она осуществила лишь предварительные мероприятия. Это был уклончивый ответ. На второй вопрос, ввела ли бы Англия всеобщую воинскую повинность, Э. Фиппс должен был повторять то, что уже было сказано французам в апреле во время совместных совещаний. То есть опять дать уклончивый ответ. На третий вопрос, готова была бы Англия объединить экономические и финансовые ресурсы обеих стран, Э. Фиппс должен был ответить, что на что-либо в этом роде мог бы дать согласие только парламент, потому что это затрагивает конституцию²⁵.

Именно такие ответы были нужны Ж. Боннэ — уклончивые заявления, не оставляющие сомнения в том, что Англия в случае войны не пойдет с Францией. В свою очередь Ж. Боннэ послал Н. Чемберлену особое послание с заверением, что Франция ничего не предпримет без Англии. При этом он повторял измышления Гитлера о том, что Я. Масарик

и Ш. Осуский якобы плели интриги против правительств Англии и Франции, желая втянуть в войну обе великие державы. Что касается французов, то, по мнению Ж. Бонна, войны желают только одни лишь коммунисты ²⁶.

Следовательно, можно сказать, что как французские, так и английские мюнхенцы уже были готовы покинуть Чехословакию на произвол судьбы в случае, если бы после 14 часов 28 сентября она подверглась нападению Германии. Некоторые французские дипломаты открыто говорили, что в случае войны за Чехословакию французская армия осталась бы пассивно сидеть за линией Мажино ²⁷. Папская курия в Риме также высказывала мнение, что если бы и дошло дело до войны в Чехословакии, то это была бы изолированная война, как и предполагает Германия. Англия не желает войны, а Франция в одиночку не может ничего предпринять ²⁸.

Мюнхенцы в правительственных кругах Парижа не были, однако, полностью уверены в том, что конфликт из-за Чехословакии не перерастет в европейскую войну по вине бековской Польши, которая не скрывала своего намерения выступить на стороне Германии. В этом случае было вполне вероятным, что в войну вступит также и Советский Союз и его Красная Армия проникнет в Чехословакию через Польшу. Поэтому 28 сентября генерал М. Гамелен послал в Москву настоятельную просьбу, чтобы Красная Армия не предпринимала наступления на Польшу, не проинформировав об этом Францию. В свою очередь Париж якобы неустанно осуществляет попытки удержать Польшу на стороне антигерманских сил ²⁹.

Однако эти попытки, как ни странно, ограничились только дипломатическим нажимом Франции на Прагу, чтобы та как можно скорее удовлетворила территориальные притязания Ю. Бека. В этом была извращенная логика: чем быстрее Прага уступит Ю. Беку, тем сильнее она подорвет его политические и военные планы, направленные на полное уничтожение Чехословакии ³⁰. Франция пыталась как-то сдержать Варшаву, побуждаемая не опасениями за судьбу Чехословакии, а боясь, как бы Польша по своей неосмотрительности не втянула в действия советские войска.

Страх мюнхенцев перед советским участием в защите Чехословакии сочетался с их боязнью того, что им не удастся оправдать в глазах собственной общественности свою прогитлеровскую позицию. Многочисленные свидетельства антигитлеровских настроений английской и французской общественности опровергали версию чехословацких капитулянтов, которые пытались представить обстановку, царившую в западных странах, как безнадежную, а позиции капитулянтских правительств считали незыблемыми.

После безуспешной миссии Г. Вильсона основной проблемой сторонников политики «умиротворения» стал вопрос, как помочь Гитлеру выбраться из тупика. Важную роль в этот момент сыграла политика правительства США. По инициативе У. Буллита Ф. Рузвельт послал Э. Бенешу и Гитлеру послания, в которых он призывал к компромиссу, который бы предотвратил войну. В своем первом послании Ф. Рузвельт предупреждал, что война неизбежно вызвала бы разложение социальной структуры всех участвующих в ней государств. Это было не чем иным, как повторением тезиса, что война означала бы социальную революцию. Хотя Гитлер не ответил своевременно на первое послание, 26 сентября он получил новый призыв принять участие в конференции, которая покончила бы с чехословацким кризисом³¹. Гитлер дал ответ на это послание только после своего поджигательского выступления. В нем были нападки на чехов, на международные соглашения, на Лигу наций, а всю ответственность за возможную войну он сваливал на Чехословакию³².

И хотя было совершенно очевидно, что источником опасности войны является германский нацизм, американская политика трактовала Германию и Чехословакию одинаковым образом. Несомненно, при этом играло свою роль то обстоятельство, что американская дипломатия в Европе безоговорочно поддерживала линию политики «умиротворения». Эти действия Ф. Рузвельта по меньшей мере давали моральную поддержку Н. Чемберлену, Ж. Боннэ и им подобным. Польский посол в Париже Ю. Лукасевич открыто написал, что целью предложения Ф. Рузвельта о созыве международной конференции было дать возможность Гитлеру с честью выбраться из тупика, в который он попал из-за своих ультиматумов³³. Ф. Рузвельт апеллировал к Б. Муссолини, чтобы тот со своей стороны убедил Гитлера согласиться с созывом такой конференции. Польского министра иностранных дел Ю. Бека также призывали использовать свои контакты с Гитлером в этом направлении. Проект подобной конференции уточнялся между Н. Чемберленом, Э. Даладье и Ф. Рузвельтом³⁴. Идея созыва международной конференции, на которой была бы решена судьба Чехословакии, родилась, разумеется, не в сентябре. Она была предусмотрена как кульминация британской политики еще весной 1938 г. В мае о ней говорил в Праге У. Стрэнг, в июне она была предметом обсуждения А. Франсуа-Понсе и Ж. Боннэ, в июле Н. Гендерсон рекомендовал созыв конференции как наилучший способ решения чехословацкого кризиса. В августе вопрос о созыве такой конференции зондирует в Лондоне Г. Дирксен. И. Риббентроп интересуется, принимал ли в расчет нечто подобное лорд Ренсимен. Перед встречей в Берхтесгадене конференция вновь обсуждается

А. Леже, Ж. Бонне и Э. Даладьё. Следовательно, идея конференции как формы компромисса существовала уже несколько месяцев.

28 сентября в течение всего дня со многих сторон принимались меры к спасению Гитлера и его режима. Хотя предыдущей ночью Н. Гендерсон и передал британский план — пресловутый «time-table», — однако он присовокупил к нему замечание, что проект уже устарел и было бы хорошо подождать заседания британского парламента³⁵. Утром Г. Вильсон встретился в Лондоне с агентом И. Риббентропа Ф. Гессе и попросил передать, что британское правительство вынудит чехов капитулировать перед меморандумом Гитлера, разумеется при условии, что Гитлер изменит внешнюю форму своих требований³⁶.

Итак, Гитлер был уверен, что Запад готов пойти на компромисс. Но как все это обставить, чтобы можно было отступить от своего ультиматума и чтобы это не выглядело как отступление? Утром Г. Геринг позвонил Б. Муссолини, что Гитлер потерял рассудок и хочет воевать. Он просил, чтобы Б. Муссолини отговорил Гитлера от этого намерения. Британский посол лорд Перт посчитал этот телефонный разговор составной частью условленной игры³⁷. Отступление Гитлера было оформлено как пьеса, роли в которой строго распределены по месту и времени: Гитлера, как бога войны, со всех сторон умоляли милостиво изменить решение и своим великодушием внести вклад в сохранение мира. В первой половине дня английский посол в Риме в свою очередь обратился к Г. Чиано с просьбой, чтобы Муссолини повлиял на Гитлера для предотвращения войны. Когда Перт подтвердил, что Советский Союз намерен сражаться на стороне Чехословакии, Г. Чиано сразу же проявил полную готовность к любым услугам в соответствии с английскими желаниями. Через 15 минут он возвратился от Муссолини с известием, что тот попросит Гитлера отсрочить на 24 часа свое решение о проведении мобилизации. А пока Перт в своем посольстве готовил донесение об этом, пришла депеша с новым предложением И. Чемберлена о созыве конференции четырех держав. Перту пришлось снова возвратиться к Г. Чиано с просьбой, чтобы Муссолини поддержал предложение о конференции четырех держав. Через 20 минут Г. Чиано сообщил, что Гитлер уже решил отсрочить мобилизацию и что Муссолини поддерживает британское предложение о созыве конференции³⁸. Это был первый акт спектакля, который позволил Гитлеру выкарабкаться из тупика. Позднее из близкого окружения Муссолини стало известно, что у того существовала договоренность, согласно которой Гитлер доведет свой блеф до крайности, после чего выступит Муссолини, чтобы «помочь спасти мир». Италья-

янский посол в Лондоне Д. Гранди получил инструкции самому внести предложение об отправке англичанами послания, в котором Н. Чемберлен апеллировал бы к Муссолини с просьбой «помочь спасти мир». После этого дуче нервозно ожидал, когда же Н. Чемберлен обратится к нему с такой просьбой³⁹.

Второй акт «спасательного» спектакля разыгрывался в Берлине. В 11 часов 30 минут Н. Гендерсон получил текст послания Н. Чемберлена к Гитлеру, в котором говорилось: «После прочтения Вашего письма я уверен, что Вы можете, в сущности, получить все без войны и немедленно... Я не могу поверить, чтобы Вы взяли на себя ответственность за развязывание мировой войны, которая могла бы привести к гибели нашу цивилизацию, только из-за нескольких дней отсрочки решения этой уже давно затянувшейся проблемы»⁴⁰.

В 14 часов 30 минут Н. Гендерсон сообщил по телефону в Лондон содержание своей беседы с Гитлером. Тот сказал, что мобилизация пока отложена, но он не считает необходимым, чтобы Н. Чемберлен предпринял новую поездку в Германию, как предлагалось в послании. В 14 часов 54 минуты Н. Чемберлен начал зачитывать свою речь в британском парламенте.

Третьим актом разыгранного спектакля была акция Ж. Боннэ в Берлине. Еще ночью 27 сентября Ж. Боннэ предупредил англичан, что их проект не идет в достаточной мере навстречу требованиям Гитлера и что А. Франсуа-Понсе получил инструкции идти гораздо дальше в своих предложениях. Одновременно был проведен настойчивый демарш у чехословацкого посланника в Париже с требованием, чтобы Чехословакия без промедления начала эвакуацию территорий, которые должны быть переданы Германии⁴¹. Для маскировки полной капитуляции перед Гитлером при оккупации должны были бы присутствовать английские и французские военные подразделения и особые наблюдатели. 28 сентября, в час ночи, А. Франсуа-Понсе получил от Ж. Боннэ следующую инструкцию: «Выясните, приняли ли немцы британский план. Если увидите, что предложение не было принято, то пойдите к Гитлеру и от имени французского правительства предложите ему осуществить оккупацию значительно большей части чехословацкой территории, чтобы германский престиж получил соответствующее удовлетворение». Согласно плану, разработанному Ж. Боннэ совместно с генералом Гамеленом, 1 октября германские войска оккупируют три зоны: 1) Румбурк — Фридлант; 2) Вейпрт — Домажлице; 3) Нирско-Будейовице — австрийская граница. Французское правительство гарантирует, что заставит Чехословакию согласиться с этой оккупацией. Далее в инструкции указывалось, что предложенные районы являются лишь приблизительными и могут быть еще уточнены.

Крепости пока останутся в чешских руках. Таким образом, для Германии военный конфликт теряет повод, ибо чехи уже дали согласие на передачу территории в обмен на французские и английские гарантии⁴².

28 сентября в 8 часов 30 минут утра А. Франсуа-Понсе позвонил в германский МИД и попросил приема у Гитлера. Он заявил, что хочет предложить план, который идет гораздо дальше прежних предложений французской и британской сторон. Согласно этому плану, немцы смогут оккупировать чешскую территорию с трех сторон, включая укрепления, в которых пока остались бы чехословацкие гарнизонные части. И хотя чехи еще не знают об этом плане, однако если Германия с ним будет согласна, то Франция заставит их подчиниться.

Н. Гендерсон был проинформирован об этих французских предложениях. И еще до того, как А. Франсуа-Понсе успел их вручить немцам, он настаивал, чтобы Э. Бенеш уведомил Берлин о том, что Чехословакия принимает меморандум Гитлера. Если же возникнет необходимость договариваться о деталях, то можно будет использовать эти новые планы Парижа и Лондона. Мир может быть спасен, если Э. Бенеш даст свое согласие до 14 часов⁴³. Эта депеша Н. Гендерсона показывает, что британский посол в Берлине считал полную капитуляцию Праги наилучшим выходом из создавшегося кризиса. А. Франсуа-Понсе долго не получал ответа на свой запрос, адресованный германскому министерству иностранных дел. Поэтому он послал военного атташе в германский генеральный штаб с сообщением, что французское посольство имеет для Гитлера новый проект, удовлетворяющий 90% требований годесбергского меморандума. Только после этого из имперской канцелярии пришло уведомление, что А. Франсуа-Понсе ожидают в 11 часов 30 минут. Когда он пришел в имперскую канцелярию, то встретил там Г. Геринга и К. Нейрата, которые его явно поддерживали. Само собой разумеется, что, чем больше представители западных держав вынуждены были просить и унизиться перед Гитлером, тем проще было последнему отказаться от своих воинственных угроз, так чтобы это не выглядело как отступление.

А. Франсуа-Понсе принес с собой карту, на которой были обозначены территориальные уступки Чехословакии. При этом он убеждал Гитлера, что было бы безумием теперь начинать войну только потому, что тот желает 1 октября получить свои 100%. Ведь в течение 10 дней он может получить 90% без войны. Но как позднее рассказывал сам А. Франсуа-Понсе, Гитлер не заставил себя долго просить и убеждать, хотя прямого ответа не дал... Вскоре его позвали к телефону в другую комнату. Это снова было составной частью заранее подгото-

вленного спектакля, ибо пятнадцать минут спустя Гитлер возвратился и сообщил, что Муссолини только что упросил его отложить мобилизацию на 24 часа. А. Франсуа-Понсе, по совету Н. Гендерсона, сказал Гитлеру, что если чехи не подчинятся новому плану, то они потеряют право на французскую поддержку. В заключение беседы французский посол спросил, может ли он сообщить своему правительству, что Гитлер дает положительный ответ на французский план. Гитлер продолжал играть свою комедию: дескать, он не говорит «нет», но он также не может дать сейчас положительный ответ, а сообщит его письменно во второй половине дня⁴⁴.

Чтобы спектакль выглядел более драматично, Гитлер отправился на обед вместе с 40 офицерами, отбывающими на чешский фронт. А. Франсуа-Понсе позднее говорил Э. Фиппсу под строгим секретом, что в августе и сентябре он постоянно получал послания от германских офицеров, призывающие Францию к твердости и неуступчивости. Однако А. Франсуа-Понсе никогда не информировал французское правительство об этих письмах. Ему якобы казалось, что они сомнительного происхождения и имеют своей целью усилить позиции «партий войны» в Чехословакии и во Франции. А. Франсуа-Понсе принадлежал к клике Боннэ и, следовательно, ни в коей мере не был заинтересован в ослаблении режима Гитлера. Наоборот, он готов был на любой униженный спектакль, чтобы укрепить этот преступный, антикоммунистический режим. Свое поведение он оправдывал тем, что он вместе с Н. Гендерсоном верили: в случае войны все немцы сплотились бы вокруг Гитлера. Они якобы считались с тем, что были бы задержаны в Берлине в качестве заложников. Свой визит к Гитлеру 28 сентября А. Франсуа-Понсе предпринял потому, что знал о разочаровании Гитлера реакцией населения на военный «парад» предыдущего дня. Гитлер стоял за шторой в своем кабинете и видел явно, что его немцы не желают войны⁴⁵. Позднее, при своем отъезде из Берлина, А. Франсуа-Понсе получил из рук Гитлера наивысший германский орден «за заслуги, оказанные им нацистскому режиму».

Прага не была своевременно информирована об этих интригах Ж. Боннэ. Только во второй половине дня пришло некое сообщение А. Леже, что новый план был разработан без консультаций с Прагой, потому что у французов якобы не было достаточно времени. В своем сообщении А. Леже проговорился, что в подготовке нового плана принимал участие также и французский генеральный штаб, который оправдывал предложения об уступке некоторых территорий утверждением, что в случае войны они все равно были бы оставлены чехами. Он снова настаивал, чтобы Чехословакия добровольно очистила территорию, которая должна быть передана Германии⁴⁶.

На другой день Р. Массигли несколько сгладил, точнее говоря, постарался замаскировать, план Ж. Боннэ. Он заявил, что хотя А. Франсуа-Понсе имел разговор с Гитлером, но при этом сказал ему только то, что Франция предложила бы уступку некоторых чехословацких территорий, если бы была уверена, что Гитлер это примет. Гитлер якобы настаивал на своем меморандуме, утверждая, что Прага хочет и далее его обманывать⁴⁷. Однако все это уже не было столь актуальным, поскольку шла активная подготовка мюнхенской конференции. Таким образом, вся история с планом Ж. Боннэ показывает, как французские мюнхенцы смогли реализовать свою политику предательства, опираясь на капитуляцию правительства Годжи 21 сентября.

Следующим актом спасательной операции, позволяющей Гитлеру без утраты престижа выбраться из тупика, была американская акция по созыву международной конференции. Политическое руководство Соединенных Штатов хотело сохранить мир любой ценой, причем высшие американские офицеры отнюдь не симпатизировали Франции и Англии⁴⁸. Послание Ф. Рузвельта, призывавшее Гитлера принять участие в международной конференции, пришло в Берлин в 9 часов 45 минут. У. Буллит в Париже распространялся вовсю, что цель американской акции состоит в том, чтобы дать возможность Гитлеру с честью выбраться из того положения, в какое он попал из-за ультиматума, устанавливавшего срок оккупации 1 октября⁴⁹. К. Хэлл и Ж. Боннэ также признают, что Ф. Рузвельту принадлежала решающая роль в созыве мюнхенской конференции⁵⁰. Чтобы случайно Франция не оказалась отстраненной от участия в этой конференции — поскольку уже имелся настораживающий прецедент встреч в Берхтесгадене и Годесберге, — французская дипломатия в Берлине заявляла, что инициатором созыва конференции четырех держав, дескать, является сам Э. Даладье⁵¹. А так как и Юзеф Бек страдал комплексом великодержавного самолюбия и опасался, что Польша не будет приглашена на подготавливаемую конференцию, то польская дипломатия предлагала провести конференцию в Варшаве. Аргументом этому должно было служить чехословацкое согласие на «исправление» их общей границы⁵².

Последний акт этой отвратительной комедии был разыгран в британском парламенте. В этот день лондонская общественность ожидала начала войны в ближайшие часы. В Гайд-парке копали бомбоубежища, а по центру города демонстративно провозили зенитные орудия. В дипломатических кругах также считались с возможностью войны, если Гитлер не примет ни одного из компромиссных предложений. Дж. Кеннеди заявлял, что только чудо могло бы спасти положение. Итак, снова воз-

пикла та атмосфера, которая была нужна Н. Чемберлену: страх перед войной, который позволит ему снова появиться на сцене в роли спасителя мира. Когда после Годесберга британское правительство стало предметом острой критики, многие из министров заявляли, что общественность успокоится, как только увидит, что война становится перспективой ближайших часов. Именно такая ситуация создалась ныне.

Спектакль продолжался. Несколько актов спасательной комедии было уже разыграно, и Н. Чемберлен мог начинать следующее действие — выступление в парламенте. Он пространно описывал свои «усилия» по спасению международного мира. Приблизительно через 20 минут после начала этого фарисейского рассказа из Берлина позвонил Гендерсон и сообщил, что он только что получил от германского министерства иностранных дел приглашение на конференцию четырех держав, которая должна состояться в Мюнхене. Однако британских депутатов еще рано было лишать драматических переживаний, вызванных докладом Н. Чемберлена о кризисе минувших дней. Только спустя шесть-семь минут следовало инсценировать кульминацию кризиса — явить то «чудо», которое в первой половине дня предсказал Дж. Кеннеди. К Чемберлену подошел Дж. Саймон и передал ему записку с сообщением, что на следующий день в Мюнхене состоится конференция, которая спасет мир. Когда Н. Чемберлен сообщил это палате общин, депутаты впали в истерическое ликование. Только один депутат, коммунист У. Галлахер, громко протестовал против этого нового заговора. Однако поднялся К. Эттли и от имени оппозиции заявил: «Я совершенно уверен, что в палате общин каждый из нас приветствует заявление премьер-министра о том, что в последний час представилась новая возможность для дальнейших переговоров, которые могут привести к предотвращению войны... Мы хотим предоставить премьер-министру все возможности, чтобы он мог следить за этим новым развитием, и мы согласны, чтобы заседание парламента было отложено. Надеемся, что, когда через короткое время палата общин соберется снова, тучи войны будут рассеяны»⁵³.

Восторженные аплодисменты избавляли Н. Чемберлена от обязанности еще раз созывать кабинет и обсуждать с ним свои действия на конференции. Они означали, что Н. Чемберлен получил полномочия для переговоров в Мюнхене. Ф. Рузвельт послал ему поздравительную телеграмму, в которой было одно-единственное — «Молодец!»⁵⁴. По примеру Н. Чемберлена, Э. Даладье также сообщил в Берлин, что принимает приглашение на конференцию в Мюнхен. Он сделал это, не проконсультировавшись с Прагой и не созывая французского правительства⁵⁵. Клика Боннэ ликовала.

Циркулярная депеша германского министерства иностранных дел, сообщающая о созыве конференции, старательно подчеркивала, что Гитлер принял это решение только после того, как послы Англии и Франции предложили свои новые уступки⁵⁶. Итак, любой ценой сглаживалось впечатление, что уступил Гитлер. Позднее Г. Геринг раскрыл, что Гитлер решился на Мюнхен (на так называемое «малое» решение) по двум причинам: с одной стороны, он видел, что среди самих немцев война не вызывает энтузиазма, а с другой — опасался, что Италия останется в стороне от конфликта⁵⁷. Генерал А. Йодль тогда же отметил в своем дневнике, что командующий сухопутными войсками умолял В. Кейтеля добиться от Гитлера обещания, что германская армия ограничится только оккупацией пограничных районов⁵⁸. Это была единственная, слабая надежда локализовать конфликт с Чехословакией; Франция и Англия припиали бы эту оккупацию как свершившийся факт, с которым надо примириться.

Чтобы сгладить скандально холодный прием населением военного парада в Берлине, германская печать получила указание уделять особое внимание тем демонстрациям, в которых немцы выражали свою решимость освободить Судеты. При этом необходимо было всячески подчеркивать мысль, что немцы, все, как один человек, поддерживают Гитлера. О предстоящей конференции следовало писать осторожно, а вместо слова «конференция» употреблять «совещание». Не печатать ничего, что позволяло бы сделать вывод, будто Германия отказалась от войны с Чехословакией и возлагает теперь надежды на мирное решение конфликта. Все время газеты должны были повторять ложь о преследованиях судетских немцев, которые якобы уже не могут больше выносить чешский террор и должны как можно скорее возвратиться домой, в империю⁵⁹.

Днем Гитлер беседовал с Н. Гендерсоном о британском плане. Он заявил, что если бы англичане дали ему гарантию, что вся территория Судет к 10 октября будет очищена, то он мог бы принять их предложение. Впрочем, он должен еще посоветоваться со своим другом и союзником Муссолини. О французском плане он сказал, что тот якобы непрактичен с военной точки зрения. Наконец, он спросил, располагают ли британцы согласием чехов. Н. Гендерсон признал, что об этом он еще ничего не знает. Тогда Гитлер снова возвратился к своим угрозам и заявил, что если чехи до 14 часов следующего дня не дадут согласия на годесбергские требования, то Германия проведет мобилизацию⁶⁰. Подготовка к ней действительно продолжалась, и Гитлер 28 сентября сам давал указания, касающиеся состава своего личного штаба на случай войны⁶¹.

Во второй половине дня было достигнуто предварительное согласие о проведении оккупации. Г. Геринг информировал

венгерского посланника, что оккупация будет начата 1 октября и закончится приблизительно через неделю. Территорию со смешанным населением могли бы оккупировать международные подразделения. При этом Г. Геринг заметил, что Гитлер будто бы не ограничится этим решением⁶². Э. Вейцекер и Г. Геринг, собственно, уже подготовили проект решения предстоящей конференции. Гитлер его одобрил. Затем проект был послан в Рим Муссолини, чтобы тот на следующий день от своего имени представил его в Мюнхене как основу для компромисса между обеими сторонами⁶³. Однако из протоколов мюнхенской конференции позднее были исключены все упоминания об инициативе Б. Муссолини и Н. Чемберлена⁶⁴. Для истории не должны были сохраняться свидетельства о предварительной режиссуре спектакля, вошедшего в историю как мюнхенская конференция. Гитлеровские политики настойчиво стремились создать впечатление, что все будто бы явилось следствием непреклонной решимости Гитлера прибегнуть к войне. Они не хотели допустить ничего такого, что свидетельствовало бы о том, что выбраться из тупика Гитлеру помогали общими усилиями английское, французское, американское и итальянское правительства.

ХІХ. КОНФЕРЕНЦИЯ В МЮНХЕНЕ

(29 сентября)

Если после Годесберга в Праге, может быть, и могли возникнуть какие-то иллюзии, то 28 сентября стало очевидно, что игра вокруг Чехословакии уже на следующий день будет завершена. Н. Чемберлен дал указание британскому посланнику проинформировать Э. Бенеша о том, что британский премьер попытается защитить в Мюнхене такой компромисс, который облегчил бы упорядоченную передачу пограничных районов.

Вечером собралось чехословацкое правительство, чтобы обсудить вопрос о том, надо или не надо добиваться представительства в Мюнхене. Были опасения, что если Чехословакия будет участником, то решения конференции станут навсегда обязательными для нее¹. Э. Бенеш опасался, что мюнхенская конференция примет характер «мирной конференции», которая на длительный срок утвердит новую карту Европы взамен той, которая была создана в Париже в 1919 г. Так как было ясно, за чей счет может быть достигнут ныне компромисс между главами правительств четырех великих держав, то не лучше ли будет — прежде всего в интересах будущего — вообще не участвовать в этом? В конце концов Э. Бенеш удовольствовался тем, что по отдельности попросил Ф. Рузвельта, Э. Далада и Н. Чемберлена защищать на конференции чехословацкие интересы и разрешить участвовать в Мюнхене чехословацкому наблюдателю, который мог бы по просьбе делегатов давать разъяснения по отдельным конкретным вопросам². В Праге Э. Бенеш обратился к Б. Ньютону и попросил, чтобы Н. Чемберлен в Мюнхене не допустил ничего такого, что выходило бы за пределы требований, предъявленных Чехословакии 19 сентября. Не следовало решать вопрос о Чехословакии, не выслушав ее³. Чехословацкая делегация в Женеве сделала заявление, в котором правительство выражало надежду на то, что мюнхенская конференция признает за чехословацким народом те же самые основы существования и безопасности, какие имеют другие народы⁴. На другой день Я. Масарик сообщил Э. Галифаксу, что в Мюнхене находятся два чехословацких дипломата, которые могут предоставлять делегациям всякого рода информацию. Однако формально Чехословакия не является участником конференции, хотя она и проявила готовность принять в ней участие⁵. Подобные молебны и обращения не имели никакого практического значения, учитывая ту

предательскую роль, которую в ходе всего сентябрьского кризиса играли Н. Чемберлен, Ж. Бонне и Э. Даладье.

Вероятно, именно потому, что Чехословакия не участвовала в мюнхенской конференции, незадолго до полудня дипломатический корпус в Праге получил циркулярные депеши, в которых была изложена чехословацкая позиция по вопросу передачи пограничных районов. В них говорилось, что пограничные районы не могут быть эвакуированы, а крепости оставлены чехословацкой армией до тех пор, пока не будут установлены новые границы и чехам не будут даны международные гарантии. Спорные вопросы, возникшие в ходе обсуждения, должны быть представлены на арбитраж американскому президенту⁶. В бумагах К. Крофты сохранился текст ноты, предназначенной Ф. Рузвельту, с просьбой, чтобы он дал согласие на роль арбитра. Смысл этих депеш ясен: международную общественность пытались ознакомить с чехословацкой позицией, как это не раз уже безуспешно пытались делать после капитуляции 21 сентября. По своему содержанию эта депеша совпадала с чехословацким ответом на британский план «time-table».

Вскоре пришел и британский ответ на чехословацкое письмо, содержащее возражения и оговорки, сообщенные Чемберлену. В нем говорилось, что чехословацкое правительство могло бы уже, в конце концов, прекратить формулировать и подчеркивать свои возражения, так как в Мюнхене необходимо быстро достигнуть конкретного решения. Поэтому оно должно предоставить Н. Чемберлену полную свободу действий и не связывать ему рук все новыми условиями⁷. На языке дипломатов это можно было истолковать как отклонение чехословацкого ответа на британский «time-table». Это означало, что Н. Чемберлен полностью отказался от того принципа, по которому сначала должны быть установлены новые границы и предоставлены гарантии и лишь после этого германская армия может перейти чехословацкие границы. Н. Чемберлен был готов принять условия Гитлера, что сначала в страну вторгнется германская армия и только после этого стороны могут начать договариваться о границах. Впрочем, англичане не удовлетвоались отклонением чехословацкой точки зрения. Они настаивали и на том, чтобы чехословацкое правительство без всяких оговорок приняло их «time-table», содержащий все главные принципы годесбергского меморандума Гитлера.

Когда конференция в Мюнхене уже шла полным ходом, сказало свое слово и командование чехословацкой армии. Оно исходило из предпосылки, что новое правительство генерала Сыровы не связано с капитуляцией правительства Годжи 21 сентября. Поэтому начальник генерального штаба настаивал, чтобы союзникам было сказано, что никто не заставит солдат сдать крепости. «Прежде чем конференция придет

к концу, — заявил он, — наше положение будет таково, что мы сможем успешно защищаться. Собственно говоря, силы находятся в равновесии, но на нашей стороне достоинство и моральный дух, какого не имеет никакая другая армия. Вчера наше положение было затруднительным, завтра оно будет уже весьма хорошим; мы сконцентрируем силы таким образом, чтобы оказать противодействие на тех направлениях, откуда исходит угроза. Мы видим, что Гитлер не может и боится воевать. Ему удалось запугать весь мир, однако мы знаем его уязвимые места. Надо больше дипломатически оперировать Россией, в наилучшем случае — не идти ни на какие территориальные уступки, которые затрагивали бы наши укрепления»⁸.

Состоялась также встреча высших армейских генералов с президентом республики. Генералы настаивали на том, чтобы не капитулировать, а защищать республику. Тем самым и другие страны вынуждены будут воевать — народ и армия едины, и можно сражаться с Германией собственными силами. Э. Бенеш ответил, что хотя такая решимость прекрасна, однако он не погонит народ на убой. Франция и Англия, дескать, не присоединились бы. Война еще предстоит, будут также революции и иные потрясения. Однако в данной ситуации нужно спасать нацию⁹. Но что было общего между спасением нации и выдачей ее на милость гитлеровцев?

В момент, когда руководство страны призвано решать вопросы войны и мира, оно учитывает не только военные аспекты. Значение имеют и политические аргументы. В данной ситуации политический перевес был на стороне проповедников политики «умиротворения». Из-за своей пассивности Э. Бенеш стал виновником того, что Н. Чемберлен снова мог появиться на сцене в качестве «спасителя» мира. Если чехословацкая армия в этот момент была подготовлена к отражению агрессии, то лица, определявшие внешнюю политику, не выполнили свои обязанности по отношению к республике. Они предоставили свободу действий Э. Даладье, Ж. Бонне, Н. Чемберлену и Э. Галифаксу в их интригах с Гитлером. В результате ошибочной внешнеполитической концепции, недопустимой пассивности, приспособления к политике Англии и Франции республика попала в положение, не оставлявшее ничего другого, как ждать вынесения окончательного приговора.

29 сентября, во второй половине дня, в здании Национального собрания встретились члены парламентских фракций политических партий, входящих в правительственную коалицию. Главным докладчиком был М. Годжа, как председатель Политического комитета¹⁰. Он не ставил иной цели, как убедить коалицию, что капитуляция является единственно возможным, а следовательно, политически правильным выходом. М. Годжа

начал с англо-французской ноты 19 сентября. Он сказал, что чехословацкое правительство якобы «не могло проводить политику, которая привела бы к изолированной войне, оно должно было угодить Франции и Англии». В конце концов правительство покорилося пресловутому демаршу в надежде, что интересы республики будут приняты во внимание. Л. Рашин задал вопрос, почему на совещании не выступает глава правительства и почему таким образом нарушается конституция. Я. Малипетр объяснил, что данное совещание будто бы является лишь подготовкой парламентского обсуждения и собралось не для того, чтобы правительство перед ним отчитывалось. Это замечание, вероятно, могло бы свидетельствовать, что в то время правительство еще не исключало возможности представить на обсуждение парламента решение мюнхенской конференции о пересмотре границ. В своем докладе М. Годжа легко обошел вопрос о капитуляции 21 сентября, о нарушении конституции и о годесбергском меморандуме. Британский «time-table» он охарактеризовал словами британской же ноты: речь, мол, идет лишь о «выполнении того, на что правительство ЧСР дало согласие». М. Годжа напомнил мнение генерала Я. Сыровы, что армия могла бы отступить от границ до укреплений, если бы получила на это приказ. Это, как известно, была британская точка зрения, за которую М. Годжа уже длительное время ратовал.

За совещанием парламентских фракций коалиционных партий последовала встреча руководителей четырех коалиционных партий, где М. Годжа также докладывал о последнем британском плане. Следующим пунктом встречи были требования партии Глинки о создании словацкого сейма и своего министерства с полномочиями самим решать для Словакии персональные дела¹¹. На обоих этих совещаниях не было сказано ничего такого, что прозвучало бы как критика политики правительства и тем более как ее принципиальное отклонение.

В семь часов вечера в Граде собралось правительство, Политический комитет и председатели коалиционных партий. И это совместное заседание не имело, собственно говоря, другой цели, кроме как выработать единое мнение всех правительственных партий по вопросу ожидаемого решения мюнхенской конференции, точнее говоря, решения об уничтожении республики в ее прежнем виде и прежней политической структуре¹².

Как всегда, когда правительство обсуждало — вести борьбу или капитулировать, на повестку дня встал вопрос о советской помощи. И на этот раз К. Крофта заявлял, что на советскую помощь можно было бы рассчитывать только в том случае, если бы Чехословакия обратилась с протестом в Лигу наций. И добавил: «Помощь одной только России была бы и

небезопасной, так как привела бы к созданию фронта против большевизма». Э. Бенеш со своей стороны считал советскую помощь самоубийственным средством. В одном из своих сообщений полпред СССР в Чехословакии С. С. Александровский писал: «Я объясняю это поведение Бенеша тем же социальным страхом, каким заражены и руководствуются и другие «миротворцы» в Европе. Бенеш боится масс»¹³. Советская помощь принималась в расчет главным образом в случае нападения Польши. К. Крофта, однако, высказал мнение, что «лучше было бы не использовать русскую карту». Поэтому по рекомендации Э. Бенеша и М. Годжи было решено изыскивать возможности новых отношений с Польшей, даже ценой больших жертв.

Ю. Бек в Варшаве был глубоко возмущен тем, что его не пригласили на конференцию великих держав. Теперь он нуждался в успехе, который прикрыв бы падение его престижа. Ю. Бек начал открыто угрожать вооруженным нападением, если чехословацкое правительство немедленно не передаст ему три пограничных района в Тешинской области. Его несколько сдерживали вмешательства западных посланников, которые опасались, как бы подобные сюрпризы не помешали созыву конференции в Мюнхене. В польское посольство в Праге обратился сам Р. Берац, чтобы от имени своей партии дать гарантию, что польские территориальные требования будут удовлетворены¹⁴. О своих претензиях заявила и Венгрия, хотя она не вела себя так угрожающе, как Польша. Ей приходилось в какой-то мере считаться со своими соседями, Румынией и Югославией. Э. Бенеш просил обоих союзников по Малой Антанте призывать Будапешт к сдержанности, чтобы у Чехословакии было достаточно времени урегулировать свои дела с Польшей и Германией.

Угрожающий нажим ультимативного характера, который оказывал на Чехословакию Ю. Бек, можно было бы парализовать советской помощью, но правительство уже 29 сентября решило, что оно не использует «русскую карту». Э. Бенеш хорошо понимал, что мюнхенская конференция означает конец политики коллективной безопасности, а одержавшая верх политика «умиротворения» имеет явно антисоветскую направленность. Позиция Советского правительства в отношении мюнхенской конференции была совершенно негативной. Конференция означала отстранение Советского Союза от решения европейских вопросов; она являлась возвратом к пресловутому пакту четырех великих держав, которые присвоили себе право произвести ревизию мирных договоров. Мюнхенская конференция была воспринята в Москве как временный триумф антикоммунизма, как попытка создания общего фронта капиталистических держав против СССР. Уже с весны Советское пра-

вительство выступало с идеей созыва международной конференции, которая решила бы вопрос о мерах по укреплению мира и безопасности в Европе. Однако то, что готовилось в Мюнхене, не имело ничего общего с этой мирной идеей. Наоборот, в Мюнхене осуществлялся старый английский проект колонизации и вассализации Центральной и Восточной Европы, которая должна была стать сферой интересов гитлеровской Германии. Мюнхенская конференция приближала войну к границам Советского Союза.

В день открытия мюнхенской конференции Э. Галифакс пригласил советского полпреда И. М. Майского, чтобы объяснить ему, что единственная причина, почему Советский Союз не был приглашен в Мюнхен, заключается якобы в нежелании Гитлера и Муссолини сидеть за одним столом с представителем СССР. На вопрос И. М. Майского, была ли также приглашена Чехословакия, Э. Галифакс ответил, что Н. Чемберлен, дескать, дал Э. Бенешу заверения, что он будет защищать в Мюнхене чехословацкие интересы¹⁵. Позднее С. Хор заявил в палате общин, что Советский Союз был «соответственно» проинформирован по вопросу мюнхенской конференции¹⁶. Это был один из обманных маневров правительства Чемберлена, которое пыталось ввести английскую общественность в заблуждение, прикидываясь, будто Советское правительство участвует, хотя и косвенно, в проведении политики «умиротворения». Эти обманные маневры должны были избавить кабинет Чемберлена от все время возникающих вопросов о том, почему Англия и Франция не выступают против Гитлера вместе с СССР.

Во Франции клика Боннэ также прибегала к подобным маневрам. Пресса восторженно приветствовала мюнхенскую конференцию, она писала о том, что будто бы французское общественное мнение единодушно поддерживает Э. Даладье. Открытие конференции театрализовано приветствовалось минутой молчания¹⁷. Всю ночь и до полудня Ж. Боннэ оказывал нажим на английского посланника, чтобы в Мюнхене любой ценой был найден выход из положения. Так как Версальский мирный договор уже был нарушен, то Запад якобы должен приготовиться отдать Гитлеру не только Чехословакию¹⁸.

По приезде в Мюнхен французская делегация своим стремлением угодить Гитлеру производила крайне неприятное впечатление. Один из английских дипломатов писал об этом следующее: «Это была группа влекомых на смерть людей, которых нисколько не мучила совесть от того, что они участвовали в разрывании на куски своего союзника»¹⁹.

Мюнхенская конференция по своей сущности была лишь спектаклем, который должен был придать диктату Гитлера подобие международного соглашения. Угрозами и насилием

Германия создала для себя перед конференцией благоприятную ситуацию. Советский Союз и Чехословакия были отстранены от участия. Итог этой конференции был предreshен еще до того, как Н. Чемберлен вылетел в Берхтесгаден на первые переговоры с Гитлером. Смысл всей этой неблагоприятной комедии заключался в том, чтобы Гитлеру была предоставлена свобода рук в Центральной Европе. Для западной общественности, разумеется, делался вид, что конференция решила сложную национальную проблему в маленькой Чехословакии и тем самым будто бы спасла европейский мир.

Конференция проходила без повестки дня, без какого-либо плана, совершенно хаотично²⁰. Она, скорее, напоминала непринужденное развлечение, участники которого заранее знали, что результат уже предreshен и, следовательно, не имеет никакого смысла вести споры по какому-либо вопросу. Во время перерывов в помещение, где проходила конференция, заходили полуграмотные бонзы нацистской партии и расхватывали в качестве сувениров различные бумаги, при этом возникала неописуемая суматоха. В конце концов вмешался И. Риббентроп, отчего вся эта суматоха еще более увеличилась. Эта комедия затянулась до полуночи, так как перевод и редактирование текстов продолжались непомерно долго²¹.

Уже в ходе первого заседания выявилось общее согласие в том, что оккупация начнется 1 октября. Когда Гитлер поставил вопрос, кто принудит к этому чешское правительство, то Э. Даладье ответил, что это правительство уже дало свое согласие и никакие отлагательства в расчет больше не принимаются. В ходе второго заседания так и остался открытым вопрос будущих границ Чехословацкой республики. Было лишь сказано, что так называемую пятую зону, или демаркационную линию, определит международная комиссия. Правомочия этой комиссии и порядок ее работы, однако, не обсуждались. Точно так же обстояло дело и с вопросом о гарантиях. От больших обещаний в конце концов осталась только ни к чему не обязывающая и ничего не говорящая декларация, равная по своей ценности рекламному проспекту²². Мюнхенское соглашение приняло принцип Гитлера: сначала германская армия займет чехословацкую территорию, а после этого можно будет вести переговоры о будущих границах урезанной республики, гарантиях и т. п. Мюнхенское соглашение, следовательно, узаконило вторжение гитлеровцев в Чехословакию. На их пути не было поставлено никаких препятствий. Конференция даже не установила линию, на которой германская армия должна была остановиться. Нет необходимости подчеркивать, что конференция не приняла ничего из того, что требовал Э. Бенеш: сначала определение условий эвакуации, обозначение новых границ и только после этого оккупация строго оп-

ределенной территории. Гитлеровское вторжение в чехословацкие пограничные районы практически ничем не отличалось от прямой агрессии. Единственное отличие было в том, что правительства Англии и Франции обеспечили этому нацистскому злодеянию ширму законности.

Когда конференция закончилась, Э. Даладье и Н. Чемберлен приняли чехословацких делегатов, чтобы вручить им текст документа, узаконившего агрессию. При этом присутствовали также А. Леже, Ф. Эштон-Гуэткин и Г. Вильсон, то есть все те, кто в течение ряда месяцев принимали участие в подготовке этой подлости. В официальном отчете чехословацкой делегации говорится следующее: «Пока господин Мастны говорил с Чемберленом о менее значительных вопросах (Чемберлен при этом непрерывно звал и не обнаруживал никаких признаков смущения), я спросил гг. Даладье и Леже, ожидают ли от нашего правительства какой-либо декларации или ответа на предложенное нам соглашение. Г-н Даладье, который явно находился в состоянии растерянности, ничего не отвечал, г-н Леже ответил, что четыре государственных мужа не располагают большим количеством времени, и определенно заявил, что никакого нашего ответа они не ждут, что считают план приятным и что наше правительство должно сегодня, не позже пяти часов дня послать своего представителя в Берлин на заседание международной комиссии... Атмосфера становилась все более угнетающей для всех присутствующих.

Нам было объяснено довольно грубым образом и притом французом, что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления. Г-н Чемберлен не скрывал своей усталости...» *²³

Представители обеих империалистических держав вели себя в отношении Чехословакии точно так же, как они вели себя по отношению к народам своих колониальных империй. Они только что подписали документ, которым подтвердили Гитлеру, что он имеет такое же право осуществить колонизацию и вассализацию Центральной и Восточной Европы, по какому они сами сохраняли свои колониальные владения в Африке и Азии.

После войны в Нюрнберге состоялся ряд процессов над германскими юристами, судьями, дипломатами, генералами, предпринимателями и т. п. Все они обвинялись в том, что помогали Гитлеру осуществлять его военные преступления. Без их содействия Гитлер не мог подготовить и вести преступные

* Русский перевод записки Губерта Масаржика о конференции в Мюнхене 29 сентября 1938 г. опубликован в: Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I. Ноябрь 1937—1938 гг. М., 1948, с. 310—315. — *Прим. ред.*

и грабительские войны, опустошившие Европу. Однако, может быть, следовало посадить на скамью подсудимых также и Н. Чемберлена, Э. Даладье, Ж. Бонна, Г. Вильсона, Ф. Эштоп-Гуэткина, В. Ренсимена, Э. Галифакса, Дж. Саймона, С. Хора и других? Без их помощи Гитлер не мог бы вовлечь Европу в опустошительную вторую мировую войну. Ведь Н. Гендерсон уже 6 сентября 1938 г. писал Э. Галифаксу дословно следующее: «Тем, что мы спасли мир, мы спасли также Гитлера и его режим...»²⁴

Двадцатое столетие буквально заполнено многочисленными примерами, когда буржуазия, размахивая лозунгами демократии и конституционности, системой гражданских прав и т. п., без всякого зазрения совести отбрасывает этот свой идеологический балласт в тот момент, когда капиталистической системе угрожает социальная революция. Далее следует разгул контрреволюции, который призван разгромить революционные силы и снова стабилизировать потрясенную капиталистическую систему. Режим Гитлера был контрреволюционной силой, которую на Западе хотели использовать для уничтожения Советского Союза. Поэтому в Мюнхене Н. Чемберлен и Э. Даладье сбросили свои маски буржуазных демократов, не раздумывая попртали принципы гражданских свобод, конституционности, демократии, национальной независимости. Они были готовы как угодно унижить самих себя, только был бы сохранен режим Гитлера, которому они предназначали бесславную миссию — искоренение идей социализма на нашей планете.

Гитлер воспринял мюнхенский компромисс как победу своей политики вымогательства. Еще 29 сентября немецкой печати было запрещено употреблять для обозначения мюнхенских переговоров слово «конференция». В тот же день гестапо получило такие указания, которые свидетельствовали, что Германия, возможно, еще осуществит так называемое «большое решение», то есть уничтожение всего чехословацкого государства²⁵. А 1 октября, когда нацистская армия вторглась в Чехию, германская печать получила указание писать о «великом деле мира Адольфа Гитлера»; особенно следовало подчеркнуть, что Германия стала первостепенной великой державой²⁶. Гитлер хотел использовать свою бескровную победу для упрочения подорванного престижа в самой Германии. Он торжествовал победу над теми своими дипломатами и генералами, которые считали, что его тактика вымогательства вызовет всеобщий конфликт, могущий уничтожить Германию. Он торжествовал также над демократической оппозицией, потому что мог далее одурачивать немецкий народ и внушать ему, что стремится возродить славу и величие Германии мирными средствами.

В действительности ни в Германии, ни на Западе не питали иллюзий в отношении характера компромисса в Мюнхене.

И в Германии, и на Западе отсутствовал военный энтузиазм. Поэтому не так уж трудно было найти выход из положения за счет третьего государства, правительство которого также не обнаружило никакого военного усердия. В Германии и на Западе этот выход прикрывался ссылкой на право самоопределения судетских немцев. Вдобавок Мюнхен камуфлировался несколькими, хотя и шаткими, кулпсами, затруднявшими обывателю понять существо дела. Гитлер получил все, что требовал в своем годесбергском ультиматуме. От западной общественности этот факт маскировался актом международной ревизии границ; Чехословакии давалось расплывчатое обещание гарантий.

Гитлер и его политическое окружение считали Мюнхен временным решением. Их целью было полное уничтожение Чехословакии. Ведущие германские промышленники сразу после Мюнхена высказали свое мнение, что этот компромисс просуществует самое большее шесть месяцев²⁷. Оккупация Праги в марте 1939 г. показала, что их суждения были действительно правильными. Сразу же после Мюнхена Гитлер отдал приказ, чтобы армия была готова к полному захвату оставшейся части Чехословакии²⁸. От своих генералов он вообще не скрывал, что считает Мюнхен лишь временным компромиссом²⁹. Дневник Евы Браун свидетельствует, что Гитлер сделал после мюнхенской конференции лишь единственное заключение: Запад слаб, и, следовательно, Германия может рискнуть развязать мировую войну, которая приведет к установлению нацистского господства над всем миром³⁰. Велеречивые нацистские главари вскоре после Мюнхена публично хвастались, что Запад должен был уступить, так как Германия была полна решимости воевать, а ее авиация уничтожила бы Англию³¹. Гитлер также начал произносить публичные речи, в которых намекал, что Н. Чемберлен и его Англия являются декадентскими и их нельзя считать друзьями Германии. Само собой разумеется, что все это сильно беспокоило британский кабинет. Англичане поняли, что произошла ошибка в расчетах. Ведь Гитлер, по замыслу империалистов, должен был после Мюнхена обрушиться на Украину, а вместо этого из Германии раздаются враждебные речи против Англии.

Э. Галифакс, рассматривая этот вопрос на одном из заседаний британского кабинета, сказал, что перед Мюнхеном все доступные сведения показывали, что Гитлер хочет обострить кризис в конце сентября. Однако после Мюнхена из Германии стали приходиться противоречивые сведения: одни из них показывали, что Гитлер удовлетворен мюнхенским соглашением, другие утверждали, что это соглашение привело его в ярость. Он будто бы доволен тем, что благодаря оккупации Судет получил большое стратегическое преимущество в Центральной

Европе. А разъярен потому, что должен был оставить свою идею сокрушительной войны против изолированной Чехословакии, которая принесла бы ему великолепную победу и увеличила его престиж в Германии и во всей Европе. Британское правительство хорошо знало, что Гитлер имел намерение установить стратегическую границу по моравско-словацкому рубежу³². Со времени этого заседания британского кабинета минуло только 40 дней, и Гитлер действительно передвинул свои стратегические границы на отроги Малых и Белых Карпат. А британский кабинет не проронил ни звука, чтобы помешать ему в этом.

В конце второй мировой войны Гитлер сожалел, что не развязал войну в сентябре 1938 г., как это намеревался первоначально. Ситуация в общественном мнении на Западе была для него благоприятной: Франция и Англия не двинулись бы с места, — и вообще он, дескать, мог бы разом изменить политическую карту Восточной и Юго-Восточной Европы, причем западные державы лишь безучастно смотрели бы на это³³. Эти запоздалые рефлексy Гитлера находились уже под сильным влиянием неизбежности приближающегося поражения. В свете проигранной войны на два фронта изолированная война против Чехословакии, естественно, могла ретроспективно казаться идеальным решением. Однако в сентябре 1938 г., когда в его распоряжении имелись все необходимые данные, чтобы сделать правильные выводы, он понимал, что в данной ситуации мюнхенская конференция является для него прямо-таки идеальным выходом.

XX. КАПИТУЛЯЦИЯ

(30 сентября)

После того как закончилась мюнхенская конференция, на другой день, перед обедом, состоялась сепаратная встреча Гитлера и Н. Чемберлена. Британский премьер высказал пожелание, чтобы Гитлер обошелся с чехами по-человечески, особенно если пражское правительство не примет мюнхенское соглашение. Учитывая английское общественное мнение, было бы нежелательно, чтобы Германия подвергла бомбардировкам гражданское население. Гитлер пообещал, что нападению подвергнутся только военные объекты, потому что у него якобы вызывает отвращение вид детских трупов. Это полностью удовлетворило Н. Чемберлена. Он хотел рассмотреть еще несколько вопросов, например возможность заключить соглашение по испанскому вопросу, договориться об ограничении военной авиации, о свободной торговле в Юго-Восточной Европе. Все это он считал составной частью сделки с Гитлером. Однако Гитлер уже получил все, что ему требовалось, и не имел охоты платить за это. Для этого у него нашелся целый ряд отговорок¹. Наконец Н. Чемберлен предложил Гитлеру подписать декларацию, которая, по своей сущности, являлась бы пактом о ненападении и предусматривала проведение консультации между Англией и Германией. Текст декларации, по просьбе Н. Чемберлена, заранее был составлен У. Стрэнгом. Совет последнего, чтобы об этом деле был проинформирован Э. Даладьё, не был принят Н. Чемберленом². Гитлер с готовностью подписал предложенную ему бумагу, ибо он был убежден, что это его ни к чему не обязывает. По всей вероятности, и Н. Чемберлен не питал больших иллюзий в отношении ценности этой декларации, однако в данной ситуации она ему очень помогла в споре с собственной оппозицией. Благодаря ей он мог свое «хождение в Каноссу» выдавать за позитивное и конструктивное деяние, а декларацию — за документ «о мире для нашей эпохи»³. Германская печать хотя и получила указание выдавать Мюнхен за «великое дело мира Адольфа Гитлера», однако ей не рекомендовалось проявлять слишком большой энтузиазм, потому что это компрометировало бы Э. Даладьё и Н. Чемберлена после их возвращения домой⁴.

Когда французы узнали, что Н. Чемберлен заключил с Гитлером сепаратный пакт о ненападении (так они расценивали подписанную декларацию) без их ведома и буквально за их спиной, Кэ д'Орсе охватило большое смущение. Руководители

французской внешней политики спрашивали, продолжает ли еще после всего этого действовать англо-французское соглашение о помощи в случае нападения⁵. Ведь вместе с Мюнхеном Франция утратила свои позиции в Центральной Европе и загубила свои союзнические отношения с СССР, ибо официальный орган советской внешней политики написал тогда, что Англия фактически аннулировала пакт между Францией и СССР⁶. Британское посольство в Париже активно вмешивалось во внутриполитическую борьбу во Франции во время сентябрьского кризиса, поддерживая там пронемецкие и профашистские элементы. Теперь британское правительство заключило за спиной Франции соглашение с Германией, предоставив ей свободу рук в Восточной Европе. Францию это все более отодвигало на позиции второстепенной державы, а для Англии в свою очередь это означало потерю важного союзника, и некоторые британские дипломаты сразу же после Мюнхена отметили угрозу такого развития⁷.

Однако Ж. Бонне беспокоило не это. Он также жаждал заключения сепаратного договора с Германией. Гитлер питал величайшую признательность к Ж. Бонне за его позицию в сентябрьском кризисе⁸, поэтому, когда А. Франсуа-Понсе, переведенный послом в Рим, расставался с Берлином, Гитлер просил его передать Ж. Бонне, что он думает о таком же соглашении с Францией, какое он подписал с Н. Чемберленом. А. Франсуа-Понсе за свои заслуги по уничтожению Чехословакии получил самый высший германский орден. Во время посещения Парижа И. Риббентропом в декабре 1938 г. Ж. Бонне удалось подписать с Германией соглашение о ненападении, аналогичное англо-немецкому от 30 сентября.

Несмотря на то что во время ночного приема чехословацких делегатов в Мюнхене Н. Чемберлен и Э. Даладье дали понять, что не ожидают чехословацкого ответа на решение мюнхенской конференции, свое мнение они изменили еще в течение той же ночи. Сотрудник германского посольства в Праге позвонил по телефону в пять часов утра и сообщил, что А. Генке хочет сейчас вручить чехословацкому правительству соглашение, принятое мюнхенской конференцией. Одновременно он передаст письмо с приглашением чехословацкому представителю прибыть на первую встречу международной комиссии в Берлине. Присутствие чехословацкого представителя должно было явиться для Германии доказательством, что Чехословакия подчиняется мюнхенскому вердикту. Э. Даладье и Н. Чемберлен еще ранним утром отдали распоряжения, чтобы их посланники не позднее 12 часов дня добились от Э. Бенеша полного и ясного согласия с мюнхенскими решениями. Следовало также подчеркнуть, что для какой-либо дискуссии уже нет времени. Подобные инструкции не оставляли места для сомнений в том,

что мюнхенское соглашение по существу является диктатом⁹.

Бесцеремонность нажима, спешка и практически двухчасовой ультиматум — все это свидетельствовало о сомнениях, которые Н. Чемберлен и Э. Даладье имели в отношении позиции тогдашнего чехословацкого правительства. Впрочем, эти сомнения оказались напрасными. Уже накануне вся пражская коалиция в целом приняла принципиальное решение, что воевать с немцами не будет. По всей вероятности, подобные сомнения исходили, скорее, от германской стороны. Так, германское посольство в Праге распространяло слухи о том, что Э. Бенеш и его политические соратники хотят прибегнуть к войне¹⁰. Естественно, что это дало бы Германии возможность осуществить так называемое «общее решение», на которое Н. Чемберлен 30 сентября практически дал согласие, оговорившись, что Гитлер не будет бомбить гражданское население. Однако у Э. Бенеша вовсе не было намерения начать войну. Уже утром 30 сентября он заявил своим сотрудникам, что мюнхенское соглашение означает полный конец, и продиктовал письмо о своей отставке¹¹. Пока Э. Бенеш у себя в кабинете слушал доклад посланника В. Машного о том, как проходила мюнхенская конференция, в 9 часов утра в Коловратском дворце состоялось первое заседание правительства¹². Оно должно было решить вопрос о принятии мюнхенского соглашения. К. Крофта объяснил, что практически имеются две возможности: или отвергнуть его — тогда последует война, в которой Чехословакия будет разгромлена, или приять и путем переговоров добиться приемлемых границ, которые были бы гарантированы.

Собственно говоря, коалиция для себя этот вопрос уже решила. Однако было неизвестно, как эту капитуляцию примет народ. Констатировалось, что общественность вообще не была подготовлена к чему-либо подобному, наоборот, ее умышленно удерживали в состоянии необоснованного оптимизма. Снова встал вопрос о том, должна ли быть нарушена конституция, или же мюнхенское соглашение должно быть одобрено парламентом. Некоторые министры советовали, что, может быть, достаточно созвать совещание председателей политических партий, входящих в правительственную коалицию. Часть министров снова начала обсуждать вопрос о советской помощи и о возможных ее формах. Однако министр внутренних дел Я. Черны категорически заявил, что для дебатов нет времени, надо решать. Г. Вавречка начал зачитывать обращение к народу, в котором сообщалось о капитуляции. Стали обсуждать, как воспрепятствовать возникновению народных демонстраций, подобных тем, какие имели место 22 сентября. И тут снова высказался министр внутренних дел Я. Черны: «Уже с трех часов с помощью министра доктора Буковского принимаются меры

по удержанию ожидаемой реакции народа в таких рамках, чтобы улица не вмешалась в политические дела. Следует показать нашим друзьям, что мы последовательно проводим капитуляцию». Было ясно, что после первого же телефонного звонка В. Маастрихт из Мюнхена о содержании решения министерства внутренних дел уже с раннего утра принимало меры против ожидаемых народных выступлений, направленных против капитуляции. Эти меры только еще раз подтверждают, что вопрос о капитуляции чехословацким руководством был принципиально решен уже 29 сентября.

Пока министры правительства генерала Сыровы советовались в Коловратском дворце о том, как оказать противодействие народным демонстрациям, у Э. Бенеша в Граде в 9 часов 30 минут собрался Политический комитет. Приблизительно в то же время Э. Бенеш поставил перед полпредом СССР Александровским вопрос, окажет ли Советское правительство помощь Чехословакии, если последняя решится на оборонительную войну. На заседании Политического комитета Э. Бенеш сообщил, что Н. Чемберлен хочет до 12 часов дня получить ответ на принятые мюнхенской конференцией соглашения. Если правительство подчинится, тогда Э. Бенеш подаст в отставку. Сразу же должно быть создано новое правительство и избран новый президент. Итак, очевидно, что сам Э. Бенеш был за капитуляцию.

Но какой смысл имел тогда вопрос Э. Бенеша к полпреду СССР Александровскому? Вопрос был сформулирован следующим образом: Запад принес нас в жертву, мы должны капитулировать или сражаться без помощи Запада. Что об этом думает Советское правительство? ¹⁴ Э. Бенеш был готов к любому советскому ответу. Если бы Советское правительство ответило, что, согласно букве союзнического договора, его помощь связана с Францией и что если Франция предала свое обязательство, то отпадает и советское обязательство, это было бы для Э. Бенеша идеальным обоснованием капитуляции. Он тогда сказал бы: «Так как мы покинуты всеми, в том числе и Советским Союзом, который это совершенно ясно подтвердил, нам не остается ничего другого, как капитулировать». А если бы Советское правительство ответило, что окажет помощь Чехословакии, невзирая на позицию Запада, то у Э. Бенеша опять была приготовлена своя аргументация. Он сказал бы, что советское предложение помощи хотя и является благородным, но так как четыре великие державы в Мюнхене выступили против Чехословакии и фактически возложили на нее ответственность за войну, то он как президент не может вести народ на убой; кроме того, он не может принять изолированную советскую помощь, потому что в случае войны на Западе образовался бы общий фронт против большевизма, и т. д. Поэтому вопрос

Э. Бенеша совершенно справедливо вызвал в Москве подозрение, что тот снова ищет обоснования для оправдания своего решения о принятии капитуляции¹⁵. Возможно также, что вопрос Э. Бенеша был психирован сообщением, которое в 10 часов передал по радио посланник З. Фирлингер: «Не сдаваться и выдержать!»¹⁶ Около 12 часов главный секретарь Э. Бенеша Я. Смутны сообщил С. С. Александровскому, что Э. Бенеш уже не настаивает на ответе на свой вопрос.

Второе заседание правительства было начато в Граде в 11 часов 30 минут. Э. Бенеш сообщил, что он уже посоветовался с представителями политических партий и армии и «не может предложить ничего иного, как принятия ультиматума». «Если бы мы его не приняли, то провели бы почетную войну, но утратили бы самостоятельность и нация была бы истреблена. Так на это смотрят и представители политических партий. А если к этому присоединится кабинет, то я считал бы это точкой зрения всего правительства»¹⁷. Из формулировок протокола заседания явствует, что, как обычно, решало не правительство, а Политический комитет. Правительство было поставлено перед свершившимся фактом.

Аргументация Э. Бенеша, защищавшего капитуляцию, не отличалась оригинальностью; это было буквально то же самое, что уже было им сказано 21 сентября. Э. Бенеш полностью отвергал изолированную войну, то есть без участия Запада. Советской помощи он боялся, считая, что она послужит причиной всеобщей антисоветской войны, в которой Запад пошел бы вместе с Германией. Э. Бенеш потребовал, чтобы вся коалиция несла общую и нераздельную ответственность за капитуляцию. В отношении КПЧ, по его мнению, следовало использовать, с одной стороны, призывы к спокойствию, а с другой — принять государственные «меры против разложения». В 12 часов 30 минут К. Крофта сообщил посланникам Франции, Англии и Италии, что правительство Чехословакии подчиняется решению мюнхенской конференции. В 17 часов выступил глава правительства Я. Сыровы и официально сообщил о капитуляции правительства. Время было выбрано не случайно. Дело в том, что Германия утром дала понять, что она ожидает в Берлине чехословацкого представителя, а стало быть, в сущности, принятия мюнхенского соглашения, до 17 часов. Этот срок был указан в письме, которым германское правительство приглашало Чехословакию на заседание международной комиссии¹⁸.

Капитуляция 30 сентября была принята относительно быстро и без видимых осложнений. Так произошло прежде всего потому, что принципиальное решение, по существу, было принято еще ранее, в те самые критические часы между 19 и 21 сентября. Тогда же была разработана и аргументация,

справдывающая капитуляцию. И нельзя забывать, что правительство генерала Сыровы никогда, в сущности, не отказывалось от решения о капитуляции, принятого прежним правительством. Сам Э. Бенеш не думал об оказании Германии вооруженного отпора без поддержки Франции и Англии. В течение ряда лет он заявлял, что Чехословакия снова примет немецкое владычество в Центральной Европе, если будет покинута Западом. По случайному совпадению, а может быть, и не случайно, Гитлер также основывал свой план овладения Чехословакией, полагая, что Запад бросит Чехословакию. Позднее Л. Рашини справедливо возражал Э. Бенешу, указывая, что сама концепция самостоятельного государства включает в себя возможность военного конфликта во имя защиты его независимости. И если правительство Чехословакии уклонилось от этого конфликта в сентябре 1938 г., то оно изменило самой концепции государственной самостоятельности¹⁹.

Из документов того времени видно, что Э. Бенеш не считал мюнхенское соглашение историческим поражением; он наивно верил в обещанные западные гарантии, а следовательно, в возможность дальнейшего существования республики в урезанном виде. Алекс Леже, генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции, в 1969 г. утверждал, что Э. Бенеш и Я. Масарик в течение всего периода войны разделяли его мнение, что мюнхенское соглашение не было исторической неудачей. Неудачей якобы являлся только тот факт, что Гитлер спустя шесть месяцев нарушил это соглашение²⁰. Как бы Э. Бенеш не критиковал позднее французских и английских мюнхенцев, остается неопровержимым фактом, что сам он также являлся сторонником политики «умиротворения». Исторические личности нельзя оценивать только по их субъективным намерениям, а прежде всего по объективным результатам их политики. Объективным же результатом политики Э. Бенеша была капитуляция, которую он считал единственно правильным выходом и защищал с такой решительностью, какая заслуживала бы лучшей цели и объекта.

Критическая оценка политической концепции Э. Бенеша, естественно, касается также тех сил правительственной коалиции, которые составляли его ближайшую политическую опору. Это в первую очередь касается входящих в правительство социалистов-реформистов, признавших свою долю ответственности за Мюнхен. Почти классическим стало изречение Р. Бехне во время войны в Государственном совете: «Я все время говорю себе, что только благодаря божьему промыслу Бенеш поступил в период Мюнхена таким образом, что мы не воевали. Мы, то есть те, кто тогда был в правительстве, были на его стороне и сознавали, что наш народ будет нас осуждать»²¹.

Если мы не можем одобрить деятельность правительственной коалиции, то как тогда мы должны отнестись к позиции армии? Не подлежит никакому сомнению тот факт, что боевой дух, доблесть и боеготовность тогдашней чехословацкой армии как целого относятся к замечательным страницам нашей национальной истории. Немало наших солдат и офицеров отдали свои жизни в борьбе против фашизма. Среди них были чехи, словаки, немцы-демократы и представители других национальностей, населяющих Чехословакию. Надо сказать, что в сентябре 1938 г. потерпела крах не армия, а в первую очередь внешняя политика государственного руководства, не обеспечившая для борьбы армии пужных условий. Буржуазия, как господствующий класс, также не сумела удовлетворительно решить ни одной из жгучих проблем внутренней политики, и прежде всего национальный вопрос. А попытка гарантировать существование республики безоговорочной ориентацией на Францию еще в 1919 г. подвергалась критике со стороны в первую очередь чехословацких марксистов как бесперспективная.

Единственной партией, которая вела борьбу в защиту республики, борьбу против капитуляции за спасение наших народов, была коммунистическая партия. Она никогда не скрывала того, что ее пролетарское понимание защиты республики не является тождественным буржуазному или реформистскому пониманию. Успехи партии в борьбе за правительство народного фронта были замечательны и создавали предпосылки для новых побед в будущем. В течение всего периода кризиса партия вела борьбу за Э. Бенеша, а не против Э. Бенеша. За Бенешем шли партии социалистов, входящих в правительство, стало быть, массы мелкой буржуазии и рабочих, находящихся под влиянием реформистов. Коммунистическая партия вела борьбу за эти массы, потому что они являлись союзником революционного авангарда, а не его противником. Всякая защита республики была мыслима только вместе с этими массами, а не без них или против них.

Еще до полудня политическая группа, объединявшаяся вокруг газеты «Лидове новины», в которую входили также К. Готвальд и В. Копецкий, попыталась заставить некоторых министров подать в отставку и тем самым привести к падению весь кабинет генерала Сыровы²². Однако, когда было подано первое прошение об отставке, именно Э. Бенеш призвал министров к порядку и соблюдению коалиционной дисциплины. В развитии политических событий намеренно сохранялся такой стремительный темп, чтобы у прогрессивных сил не было времени для развертывания массового движения, которое заставило бы правительство отклонить капитуляцию.

Само собой разумеется, руководство коммунистической нар-

тии учитывало также возможность разрешения кризиса с помощью силы, путем взятия в свои руки политической власти. В свою очередь ряд офицеров призывал руководство КПЧ попытаться реализовать революционный выход из кризиса. Но в конце концов, после тщательного учета всех моментов, было решено взять линию на отступление и подготовить партию и народ к длительной и тяжелой борьбе против фашизма. Ни внутренняя, ни международная обстановка 30 сентября не были таковыми, чтобы попытка взятия власти в свои руки оказалось успешной. Вызвать гражданскую войну в ситуации, когда на границах Чехословакии стояла готовая к военным действиям нацистская армия, было бы риском с трагическими последствиями²³.

На рубеже 1938 и 1939 гг. политическая линия КПЧ была проанализирована Коминтерном²⁴. Политика защиты республики была признана правильной. Замечания касались лишь того, что в стране не был своевременно создан общегосударственный орган защиты республики, который опирался бы на сеть местных и областных комитетов такого же рода. С помощью таких комитетов рабочий класс Чехословакии мог бы выполнять свою роль в борьбе против фашизма. Такие комитеты могли бы также облегчить разрешение кризиса с применением силы, особенно если бы правительство избрало путь капитуляции. Коминтерн критиковал партию за слишком большое доверие мелкобуржуазным демократам, прежде всего Э. Бенешу. Решающим переломом в ситуации был сочтен день 22 сентября, когда массы покинули улицы раньше, чем было создано новое правительство. Было также совершенно ясно одобрено решение партии 30 сентября: не пытаться пойти выход с помощью силы.

Из заметок В. Коларова об обсуждении в Исполкоме Коминтерна чехословацкого вопроса также вытекает, что хотя при этом и был сделан руководству КПЧ упрек в излишнем доверии Э. Бенешу и правительству, однако в то же время констатировалось, что партии следовало бы самое позднее после майского кризиса создать совместно с Бенешем правительство народного фронта и Совет обороны народа при участии представителей всех национальных организаций. Одновременно следовало установить связь с армией и повернуть ее против капитулянтов. Тогда Э. Бенеш не смог бы капитулировать. В ходе сентябрьского кризиса просчеты в политической тактике были еще более усилены последователями давних ошибок. Тактика народного фронта длительное время проводилась недостаточно энергично. Своевременно не было достигнуто единство профсоюзов. Был недооценен тот факт, что следовало искать и найти путь к народным массам, ставшим жертвами реакционных партий, каковыми были судетонемецкая

партия, словацкая народная партия Глинки и аграрная партия²⁵.

Руководство КПЧ не сдавалось даже в той трудной ситуации, которая создалась 30 сентября. Оно обращалось к Э. Бенешу и правительству, чтобы те соблюдали конституцию и созвали парламент: вело переговоры с министрами, коалиционными политическими деятелями и генералами. Тем временем государственный аппарат приступил к репрессиям против всех тех, кто не соглашался с капитуляцией. Когда Петиционный комитет «Останемся верными» издал листовку, в которой грозил правительству, что если оно примет решение о капитуляции, то будут повторены такие же демонстрации, какие имели место 22 сентября, помещения комитета были опечатаны, а его члены подверглись полицейским преследованиям²⁶.

Во второй половине дня Э. Бенеш принял оппозиционных политических деятелей, которые заявили протест против капитуляции. Э. Бенеш продолжал настаивать на своем, заявив, что капитуляция якобы является единственным решением, потому что западные державы боятся социальной революции и коммунизма. «Чехословакия стала жертвой их политики,— говорил он,— мы никогда не предавали, нас предали. Нам нанес поражение не Гитлер, а наши друзья... Я убедился, что крупные государства и большие нации даже в настоящее время не считаются с небольшими государствами и малыми нациями. Они обращаются с ними так, как им только заблагорассудится»²⁷. Однако марксисты давно советовали народам, которые ошибочно полагают, что являются простой жертвой великих исторических сил, разбить этот фальшивый жертвенник, изгнать богов и взять судьбу в свои собственные руки. И чехословацкий народ в конце концов извлек этот урок из мюнхенского кризиса.

В четыре часа дня в здании парламента было созвано совещание представителей коалиционных партий. Это собрание должно было скрыть тот факт, что правительство нарушило конституцию и приняло решение о границах государства без согласия парламента. Как обычно, вступительную речь произнес М. Годжа²⁸. Он сказал, что правительство будто бы решило вопрос о принятии мюнхенского диктата на основе заключения военных, которые, мол, повторяли то же самое, что уже говорили 20 сентября: Чехословакия не может начать изолированную войну без помощи Франции и Англии. Советская помощь якобы была бы мало эффективной, а кроме того, втянула бы Чехословакию в крестовый поход против большевизма.

Против политики правительства высказался Л. Рашин. Он сказал, что хотя Чехословакия и была предана Францией и Англией, но «мы также предали и самих себя. Мы оказались не способны использовать последний шанс, то есть начать

отчаянную борьбу. У нас нет уверенности, где Германия остановит свое продвижение. Можно ли верить гарантиям Гитлера и Муссолини? Отдадим себя в руки опасности внутреннего разложения? Чем будет жить наш народ? Разве напрасно в 1919 г. легионеры сражались за родину? Вы со времени той войны постарели на 20 лет. Я не подниму руку за капитуляцию. Я за войну. А за войну ли вы? Народ Англии и Франции не изменил нам, надо обратиться к нему. Дома надо выдвинуть цель: национальное государство».

Ирония истории состоит в том, что в противовес этому представителю правых кругов буржуазии, капитуляцию защищал социал-демократ, заново кооптированный член Политического комитета И. Дерер. Он заявил, что президент, правительство и Политический комитет будто бы тщательно взвесили все дело. Было бы самоубийством вступить в войну вопреки решениям четырех держав, подписавших мюнхенское соглашение. «Помощь русских не могла бы спасти нас. Мы еще не все потеряли, отступим на новые границы и окопаемся. Если бы Гитлер напал на нас и после этого, тогда мы защищались бы».

Впрочем, некоторые депутаты осмеливались выражать свое несогласие с политикой правительства. Они говорили, что дела могли бы идти по-другому, если бы правительство постоянно не уступало. Как обычно, правительство и Политический комитет не обращали внимания на голоса оппозиции. Капитуляция была уже принята, и о ней было заявлено публично, когда М. Годжа произносил свою заключительную фразу: «Мы должны быть вместе с народом в его отчаянии, чтобы вывести его к позитивной программе. Это наша обязанность как руководства».

Этот политический интриган, на котором лежит главная ответственность за катастрофу республики, взял на себя неслыханную наглость напоминать об обязанностях политического руководства по отношению к народу! Когда после войны будут опубликованы германские и английские документы, то появится бесчисленное количество доказательств того, что этот салонный позер и демагог относится к коллекции заурядных изменников в нашей истории. По образцу всех политических банкротов он заблаговременно депонировал в одном из швейцарских банков солидный счет в сумме 10 млн. крон, что обеспечивало ему в случае нацистской оккупации удобную и беззаботную жизнь. Эта деталь также иллюстрирует образ мышления определенной части господствующего класса, руководивавшейся в минуты своего банкротства известным лозунгом «После нас хоть потоп».

В то время как представители коалиционных партий рассуждали о том, был или не был правильным образ действий правительства, общественность еще толком не знала, что, соб-

ственно, произошло в Мюнхене. Цензура не разрешила опубликовать ничего конкретного. «Руде право» 1 октября подвергалась беспощадной цензуре. Позже, во второй половине дня, по радио выступил Я. Сыровы. Он сказал, что правительству якобы не оставалось ничего иного, кроме как капитулировать. Весьма своеобразную интерпретацию происшедшего представило в 16 часов по радио официальное агентство печати. Им буквально заимствовалась аргументация английских и французских мюнхенцев: «29 сентября дело шло только о текстах уступок и о способе их осуществления, на которые наше правительство в принципе согласилось 21 числа сего месяца. Для нашего правительства дело шло только о более замедленном темпе в осуществлении уступки немецкой территории»²⁹. Тактика правительственной пропаганды была в общем очевидна. Очень легко было взвалить всю ответственность за катастрофу республики на западные державы. Если общественность хотела излить свой гнев, то вот он объект — Англия, Франция и другие. Тогда как доверие к коалиционным деятелям должно было оставаться незатронутым, Я. Сыровы в своей речи прямо призывал: «Мы рассчитываем на вас, а вы верьте в нас!»³⁰

Хотя Э. Бенеш и решил отказаться от вооруженного сопротивления немцам, он, однако, не терял надежды, что можно будет еще получить кое-что путем дипломатических переговоров. Он попросил правительство США, чтобы оно оказало Чехословакии поддержку в международной комиссии. На эту его просьбу немедленно был получен ясный отказ. Дескать, правительство США не вмешивается в европейские разногласия, и оно не принимало участия в мюнхенском совещании, на решения которого опирается международная комиссия в Берлине³¹. Принимая во внимание американское участие в подготовке мюнхенской конференции, с их стороны это был пример чистого иезуитства. Точно так же никакого отклика не имело уведомление, которое Я. Масарик вручил в Лондоне для британского генерального штаба: в чешских крепостях, указывалось там, имеется более чем на 2 млрд. крон оружия и боеприпасов. Соглашаясь на их передачу, Англия дополнительно вооружает Гитлера против самой себя³².

Параллельно с этими безуспешными попытками получить политическую поддержку на Западе в чехословацкой внешней политике начинает вырисовываться новый курс по отношению к Германии. Германскому посольству в Праге было сказано, что, так как мюнхенское соглашение ликвидировало пакт с русскими, чехословацкое правительство желает установить хорошие отношения со своим соседом³³. Подобные предложения делались Германии и раньше, в 1936 г. Ныне Э. Бенеш лишь высказывал пожелание, чтобы Германия не проявляла большой жестокости при реализации мюнхенского соглашения и

позволила Чехословакии то, чего Э. Бенеш первоначально ожидал от Запада. Он дал посланнику В. Масжпому инструкции потребовать в международной комиссии, чтобы Германия прекратила враждебную пропаганду против Чехословакии и аннулировала требование о плебисците; при установлении новой линии границ следовало бы учитывать размещение национальных меньшинств к 1938 г., а не исходить из переписи населения 1910 г. При определении территории, подлежащей передаче, в основу следовало положить национальный состав не административных, а судебных округов. Дело в том, что судебные округа были меньше по размерам и в национальном отношении более однородны, чем округа административные³⁴. Наивпо с его стороны было верить, что международная комиссия учтет чехословацкую точку зрения. В скором времени действительность превзошла все самые мрачные опасения.

Итак, для чехословацкой внешней политики Мюнхен с самого первого дня означал изменение прежнего курса. В первую очередь была отвергнута линия сотрудничества с СССР. В правительственных кругах хорошо осознавали, что в Мюнхене фактически был возобновлен «пакт четырех», направленный против СССР³⁵. Об этом прямо говорилось во время дискуссий в Политическом комитете и правительстве в период 27—30 сентября. Выступавшие члены правительства, такие, как И. Дерер, Г. Вавречка, Р. Беран и другие, хотя и признавали, что Советский Союз был единственным союзником, готовым выполнить свои обязательства, однако отмечали, что правительство не приняло эту помощь, потому что Запад остался бы в стороне³⁶.

У Советского Союза Мюнхен вызвал резкий отпор и принципиальное осуждение, ибо «пакт четырех» был пронизан стремлением к политической изоляции СССР. Совершенно естественно, что критика Москвой мюнхенской политики не могла обойти также и политику чехословацкого правительства. Прежде всего М. М. Литвинов не скрывал своего подозрения, что на чехословацких деятелях лежит большая ответственность за измену, которая столкнула республику в пропасть³⁷.

Мюнхенское соглашение по праву считается империалистическим сговором против международного пролетариата, против антифашистского народного фронта, против активной демократии и ее оплота — Советского Союза. Поэтому сразу после Мюнхена Коминтерн организовал ряд акций по спасению Чехословацкой республики, по оказанию помощи демократическим деятелям и пролетарским кадрам³⁸. Одновременно нужно было парализовать враждебную кампанию, направленную против СССР. Мюнхенцы утверждали, что сентябрьский кризис представил доказательства военного и политического бессилия СССР; это было составной частью их похода против политики

коллективной безопасности. Другие западные деятели утверждали, что Советское правительство якобы в ходе сентябрьского кризиса информировалось по чехословацкому вопросу, с ним, мол, консультировались и оно будто бы было согласно с мюнхенской конференцией. Все эти капитулянты хотели сделать вид, что Советское правительство разделяет ответственность за их политику, полагая, что таким образом они избегнут огня критики, которая велась против них со стороны левых сил. ТАСС дважды решительно опровергло подобные вымыслы мюнхенцев ³⁹.

Советская дипломатия недвусмысленно отвергала Мюнхен, квалифицируя его как начало нацистской гегемонии в Европе, которая в конечном счете приведет к новой мировой войне. 1 октября М. М. Литвинов встретился с Ж. Бонна в советском посольстве в Париже и категорически осудил всю мюнхенскую политику. Он заявил, что Н. Чемберлен не должен был ездить в Берхтесгаден и тем более в Годесберг. Гитлер блефовал, он не рискнул бы начать войну, если бы Франция и Англия стояли твердо. А с помощью СССР они могли бы заставить Гитлера отступить от своих требований ⁴⁰.

Мюнхен только приблизил войну и усилил Гитлера. Полпред СССР И. М. Майский в беседе с английским послом Д. Чилстоном прямо назвал уничтожение Чехословакии результатом Мюнхена, открывшим Гитлеру путь в Центральную и Юго-Восточную Европу. «Где это закончится?— спрашивал И. М. Майский.— Это развитие является более опасным для Англии, чем для СССР». Д. Чилстон ответил: «Ваша философия требовала бы, чтобы мы вели войну против Германии каждые 15—20 лет». И. М. Майский: «Можно было бы предотвратить войну, если бы осуществили акции, которые мы предлагали. Но я буду рад, если дальнейшее развитие покажет, что я был не прав» ⁴¹.

Как известно, последующее развитие событий подтвердило предсказание советской внешней политики. Только сбитые с толку и дезориентированные продажной буржуазной прессой массы могли истерически приветствовать Н. Чемберлена и Э. Даладье при их возвращении из Мюнхена. Э. Даладье демагогически утверждал, что Мюнхен — это некий компромисс между Берхтесгаденом и Годесбергом. Кабинет министров единодушно одобрил его политику ⁴². Однако в конфиденциальных разговорах сам Э. Даладье не считал Мюнхен решением, которое пережило бы долгий срок. В течение шести месяцев он ожидал новых требований Гитлера и в конечном счете войны ⁴³. Это, разумеется, никак не мешало ему, официальному глашатая французского правительства, выдавать Мюнхен за победу идей мира ⁴⁴. Несмотря на то что уже в 1938 г. было очевидно, что мюнхенцы являются также и могильщиками

Франции, представители клики Бонпэ позднее оправдывали свое поведение в сентябре 1938 г. утверждением, что конечной целью Гитлера в то время якобы была только Украина, а не Франция⁴⁵.

В Англии Н. Чемберлен был также встречен с восторгом. Количество оппозиционных голосов среди общественности снизилось⁴⁶. Гораздо позже Англия поймет, что Мюнхен был ее самым крупным моральным поражением в этом столетии, — поражением, последствия которого уже было невозможно ликвидировать никакими средствами⁴⁷.

Британский кабинет министров собрался еще вечером 30 сентября⁴⁸. Н. Чемберлен приложил все старания к тому, чтобы доказать, что Мюнхен не поражение, а большая дипломатическая победа. Он, дескать, сделал для Чехословакии все, что мог, и итоги — удовлетворительные. Затем он сравнил годесбергский меморандум и мюнхенское соглашение, доказывая, что Мюнхен является возвратом к англо-французскому плану от 19 сентября, поскольку он содержит принцип международной комиссии. Ведь первоначально Гитлер требовал проведения оккупации к 1 октября, тогда как Мюнхен предусматривает осуществление оккупации в пять этапов — с 1 по 10 октября, — а окончательная граница урезанной Чехословакии будет установлена международной комиссией. Эта комиссия решит также вопрос о плебисците. Спорные районы должны находиться под контролем международных воинских частей. Согласно мюнхенскому соглашению, чехи могут, кроме того, вывезти из оккупируемой территории продовольствие и скот, хотя первоначально Гитлер требовал запрещения эвакуации чего бы то ни было. В приложении к мюнхенскому соглашению есть обещание гарантий, к которому позднее должны присоединиться также Германия и Италия. Если вопросы, касающиеся остальных национальных меньшинств, не будут урегулированы в течение трех месяцев, главы правительств четырех держав соберутся снова на следующую конференцию.

Таким образом, согласно интерпретации Н. Чемберлена, Мюнхен является упорядоченным путем к осуществлению англо-французских «предложений», победой дипломатии, ибо представители четырех держав достигли мирного решения трудной проблемы. Чтобы еще больше усилить эффект своих выводов, премьер вручил своим министрам особый меморандум, подробно перечисляющий различия между Мюнхеном и Годесбергом. В заключение он лишь вскользь изложил свой утренний разговор с Гитлером, который якобы касался ограничения вооружений, Испании и совместных интересов в Юго-Восточной Европе. Об этих вопросах он, дескать, будет информировать кабинет позднее.

Дафф Купер в виде протеста сообщил о своем намерении подать в отставку. Несколько последующих дней принесли доказательства того, что слова Н. Чемберлена являлись лишь псуразной ложью. Гитлер получил в Чехословакии свободу рук и реализовал Мюнхен таким образом, который намного превзошел его годесбергские требования. Англия после этого имела достаточную возможность судить о качествах своего премьера, оказавшегося неспособным распознать различие между триумфальной победой и тотальным поражением.

XXI. АГОНИЯ

(1—5 октября)

В течение немногих дней, прошедших после Мюнхена, Чехословакия из независимого и самостоятельного государства превратилась в вассальное образование, которое быстро приспособляло свою внутреннюю структуру к требованиям и желаниям нацистской Германии. В короткий срок был ликвидирован внешнеполитический курс, которым чехословацкая политика следовала целых двадцать лет существования буржуазно-демократической республики. И во внутренней политике создавались условия для реализации устремлений правого крыла буржуазии. Весь этот процесс ускорялся непрерывным вмешательством и угрозами со стороны нацистской Германии, которая не слишком скрывала свою цель добиться полного раздробления чехословацкого государства на составные части. Чехословакия была оставлена на произвол судьбы Францией и Англией, и уже в первые дни октября стало ясно, что содержащаяся в мюнхенском договоре декларация о гарантиях не имеет никакого политического значения и даже не является поддержкой чисто морального характера.

Прежде чем, согласно мюнхенскому договору, Германией была начата оккупация четырех пограничных зон, бековская Польша ультимативно потребовала удовлетворения своих территориальных претензий. В такого рода действиях она опиралась на согласие нацистской Германии, тем более что само чехословацкое правительство сообщило Москве, что оно уже не нуждается в дальнейшем в поддержке Советского Союза, когда речь идет о взаимоотношениях с Бекем. Франция и Англия советовали Э. Бенешу, чтобы чехословацкое правительство приняло ультиматум Ю. Бека еще до истечения его срока, то есть до 12 часов 1 октября¹. Э. Бенеш принял этот совет, за что Ж. Бонне выразил ему исключительную признательность. Разумеется, такой образ действий со стороны Э. Бенеша был абсолютно недалеким, ибо для Ю. Бека речь шла не столько о Тешинской области, сколько об отделении всей восточной половины республики. Закарпатская Украина должна была быть аннексирована Венгрией, а Словакия — попасть под протекторат Польши или Венгрии. Э. Рыдз-Смиглы, о котором М. Гамелен в Лондоне заявлял, будто тот дал ему честное слово, что польская армия никогда не нападет на Чехословакию, убеждал ныне лондонского посла Кеннарда, что такое расчленение Чехословакии на составные части является неиз-

бежным, коль скоро должен быть создан надежный барьер против СССР². После передачи Тешинской области подстрекательская кампания бековской Польши против Чехословакии продолжалась в такой активной форме, что К. Крофта обратился в Париж и Лондон с просьбой, чтобы оба правительства сдержали свое обещание гарантий, данное ими в Мюнхене³. Сомнения в реальности этих обещаний возникли уже 1 октября, когда Э. Бенеш апеллировал к посланникам Франции и Англии, чтобы те приняли в Варшаве меры против вымогательства Ю. Бека. Э. Бенеш сказал тогда французскому посланнику: «Французское и английское правительства обещали нам в Мюнхене гарантии. Будут ли эти гарантии применены против Польши и каким образом? Выполнят ли великие державы то, что подписали?» Подобный вопрос был задан и Б. Ньюто-ну: «Когда мы приняли мюнхенское соглашение, мы считали, что нам были даны гарантии. Какова будет позиция Лондона, если Польша на нас нападет и мы будем вынуждены защищаться с оружием в руках?» Фальшивость обещанных гарантий уже на другой день после мюнхенской конференции настолько была очевидна, что Э. Бенеш осмелился заявить обоим западным посланникам такое, на что он не находил смелости за все время сентябрьского кризиса: «Предупреждаем, что мы имеем возможность обратиться к Лиге наций и мы полны решимости сделать это... Я не знаю, как поступит Россия, но из этого может произойти ужасная вещь. Наше государство будет требовать выполнения всех международных обязательств»⁴. Это напоминание об обещанных гарантиях имело единственный результат: был оказан нажим на Прагу, чтобы она уступила и приняла ультиматум Ю. Бека.

1 октября началась эвакуация и оккупация пограничных районов Чехословакии. Армия воспринимала все это с возмущением и отдельными проявлениями протеста. Было немало случаев самоубийств среди младших офицеров. Однако мощная патриотическая сила в армии пропадала без пользы.

Уже 1 октября между политическими партиями правительственной коалиции начались споры о составе будущего правительства. Левое крыло коалиции предлагало, чтобы правительство генерала Сыровы было реорганизовано на основе представительства в нем политических партий, причем отмечалась необходимость кадровых замен в министерстве иностранных дел. Социал-демократы даже предлагали, чтобы в Берлин была послана особая делегация для ведения переговоров о «вечной дружбе». Однако правое крыло коалиции отвергло подобные предложения. Оно было убеждено, что время работает на них и нет необходимости торопиться⁵. Сохранение кабинета генерала Сыровы обосновывалось необходимостью полностью осуществить мюнхенское соглашение⁶.

В то время как входящих в правительство социалистов одолевала забота, как бы не «выпасть» из правительственной коалиции, представители различных оппозиционных течений на совместной встрече с несколькими генералами еще 2 октября обсуждали вопрос о новом нажиме на Э. Бенеша и возможности создания правительства защиты республики, а также о различных внешнеполитических акциях. В конечном счете все эти попытки остались тщетными из-за отсутствия единства и нерешительности либеральных политиков и генералов. Большинство входивших в правительственную коалицию политиков примирилось с неизбежностью капитуляции еще до того, как состоялась мюнхенская конференция. Среди армейского командования также не было единства, начальник генерального штаба генерал Л. Крейчи и председатель правительства генерал Я. Сыровы приняты и отстаивали Мюнхен. Любое правительство, пусть даже и неконституционное, едва ли могло строить иллюзии относительно массовой поддержки, если бы оно выступило против Э. Бенеша. А с другой стороны, ни одно правительство не могло быть назначено иначе, кроме как президентом республики. В критические моменты сентябрьского кризиса Э. Бенеш сам выступил решительным сторонником капитуляции. А без его согласия как президента не могло возникнуть никакое правительство защиты республики.

Один из участников этих безуспешных и запоздалых попыток защитить республику написал в своих воспоминаниях следующее: «Дело осложнилось, когда многие из тех, кто еще 2 октября был готов взять на себя ответственность, отпали один за другим. Большинство генералов были против союза с СССР, меньшинство было индифферентным и выражало готовность присоединиться лишь в том случае, если акция удастся. Президент республики мог, конечно, распустить правительство генерала Сыровы, назначить новое правительство и таким образом легализовать неконституционное движение сопротивления... Советские политические круги были обеспокоены нашей постоянной нерешительностью. Некоторые чехословацкие генералы хотя и утверждали позднее, что они были полны решимости присоединиться к любому правительству, выступающему за войну, однако они не сказали этого своевременно... Армейское командование не имело достаточно воли и силы взять на себя ответственность и действительно выступить на передний план, оно хранило формальное пассивное повиновение»⁷.

Растерянность, колебания и нерешительность военно-политического руководства не давали возможность что-либо спасти. К. Крофта не скрывал от С. С. Александровского, что Чехословакия превращается в фикцию, правительство утрачивает свое значение, у него уже нет собственной политической линии. Недалек момент, когда Чехословакия станет лишь привеском гит-

леровской Германии, ибо в Мюнхене было принято решение об изменении всей внутренней чехословацкой политики. Во внешнеполитическом отношении республика будет нейтрализована и окажется под покровительством четырех держав, которым нельзя доверять⁸. Донесение советского полпреда в Москву охарактеризовало эти перемены следующими словами: «Ныне правительство уже само выполняет приговор западных держав... Вчера правительство еще верило в самого себя, но сегодня у него руки настолько опустились, что если бы какая-нибудь иностранная держава захотела потребовать территории...»⁹

Стремительный упадок авторитета чиновничьего кабинета создавал возможность для его замены или существенной реорганизации. Однако в каком направлении будет происходить эта замена? Германское посольство 3 октября отправило в Берлин сообщение, которое, очевидно, опиралось на информацию, исходившую из правых кругов: «Сегодня, 3 октября, ожидается реорганизация правительства... Чехословацкому народу удалось преодолеть демократический режим. Призывают к твердому руководству»¹⁰.

Глашатаем создания правительства сильной руки стал генерал Л. Крейчи. На заседании Политического комитета, состоявшемся 3 октября в 11 часов 45 минут, можно было слышать такие его высказывания: «Необходимо реконструировать государство на иной основе. Последнее правительство является жульничеством. В политические партии не верится. Готовятся бунты и демонстрации. Призывают к правительству сильной руки. Бенеш, а также и политические партии потеряли авторитет в армии. Мы не хотим в это вмешиваться с помощью насилия. Хотим сохранить конституционный путь. У меня в руках целая армия, я мог бы делать, что хочу. Я прошу создания нового правительства, без политических партий, без парламента... Президент — за правительство политических партий, армия — против. Президент не знает о моем требовании. Я хочу авторитарное правительство в противовес правительству политических партий».

Социал-демократы также высказались за правительство сильной руки, однако они не поддерживали требование, чтобы политические партии были отстранены от решения. Вскоре оказалось, что требование генерала Крейчи следует понимать таким образом, что для него речь шла прежде всего об отстранении входивших в правительство социалистов. Л. Крейчи перечислил своих кандидатов в состав будущего правительства, и оказалось, что речь идет не о беспартийных лицах, а в первую очередь о крайне правых. Назывались такие имена, как генерал К. Гусарек, Г. Масаржик, Я. Черны, И. Калфус, Т. Батя, В. Шадек, О. Крулиш-Ранда, генералы Виест и Ингр, В. Файнор,

Кочвара, Ф. Дурчанский, Я. Паулини-Тот, И. Карваш, П. Затько, М. Бела. Позднее трое из них стали членами правительства Гахп в протекторате, трое — членами правительства Тисо в Словакии, трое были членами так называемого лондонского правительства и его органов. Из левого крыла коалиционного лагеря никто не был назван. Л. Крейчи требовал, чтобы Политический комитет представил Э. Бенешу проект о назначении правительства сильной руки, то есть крайне правого правительства. Это правительство, хотя и названное «временным», должно было просуществовать несколько лет¹¹.

Еще в тот же день генералы Л. Крейчи, К. Гусарек и полковник Эмануэль Моравец посетили президента Э. Бенеша и потребовали, чтобы тот подал в отставку, потому что этого желает Германия. Вечером у Э. Бенеша собрался Политический комитет и отклонил требование генералов о создании правительства сильной руки¹². Показательно, что на другой день в газете «Лидове новины» появилась статья Я. Странского, который ратовал за военное правительство сильной руки, за сотрудничество с Германией и отвергал прежнюю линию чехословацкой внешней политики.

Эта первая атака показывала, что дни, а лучше сказать, часы левого крыла коалиции сочтены. Э. Бенеша уже ничто не могло спасти. В британском парламенте Э. Галифакс, правда, выразил Э. Бенешу благодарность за содействие, оказанное им политике «умиротворения», однако его не могло уже спасти даже обещание английского займа, который должен был стать неким пластырем на экономические прорехи, вызванные вооружением, мобилизацией и оккупацией пограничных районов. Финансовая помощь должна была поддержать денежный курс, облегчить переселение значительного количества чешского населения из пограничных районов, реорганизацию транспорта, промышленного производства и т. д. Несмотря на многословные обещания, дело завершилось в конце концов скромным подаванием, которое не имело для Чехословакии экономического значения.

Главный нажим на Чехословакию оказывала Германия. Ее армия вторглась в Чехословакию, не имея заранее установленной линии, на которой она должна была бы остановиться. Так называемую пятую зону должна была определить международная комиссия в Берлине, составленная из посланников четырех держав. Уже 2 октября Гитлер принял членов этой комиссии и авторитетно заявил, что линия пятой зоны должна совпасть с линией границы, указанной в его меморандуме¹³. Было очевидно, что Германия просто-напросто диктует границу, демонстративно игнорируя существующие национальные отношения. В конце концов Германия с помощью международной комиссии получила гораздо больше, чем требовал Гитлер в Годесберге.

К 10 октября была оккупирована территория площадью 28 679 кв. км, где проживало 3,59 млн. человек, из них 727 тыс. чехов.

Точно так же как во время сентябрьского кризиса, Н. Гендерсон и ныне, в международной комиссии, являлся наилучшим защитником требований нацистов¹⁴. Мюнхенское соглашение с первого дня своего существования систематически нарушалось, и такого рода нарушениями явились ультиматум Ю. Бека от 30 сентября, диктат Гитлера по вопросу пятой зоны оккупации и последующий венский арбитраж, отказ Гитлера от гарантий и, наконец, нацистская оккупация остатков Чехословакии в марте 1939 г. Ни одно из государств, подписавших это соглашение, не протестовало против его нарушений. Наоборот, поведение А. Франсуа-Понсе и Н. Гендерсона в международной комиссии было настолько ошеломляющим, что создавалось впечатление, будто для Франции и Англии, собственно говоря, мюнхенского соглашения никогда не существовало. Я. Масарик обратился в британский Форин оффис с запросом, как следует истолковывать положение мюнхенского соглашения, которое возлагает на Чехословакию обязанность освободить отбывающих заключение нацистов. Означало ли это, что также будут освобождены сотни чехов, которые были увезены в Германию в качестве заложников?¹⁵ На подобные вопросы британская дипломатия отвечала, что с ними следует обращаться к международной комиссии в Берлине. Я. Масарик и Э. Бенеш напрасно и безрезультатно пытались получить британскую поддержку в этой международной комиссии. Без всякого успеха они требовали, чтобы определение линии пятой зоны учитывало экономические и транспортные интересы страны. Напрасно они просили, чтобы национальные отношения не оценивались по результатам переписи 1910 г. Б. Ньютон на все это давал стереотипный ответ, что было бы очень трудно снова возвращаться к мюнхенским решениям¹⁶. Вместо того чтобы поддержать чехословацкую позицию в международной комиссии, Н. Гендерсон расточал советы, чтобы Чехословакия как можно скорее подчинилась Германии: «Мы должны привлечь немцев заверением, что будем проводить политику нейтралитета и будем дружески относиться к Германии, тогда Германия якобы будет великодушной». Одновременно этот адвокат нацистов давал понять, что в Праге необходимо произвести изменения в правящих кругах, ибо только уход представителей прежнего курса способен повлечь за собой изменение позиций германской делегации в международной комиссии¹⁷.

Германская пропаганда не прекращала своих вульгарных нападок на Чехословакию, выражая таким образом недовольство Гитлера доживающим в Праге политическим курсом. Обращение Э. Бенеша к Лондону, чтобы британское правительство

приняло меры против враждебной чехам нацистской кампании, являлось лишь свидетельством принципиального непонимания целей политики Н. Чемберлена¹⁸. Если Гитлер проявлял враждебность, то Лондон отвечал на это демонстративным безразличием. Из всего этого в Праге сделали заключение, что нужно быстро сменить правительство и президента.

Вырисовывались три тенденции реорганизации правительства генерала Сыровы. Поддерживавшие правительство социалисты и лидовцы стремились к созданию политического, коалиционного кабинета министров из новых лиц. Аграрии и их сторонники желали создания правительства твердой руки, которое полностью подчинилось бы Германии и запретило все революционные организации во главе с КПЧ. Третье направление составляла партия Глинки, воспользовавшаяся ослаблением республики для реализации своей собственной программы¹⁹. Программа Коммунистической партии в то время заключалась в поддержке любого правительства, готового защитить и сохранить республику и ее прежнюю политическую структуру. Партия была готова в союзе с социалистами поддержать создание общего фронта, отстаивающего республику и демократические права, в противовес аграриям и их союзникам. Это соответствовало политической линии Коминтерна, призывавшего рабочий класс к сплочению, являвшемуся необходимым условием «для упрочения народного фронта против капитулянтов, против внутренней реакции и агентуры Гитлера, против фашистских захватчиков, которые вторглись в живой организм страны, для обеспечения народного характера армии и демократического устройства республики»²⁰. По вопросу реконструкции правительства КПЧ защищала мнение, что в правительство должны войти представители армии и политических партий, не отягощенные ответственностью за последние страшные недели²¹.

Поскольку испытанным политическим методом ответственной коалиции всегда был компромисс, то в конце концов кабинет генерала Сыровы был реорганизован путем лишь незначительных изменений. От имени Политического комитета Я. Шрабек взял с генералов Я. Сыровы и Л. Крейчи обещание, что они не предпримут ничего неконституционного. В уплату за это коалиционные партии обещали поддерживать новое правительство²². Потом Э. Бенеш распустил Политический комитет, место которого заняли председатели коалиционных партий²³. В последний момент он сделал попытку, чтобы представителю партии национальных социалистов была поручена функция заместителя председателя правительства. Это было отвергнуто, а правый блок интерпретировал это как последнюю, безуспешную попытку Э. Бенеша повлиять на состав правительства²⁴. Новый кабинет генерала Сыровы представ-

лял собой правительство, осуществившее ограничение роли политических партий и парламента, что было основной идеей генерала Л. Крейчи.

Политический тон и лицо нового правительства определяли в первую очередь крайне правые аграрии: министр иностранных дел Ф. Хвалковский и Л. Фейерабенд. Когда-то Ф. Хвалковский был секретарем А. Швеглы, а на пост министра был предложен М. Годжей. Он был известен как поклонник фашистских систем. Инструкции Э. Бенеша, посланные Ф. Хвалковскому в Рим, говорили о необходимости нового отношения к Германии, Италии и другим соседям²⁵. Ф. Хвалковский истолковал это как поворот на 180 градусов. Вместе с Ш. Осуским и сенатором Матоушеком Ф. Хвалковский стал вдохновителем публичной кампании, критикующей политику Э. Бенеша справа; это было повторение старых попреков К. Крамаржа, что Чехословакия восстановила против себя Б. Муссолини и Ю. Бека. В политическом отношении эта критика была глупой и примитивной.

«Изменения можно наблюдать повсюду, каждый спешит облечься в другую одежду, лидеры партий, руководители газет предлагали свои услуги новому правительству... У широких слоев народа иные представления о правительстве, чем у Гитлера, однако и они ищут новых людей, не скомпрометированных капитуляцией, нового утверждения демократии, новых борцов с фашизмом». Так советское полпредство в Праге характеризовало политические перемены в первые дни октября²⁶. В реорганизации кабинета генерала Сыровы значительную роль сыграло также влияние Англии, которая умышленно выдвигала аграриев на передний план. Советская печать критиковала этот курс английской политики, поддерживавшей реакционный поворот Чехословакии в сторону Германии и ликвидации коммунистической партии²⁷.

В представлении британских политиков вассализация Центральной и Юго-Восточной Европы обязательно подразумевала безоговорочное признание правительствами малых государств гегемонии нацистской Германии. Поэтому предатели из среды лидеров аграрной партии Чехословакии уже в течение ряда лет были фаворитами английской политики.

Правый лагерь использовал мюнхенский крах республики, чтобы пробраться к власти. Составной частью этого лагеря стала партия Глинки. В последние дни сентября она, пользуясь поддержкой чешских правых, заигрывала с Ю. Беком, М. Хорти, Гитлером. В начале октября Александр Мах, побуждаемый немцами, издал декларацию о так называемом словацком государстве, которую цензура конфисковала. Между Й. Тисо и германским консулом Друффелем также шли переговоры об отторжении Словакии²⁸.

2 октября Й. Тисо опубликовал заявление, в котором говорилось, что исчерпаны все возможности соглашения с чехами и исполнительный комитет партии Глинки потребовал принятия решения о своих дальнейших действиях²⁹. На другой день М. Чернак вручил Э. Бенешу ультиматум, требуя, чтобы власть в Словакии была передана в руки партии Глинки. В знак протеста против нерешительности правительства в отношении этого требования он подал в отставку³⁰. Переговоры с представителями партии Глинки вел в Трепчапске-Теплице М. Годжа. В дни борьбы за сохранение республики и демократических прав народа, за будущую линию внутренней и внешней политики людовцы активно поддерживали правый лагерь. Нацистская печать получила указание благожелательно писать о сепаратистских требованиях людовцев и аналогичных националистических группировок в Закарпатской Украине³¹.

Венгрия добилась согласия пражского правительства на переговоры о пересмотре границ, однако в своем стремлении снова овладеть всей территорией Словакии и Закарпатской Украины она не получила поддержки в Италии. Последняя изменила свою первоначальную позицию, подчинившись требованиям нацистской Германии³². Ю. Бек и М. Хорт, прилагавшие с помощью своих агентов усилия к расчленению Чехословакии, вынуждены были спастись перед более сильным конкурентом — нацистской Германией. Хотя консул Друффель еще посылал из Братиславы предложения, чтобы в Словакии было установлено некое германо-польско-венгерское совместное господство, однако в германском министерстве иностранных дел уже 5 октября был составлен меморандум, из которого вытекало, что наиболее выгодно для Германии создание вассальной Словакии. Она не представляла бы для Германии никакого противодействия на Востоке и, как слабый государственный организм, скорее всего, соответствовала бы германским интересам проникновения в Восточную Европу³³. Цели, которые Германия преследовала в Словакии, отнюдь не скрывались венским радио³⁴.

5 октября, одновременно с реорганизацией кабинета генерала Сыровы, было достигнуто соглашение между централистами и партией Глинки об автономистской программе. На другой день последовало соглашение о представительстве партии Глинки в пражском правительстве и о реализации автономистской программы. На митинге в Жилине партия Глинки вместе с централистами приняла манифест, в котором подчеркивалось «особое место Словакии в борьбе против марксизма». Три дня спустя в Словакии была запрещена деятельность КПЧ и началось преследование партийных кадров. Чешские правые приступили к осуществлению подобных мероприятий немного позже. Политический план крайне правых, переданный с Ренсц-

меном в Лондон 16 сентября, считал запрещение Коммунистической партии Чехословакии одним из условий соглашения с Германией; он мог осуществиться только после мюнхенского разгрома республики.

Наступление крайне правых выдвинуло на первый план также вопрос об изменении функций президента республики. С одной стороны, нажим шел из Берлина, где Гитлер давал понять, что он готов пойти навстречу желаниям правого блока, при условии, что в Праге исчезнут из политической жизни все те, кто осмелился выступить против Германии. Его пожелания передавали в Прагу главным образом генерал К. Гусарек, министр Г. Вавречка и банкир Я. Прейсс. С другой стороны, в самой Чехословакии к тому, чтобы Э. Бенеш ушел в отставку, прилагали силы М. Годжа, Ф. Ежек и представители живностенской партии, короче говоря, весь правый блок. Совершенно естественно, что Б. Ньютон был хорошо осведомлен об этой активности³⁵. В ночь на 5 октября на отставке президента настаивали К. Гусарек и Г. Вавречка; Э. Бенеш колебался. Представители КПЧ пытались на него воздействовать, чтобы он не уступал нажиму правого блока. Однако на Э. Бенеша, видимо, повлияло то обстоятельство, что французский парламент ратифицировал мюнхенское соглашение. Э. Даладье требовал предоставления полномочий для борьбы против левых сил. Развитие событий в Праге и в Париже шло одним и тем же путем. Утром 5 октября Э. Бенеш был готов сложить с себя полномочия президента. И когда к нему прибыли генералы Я. Сыровы, Л. Крейчи и К. Гусарек, чтобы снова на этом настаивать, Э. Бенеш дал обещание подать в отставку. Однако Л. Крейчи требовал, чтобы это было сделано немедленно. В течение первой половины дня он настаивал на этом еще трижды — по телефону. В записях Э. Бенеша об этом говорится следующее: «Он уже был невежлив, если не неприличен. Я прервал разговор с ним и сказал, чтобы он не вмешивался не в свое дело, что все будет выполнено в свое время и так, как я заявил утром»³⁶.

Прошение об отставке было адресовано генералу Я. Сыровы³⁷. Вначале Э. Бенеш упоминает о «недавних событиях, слишком печальных для нас». Потом продолжает: «Во всем этом я принимал настолько большое участие, что не могу не размышлять над тем, что я, как президент республики, должен делать в новых условиях. Я был избран при совсем других обстоятельствах и при совершенно иных условиях и не могу сегодня не считаться с этим. Положение настолько изменилось, что моя личность, как личность политического деятеля, могла бы, возможно, стать препятствием развитию, к которому ныне должно приспособливаться наше государство, особенно с международной точки зрения, исходя из потребности быстро

обеспечить спокойствие внутри нашей страны и наладить хорошие отношения и сотрудничество с соседями... Я просто хочу облегчить дальнейшее здоровое развитие государства и нации во внутриполитическом и внешнеполитическом отношении».

В циркулярной депеше дипломатическим представительствам разъяснялось, что отставка президента произошла ввиду того, что Запад покинул Чехословакию, а Германия требовала этой уступки: «Отставка президента могла бы стать предостерегающим знаком западным державам, которые своим непониманием создавшейся обстановки решились сами осуществлять программу Гитлера в отношении Чехословацкой республики. Это удалось им до такой степени, что в экономическом отношении они бросили Чехословацкую республику в подчинение Германии. Дальнейшее развитие трудно предсказать... Однако отставка президента означает уступку Германии, которая непременно продолжала бы разрушать и нападать, если бы эта жертва не была припесена»³⁸. Автором этой депешы был сам Э. Бенеш. Этим он хотел еще раз обратиться к западным державам, чтобы они выступили на стороне Чехословакии, прежде всего в международной комиссии в Берлине. Но как показало последующее развитие событий, и этот последний призыв Бенеша остался безответным. Если кто-нибудь ожидал, что после его отставки нацистская Германия будет более миросердной по отношению к поверженной Чехословакии, то тот питал ложные иллюзии. Нацистское руководство понимало только одно — сильные удары решительного антифашистского отпора. Всякий признак готовности к соглашению Гитлер считал слабостью и стимулом для своей новой агрессивной акции. Германские дипломатические документы и указания, которые Геббельс давал печати, показывали, что отставка Э. Бенеша не оказала никакого влияния на германское отношение к Чехословакии.

Бенеш стал жертвой своей собственной политики. Он упорно отговаривал входивших в правительство социалистов от политики народного фронта и тем самым спас правый блок, который в конце концов добился его свержения. В заключительной циркулярной депеше Э. Бенеш должен был откровенно признать историческую неудачу своей политической ориентации на западные державы. Если искать ответа на вопрос, почему позднее, во время войны, Э. Бенеш изменил свое отношение к КПЧ, к Советскому Союзу, хотя при этом и оставался представителем своего класса, то следует возвратиться к его политическому крушению в 1938 г. Во всяком случае, нельзя понять развития Чехословакии после 1945 г. без глубокого понимания всего того, что было связано с временным прекращением существования чехословацкого государства в 1938 г.

Если Э. Бенеш и правительство генерала Сыровы полагали, что делегация нацистов в международной комиссии уменьшит свои требования, то они ошибались. Предметом переговоров в эти дни был вопрос о демаркационной линии, на которой должно было остановиться продвижение германских дивизий. Э. Вейцзекер настаивал на том, чтобы за основу определения национальной границы были взяты статистические данные 1910 г. Н. Гендерсон в своей корреспонденции признает, что эти статистические данные являются unfair *, однако он принял германскую точку зрения. Французы первоначально дали А. Франсуа-Понсе указание защищать принцип, что под «преимущественно немецкой территорией» понимаются такие районы, в которых живет более 66 % немцев. Однако англичане настаивали на принципе 51 %, так как это было обещано Гитлеру. Наконец уступил и Э. Даладье, и А. Франсуа-Понсе получил инструкцию вместе с Н. Гендерсоном защищать принцип 51 % немецкого большинства и оценивать национальные отношения по состоянию на 1918 г.³⁹ Вопреки этим инструкциям в конце концов оба посла согласились с тем, чтобы комиссия решила вопрос о демаркационной линии на основе переписи 1910 г., а для определения «преимущественно немецких областей» был принят принцип 50 %. Н. Гендерсон цинично замечал по этому поводу, что поступили так, как будто мюнхенское соглашение предстояло аннулировать. Если бы чехи не признали этого решения, тогда оно было бы им навязано «высшей властью». Если бы в знак протеста они покинули комиссию, то это решение было бы осуществлено без их согласия⁴⁰.

В личном письме к Э. Галифаксу Н. Гендерсон охарактеризовал это решение как самое лучшее, какое могло быть принято. Его идея якобы совершенно проста: чехи должны были заявить немцам, что они оставляют курс Э. Бенеша и желают жить в мире с немцами и в политическом, и в экономическом отношении. Они должны были бы договориться обо всех спорных вопросах между собой сами, без комиссии. Он говорил об этом с Г. Герингом и устроил так, что Г. Геринг принял по этому делу посланника В. Мاستного. Когда в конце сентября война казалась Н. Гендерсону неотвратимой, он утепал себя только двумя мыслями: что война избавила бы Германию от Гитлера и его режима и что он, как посол Англии, покинул бы Берлин. «Но мы спасли мир, а тем самым и Гитлера», — говорит дословно Н. Гендерсон. И вопреки этому успеху немцы как нация будто бы не признательны Гитлеру, а напротив, с глубокими опасениями следят за этим человеком, который привел их на грань войны и который может сделать это снова⁴¹.

* Unfair (англ.) — пристрастный, неправильный, нечестный.

Н. Гендерсон, как циничный графоман, в своей корреспонденции раскрывает действительные цели политики «умиротворения» — без всяких словесных прикрас и запретов. Если цель британской политики состояла в том, чтобы привести Чехословакию в сферу германских интересов, тогда Мюнхен означал достижение этой цели. С этого момента британская политика уже никак не заботилась о Чехословакии.

2 октября Н. Гендерсон пишет, что было бы неразумно поддерживать дальше веру чехословацкого правительства в международную комиссию. Он сообщает, что А. Франсуа-Понсе получает инструкции не предпринимать ничего, что могло бы свести на нет результаты Мюнхена. Но по его мнению, в данных обстоятельствах наилучшее решение — положить в основу разграничения перепись населения 1910 г., хотя это и не соответствует замыслам Мюнхена. Радикальные операции, считает Н. Гендерсон, вообще являются наилучшей политикой для будущего. Иначе в короткий срок снова повторился бы кризис 1938 г. Географии принадлежит в политике последнее слово, и для чехов не будет в Европе мира, пока они не признают того факта, что Чехословакия может быть лишь нейтральной составной частью германской экономической и политической сферы влияния. Кажется, пишет далее Н. Гендерсон, пражское правительство в конце концов поймет это. Его надежды — только в прямых переговорах с немцами. Когда в международной комиссии дискутировался вопрос о данных переписи населения 1910 г. и об определении «преимущественно немецкой территории», Н. Гендерсон попросил посланника В. Мاستного не посылать об этом в Прагу никаких донсепий⁴².

Мнение Н. Гендерсона разделялось британскими дипломатами в Центральной Европе, в том числе и Б. Ньютоном в Праге. Показателен случай, о котором докладывал Б. Ньютон 8 октября. Во время визита к Ф. Хвалковскому он встретился там с генералом Л. Крейчи. Тот выразил опасения, что германская армия не остановится на определенной линии, и задал вопрос, как на это должна реагировать чехословацкая армия. Б. Ньютон спокойно ответил, что было бы весьма неразумным, если бы чехословацкая армия оказала сопротивление таким действиям. Это не принесло бы успеха и дало бы Германии повод к агрессии. Ф. Хвалковский с живостью согласился с этим⁴³.

18 октября Э. Галпфакс докладывал британскому кабинету о работе международной комиссии в Берлине. Он сказал, что Н. Гендерсон проделал там полезную работу. Отрадно, что чехи и немцы ныне сами договариваются между собой. В информационном материале, который Э. Галпфакс представил правительству, весьма высоко оценивалось то, что в чешской политике наконец получило перевес антикоммунистическое те-

чение, которое видит будущее страны в тесном союзе с Германией. Следовательно, Германия могла бы, кажется, считаться с чешской приспособляемостью в сфере экономики и внешней политики и согласиться на присутствие Словакии в составе этого зависимого государства ⁴⁴.

Когда спустя неделю министр Бёрджин задал Э. Галифаксу вопрос, правда ли, что немцы перешли демаркационную линию в 300 местах, Э. Галифакс ответил утвердительно. Так, по его мнению, произошло, вероятно, потому, что новая граница была проложена ошибочно, либо просто в результате преднамеренных действий германской армии. Э. Галифакс надеется, конечно без большой веры, что Германия будет вести себя разумно. Британское правительство не привлечено к этому делу, и Э. Галифакс думает, что Чехословакия скорее могла бы достичь благоприятных результатов прямыми переговорами с Германией, чем добиваясь помощи со стороны Англии ⁴⁵.

Может быть, это не британское правительство требовало от Праги капитуляции, обещая гарантии? Меморандум британского министерства иностранных дел по вопросу чехословацких гарантий от ноября 1938 г. открыто высказывает мысль о том, что, собственно говоря, наступила новая ситуация. Так как Чехословакия сближается с Германией и, таким образом, все больше попадает в ее сферу влияния, то гарантии утратили свое значение сдерживающего фактора в отношении Германии ⁴⁶.

Все послеюнхенские документы говорят о британской политике периода сентябрьского кризиса гораздо откровеннее, чем большинство предшествующих материалов, завуалированных завесой политической тактики, шантажа и обмана. Мюнхен явился достижением целей, которые уже формулировались в секретных меморандумах секретариата Чемберлена в 1937 г. Ныне же отпали все тактические соображения, и аморальность британской политики «умиротворения» выступила на поверхность.

В самом начале этой книги мы приводили ряд материалов, в которых намечались будущие пути политики «умиротворения». В заключение приводим один из документов, в котором представлен ретроспективный взгляд на политику, послужившую причиной гибели Чехословакии. Это — пространное изложение, написанное Э. Галифаксом в начале ноября 1938 г. для нужд британского посла в Париже Э. Фиппса ⁴⁷.

Э. Галифакс пишет в нем следующее: не может быть мира в Европе, пока не будет согласия между Францией, Англией и Германией. Одним из главных препятствий для достижения такого согласия была нереалистическая позиция Франции в Центральной и Восточной Европе. Франция посредством сис-

темы альянса оказывала большое влияние на политику центральноевропейских государств. Это являлось постоянным источником беспокойства для Германии. В связи с ростом и становлением могущества Германии и при пренебрежении обороной со стороны Франции эта система альянсов не могла быть эффективной. Впрочем, после заключения мюнхенского соглашения и после крутого изменения французской политики в Центральной Европе франко-германские отношения получили новый импульс.

«С этого момента мы должны считаться с германским господством в Европе. Я всегда думал,— пишет далее Галифакс,— что, как только Германия восстановит свои естественные силы, ее господство станет немпнуемым по причинам географического и экономического характера, и было бы ошибкой пытаться оказывать ей противодействие». В этой ситуации, делает вывод Э. Галифакс, задача Англии и Франции состоит в том, чтобы удержать в Западной Европе свое преимущество, основанное на военной силе. Следует сохранить Средиземноморье и Ближний Восток, а также колониальную империю и тесные связи с США. Наилучшим уроком минувшего кризиса является убеждение, что неразумно базировать внешнюю политику на недостаточной военной силе. Другое дело — разрешить Германии экспансию в Центральную Европу, которая, по мнению Галифакса, является естественной и нормальной. Однако Англия должна оказывать сопротивление германской экспансии в Западную Европу или туда, где это грозило бы подрывом всех ее позиций. Для Англии было бы роковым, если бы она снова была противопоставлена Германии, не имея достаточной собственной силы. Далее Э. Галифакс высказывает опасение, что пораженческие настроения могут настолько сильно захватить Европу, что Англия в конечном счете окажется изолированной перед лицом Германии.

В заключение своего письма Э. Галифакс рассуждает о путях дальнейшего развития. Германия будет консолидировать свои позиции в Центральной Европе. Франция и Англия сделают то же самое в Западной Европе и в колониях. Но имеются и неясные факторы, а именно Польша и Россия. Польша также могла бы стать составной частью германской сферы влияния. Это связано с проблемой германской экспансии в направлении Украины. Франция все еще имеет пакт с Россией, но можно надеяться, что она, если бы и была втянута Россией в войну с Германией, ограничилась бы только своей собственной обороной.

Документ, принадлежащий перу Э. Галифакса, приведен здесь вместо заключения. Он рассказывает о сущности Мюнхена больше, чем работы многих историков. Этот документ снова демонстрирует империалистический колониальный образ

мышления, согласно которому Германия имела естественное право осуществить колонизацию и вассализацию земель, лежащих к востоку от ее границ. А последние фразы письма Э. Галлифакса раскрывают конечные цели мюнхенцев: германо-советская война является возможной и вероятной. Франция хотя и может сохранять союзнический пакт 1935 г., но должна следить за тем, чтобы не быть втянутой в германо-советскую войну.

Антисоветизм и антикоммунизм всегда были неразрывной составной частью политики «умиротворения». Чехословакия заплатила за эту авантюристическую политику потерей своего государственного существования, а ее организаторы взяли на себя ответственность за развязывание второй мировой войны. Таким образом национальная катастрофа Чехословакии стала увертюрой к самой крупной из до сих пор имевших место катастроф в истории человечества. Все это заставляет историка и читателя снова возвращаться к вопросу, который внешне звучит совсем просто: как был утрачен международный мир?

Война не является фатальной необходимостью, и самый малый прогресс на пути познания механизма, ведущего к мировому военному пожару, имеет свою позитивную ценность в жизни человечества.

В конце 1973 г. мюнхенское соглашение окончательно утратило значение правового документа, с которым еще можно было бы связывать территориальные и иные притязания к Чехословакии. На будущее Мюнхен 1938 г. останется для народов Чехословакии историческим уроком. В наиболее общем виде этот урок можно выразить приблизительно так: государственные и национальные интересы Чехословакии совершенно противоположны политике империализма.

Из такого урока следует заключить, что в жизни наших народов не должны иметь места те течения и тенденции, которые подчиняли бы интересы Чехословакии империализму. В истории наших народов были периоды, когда проводилась именно такая политика.

Долг исторической науки — честно помочь читателю составить правильное представление о прошлом. В этом и состояла скромная цель, которую ставил автор при написании данной книги.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AAN-MSZ — Archivum akt nowych. Варшава. Фонд министерства иностранных дел.
- AA-PA — Auswärtiges Amt Bonn, Politisches Archiv. Бонн. Министерство иностранных дел. Политический архив.
- AMAE — Arhiva ministerului afacerilor externe. Бухарест. Архив министерства иностранных дел.
- AMS — Archiv ministerstva spravedlnosti. Прага. Архив министерства юстиции.
- AMZV — Archiv ministerstva zahraničních věcí. Прага. Архив министерства иностранных дел.
- ANM — Archiv Národního muzea. Прага. Архив Национального музея.
- ASB — Archiv Státní banky. Прага. Архив Государственного банка.
- AUML — Archiv Ústavu marxismu-leninismu při ÚV KSČ. Прага. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ.
- ABП СССР — Архив внешней политики СССР. Москва.
- BA Koblenz — Bundesarchiv NSR. Кобленц. Государственный архив ФРГ.
- ЦДИА-МВР — Централен държавен исторически архив. София. Фонд министерства иностранных дел.
- DA Beograd — Diplomatski archiv. Белград. Дипломатический архив.
- DBFP — «Dokuments on british foreign policy 1919—1939». Third series. Vol. I—III (1938—1939). London, 1949—1950.
- DDF — «Documents diplomatiques français, 1932—1939». 2-e série (1936—1939), t. I—VIII. Paris, 1963—1973.
- DZA-AA — Deutsches Zentralarchiv, Potsdam. Fond Auswärtiges Amt. Потсдам. Центральный архив ГДР. Фонд министерства иностранных дел.
- FRUS — «Foreign relations of the United States. Diplomatic papers». Vol. I. General (1929—1939). Washington, 1948—1956. Vol. II. Europe (1929—1939). Washington, 1948—1956.
- IMT — (International Military Tribunal). «Proces des grands criminels de Guerre devant le Tribunal Militaire International», Nurenberg, 1947—1949.
- KPR — Archiv kanceláře presidenta republiky. Прага. Архив канцелярии президента Чехословацкой Республики.
- PISM — Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa.
- PRO-FO — Public Records Office. Fond Foreign Office. Лондон. Государственный архив. Фонд министерства иностранных дел.
- PRO-Cab. — там же. Фонд кабинета министров.
- PRO-PREM — Там же. Фонд канцелярии премьер-министра.
- StA — Státní archiv. Прага. Государственный архив ЧССР.
- SÚA-AA — Státní ústřední archiv. Praha. Fond Auswärtiges Amt. Центральный государственный архив. Прага. Фонд министерства иностранных дел.
- VNA — Vojenský historický archiv. Praha. Военно-исторический архив. Прага.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ

Глава I

1. Thompson L. The Greatest Treason. The Untold Story of Munich. New York, 1968, p. 270—271.
2. Rothstein A. The Munich Conspiracy. London, 1958, p. 260.
3. Ibid., p. 263.
4. Wheeler-Bennet J. W. Munich-Prologue to Tragedy. London, 1963, p. 295—296.
5. PRO-FO, 371—222 88; меморандум посольства в Москве от 11.6.1938.
6. Wendt B. J. München 1938. England zwischen Hitler und Preussen. Frankfurt a. M., 1965, S. 109.
7. DBFP, vol. II. p. 644.
8. Wendt B. J. Op. cit., S. 109.
9. Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous trois républiques. Paris, 1961, p. 244.
10. Robbins K. Munich 1938, London, 1968, p. 306.
11. PRO-FO, 371—222 99; донесение посольства в Москве от 9.2.1938.
12. PRO-FO, 371—222 89; донесение военного атташе из Москвы от 30.5.1938. См. также: PRO-FO, 371—21 776; сообщение посла Чилстона о беседе с Фирлингером 28.6.1938.
13. PRO-FO, 371—21 776; запись беседы полковника Годффри с генералом Стахевичем 10.6.1938.
14. Ibid.; телеграмма английского посла из Варшавы от 10.9.1938.
15. Ibid.; телеграмма английского посла из Варшавы от 14.9.1938.
16. PRO-FO, 371—21 777; телеграмма английского посла из Варшавы от 18.9.1938.
17. DA Beograd, Фонд Стоядиновича; записи бесед с Бенешем в 1937 г.
18. PRO-FO, 371—21 776; донесение английского посланника из Бухареста от 25.8.1938.
19. Ibid.; донесение английского посла из Берлина от 6.9.1938.
20. Ibid.; телеграмма английского посла из Варшавы от 9.9.1938.
21. Ibid.; телеграмма английского посланника из Бухареста от 12.9.1938; телеграмма Форин оффис английской делегации в Женеве от 14.9.1938 с поручением установить, было ли заключено соглашение с СССР о проходе советских войск; донесение английского посла из Рима от 16.9.1938.
22. Noguères H. Munich ou la drôle de paix. Paris, 1963, p. 385.
23. См.: Scott W. E. The responsibility of power. New York, 1967, p. 365.
24. Zgórníak M. Wojskowe aspekty kryzysu czechoslovakiego 1938 roku, Kraków, 1966, s. 132.
25. Ibid., s. 109.
26. Ibid., s. 146.
27. Denkschrift über die tsch. Landesbefestigung. Berlin, 1941, S. 31.
28. Ibid., S. 31—32.

* Источники для данной работы были собраны автором в 1952—1973 гг.

Ссылки на архивные фонды производятся в соответствии с их тогдашними обозначениями.

29. Noguères H. Op. cit., p. 399.
30. Webster Ch. Munich Reconsidered. — В кн.: Loewenheim F. L. Peace or Appeasement? Boston, 1965, p. 189.
31. Zgórníak M. Op. cit., s. 51.
32. IMT. XII, p. 236; показания Гизевлуса.
33. Wendt B. J. Op. cit., S. 110.
34. Ibid., S. 114.

Глава II

1. Feierabend L. Beneš mezi Washingtonem a Moskvou. Washington, 1966, s. 128.
2. Ibid., s. 129.
3. AUML, 32/24e; Бенеш — Громадке 6.9.1942.
4. «Cesta ke Květnu». I, 1, s. 42.
5. Ibid., s. 48.
6. ANM, 31/66; Beneš B. Londýnský deník.
7. Křen J. Do emigrace. Praha, 1966, s. 100.
8. Beneš E. Tři roky druhé světové války. Londýn, 1942, s. 14.
9. Lvoová M. Dvacet let o Mnichovu v naší ideologii a vědě. „Revue dějin socialismu», 3/1969, s. 350.
10. Ibid., s. 358.

Глава III

1. PRO-FO, 371—22897; меморандум от 9.12.1938.
2. SÚA, записи Рипки его бесед с Бенешем.
3. PRO-FO, 800—311; Фиппс — Галифаксу 14.9.1938.
4. Ibid.; Фиппс — Галифаксу 16.9.1938.
5. Ibid.; Фиппс — Галифаксу 17.9.1938.
6. Ibid.; Ванситтарт — Галифаксу 17.9.1938.
7. PRO-FO, 371—21 774; донесение Ньютона из Праги от 19.9.1938.
8. Beneš E. Mnichovské dny. Praha, 1968, s. 252—258.
9. Переговоры Э. Бенеша с Я. Масариком и Ш. Осуским были в Германии подслушаны и их запись 29 сентября передана Г. Вильсону. Находятся в фондах Форин оффис (PRO-FO, 371—21 742).
10. Ibid.; телефонный разговор 14.9.1938 в 21 час 49 минут.
11. Ibid.; телефонный разговор 16.9.1938 в 11 часов 45 минут.
12. PRO-FO, 371—21 739; Масарик — Галифаксу 18.9.1938 в 15 часов 45 минут.
13. ANM, 31/66; Beneš B. Londýnský deník; запись от 18.9. 1938.
14. PRO-FO, 371—21 742; телефонный разговор 19.9.1938 в 13 часов 20 минут.
15. AMZV, dep. D/836; телеграмма из Лондона 19.9.1938 в 14 часов 35 минут.
16. PRO-FO, 371—21 738; Форин оффис — Ньютоу 19.9.1938 в 11 часов 30 минут.
17. PRO-FO, 371—21 739; донесение Ньютона из Праги 19.9.1938 в 21 час 10 минут.
18. PRO-FO, 371—21 738; Форин оффис — Ньютоу 19.9.1938 в 14 часов 25 минут.
19. PRO-FO, 371—21 739; донесение Ньютона из Праги 19.9.1938 в 19 часов 35 минут.
20. Webster Ch. Op. cit., p. 184; Feiling K. The Life of N. Chamberlain. London, 1949, p. 378.
21. PRO-FO, 800—314; Ванситтарт — Галифаксу 16.9.1938.
22. PRO-FO, 371—21 739; записка Саржента от 18.9.1938.
23. PRO-FO, 371—21 738; донесение Ньютона из Праги 19.9.1938 в 11 часов 40 минут.

24. Ibid.; Форин оффис — Ньютону 19.9.1938 в 14 часов 15 минут.
25. Ibid.; Форин оффис — Фиппсу в Париж 19.9.1938 в 10 часов 20 минут.
26. PRO-FO, 371—21 739; донесение Ньютона из Праги 19.9.1938 в 18 часов 40 минут.
27. Ibid.; донесение Фиппса из Парижа 19.9.1938 в 19 часов.
28. «Právo lidu», 20.9.1938.
29. Beneš E. Tři roky druhé světové války, s. 15.
30. PRO-FO, 371—21 739; донесение Гендерсона из Берлина от 19.9.1938.
31. PRO-FO, 371—21 770; донесение Ньютона из Праги от 19.9.1938.
32. «Historie a vojenství», Praha, 1969, s. 677, paměti F. Ježka.
33. Ibid., s. 684.
34. Ibid.
35. PRO-FO, 371—21 742; телефонный разговор 19.9.1938 в 19 часов.
36. Beneš E. Tři roky druhé světové války, s. 20.
37. Ibid., s. 15.
38. Ibid., s. 14.
39. PRO-FO, 371—21 739; донесение Ньютона из Праги 19.9.1938 в 20 часов 25 минут.
40. AMAE, 71/1938 C₇ Vol. 4; донесение Круцеску из Праги от 19.9.1938.
41. AMZV, dep. D 839 (16.38), 845 (17.20)/19.9.1938; телеграммы, полученные из Парижа 19.9.1938.
42. ANS, Státní rada, Londýn; пленарное заседание 11.3.1942.
43. Chtěli jsme bojovat. II dok. č. 403.
44. Beneš E. Tři roky druhé světové války, s. 14; сообщение Рашина, ноябрь 1938.
45. AMZV, dep. D 840/19.9.1938; телефонограмма из Парижа.
46. AUML, f. 39; Осуский — Бенешу 4.10.1938.
47. PRO-FO, 371—21 745; протокол англо-французских переговоров 18.9.1938.
48. AMAE, 71/1938/C₇ Vol. 4; донесение Григорча из Лондона от 19.9.1938.
49. FRUS, 1938, vol. I, p. 620; донесение Буллита из Парижа от 19.9.1938.
50. Noguères H. Op. cit., p. 372.
51. Montigny J. La France devra-t-elle faire la guerre pour la Tchécoslovaquie? Le Mans, 1938, p. 167.
52. Celovsky B. Das Münchener Abkommen von 1938. Stuttgart, 1958, S. 353.
53. AMZV, dep. D 832/19.9.1938; телеграмма получена в 13 часов.
54. AMZV, dep. D 846/19.9.1938; телеграмма получена в 20 часов 20 минут.
55. PRO-FO, 371—21 777; донесение Фиппса из Парижа от 19.9.1938. См. также: ЦДИА-МБР 176/7/586; донесение Антонова из Москвы от 19.9.1938.
56. DA Beograd; донесение посланника из Рима от 19.9.1938.
57. Ibid.; циркулярная депеша Стоядиновича 1866/19.9.1938.
58. AUML; 20—83.
59. «Historie a vojenství». 1969, s. 680; беседа Ежека с Беншем 30.3.1938.
60. Новые документы из истории Мюнхена. М. 1958, с. 99.
61. Beneš E. Mnichovské dny, s. 316 и далее.
62. Ripka H. Munich: Before and After. London, 1939, p. 83, 145, 146.
63. Křen J. — В кн.: Národní fronta a komunisté. Praha, 1969, s. 410; Křen J. Do emigrace, s. 53; Protokol konference k 50. výročí CSR, sv. II, s. 188, 190 (Klípa, Hyndrák); Lvoň M. — В кн.: «Revue dějin socialismu», 1969, s. 352—355.

64. SUA — PP, p. 87/23.
65. Ibid.
66. Nové dokumenty k historii Mnichova. Praha, 1958, s. 82.
67. PRO-FO, 371—21 739; Форин оффис — Гендерсону 19.9.1938 в 11 часов 30 минут.
68. AMZV, Bílá kniha o Mnichovu. Dokument č. 3.
69. Hoare S. Neun bewegte Jahre. Düsseldorf, 1955, S. 282.
70. PRO-FO, 371—21 739; сообщение Фиппса из Парижа 19.9.1938 в 23 часа 40 минут.
71. Webster Ch. Op. cit., p. 183.
72. Gauché. Le deuxième bureau au travail. Paris, 1953, p. 71.
73. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₄; донесение Папэ из Праги от 19.9.1938.
74. DA Beograd; донесение посланника из Берлина от 19.9.1938.
75. Chudek J. Wrześniowy krzyżys czechosłowacki 1938 r. w raportach amb. Lipskiego. Warszawa 1958. (Инструкция Бека от 19.9.1938 и донесение Липского от 20.9). PRO-FO, 371—21 776; запись беседы Галифакса с Рачинским 13.9.1938.

Глава IV

1. Fabre-Luce A. Histoire secrète de la conciliation de Munich. Paris, 1938, p. 54.
2. Montigny J. Op. cit., p. 169; Benoist-Méchin. Histoire de l'armée allemande. V. Paris, 1965, p. 404.
3. AMZV, Krofta; запись телефонограммы от 20.9.1938 в 0 часов 10 минут.
4. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₅; донесение Лукасевича из Парижа от 20.9.1938.
5. DBFP, vol. II, p. 422; донесение Фиппса из Парижа 20.9.1938 в 19 часов 45 минут.
6. PRO-Cab., 23/95; заседание правительства 21.9.1938.
7. «Historie a vojenství», 1969, s. 685.
8. Benes E. Tři roky druhé světové války, s. 14.
9. DA Beograd, č. 1896/20.9.1938; депеша из Праги.
10. ЦДИА-МБР, 176/7/586; донесение Балабанова из Праги от 20.9.1938.
11. SUA-AA, 17 991; донесение Генке из Праги от 20.9.1938.
12. DA Beograd, č. 1896—20.9.1938; донесение из Праги.
13. PRO-FO, 371—21 739; сообщение Ньютона из Праги от 20.9.1938, принято в Лондоне в 12 часов 30 минут.
14. SUA-AA, 195 867, 17 991; донесение Генке из Праги от 20.9.1938.
15. AMZV, Bíla kniha o Mnichovu, dok. č. 4; запись Крно 20.9.1938 в 10 часов 45 минут.
16. PRO-FO, 371—21 742; телефонный разговор Масарика с Бенешем 21.9.1938 в 20 часов 05 минут.
17. AKPR, D 9800/1457/38.
18. AÜML, EB II, kr. H. Ripka; письмо от 20.9.1938.
19. PRO-FO, 371—21 777; сообщение Фиппса из Парижа от 20.9.1938.
20. AMZV, dep. D 858/20.9; телеграмма из Москвы.
21. PRO-FO, 371—21 777; донесение Чилстона из Москвы от 20.9.1938.
22. PRO-FO, 371—21 740; донесение Гендерсона из Берлина от 20.9.1938.
23. «The Times», 20.9.1938.
24. «The Daily Telegraph and Morning Post», 20.9.1938.
25. «Historie a vojenství», 1969, s. 686.
26. Ripka H. Four Days, Ed. b. M. Killanin. London, 1938, p. 82.
27. AMAE, 71/1938/C₇Vol₄; Круцеску из Праги 20.9.1938 в 13 часов 15 минут.
28. FRUS, 1938, vol. I, p. 627; донесение Буллита из Парижа от 20.9.1938.

29. AMZV, Krofta; записи Смутного от 20.9.1938.
30. PRO-FO, 371—21 739; донесение Фиппса из Парижа 20.9.1938 в 14 часов 15 минут, приложена запись разговора Стрэнга с Ньютоном.
31. AMZV, dep. D 853/20.9.1938; телеграмма получена в 15 часов.
32. SÚA-AA, 17 998; депеша Генке из Праги 20.9.1938 в 16 часов 05 минут.
33. «Historie a vojenství», 1969, s. 687.
34. FRUS, 1938, vol. I, p. 626.
35. АКРР — Т, 2016; запись Сobotы от 20.9.1938 о сообщении посольства в Лондоне: «Передай, пусть добьется этого любой ценой. Мы здесь работаем главным образом в лейбористской партии».
36. Procházk a T. V předvečer války. Praha, 1945, s. 203.
37. AMZV, dep. D 850/20.9.1938; депеша в 10 часов 42 минуты из Лондона.
38. BA Koblenz, ZSg 101/11; донесение из Лондона от 20.9. 1938.
39. Ibid.
40. PRO-FO, 800/309; Гендерсон — Галифаксу 20.9.1938.
41. PRO-FO, 371—21 739; Саргент 20.9.1938.
42. PRO-Cab., 27/646; протокол заседания правительственного комитета 20.9.1938.
43. SÚA-AA, 126 163; запись Вейдцекера от 20.9.1938.
44. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₅; донесение Липского из Берлина от 20.9.1938.
45. BA Koblenz, ZSg 102/12; директива прессе 20.9.1938.
46. PRO-FO, 371—21 778; донесения из Софии от 8.11 и 15.10.1938.
47. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₅; донесение Папэ из Праги от 20.9.1938.
48. «Historie a vojenství», 1969, s. 689.

Глава V

1. PRO-FO, 371—21 739; сообщение Ньютона из Праги 20.9.1938 в 20 часов.
2. Bonnet G. De Munich à la guerre. Paris, 1967, p. 158.
3. Ibid., p. 158, 246; Laffan R. G. D. The Crisis over Czechoslovakia. January to September 1938. Oxford, p. 360; Benoist-Méchin. Op. cit., p. 416.
4. Сообщение румынского посланника Круцеску из Праги от 23.9.1938 (AMAE, 71/1938/C₇ Vol. 4). Подобными данными располагал и польский посланник Папэ. Боннэ после войны в показаниях французской следственной комиссии признал, что Гамелен поддерживал контакты с чехословацким генеральным штабом (Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945, t. IX. Paris, 1951, p. 2636).
5. DA Beograd, I 1908/20.9.1938; донесение посланника из Праги.
6. Ripka H. Four Days, p. 80.
7. PRO-FO, 371—21 739; сообщение Ньютона из Праги 20.9.1938 в 23 часа 15 минут.
8. Ripka H. Four Days, p. 88.
9. Wheeler-Bennet J. W. Op. cit., p. 124; Mason A. M. La crise internationale de septembre 1938. Paris, 1938, p. 32.
10. FRUS, 1938, vol. I, p. 629; сообщение Кэрра из Праги от 20.9.1938.
11. PRO-FO, 371—21 739; сообщение Гендерсона из Берлина 20.9.1938 в 0 часов 45 минут.
12. Ibid.; донесения Фиппса из Парижа 20.9.1938 в 19 часов 45 минут и в 20 часов 30 минут.
13. Maughan. The Truth about the Munich Crisis. London, 1944, p. 42.
14. Thompson L. The Greatest Treason, p. 175.
15. PRO-FO, 371—21 739; донесение Ньютона 20.9.1938 в 20 часов.
16. SÚA-AA, 127 172; донесение Генке из Праги 21.9.1938 в час ночи.

17. AMAE, 71/1937/C₇ Vol. 4; донесение Круцеску из Праги 20.9.1938 в 20 часов 20 минут.
18. AÜML, Beneš E. Mnichov 1; запись беседы Смутного с де Лакруа 30.4.1939.
19. Les Evénements, II, p. 268; показания де Лакруа 16.3.1948.
20. AÜML, Gottwald VI/5; беседа с Бенешем 13.12.1943.
21. «Historie a vojenství», 1969, s. 691.
22. Beneš E. Mnichovské dny, s. 285.
23. Laffan R. G. D. Op. cit., p. 359.
24. PRO-FO, 371—21 739; телеграмма Ньютона 21.9.1938 в 22 часа 45 минут.
25. AÜML, Beneš E. Mnichov 1; черновик письма Годже 1943.
26. Bonnet G. De Munich, p. 249.
27. Noguères H. Op. cit., p. 151.
28. Montigny J. Op. cit., p. 169.
29. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания правительства 21.9.1938 в 15 часов.
30. PRO-FO, 371—21 739; сообщение Фиппса из Парижа 21.9.1938 в 0 часов 20 минут.
31. Ibid.
32. Thompson L. Op. cit., p. 176.
33. Benoist-Méchin. Op. cit., p. 420.
34. Beneš E. Mnichovské dny, s. 259.
35. «Historie a vojenství», 1969, s. 690.
36. AMZV, Krofta; запись о ночном демарше 21.9.1938.
37. AÜML, Beneš E. Mnichov 3; запись о ночном демарше 21.9.1938.
38. Benoist-Méchin. Op. cit., p. 421.
39. PRO-FO, 371—21 740; донесение Ньютона из Праги 21.9.1938 в 20 часов 50 минут; пометки Роберта от 22.9.1938.

Глава VI

1. AMAE, 71/1938/C₇ Vol. 4; Круцеску из Праги 21.9.1938 в 14 часов 35 минут.
2. DBFP, vol. II, p. 439; донесение Ньютона из Праги от 21.9.1938.
3. «Historie a vojenství», 1969, s. 695.
4. Ibid., s. 698.
5. Ibid., s. 699—700.
6. ANS, SR, протокол заседания политического совета 25.3.1941.
7. SÚA-PMR, протокол заседания правительства 21.9.1938.
8. FRUS, 1938, I, p. 630; донесение Буллита из Парижа утром 21.9.1938.
9. Buk P. La tragédie tchécoslovaque. Paris, 1939, p. 55; Strang W. — В кн.: Loewenheim F. L. Op. cit., p. 144.
10. PRO-FO, 371—21 740; запись Маллеты 21.9.1938.
11. Majskij J. Mnichovské drama. Moskva, 1972, s. 51.
12. Namier L. B. Europe in Decay. London, 1950, p. 284; письмо Бенеша от 20.4.1944.
13. Beneš E. Mnichovské dny, s. 322.
14. «Právo lidu», 25.9.1938; Beneš E. Op. cit., s. 265; Lvová M. Mnichov a Edvard Beneš. Praha, 1968, s. 139.
15. Beneš E. Tři roky, s. 126; речь в Государственном совете, ноябрь 1941.
16. Mnichov. Vzpomínková kronika. Praha, 1969, s. 199.
17. Beneš E. Mnichovské dny, s. 266.
18. AKPR, запись Смутного 30.12.1940.
19. Beneš E. Mnichovské dny, s. 264; Ripka H. Four Days, p. 83.
20. Lvová M. Mnichov a Edvard Beneš, s. 215.
21. Beneš E. Tři roky, s. 21.

22. Например, в интервью Э. Манн, которое опубликовали американские газеты 18 и 19 апреля 1939 г. «NYHT», «Washington Post», «The Chicago Daily News».

23. «Svornost» (Chicago), 19.4.1939.

24. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Москва, 1971, с. 81; Александровский из Праги 17.11.1938.

25. AKPR; запись Смутного 5.7.1941.

26. Eubank K. Munich. Oklachoma, Norman, 1963, p. 150.

27. Beneš E. Úvahy o slovanství. Praha, 1947, s. 245—247.

28. Beneš E. Mnichovské dny, s. 318—321.

29. Ibid., s. 281; Beneš E. Tři roky, s. 115—116.

Глава VII

1. Noguères H. Op. cit., p. 153.

2. PRO-FO, 371—21 742; телефонный разговор Прага — Париж 21.9.1938 в 8 часов.

3. PRO-FO, 371—21 740; сообщение французского посольства о беседе Бенеша с де Лакруа 21.9.1938.

4. Noguères H. Op. cit., p. 154.

5. Montigny J. Op. cit., p. 169.

6. AMZV, kab. 3289; запись Йна от 21.9.1938.

7. PRO-FO, 371—21 742; телефонный разговор Осуцкого с Бенешем 21.9.1938 в 10 часов 32 минуты.

8. AMZV, dep. D/864/21.9.1938; телефонограмма из Парижа в 10 часов 35 минут.

9. AMZV, Krofta 3; депеша Осуцкому от 21.9.1938.

10. PRO-FO, 371—21739; сообщение Ньютона 21.9.1938 в 14 часов 10 минут.

11. Benoist-Méchin. Op. cit., p. 421.

12. Benoist-Méchin. Op. cit., p. 422; Monnet G. La Quai d'Orsay, p. 214; Laffan R. G. D. Op. cit., p. 363; Wheeler-Benet J. W. Op. cit., p. 124—125; Seton-Watson R. W. From Munich to Danzig London, 1939, p. 70.

13. AMZV, dep. D/1150/14.10.1938; телеграмма из Парижа.

14. FRUS, 1938, vol. I, p. 632; донесение Буллита из Парижа от 21.9.1938.

15. DBFP, vol. II, p. 440.

16. Ibid., p. 441.

17. AUML, Beneš E. Mnichov 3; запись о демарше 21.9.1938 в 12 часов.

18. Beneš E. Mnichovské dny, s. 274.

19. AURO-OSC; заседание центрального совета профсоюзов 22.9.1938.

20. Beneš E. Mnichovské dny, s. 271.

21. Benoist-Méchin. Op. cit., p. 422.

22. PRO-FO, 371—21741; запись Кадогана 21.9.1938.

23. AMZV, Krofta; запись Смутного 21.9.1938 в 17 часов.

24. Thompson L. Op. cit., p. 178.

25. PRO-FO, 371—21742; телефонограмма Масарика в Прагу 21.9.1938 в 17 часов 51 минуту.

26. Sipols V. — Charlamov M. Vor dem zweiten Weltkrieg. Moskva, 1973, s. 221.

27. «Известия», 21.9.1938.

28. Churchill W. S. La deuxième guerre mondiale, t. I. Paris, 1948, p. 311.

29. Walters F. P. A History of the League of Nations. London, 1952, p. 783.

30. «Svornost» (Chicago), 16.3.1939.

31. AKPR, T 109/42; запись Климента от 9.5.1942.

32. AKPR, T 328/41.
33. AMZV, Krofta; черновик ответа; два варианта Белой книги о Мюнхене.
34. «Rudé Právo», 21.9.1938.
35. SUA — PP, P 87/33; листовка от 21.9.1938.
36. PRO-FO 371—21578; донесение Ньютона от 23.9.1938.
37. AMZV, kab. 3290; запись Йна от 21.9.1938.
38. SUA-PP, P 87/33; листовка КПЧ от 21.9.1938.
39. «Lidové poviny», 21.9.1938.
40. PRO-FO, 371—21745; сообщение Ньютона 21.9.1938 из Праги в 12 часов 45 минут.
41. AMAE, 71/1938/C₇ Vol. 4; донесение Дьювара из Берлина от 21.9.1938.
42. Ripka H. Munich: before and after, p. 108.
43. PRO-FO, 371—21775; Форин оффис — Ньютону 21.9.1938 в 18 часов 50 минут.
44. PRO-FO, 371—21740; донесение Ньютона 21.9.1938 в 20 часов 45 минут.

Глава VIII

1. Robbins K. Op. cit., p. 249.
2. PRO-Cab., 24/279; запись полковника Фрейзера о переговорах о французским генеральным штабом 21.9.1938.
3. PRO-FO, 371—21739; депеша Гендерсона из Берлина 21.9.1938 в 13 часов 45 минут.
4. DBFP, vol. II, p. 451.
5. Bonnet G. Le Quai d'Orsay..., p. 208.
6. BA Koblenz, ZSg 102/12; пресс-конференция и директивы министерства пропаганды 21.9.1938.
7. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₅; донесение Орловского из Будапешта от 21.9.1938.
8. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₁; донесение Рачинского из Лондона от 23.9.1938.
9. Majskij I. Mnichovské drama, s. 52—53.
10. PRO-PREM, I—264; запись о переговорах Галифакса с лейбористами 21.9.1938.
11. Majskij I. Op. cit., s. 54.
12. «The Times», 21.9.1938.
13. «Daily Mail», 21.9.1938.
14. «New Statesman and Nation», 21.9.1938.
15. FRUS, 1938, vol. I, p. 632; донесение Кеннеди из Лондона от 21.9.1938.
16. BA-NS, 10/88; агентурное сообщение из Лондона от 21.9.1938.
17. SUA-AA, 10/195 788; донесение посольства в Лондоне от 21.9.1938.
18. PRO-Cab., 27/646; протокол заседания правительственного комитета 21.9.1938 в 10 часов 30 минут.
19. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания правительства 21.9.1938 в 15 часов.
20. FRUS, 1938, vol. I, p. 631; депеша Кеннеди из Лондона 21.9.1938 в 16 часов.
21. PRO-FO, 371—21741; пометки Галифакса на письме Ренсимена от 21.9.1938.
22. PRO-FO, 371—21782; меморандум о плебисците от 21.9.1938.

Глава IX

1. AUML, Beneš E. Mnichov I; запись доктора Шизла от 22.9.1938; AMZV, Krofta; запись от 22.9.1938.
2. Archiv Čs. strany soc.; протокол заседания президиума национально-социалистической партии 22.9.1938.

3. AUML, 48/1288; протокол заседания фракции социал-демократической партии 14.9.1938.
4. PRO-FO, 371—21579; донесение Ньютона от 22.9.1938.
5. SÚA-PMV, XL/12.
6. «Rudé právo», 22.9.1938.
7. «Rudé právo», 23.9.1938.
8. Кореску V. KSC a CSR. Praha, 1960, s. 269.
9. «Rudé právo», 22.9.1938.
10. AMZV, II, 461; сообщение МВД от 22.9.1938.
11. SÚA-PMR, протокол заседания правительства 30.9.1938 в 9 часов.
12. «Комсомольская правда», 24.9.1938.
13. AMS, показания П. Дртины 8.2.1949.
14. «Комсомольская правда», 24.9.1938.
15. «Rudé právo», 27.9.1938.
16. «České slovo», 22.9.1938.
17. «Večerní České slovo», 22.9.1938.
18. STA Brno, ZÚ 17942/38; сообщение о собрании уполномоченных Профсоюзного объединения Чехословакии 22.9.1938.
19. Archiv Čs. strany soc.; заседание президиума национально-социалистической партии 22.9.1938.
20. AURO-OSC; заседание центрального совета профсоюзов 22.9.1938 в 15 часов.
21. AMZV, zaznamy telefonatu; телефонограмма из Лондона 22.9.1938 в 10 часов 45 минут.
22. Ibid.; телефонограмма из Лондона 22.9.1938 в 22 часа.
23. Thompson L. Op. cit., p. 185.
24. «Příspěvky k dějinám KSC», № 6, s. 864; Димитров — Мануильскому, Москвину, Куусинену 22.9.1938.
25. PRO-FO, 371—21742; запись телефонного разговора Масарика с Бенешем 22.9.1938 в первой половине дня.
26. Ibid.; сообщение Лисицкого и Каллы в Прагу 22.9.1938.
27. AMZV, dep D/890/23.9.1938; телеграмма из Варшавы.
28. AKPR, D 10428/38; запись Шизла от 23.9.1938.
29. AMZV, sluzba O; телефонограмма из Парижа 23.9.1938 в 21 час 30 минут.
30. Noguères H. Op. cit., p. 159—160.
31. Reynaud P. Au cœur de la mêlée 1930—1945. Paris, 1951, p. 271; Reynaud P. La France a sauvé l'Europe. Paris, 1947, p. 562; Reynaud P. Memoires, t. II. Paris, 1963, p. 209.
32. AMZV, Krofta; запись о сообщении Смутного 23.9.1938.
33. AMS, показания П. Дртины 8.3.1949.
34. AUML, 48/298; запись Дерера в бумагах правления социал-демократической партии 24.9.1938. См. также цитированный выше черновик ответа Бенеша Осускому (AMZV, Krofta; soubor dokumentu pro Bilou knihu).
35. AMZV-kab, неразобранное; сообщение о беседе с Франсуа-Попсе 9.1.1939.
36. PRO-FO, 371—21579; сообщение Ньютона 22.9.1938 в 19 часов 30 минут.
37. Kral V. Politické strany a Mnichov. Praha, 1961, s. 149.
38. ASB, Agrární banka; протокол заседания административного совета 22.9.1938.
39. PRO-FO, 371—21579; донесение Ньютона от 23.9.1938.
40. Krofta K. Z dob naší první republiky. Praha, 1939, s. 325.
41. Kral V. Op. cit., s. 169.
42. BA Koblenz, ZSg 102/12; пресс-конференция 22.9.1938.
43. AKPR, T 2014/38; запись Шамалы от 23.9.1938.

44. Benoist-Méchin. Op. cit., p. 441; см. также сообщение Круцеску от 22.9.1938 в 20 часов 45 минут (АМАЕ — 71/1938 С₇ Vol. 4).
45. АУМЛ, 71/6; протокол заседания исполкома социал-демократической партии 25.10.1938.
46. Ripka H. Op. cit., p. 142; AMS, proces J. Tiso; протокол допроса, с. 85.
47. BA Koblenz, ZSg 102/12; инструктаж прессы 22.9.1938.
48. DGFP, s. 2, vol. II, p. 894, 921; SUA-AA, 17941, 126244; допесения Генке из Праги 23 и 24.9.1938.
49. PRO-FO, 371—21579; донесение Ньютона от 23.9.1938.
50. PRO-FO, 371—21740; донесение Ньютона от 23.9.1938.
51. Laffan R.G.D. Op. cit., p. 368; Documents on International Affairs, 1938, vol. II, p. 282.
52. Mnichov. Vzpomínková kronika, s. 394; АУМЛ, 20/85; доклад Готвальда в ИККИ; Ibid., 20/181; реферат в ИККИ 14.1.1939.
53. Kral V. Op. cit., s. 151.
54. SUA-PZU, 8/11/12/8; сообщение о заседании партактива в Пльзене 22.9.1938.
55. SUA-PMR, заседание правительства 22.9.1938 в 19 часов 45 минут.
56. Ripka H. Op. cit., p. 112; Laffan R.G.D. Op. cit., p. 368; Eubank K. Op. cit., p. 150.
57. Namier L. Op. cit., p. 284; PRO-FO, 371—21777; донесение Кеннарда из Варшавы от 22.9.1938.
58. АУМЛ, 48/1288; запись Йозефа Мадека о беседе с Бехине 18.8.1947.
59. «Národní listy», 23.9.1938.
60. АМАЕ, 71/1938, С₇ Vol. 4; донесение Круцеску из Праги 23.9.1938 в 14 часов 45 минут.

Глава X

1. BA Koblenz, ZSg 101/11; агентурное сообщение из Лондона 22.9.1938.
2. Thompson L. Op. cit., p. 184.
3. «The Times», 22.9.1938.
4. «The Daily Telegraph and Morning Post», 22.9.1938.
5. PRO-FO, 371—21772; информация Форин оффис для делегации в Женеве 23.9; «The Times», 22.9.1938.
6. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. New York, 1948, vol. I, p. 590.
7. Ciano's diplomatic Papers. London, 1947, p. 235.
8. Dirksen H. Moskau — Tokio — London. Stuttgart, 1949, S. 232;
- Hesse F. Das Spiel um Deutschland. München, 1953, S. 148.
9. SUA-AA, 19584; запись Кордта от 22.9.1938.
10. PRO-PREM, 1/266 A; послание Бенеша 22.9.1938.
11. «Spectator», 23.9.1938.
12. АМАЕ, 71/1938 С₇ Vol. 4; депеша Григорча из Лондона 22.9.1938 в 18 часов 15 минут.
13. PRO-FO, 371—21740; Галифакс — Финпсу 22.9.1938.
14. SUA-AA, 199014; запись о переговорах в Годесберге 22.9.1938.
15. PRO-Cab., 27/646; заседание правительственного комитета 22.9.1938.
16. Noguères H. Op. cit., p. 163.
17. SUA-AA, 195633.
18. PRO-Cab., 23/95.
19. SUA-AA, 199046.
20. Eubank K. Op. cit., p. 165.

21. PRO-Cab., 24/279; запись Галифакса о сообщении Корбэна 23.9.1938.
22. Ibid.; запись Галифакса о сообщении Корбэна в 22 часа.
23. PRO-FO, 371—21740; Галифакс — Чемберлену 23.9.1938 в 22 часа.
24. SUA-AA, 126236; донесение Кордта из Лондона от 23.9.1938.
25. Beneš E. Mnichovské dny, s. 293—294.
26. AKPR, T 2060/38; запись Смутного 23.9.1938 в 20 часов 30 минут.

Глава XI

1. PRO-Cab., 24/279; записка Фрезера о сообщении генерала Дентца 22.9.1938.
2. PRO-Cab., 27/646; протокол заседания правительственного комитета 22.9.1938 в 15 часов.
3. PRO-FO, 371—21775; Форин оффис — Фиппису 22.9.1938 в 17 часов 15 минут.
4. PRO-Cab., 27/646; заседание правительственного комитета 22.9.1938 в 21 час 30 минут.
5. PRO-FO, 371—21740; сообщение от 23.9.1938.
6. PRO-FO, 371—21742; телефонный разговор Масарика с Бенешем 23.9 в 11 часов 05 минут.
7. PRO-Cab., 24/279; заседание комитета обороны империи 23.9.1938.
8. E u b a n k K. Op. cit., p. 166.
9. PRO-Cab., 27/646; заседание правительственного комитета 23.9.1938 в 15 часов.
10. DBFP, vol. II, p. 483.
11. PRO-Cab., 27/646; заседание правительственного комитета 23.9.1938.
12. DBFP, vol. II, p. 492.
13. AMZV, 11 461; сообщение МВД от 23.9. 1938.
14. PRO-FO, 371—21740; донесение Ньютона от 23.9.1938.
15. AMZV, Krofta; запись Крно 23.9.1938 в 17 часов 15 минут.
16. Ibid.
17. Beneš E. Mnichovské dny, s. 292.
18. AMZV, III — 1404.
19. SUA-PMR; заседание правительства 23.9.1938 в 20 часов.
20. AKPR, T 2060/38; запись Смутного 23.9.1938 в 20 часов 30 минут.
21. PRO-FO, 371—21775; сообщение Ньютона из Праги 23.9.1938 в 23 часа.
22. DBFP, vol. II, p. 493; сообщение Фиппса британской делегации в Годесберге от 23.9.1938.
23. Ripka H. Munich, p. 92.
24. AMZV, dep. 0/411—A/38; депеша 23.9.1938 в 23 часа 50 минут.
25. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₆; донесение Папэ из Праги от 24.9.1938.
26. PRO-FO, 371—21770; заметки Форин оффис 24.9.1938; VHA-hl. št. 1938 67 2/6.
27. VHA-MNO, hl. št. 1. odd. čj. 116 taj. 38; решение от 24.9.1938.
28. VHA, hl. št. 1939 32 34/3—11.
29. VHA-MNO, 1. odd. 1939, čj. 1313 taj.
30. Les Evénements en France, t. I, p. 29; показания Даладье.
31. BA Koblenz, ZSg 102/12; DNB Rundruf 23.9; инструктаж прессы 24.9.1938.
32. PRO-FO, 371—21776; сообщение Ньютона из Праги от 1.11.1938.
33. VHA-MNO, hl. št. 1. odd. 1939, čj. 1313 taj.; реферат от 31.1.1939.
34. «Zeitschrift f. Geschichtswissenschaft», 1968, N 8, S. 1039; воззвание Коммунистической партии Германии 24.9.1938.
35. ЦДИА — МВР — 176/7/531; донесение Антонова из Москвы от 29.9.1938.
36. AMZV, dep. D/904/24.9; депеша из Москвы в 15 часов 31 минуту.
37. «Rudé právo», 23.9.1938.

38. SÚA-PP, p. 87/23; сообщение о заседании ЦК КПЧ 24—25.9.1938.
39. «Rudé právo», 24.9.1938.
40. Robbins K. Op. cit., p. 264.
41. «Rudé právo», 18.10.1938; Butler. The Art of the Possible. London, 1971, p. 71.
42. Л. Фейерабенд (Z vlády doma do vlády v exilu. New York, 1964, s. 71) приводит заявление Э. Фирлингера, сделанное им в 1940 г. о том, что Советский Союз был готов помочь и без Франции, но чехословацкое правительство отклонило советскую помощь. Там же, с. 130, приводятся заявления Бенеша и Опоченского, что Советский Союз предлагал помощь и без Франции. В «Slovensky hlasnik» (25.12.1941) М. Годжа писал, что после Годесберга Советский Союз был готов оказать помощь Чехословакии и без Франции, сверх своих договорных обязательств.
43. PRO-FO, 371—22903; отчет британского посольства за 1938 г.

Глава XII

1. Documents on International Affairs, 1938, II, p. 234.
2. BA — Koblenz, ZSg 102/12; инструктаж прессе 24.9.1938, SÚA-AA, 18997; Верман — посольству в Праге 24.9.1938.
3. PRO-FO, 371—21740; донесение Фиппса из Парижа от 24.9.1938.
4. Ibid.; записка Ванситтарта 24.9.1938.
5. Gamelin M. Servir. t. II. Le prologue du drame (1930 — aout. 1938). Paris, 1947, p. 360.
6. FRUS, 1938, vol. I, p. 641; Hull C. Op. cit., p. 590.
7. AMZV, dep. D 908/24.9.1938; депеша из Парижа.
8. PRO-FO, 371—21742; телефонный разговор Масарика с Бенешем 24.9.1938 в 11 часов 24 минуты.
9. AMZV, rukopis Bílé knihy; dok. č. 19.
10. AMZV, Krofta; черновик депеши в Париж и Лондон 24.9.1938.
11. AMZV, dep. D/899/24.9.1938; депеша из Женевы.
12. AMZV, Krofta; черновик текста чехословацкого протеста в Лигу наций, составленный Бенешем.
13. AMZV, dep. O/1312/24.9.1938.
14. Thompson L. Op. cit., p. 202.
15. AMZV, Krofta; запись беседы с Ньютоном 24.9.1938 в 19 часов.
16. AMZV, dep. D/915/24.9.1938; депеша из Лондона.
17. PRO-FO, 371—21740; донесение Гендерсона от 24.9.1938.
18. SÚA-AA, 17948; донесение Генке из Праги от 24.9.1938.
19. «Observer», 24.9.1938.
20. PRO-Cab., 27/646; заседание правительственного комитета 24.9.1938 в 15 часов 30 минут.
21. PRO-Cab., 23/95; правительство 24.9.1938 в 17 часов 30 минут.
22. Hull C. Op. cit., p. 590.
23. PRO-Cab., 24/279; записка министра по делам доминионов о позиции Австралии 24.9.1938.

Глава XIII

1. Wheeler-Bennet J. W. Op. cit., p. 295.
2. Hoare S. Op. cit., S. 263.
3. AMZV, III 1402; донесение Дворника из Англии от 18.11.1939.
4. PRO-FO, 371/22289; Осборн из Ватикана 4.11.1938.
5. «Raynolds News», 1.10.1938.
6. SÚA-AA, 212769; донесение Шуленбурга из Москвы от 26.9.1938.
7. PRO-FO, 800—322; Черчилль — Галифаксу 3.9.1938.
8. Ibid.; Галифакс — Черчиллю 5.9.1938.
9. AMZV; политическое донесение чехословацкого посольства в Москве от 29.9.1938.

10. Boothby R. Europa vor der Entscheidung. Düsseldorf, 1951, S. 217.
11. PRO-Cab., 27/646; заседание правительственного комитета 23.9.1938 в 15 часов; PRO-FO, 371—21777; инструкция британской делегации в Женеве 23.9.1938 в 13 часов 15 минут.
12. DBFP, vol. II, p. 497; Майский И. Воспоминания советского посла, книга вторая. М., 1964 г., с. 442—443; Strang W. Op. cit., p. 160.
13. Majskij I. Mnichovské drama, s. 41—42.
14. AMAE, 71/1938 C₇ vol. 4; донесение Замфиреску из Рима от 23.9.1938.
15. ANM, 31/66; Beneš B. Londýnský deník, 25.9.1938.
16. Strang W. Op. cit., p. 144—145.
17. Majskij I. Mnichovské drama, s. 38.
18. DBFP, vol. II, p. 533.
19. Nové dokumenty, s. 109.
20. Sipols V. — Charlamov M. Op. cit., S. 221; Gamelin M. Op. cit., II, p. 348.
21. Gamelin M. Op. cit., II, p. 352.
22. DBFP, vol. II, p. 575.
23. Noguères H. Op. cit., p. 188.
24. Zgórníak M. Op. cit., s. 150; PRO-FO, 371—21778; донесение посланника из Каунаса от 31.10.1938.
25. Грилев А. Х. Накануне и в дни Мюнхена. — В кн.: «Советско-чехословацкие отношения». Москва, 1968.
26. Procházka T. Op. cit., s. 238.
27. Churchill W. S. Op. cit., p. 315.
28. «The Times», 26.9.1938.
29. Documents on International Affairs. 1938, t. II, p. 261.
30. Robbins K. Op. cit., p. 267.
31. Rothstein A. Op. cit., p. 102, 186.
32. Hoare S. Op. cit., p. 291.
33. Thompson L. Op. cit., p. 218; Simone A. Les hommes qui ont trahi la France. Paris, 1946, p. 214; Montigny J. Op. cit., p. 178; Bonnet G. Op. cit., p. 217.
34. Rothstein A. Op. cit., p. 187; Procházka T. Op. cit., s. 187.
35. Feiling K. Op. cit., p. 371.
36. «Правда», 26.9.1938.
37. «Svornost» (Chicago), 19.4.1939.
38. Sipols V. — Charlamov M. Op. cit., S. 222.

Глава XIV

1. BA Koblenz, ZSg 102/12; пресс-конференция 25.9.1938.
2. Ibid.; инструкции министерства пропаганды 26.9.1938.
3. SUA-AA, 126316; Вейцекер в Лондон 27.9.1938.
4. Chudek J. Op. cit., донесение посланника Пипского от 26.9.1938.
5. FRUS, 1938, vol. I, p. 654; донесение Х. Вильсона из Берлина от 25.9; PRO-FO, 371—21740; письмо Гендерсона от 25.9; Tansill Ch. Back door to war. The Roosevelt foreign policy. 1933—1941. Chicago, 1952, 418.
6. IMT, XXVIII, p. 387.
7. BA Koblenz, NS 10/36; Adjutantur der Wehrmacht 26.9.1938.
8. AMS, Процесс Й. Тисо; примечания Мургаши; переговоры с Друффелем 25.9.1938.
9. PRO-FO, 371—21742; телефонный разговор Масарика с Бенешем 25.9.1938 в 8 часов 37 минут.
10. PRO-FO, 371—21741; телеграмма Ньютона 26.9.1938 в 15 часов 50 минут.
11. AUML, 48—298; записи Дерера от 25.9.1938.

12. AMZV; рукопись Белой книги, док. 25; депеша посланнику Осус-
кому 25.9.1938.
13. Maugham. Op. cit., p. 45.
14. Lvova M. Mnichov a E. Beneš, s. 157.
15. SUA-AA, 17917; Генке 26.9.1938.
16. FRUS, 1938, vol. I, p. 666; Кэпп из Праги 25.9.; Hull C. Op. cit.,
p. 590.
17. Webster Ch. — В кн.: Loewenheim F. L. Op. cit., p. 185.
18. AUML, Beneš; запись разговора с Осуским 25.5.1938.
19. FRUS, 1938, vol. I, p. 646.
20. AUML, 48/298; запись Дерера о заседании Политического коми-
тета 25.9.1938.
21. BA Koblenz, ZSg 101/33; Дертингер 25.9.1938.
22. FRUS, 1938, vol. I, p. 652; донесение Кеннеди от 25.9.1938.
23. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания правительства 25.9.1938 в
10 часов 30 минут.
24. Birkenhead. The Life of Lord Halifax. London, 1965, p. 400.
25. Thompson L. Op. cit., p. 199.
26. PRO-FO, 371—21742; телефонный разговор Масарика с Бенешем
25.9.1938 в 11 часов 35 минут.
27. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания правительства 25.9.1938 в
15 часов.
28. AKPR; записи Смутного от 30.12.1940.
29. PRO-FO, 371—21744; запись о переговорах с французской делега-
цией 25.9.
30. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания правительства 25.9.1938 в
23 часа 30 минут.
31. Strang W. Home and Abroad. London, 1956, p. 141.
32. PRO-FO, 371—21744; англо-французские переговоры 26.9.1938 в
10 часов 30 минут.
33. PRO-FO, 371—21782; записка от 26.9.1938.
34. Noguères H. Op. cit., p. 189.
35. Thompson L. Op. cit., p. 207—208.
36. Eubank K. Op. cit., p. 176.
37. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания правительства 26.9.1938 в
12 часов.

Глава XV

1. AKPR, T 2060; запись о сообщении Трутбека 25.9.1938.
2. ЦДИА-МВР, 176/586; донесение Балабанова из Праги от 25.9.1938.
3. PRO-FO, 371—21740; донесение Ньютона из Праги 25.9.1938 в
19 часов 55 минут.
4. «Národní politika», 27.9.1938.
5. AMZV; dep. 0 1321/25.9. телеграмма в Париж; Benoist—Me-
chin. Op. cit., p. 451.
6. ANM, 31/66; Beneš B. Londýnský deník.
7. AMZV; Krofta; рукопись Белой книги, док. 24; PRO-Cab., 24/279;
Масарик — Галифаксу 25.9.1938.
8. PRO-FO, 371—21743; запись о приеме Я. Масарика 25.9.1938 в
17 часов 30 минут.
9. PRO-FO, 371—21744; сообщения Трутбека 25 и 26.9.1938.
10. PRO-FO, 371—21742; телефонный разговор Масарика с Бенешем
25.9.1938 в 19 часов 05 минут.
11. Ibid.
12. AMZV, Krofta; запись Дртины 26.9.1938 в 1 час 15 минут.
13. AMZV, Krofta; запись Смутного 26.9.1938 в 2 часа.
14. SUA-AA, 126322; донесение Кордта из Лондона 26.9.1938.
15. «The Times», 26.9.1938.
16. PRO-FO, 371—21742; запись Стрэнга 26.9.1938.

17. AMZV, Krofta; запись 26.9.1938 в 7 часов 45 минут.
18. AMZV, dep. D/944/26.9.1938; телеграмма из Москвы.
19. PRO-FO, 371—21742; запись Стрэнга 26.9.1938.
20. AMZV, Krofta; запись Дртины 26.9.1938 в 10 часов; PRO-FO, 371—21742; запись разговора Йна с Масариком 26.9.1938 в 9 часов 50 минут.
21. AÜML, 48/298; записи Дерера о заседании Политического комитета 26.9.1938 в 11 часов 45 минут.
22. AMZV, dep. O/1361/26.9.1938; телеграмма в Лондон.
23. Ripka H. Munich, p. 111.
24. Procházka T. Op. cit., s. 239.
25. AKPR, T 2060/38; PRO-PREM, 1/258; PRO-FO, 371—21744.
26. FRUS, 1938, vol. I, p. 669; донесение Буллита из Парижа от 26.9.1938.
27. PRO-FO, 371—21742; запись Стрэнга 26.9.1938.
28. PRO-FO, 371—21742; телефонный разговор Масарика с Бенешем 26.9.1938 в 12 часов 53 минуты.
29. AMZV, Krofta; рукопись Белой книги, документ 27.
30. AÜML, 48/298; запись Дерера о заседании Политического комитета 26.9.1938 в 16 часов.
31. AKPR, T 1624; запись Шамала 26.7.1938.
32. VHA, hl. št. 2 odd; доклад о ситуации от 25.9.1938.
33. VHA, hl. št. 672/6; Luža 2 odd. hl. štabu 25.9.1938.
34. DBFP, vol. II, p. 544; донесение Ньютона от 25.9.1938.
35. Ibid., p. 567; донесение Ньютона от 27.9.1938.
36. VHA-HV, čj. 112/op. 1938; приказ 25.9. в 20 часов.
37. SUA-AA, 412837; Крейчи — Бенешу 25.9.1938.
38. AAN-MSZ, P₃N₁₀₄T₆; донесение Папэ из Праги от 26.9.1938.
39. FRUS, 1938, vol. I, p. 664; донесение Буллита из Парижа от 26.9.1938.
40. DBFP, vol. II, p. 545; Галифакс — Кеннарду в Варшаву 26.9.
41. FRUS, 1938, vol. I, p. 666; донесение Буллита из Парижа 26.9. PRO-FO, 371—21777; донесение Кнокса из Будапешта от 26.9.1938.
42. SUA-PMR; протокол заседания правительства 26.9.1938 в 20 часов.
43. VHA, hl. št. 2 odd; письмо генерала Крейчи 27.9.1938.
44. AÜML, 48/298; запись Дерера о заседании Политического комитета 27.9.1938 в 10 часов 30 минут.

Глава XVI

1. PRO-FO, 371—21741; сообщение Гендерсона от 26.9.1938.
2. SUA-AA, 195587; запись Вейцзекера 26.9.1938.
3. PRO-FO, 371—12741; донесение Гендерсона от 26.9.1938.
4. Birkenhead. Op. cit., p. 404.
5. PRO-FO, 371—217743; черновик time-table 26.9.1938.
6. PRO-PREM, 1—258; Чемберлен — Гитлеру 26.9.1938.
7. Thompson L. Op. cit., p. 206.
8. PRO-FO, 371—21741; Чемберлен — Вильсону 26.9.1938 в 16 часов 10 минут.
9. Birkenhead. Op. cit., p. 403.
10. Mosley L. On Borrowed Time. London, p. 59.
11. Feiling K. Op. cit., t. 371; SUA-AA 1955/I; циркулярная депеша министерства иностранных дел Чехословакии от 26.9.1938.
12. Birkenhead. Op. cit., p. 403.
13. IMT, XXXIX, p. 30; Kurzbericht — Dokumente und Berichte zur deutschen — Zeitgeschichte. Dokumente zur europäischen Krisis. Berlin, 1938, S. 214; Eubank K. Op. cit., p. 108—I; «News Chronicle», 27.9.1938.
14. BA Koblenz, ZSg. 102/12; инструкция прессе 26.9.1938.
15. PRO-FO, 371—21741; сообщение Гендерсона 26.9.1938 в 22 часа 20 минут.

16. PRO-Cab., 27/646; протокол заседания правительственного комитета 26.9.1938 в 22 часа.
17. AMZV, Krofta; сообщение из Лондона 27.9.1938 в 9 час. 30 минут.
18. SUA-AA, 199088; запись о встрече Гитлера с Вильсоном 27.9.1938.
19. Robbins K. Op. cit., p. 270.
20. Thompson L. Op. cit., p. 222.
21. PRO-FO, 371—21743; запись Стрэнга 27.9.1938.
22. PRO-FO, 371—21742; донесение Гендерсона от 27.9.1938.
23. PRO-FO, 371—21741; сообщение Гендерсона 27.9.1938 в 13 часов 20 минут.
24. FRUS, 1938, vol. I, p. 682, 623.
25. DBFP, vol. II, p. 572—573.
26. Chudek J. Op. cit., s. 86; донесение Липского из Берлина от 27.9.1938.
27. BA-Koblenz, ZSg. 102/12; пресс-конференция 27.9.1938; указания германского министерства пропаганды.
28. PRO-FO, 371—21742; донесение Гендерсона из Берлина от 27.9.1938.
29. PRO-FO, 371—21741; донесение Гендерсона из Берлина от 27.9.1938.
30. PRO-FO, 371—21742; донесение посольства из Берлина от 28.9.1938.
31. Ibid.; Масарик — Галифаксу, письмо Крофты от 28.9.1938; AMZV, dep. 0/1370/28.9.1938; телеграммы в Берлин, Лондон, Париж, Москву, Белград и Бухарест.
32. PRO-FO, 371—21742; Галифакс — Масарику 8.10.1938.
33. PRO-FO, 371—21741; Чемберлен — Гендерсону 27.9.1938.
34. Eubank K. Op. cit., p. 181.
35. PRO-FO, 800/294; Гендерсон — Кадогану 25.8.1939.
36. PRO-FO, 371—21741; донесение Гендерсона 27.9.1938 в 13 часов 30 минут.
37. PRO-FO, 371—21746; Корбэн — Форин оффис 28.9.1938.
38. PRO-FO, 371—21742; донесение Гендерсона от 27.9.1938.
39. PRO-FO, 371—21742; телеграмма Гендерсона 27.9.1938 в 19 часов 50 минут.
40. Kordt E. Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1959, S. 268. PRO-FO, 371—21787; рапорт британского военно-морского атташе в Берлине от 11.10.1938; ЦДИА — МВР 176/7/586; донесение Драганова из Берлина 27.9.1938.
41. Weizsäcker E. Erinnerungen. München, 1959, S. 188.
42. Hesse F. Op. cit., S. 142.
43. PRO-Cab., 27/646; протокол заседания правительственного комитета 27.9.1938 в 16 часов 30 минут.
44. «The Times», 28.9.1938.
45. Hoare S. Op. cit., p. 290.
46. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания британского кабинета 27.9.1938 в 21 час 30 минут.
47. Birkenhead. Op. cit., p. 405.

Глава XVII

1. AMZV, Krofta; запись Крпо 26.9.1938 в 10 часов 30 минут.
2. AMAE, 71/1938, C₇ vol. 4; донесение Круцеску из Праги от 27.9.1938.
3. Hull C. Op. cit., p. 593; FRUS, 1938, vol. I, p. 677.
4. Beneš E. Op. cit., s. 336.
5. AMAE, 71/1938, C₇ vol. 4; донесение Дьювара из Берлина от 27.9.1938.
6. AMZV, Krofta; рукопись Белой книги, документ 39а.
7. AMZV, dep. D/969/27.9.1938; депеша из Берлина в 20 часов 12 минут.

8. AMZV, dep. O/1376/28.9.1938; депеша в Женеву.
9. AMZV, Krofta; копия ноты в Совет Лиги наций от 28.9.1938.
10. Paul—Boncour J. Entre deux guerres, t. 3. Paris, 1946, p. 113.
11. AMAE, 71/1938, C₇ vol. 4; сообщение Пелла из Женевы от 27.9.1938.
12. Ibid.; сообщение Пелла из Женевы от 28.9.1938.
13. PRO-FO, 371—21742; переписка Форин оффис с британской делегацией в Женеве.
14. DBFP, vol. I, p. 594.
15. SUA-AA, 75690; запись беседы Вермана с финским посланником Вуоримаа 5.10.1938.
16. Robbins K. Op. cit., p. 273.
17. Mason A. M. La crise internationale de septembre 1938. Paris, 1938, p. 51.
18. Weizsäcker E. Op. cit., S. 186.
19. FRUS, 1938, vol. I, p. 686.
20. AMZV, dep. D 954/27.9.1938; депеша из Парижа.
21. PRO-FO, 371—21743; Корбэн — Форин оффис 27.9.1938.
22. AMZV, dep. D 964/27.9.1938; депеша из Парижа в 21 час 15 минут.
23. SUA-PMR; протокол заседания правительства и Политического комитета 27.9.1938 в 20 часов 30 минут. AÜML, 48/298; записи Дерера о заседании Политического комитета 27.9.1938 в 21 час 30 минут.
24. AMZV, Krofta; рукопись Белой книги, документ 31; PRO-FO, 371—21743; Форин оффис — английскому посольству в Париже 27.9.1938.
25. Feiling K. Op. cit., p. 371.
26. AÜML, Beneš; письмо В. Шкрахта от 6.11.1938.
27. AÜML, 20,85/1; К. Готвальд в ИККИ 26.12.1938.
28. AMZV, II/741, с. 139659; телеграмма Петиционного комитета от 28.9.1938.
29. AMZV, Krofta, служба O; телефонограмма советского посольства редакции газеты «Правда» 28.9.1938 в 11 часов 40 минут.
30. PRO-FO, 371—21742; донесение Гендерсона от 28.9.1938.
31. «Venkov», 28.9.1938.
32. AKPR, T 2031; запись Шамала 28.9.1938.
33. PRO-FO, 371—21742; донесение Ньютона от 28.9.1938.
34. SUA PMR; протокол заседания правительства 28.9.1938 в 16 часов.
35. PRO-FO, 371—21743; Форин оффис — Ньютоу 28.9.1938 в 20 часов.
36. Ibid.; донесение Ньютона от 28.9.1938.
37. Ibid.
38. Ibid.; донесение Ньютона от 28.9.1938.
39. PRO-FO, 371—21746; донесение британского военного атташе в Берлине от 26.10.1938.
40. G a u c h é. Op. cit., p. 71.
41. VHA, hl. št., 2 odd; информационное обозрение 11.10.1938.
42. BA Koblenz, NS 10/82; Отчет Ютнера 17.10.1938.
43. PRO-FO, 371—21746; донесение Стронга из Праги от 27.10.1938.
44. PRO-FO, 371—21770; донесение Ньютона от 28.9.1938.
45. Ibid.; военный атташе из Парижа 28.9.1938.
46. PRO-FO, 371—21788; донесение военно-воздушного атташе из Праги 11.11.1938.
47. «The Manchester Guardian Weekly», 28.10.1938.
48. PRO-FO, 371—22896; сообщение британского посольства в Праге о беседе военно-воздушного атташе с генералом Крейчи 23.2.1939.
49. Dell R. The Geneva Racket 1920—1939. London, 1940, p. 281.
50. AMZV, dep. D/980/28.9.1938; депеша из Москвы в 16 часов 10 минут.
51. AMZV, dep. D/961/27.9.1938; депеша из Москвы в 13 часов 50 минут.

52. Lukeš F. Podivný mír. Praha, 1968, s. 15.
53. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄₇; донесение Папэ из Праги от 30.9.1938.
54. Ibid.; донесение Лациньского из Братиславы от 30.9.1938.

Глава XVIII

1. PRO-FO, 371—21741; отчет посольства в Париже 27.9.1938.
2. Ibid.; донесение Фиппса из Парижа от 26.9.1938 в 14 часов 15 минут.
3. Ibid.; донесение Фиппса из Парижа от 27.9.1938 в 10 часов 55 минут.
4. PRO-FO, 371—21742; донесение Фиппса из Парижа от 27.9.1938.
5. PRO-FO, 371—21741; донесение Фиппса из Парижа от 27.9.1938.
6. Ibid.
7. Montigny J. Op. cit., p. 175—179.
8. PRO-FO, 371—21741; донесение Фиппса из Парижа от 26.9.1938.
9. «Le Temps», 26.9.1938.
10. Zgórníak M. Op. cit., s. 115.
11. Montigny J. Op. cit., p. 179.
12. Simone A. Les hommes qui ont trahi la France, p. 214; Procházka T. Op. cit., s. 265.
13. AMZV, Krofta; рукопись Белой книги, документ 32.
14. Montigny J. Op. cit., p. 183.
15. Carnets secrets de Jean Zay. De Munich à la guerre. Paris, 1942, p. 19.
16. SUA-AA, 387103; посольство в Париже — министерству иностранных дел в Берлине.
17. PRO-FO, 371—21743; Галифакс — Фиппсу 27.9.1938 в 20 часов 30 минут.
18. PRO-FO, 371—21741; депеша Фиппса из Парижа 27.9.1938 в 23 часа 55 минут.
19. AMZV, dep. D/1006—29.9; депеша Осуцкого из Парижа.
20. Eubank K. Op. cit., p. 195; Robbins K. Op. cit., p. 279; Wendt B. J. Op. cit., S. 108; FRUS, 1938, vol. I, p. 687; донесение Буллита из Парижа 27.9.1938 в 23 часа.
21. BA Koblenz, ZSg 101/33; сообщение Дертингера от 4.10.1938.
22. FRUS, 1938, vol. I, p. 686; донесение Буллита из Парижа.
23. PRO-FO, 371—21741; депеша из Парижа 27.9.1938 в 21 час.
24. Feiling K. Op. cit., p. 373.
25. PRO-FO, 371—21741; Форин оффис — Фиппсу в Париж 28.9.1938.
26. PRO-FO, 371—21742; донесение Фиппса из Парижа 28.9.1938 в 11 часов 40 минут.
27. PRO-FO, 371—21778; английское посольство в Берлине о высказываниях французского дипломата Альфанда.
28. AMAE, 71/1938, C₇ vol. 4; донесение Вассилиу из Ватикана от 28.9.1938.
29. Gamelin M. Op. cit., II, p. 357.
30. AMZV, dep. D/979—28.9.1938; депеша из Парижа.
31. Dokuments on International Affairs. 1938, II, p. 267; Hull C. Op. cit., p. 593.
32. Hull C. Op. cit., p. 593.
33. Chudek J. Op. cit., донесение Лукасевича из Парижа от 28.9.1938.
34. FRUS, 1938, vol. I, p. 675, 678; PRO-FO, 371—21744; запись 27.9.1938.
35. SUA-AA, 196807; запись Вейцекера 28.9.1938.
36. SUA-AA, 75556; запись телефонограммы Гесса из Лондона 28.9.1938 в 10 часов 40 минут.
37. PRO-FO, 371—21746; донесение Перта из Рима от 17.10.1938.

38. SUA-AA, 196813; донесение Макензепе из Рима от 28.9.1938; PRO-FO, 371—21744; донесение Перта из Рима от 30.9.1938.
39. PRO-FO, 371—21746; донесение посольства из Рима от 9.11.1938.
40. PRO-FO, 371—21742; Форин оффис — Гендерсону 28.9.1938 в 11 часов 30 минут.
41. Gauché. Op. cit., p. 68.
42. PRO-FO, 371—21746; Бонна — Франсуа-Понсе 28.9.1938 в 1 час.
43. PRO-FO, 371—21742; депеша Гендерсона 28.9.1938 в 11 часов 10 минут.
44. PRO-FO, 371—21743; депеша Фиппса из Парижа 28.9.1938 в 12 часов 45 минут; Ibid.; 371—21742; депеша Гендерсона из Берлина 28.9.1938 в 12 часов 10 минут.
45. PRO-FO, 800—311; Фиппс — Галифаксу 31.10.1938.
46. AMZV, dep. D/978—28.9.1938; депеша из Парижа в 15 часов 10 минут.
47. AMZV, dep. D/1003 — 29.9.1938; депеша из Парижа в 23 часа 40 минут.
48. Eubank K. Op. cit., p. 182.
49. AAN-MSZ P₃W₁₀₄T₇; донесение Лукасевича из Парижа.
50. Bonnet G. Op. cit., p. 232; Hull C. Op. cit., p. 595.
51. AMAE, 71/1938 C₇ vol. 4; донесение Дьювара из Берлина от 29.9.1938.
52. AAN-MSZ, P₃W₁₀₄T₇; донесение Лукасевича из Парижа 28.9.1938.
53. «Truth», 20.2.1942.
54. FRUS, 1938, vol. I, p. 688.
55. Documents on International Affairs. 1938, II, p. 288; Montigny J. Op. cit., p. 182.
56. SUA-AA, 196804; запись 28.9.1938; 75552 — циркулярная депеша 28.9.1938.
57. Weizsäcker E. Op. cit., S. 188.
58. IMT, XXVIII, p. 388.
59. BA Koblenz, ZSg 102/12; пресс-конференция, инструкции для печати, дополнение к указаниям 28.9.1938.
60. PRO-FO, 371—21742; депеша Гендерсона из Берлина 28.9.1938 в 17 часов 45 минут.
61. BA Koblenz, NS 10/36; переписка личной канцелярии Гитлера 28.9.1938.
62. Adamová M. Allianz Hitler — Horthy — Mussolini. Budapest, 1966, s. 194.
63. Weizsäcker E. Op. cit., S. 189.
64. SUA-AA, 75768.

Глава XIX

1. Ripka H. Munich, p. 117.
2. PRO-FO, 371—21744; Масарик — Гарвею в Форин оффис 28.9.1938.
3. DBFP, vol. II, p. 604.
4. Procházka T. Op. cit., s. 288.
5. PRO-FO, 371—21744; Масарик — Галифаксу 29.9.1938.
6. AMZV, dep. O/1390—1415/29.9.1938; Циркулярная депеша, отправлена в 11 часов 30 минут.
7. PRO-FO, 371—21743; Форин оффис — Ньютоу 29.9.1938 в 13 часов 40 минут.
8. VHA; телетайп главнокомандующего с председателем правительства 29.9.1938.
9. AUML, Beneš; запись о визите генералов 29.9.1938; Beneš E. Mnichovské dni, s. 340—341.
10. AUML, 48/1288; запись И. Мацека о совещании председателей коалиционных партий 29.9.1938.

11. AÜML, 48/298; запись о совещании коалиционной четверки 29.9.1938 в 15 часов 20 минут.
12. SUA-PMR; протокол заседания правительства 29.9.1938 в 19 часов.
13. Новые документы по истории Мюнхена. Москва, 1958, с. 149.
14. AAN-MSZ, P₃W₁₀₇T₇; донесение Папэ из Праги от 29.9.1938.
15. PRO-FO, 371—21743; запись Галифакса 29.9.1938.
16. Rothstein A. Op. cit., p. 188.
17. Procházka T. Op. cit., s. 292.
18. PRO-FO, 371—21743; донесение Фиппса из Парижа 29.9.1938 в 11 часов 25 минут.
19. Kirkpatrick J. The Inner Circle. London, 1959, p. 128.
20. Strang W. Op. cit., p. 145; Weizsäcker E. Op. cit., S. 189.
21. Kordt E. Op. cit., S. 276.
22. SUA-AA, 196773; протокол мюнхенской конференции 29.9.1938.
23. AMZV, Krofta; рукопись Белой книги, документ 24.
24. Strauch R. Sir Neville Henderson. Bonn, 1959, S. 176.
25. IMT, XXXIX, p. 536 и сл.
26. BA Koblenz, ZSg. 102/12; пресс-конференция 1.10.1938.
27. PRO-FO, 371—21778; донесение английского консульства в Люксембурге от 10.10.1938.
28. Kordt E. Op. cit., S. 278.
29. Hagen W, Die geheime Front. Wien 1950, S. 161; IMT, XXVI, p. 329.
30. Loewenheim F. L. Op. cit., p. 118; Reynaud P, Op. cit., p. 287.
31. PRO-FO, 371—21788; сообщение английского посольства в Берлине от 2.11.1938.
32. PRO-Cab., 23/97; протокол заседания правительства 25.1.1939.
33. Bormann M. Le testament politique de Hitler. Paris, 1959, p. 118—119.

Глава XX

1. SUA-AA, 196742; запись беседы Гитлера с Чемберленом 30.9.1938.
2. Strang W. Op. cit., p. 147.
3. Dirksen H. Op. cit., p. 235.
4. BA Koblenz, ZSg. 102/12; пресс-конференция 30.9.1938.
5. ЦДИА-MBP, 176/7/874; сообщение посольства из Парижа от 6.10.1938.
6. «Journal de Moscou», 4.10.1938.
7. PRO-FO, 800/311; О. С. Гарвей — Галифаксу 27.10.1938.
8. PRO-FO, 371—21673; Фиппс — Галифаксу 20.10.1938.
9. Noguères H. Op. cit., p. 301; DBFP, vol. II, p. 629; AÜML, Beneš; запись Смутного 30.9.1938 в 10 часов.
10. ЦДИА-MBP, 176/7/586; донесение Балабанова из Праги от 30.9.1938.
11. AMS, показания П. Дринны.
12. SUA-PMR; 30.9.1938 в 9 часов.
13. AÜML, 48/298; записи Дерера о заседании Политического комитета 30.9.1938 в 9 часов 30 минут.
14. Новые документы по истории Мюнхена, с. 150—151.
15. Там же.
16. AMZV, II, 138589—2/38.
17. SUA-PMR; протокол заседания правительства 30.9.1938 в 11 часов 30 минут.
18. AMZV, Krofta; рукопись Белой книги, документ 25.
19. Beneš E. Paměti, s. 79; Рашин — Бенешу 7.11.1938.
20. AMZV, политическое донесение посольства в Париже от 21.4.1939,

21. SÚA-SR; протокол заседания 25.3.1941.
22. Mnichov. Vzpomínková kronika, s. 311.
23. Ibid., s. 397—403.
24. AÚML-20; резолюция ИККИ по чехословацкому вопросу 14.1.1939; Národní fronta a komunisté, s. 23; Mnichov. Vzpomínková kronika, s. 391.
25. Централен партиен архив София 147/2/618; замечания В. Коларова о ситуации в Чехословакии, 16.1.1939.
26. SÚA; донесение начальника пражского полицейского управления 30.9.1938.
27. Král V. Politické strany a Mnichov, s. 162—163.
28. AÚML, 48/1288; запись Мацека о совещании коалиционных парламентских фракций 30.9.1938 в 16 часов.
29. VHA, hl. št. 2. odd.; обзор текущих событий, 30.9.1938 в 18 часов.
30. Ibid.
31. AMZV, kab. 3373/38.
32. AMZV, dep. 0—1426—7/30.9.1938; депеша в Париж и Лондон; PRO-FO, 371—21783; меморандум Масарика от 30.9.1938.
33. SÚA-AA, 17843; донесение Генке от 30.9.1938.
34. AMZV, kab. неразобранное; Бенеш — Мاستному 30.9.1938.
35. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Москва, 1971, с. 24.
36. «Venkov», 1.10.1938; «Večerní Právo lidu», 1.10.1938; «Rudé právo», 2.10.1938.
37. Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Praha, d. I, 1951, s. 153, 171.
38. Димитров Г. Писма. София, 1962, с. 359, 362.
39. «Journal de Moscou», 4.10.1938; Международные отношения и внешняя политика СССР (1917—1960). Москва, 1961, с. 158.
40. PRO-FO, 371—21778; донесение Фиппса из Парижа от 1.10.1938.
41. PRO-FO, 371—21745; донесение Чилстона от 11.10.1938.
42. Noguères H. Op. cit., p. 323; Zay J. Op. cit., p. 25.
43. FRUS, 1938, vol. I, p. 712.
44. «Le Temps», 4.10.1938.
45. Flandin P.-E. Politique française. 1919—1940. Paris, 1947, p. 271.
46. Thompson L. Op. cit., p. 255.
47. Reynolds P. A. British Foreign Policy in the Inter-War-Years. London, 1954, p. 150.
48. PRO-Cab., 23/95; протокол заседания правительства 30.9.1938 в 19 часов 30 минут.

Глава XXI

1. AÚML; запись Бенеша 1.10.1938 в 12 часов.
2. DBFP, vol. III, p. 181.
3. AMZV, dep. 0—1481—3.10.1938; депешы в Париж и Лондон.
4. AÚML, Beneš; запись о беседе с посланником де Лакруа 1.10.1938 в 8 часов 45 минут; запись о беседе с посланником Ньютоном 1.10.1938 в 9 часов.
5. AÚML, 48/298; протокол заседания Политического комитета и председателей коалиционных партий 1.10.1938 в 17 часов; то же см.: СССР в борьбе..., с. 24.
6. «Národní listy», 2.10.1938.
7. AÚML, Beneš, 24/8; записка Палковского «Pro memoria o podzimních událostech r. 1938 v Československu» (датировано 27.7.1940).
8. СССР в борьбе за мир..., с. 31.
9. AMZV, služba 0; телефонограмма советскому посольству 3.10.1938.
10. Ibid.; телефонограмма германскому посольству 3.10.1938 в 11 час. 45 минут.

11. AÜML, 48/298; записи Дерера о заседании Политического комитета 3.10.1938 в 11 часов 45 минут.
12. StA — Brno; выступление посланника Светлика на заседании краевого совета народной партии 9.10.1938.
13. ADAP, IV, s. 16—17.
14. Weizsäcker E. Op. cit., S. 194.
15. PRO-FO, 371—21783; меморандум Масарика от 1.10.1938.
16. Ibid.; меморандум Масарика от 3.10.1938; донесение Ньютона из Праги от 4.10.1938.
17. ANM, Mastný, rukopis paměti; запись от 3.10.1938.
18. PRO-FO, 371—21775; меморандум Масарика от 4.10.1938.
19. «Правда», 4.10.1938.
20. Димитров Г. Писма, с. 362; письмо Димитрова секретарнату ИККИ 3.10.1938.
21. «Rudé právo», 5.10.1938.
22. AÜML, 48/261; записи Я. Черны 5.10.1938.
23. AKPR, T 2064/38; запись Шамала 4.10.1938.
24. AÜML, 48/261; запись Я. Черны 4.10.1938.
25. AMZV, dep. 0—1531/5.10.1938; депеша Бенеша в Рим.
26. AMZV, služba 0; телефонограмма советского посольства 5.10.1938.
27. «Правда», 6.10.1938.
28. SÚA-AA, 18928; донесение Друффеля от 2.10.1938.
29. «Slovák», 9.10.1938.
30. Procházka T. Op. cit., s. 321.
31. BA Koblenz, ZSg. 102/12; пресс-конференция 3.10.1938.
32. SÚA-AA, 196718; запись Вейцекера 4.10.1938.
33. SÚA, norimbergske procesu; обвинение против Вейцекера; меморандум Вермана 5.10.1938.
34. DBFP, s. 3, vol. III, p. 91.
35. PRO-FO, 371—21579; Ньютон 5.10.1938.
36. AÜML, Beneš; заявление об отставке 5.10.1938.
37. SÚA-PMR, s. 172, zn. 317/3.
38. AMZV, dep. 0—1607/5. 10.1938.
39. PRO-FO, 371—21783; запись Саржента 5.10.1938.
40. Ibid., донесение Гендерсона от 5.10.1938.
41. PRO-FO, 800—314; Гендерсон — Галифаксу 6.10.1938.
42. PRO-FO, 371—22285; донесение Гендерсона от 7.10.1938.
43. Ibid.; донесение Ньютона от 8.10. 1938.
44. PRO-Cab., 23/96; протокол заседания правительства 19.10.1938; FO, 371—21787; меморандум Форин оффис 18.10.1938.
45. PRO-Cab., 23/96; протокол заседания правительства 26.10.1938.
46. PRO-Cab., 24/280; меморандум Форин оффис 12.11.1938.
47. PRO-FO, 371—21673; Галифакс — Фишсу 1.11.1938.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адам 294
Александровский С. С. 7, 8, 68,
108, 113, 128, 286, 320, 330, 331,
344
Анри Ж. 98
Арцишевский М. 28
Аттолико Б. 72
- Бартелеми Ж. 66
Батлер Р. 17, 199, 200
Батя Т. 345
Бек Л. 37
Бек Ю. 28, 67, 72, 159, 177, 296,
297, 306, 307, 312, 320, 342, 343,
347, 349, 350
Бекхауз 170
Бела М. 346
Бенеш Б. 43, 54
Бенеш Э. 7—10, 13, 15, 21, 22, 25,
28, 29, 40—47, 49, 52, 54—56,
58—62, 64—72, 74—106, 108—
115, 117—130, 136—138, 145—
150, 152—159, 161, 165—170, 173,
174, 178, 182—184, 187, 191, 201,
207, 209, 211—215, 222, 225, 231,
234, 237, 239, 241—243, 245, 246,
248—256, 259, 261, 264—267,
271—273, 275, 276, 278—280,
282—291, 296, 297, 300, 307, 309,
316, 320—322, 328—335, 337,
338, 342—349, 351—353.
Беран Р. 46, 63, 82, 126, 149, 150,
155, 156, 256, 320, 338
Бержере Г. 66
Бехине Р. 23, 60, 89, 100, 103, 105,
107, 146, 159, 256, 290, 332
Берджин Э. 221, 355
Блага С. 156
Блонде Ж. 201
Блюм Л. 65, 74, 75, 117, 153, 300,
301
Боденшатц К. Г. 264
Бок Ф. 294
Болдуин С. 216
Боннэ Ж. 7, 17, 21, 22, 26, 30, 31,
42, 44—46, 52, 53, 58, 62, 64—66,
71, 73—75, 77—80, 90, 93, 94,
96—100, 107, 108, 110, 112, 118—
124, 129, 132, 134, 153, 154, 158,
174, 181, 185, 196, 197, 203, 206,
214, 215, 236, 239, 256, 257, 279,
282, 284, 287, 288, 290, 299—309,
311—313, 317, 318, 321, 324, 328,
339, 340, 342
Борис 88
Браун Е. 325
Браухич В. 294
Брейльсфорд Г. Н. 196
де Бринон Ф. 17, 303
Буковский С. 253, 329
Буллит У. 21, 36, 65, 66, 80, 107,
181, 252, 263, 282, 305, 307, 312
Бутби Р. 198, 199
- Вавречка Г. 149, 152, 253, 283, 328,
329, 351
Валтерс Ф. 22
Ванситарт Р. 21, 49, 53, 57, 171,
181, 206
Васильченко Н. Н. 203
Вейцзекер Э. 17, 37, 87, 281, 315,
353
Вердые Ж. 300
Виест Р. 345
Вильсон В. 20
Вильсон Г. 22, 54, 84, 138, 161, 169,
172, 189, 232—234, 236, 241,
244—250, 255, 258—263, 266, 269,
271—276, 282, 284, 300, 307, 308,
323, 324
Вильсон Х. 210
Вицлебен Э. 37
Волков В. К. 29
Ворошилов К. Е. 203
Вуд К. 139, 218, 224, 273
Вюллемин Ж. 34, 236, 302
- Галифакс Э. 17, 20, 23, 42, 44—46,
49—55, 57, 58, 72, 75, 83, 98,
107, 124, 130, 134, 137, 138, 143,
162, 164, 169—171, 185, 187, 191,
193, 197, 199, 201, 204, 205, 211,
214—217, 219—222, 224, 234,
236, 239, 241, 243, 245, 247, 265,
269, 270, 274—276, 281, 285, 304,
316, 318, 321, 324, 325, 346, 353—
357
Галлахер У. 313

Гамелен М. 17, 90, 132, 176, 181,
203, 226, 230, 231, 233—237, 251,
306, 309, 342
Гампл А. 155, 290
Гарвин Дж. 186
Гаха Э. 126, 346
Геббельс И. 133, 293, 352
Геды Г. Е. К. 8
Гейдрих А. 108
Гендерсон Н. 17, 19, 59, 72, 79,
83, 84, 87, 93, 132, 140, 171, 185,
189, 191, 210, 232, 236, 258—260,
262—268, 270, 276, 279, 288, 305,
307—311, 313, 314, 324, 347, 353,
354
Генке А. 75, 76, 81, 328
Генлейн К. 17, 28, 40, 49—51, 93,
94, 113, 132, 140, 165, 216, 287,
294, 297
Герделер К. 37, 38
Геринг Г. 32, 54, 88, 258, 264—
268, 295, 308, 310, 314, 315, 353
Гессе Ф. 269, 308
Гиммлер Г. 293
Гитлер А. 6, 17—22, 24—26, 28, 32,
33, 35—38, 40, 44, 46, 50, 52,
54—58, 61, 64, 68, 71, 72, 74, 75,
77, 79—81, 83—88, 92, 100, 105,
109, 110, 112—115, 117, 118,
122, 124, 126, 128, 131—133,
135—144, 148, 149, 150, 152, 154,
155, 157, 159—169, 171—174, 176,
180, 181, 183—195, 197, 201—207,
209—234, 236—244, 246—255,
257—286, 288—296, 299—305,
307—312, 314, 315, 317, 318,
321—329, 332, 335—337, 339—
349, 351—353
Глинка А. 88, 113, 156, 174, 176,
214, 297, 319, 334, 348—350
Гогенлоэ 86
Годжа М. 23, 42, 59, 76, 77, 80,
89, 90, 92, 94—97, 99, 100, 102,
103, 105, 106, 108, 111, 114, 120—
126, 129, 130, 133, 145, 147, 149,
150, 152—155, 157—159, 173, 177,
178, 181, 212, 213, 215, 238, 239,
243, 250—253, 276, 278, 285, 289,
294, 297, 312, 317—320, 335, 336,
349—351
Горт 170, 235
Готвальд К. 8, 9, 43, 64, 70, 96,
111, 147, 154, 287, 333
Гранди Д. 309
Гринвуд А. 134
Гудериан Г. 35
Гусарек К. 108, 345, 346, 351
Давид И. 147

Дальтон К. 134
Даладьё Э. 17, 21, 23, 26, 28, 30,
44, 52, 53, 61, 64—66, 74, 75, 83,
90, 93, 94, 97, 98, 106, 120—122,
153, 164, 171, 181, 182, 185, 203,
209, 211—213, 216, 225—231,
233, 234, 236, 246, 247, 259, 277,
279, 282, 284, 301—304, 307, 308,
312, 313, 316—318, 321—324, 327,
328, 338, 351, 353
Даусон Д. 19
Дафф Купер А. 139, 191—193, 216,
219, 223, 224, 231—233, 274, 341
Дворник Ф. 195
Де ла Уарр 198, 199, 220
Дельбос И. 49
Дерер И. 336, 338
Димитров Г. 151
Дирксен Г. 160, 307
Друффель Э. 211, 297, 349, 350
Дурчанский Ф. 346
Ежек Ф. 23, 75, 80, 82, 100, 104,
105, 107, 119, 351
Жонене Ж. 300
Затько П. 346
Зенкл П. 130, 154, 155
Зей Ж. 74
Зетланд, Маргес оф 220
Иден А. 45, 83, 152, 165
Ингр С. 345
Инскип Т. 169, 192, 218, 219, 231,
235
Йодль А. 314
Кадоган А. 124, 125, 151
Кайо Ж. 300
Калфус Й. 345
Кампинки С. 74
Каня К. 252
Капрас 111
Карваш И. 254, 346
Кароль 279
Карр Е. К. 24
Кейтель В. 35, 281, 314
Кеннард Г. 342
Кеннеди Дж. 36, 135, 142, 143, 194,
216, 312, 313
Киркпатрик И. 17
Клейст П. 17
Коларов В. 334
Колвилл 274
Комнен Н. 29
Конрад К. 39
Копецкий В. 333

- Корбэн Ш. 162, 164, 243, 267, 282
 Кордт Э. 17
 Кот П. 74
 Кочвара С. 346
 Крал В. 5—8, 11, 14
 Крамарж К. 349
 Крейчи Л. 90, 125, 155, 251, 254,
 296, 344—346, 348, 349, 351, 354
 Крно И. 77, 186, 213
 Крофта К. 9, 59, 77, 80, 89—92, 95,
 100, 102, 105, 107, 120, 126, 130,
 145, 153, 155, 165, 173, 185, 197,
 238, 241, 244, 245, 253, 265, 278,
 283—285, 289, 291, 317, 319, 320,
 329, 331, 343, 344
 Крулиш-Ранда О. 345
 Крцеску Р. 63, 90, 91, 95, 96, 103,
 278
 Кулондр Р. 22, 67, 198
 Лаваль П. 66
 де Лакруа В. 56, 58, 64, 65, 77, 78,
 81, 88, 90, 92, 93, 95—100, 113,
 118—120, 123, 154, 170, 172, 212,
 284
 Лафан Р. 22
 де Ла Шамбр Г. 302
 Лебрен А. 98, 99, 300, 302
 Лееб В. 294
 Леже А. 81, 97, 98, 169, 282, 283,
 311, 323, 332
 Ленин В. И. 110
 Линдберг Ч. 32, 36, 53, 194, 219
 Липер Р. 205
 Липский Ю. 72
 Лист В. 294
 Литвинов М. М. 7, 10, 26, 30, 31,
 44, 108, 125, 126, 134, 177, 197—
 202, 205—207, 280, 338, 339
 Ллойд-Джордж Д. 216
 Лондондерри Ч. 20
 Лотман 19
 Лукасевич Ю. 252, 307
 Майский И. М. 107, 197, 199, 200,
 202, 321, 339
 Макдональд М. 192, 193, 219, 224,
 233, 236
 Маклеод И. 17
 Малипетр Я. 319
 Мандель Ж. 42, 45, 66, 74, 118,
 119, 122, 123, 153, 213
 Манн Т. 126
 Манн Э. 207
 Манштейн Э. 35
 Марэн Л. 300
 Масаржик Г. 155, 278, 345
 Масарик Т. Г. 20, 45, 113, 286, 323
 Масарик Я. 22, 49—51, 54, 55, 61,
 62, 79, 91, 120, 124, 125, 145, 152,
 170, 171, 182, 183, 185, 187, 193,
 211, 212, 214, 219, 221—223, 225,
 238—249, 255, 262—265, 272,
 278, 285, 305, 316, 332, 336, 347
 Массигли Р. 255, 312
 Матны В. 241, 323, 329, 330, 338,
 353
 Матоушек 349
 Мах А. 349
 Млчох Р. 23, 80, 100, 103, 104
 Монтиньи Ж. 17, 66
 де Монзи А. 303
 Моравец Э. 346
 Моррисон Г. 38, 134
 Мосъцицкий И. 158
 Мотычка 157
 Моэм Ф. Г. 95, 218, 231
 Муссолини Б. 38, 304, 307—309,
 311, 314, 315, 321, 336, 349
 Неодлы З. 39
 Невелл 170
 Нейман С. К. 39
 Нейрат К. 59, 310
 Нечас Я. 55, 64, 65, 76, 119
 Нэмир Л. 22, 108
 Ньютон Б. 49—51, 54—59, 62, 63,
 76, 77, 81, 83, 87, 89, 90, 92—
 94, 96—103, 113, 120, 122—125,
 129, 130, 137, 145, 146, 149, 155,
 157, 165, 167—174, 183, 185, 186,
 219, 238, 241, 243, 276, 283, 285,
 288, 289, 291, 295, 316, 343, 351,
 354
 Опоченский Я. 40
 Осуцкий Ш. 64, 65, 72, 81, 119—
 121, 145, 153, 183, 222, 223, 238,
 243, 246, 249, 255, 256, 282, 283,
 302, 304, 306, 349
 Павел 30
 Пайяр Ж. 30, 197
 Паулини-Тот Я. 346
 Пекарек Я. 147
 Перт 308
 Поль-Бонкур Ж. 7, 22, 42, 280
 Помарэ Ш. 303
 Потемкин В. П. 9, 67, 79, 197, 198
 Пратт С. 85
 Прейсс Я. 46, 149, 155, 351
 Прохазка В. 39
 Рачинский Э. 72
 Рашин Л. 47, 82, 108, 113, 147,
 287, 319, 332, 335

Рейно П. 66, 74, 153
 Рейхенау В. 294
 Ренсимен В. 51, 52, 54, 60, 102, 130, 132, 136, 138, 143, 149, 285, 287, 293, 307, 324, 350
 Риббентроп И. 38, 87, 163, 165, 199, 210, 263, 268, 272, 293, 307, 308, 322, 328
 Рипка Г. 52, 69, 91, 92, 174
 Рихтер Ф. 147
 Робертс 102
 Ротштейн А. 22
 Роше Е. 66
 Рузвельт Ф. 82, 181, 210, 214, 236, 283, 290, 291, 307, 312, 313, 316, 317
 Рундштедт Г. 294, 295
 Рыбарик К. 147, 148
 Рызд-Смиглы Э. 234, 342
 Саймон Дж. 17, 22, 138, 186, 217, 220, 226, 227, 232, 261, 274, 275, 313, 324
 Саргент О. Г. 58, 84, 118
 Сидор К. 297
 Ситрин У. 134
 Славик Ю. 28
 Смутный Я. 95, 156, 166, 331
 Спирс Э. 66
 Сталин И. В. 114, 209
 Стахевич 28
 Стопфорд Р. 130
 Стоядинович М. 67
 Странский Я. 155, 346
 Стронг 60, 102
 Стрэнг У. 17, 81, 161, 202, 241, 244, 245, 247, 307, 327
 Стэнли О. 139, 140, 191, 217, 219, 224, 232, 274, 276
 Стэнхон Д. Р. 218
 Суриц Я. З. 202
 Сыровы Я. 130, 145, 146, 155—157, 169, 172, 176, 178, 210, 213, 238, 240, 253, 254, 256, 297, 317, 319, 330—333, 337, 343, 344, 348—351, 353
 Тисо Й. 40, 156, 254, 297, 349, 350
 Тревор-Ропер Г. Р. 22
 Трутбек Дж. 244, 245
 Туссен Р. 71, 72, 176, 294, 295
 Уиллер-Беннет Дж. 20, 22
 Уинтертон Э. 192, 218, 231
 Уэллес С. 22
 Файнор В. 254, 345
 Файфр Я. 198
 Фарлан 269

Фейерабенд Л. 40, 349
 Филинг К. 17
 Фиппс Э. 21, 22, 52, 53, 58, 71, 74, 79, 80, 93, 98, 99, 107, 124, 132, 169, 181, 199, 206, 214, 215, 299—301, 304, 305, 311, 355
 Фирлингер Э. 79, 177, 197, 296, 331
 Фланден П.-Э. 17, 66, 181, 302
 Фор П. 66
 Фоше Ф. 295, 296
 Франке Э. 23, 100, 151
 Франсуа-Понсе А. 17, 72, 304, 305, 307, 309—312, 328, 347, 353, 354
 Фучик Ю. 39, 64, 82
 Хассель У. 17
 Хвалковский Ф. 349, 354
 Хор С. 17, 22, 50, 71, 137, 140, 141, 186, 193, 206, 217, 223, 224, 229, 231, 233, 274, 321, 324
 Хор-Белиша Л. 140, 192, 193, 221, 224, 233
 Хорти М. 297, 349, 350
 Хэйлшем 218, 233
 Хэлл К. 160, 279, 312
 Чемберлен Н. 17—25, 28, 32, 36, 38, 41, 44, 46, 50—58, 61, 65, 67, 71, 77, 80—88, 92, 93, 98, 99, 109, 112, 118, 122, 124, 125, 129—131, 133—144, 151—153, 157, 160—173, 177, 180, 181, 185—196, 198, 202—206, 209—214, 216—219, 221—226, 228—248, 250, 253, 255—263, 265—277, 279, 280, 282—286, 289, 291, 299—301, 304, 305, 307—309, 313, 315—318, 321—325, 327—330, 339—341
 Чермак 156, 241
 Чернак М. 156, 174, 253, 254, 350
 Черны Й. 149, 150, 155
 Черны Я. 23, 100, 103, 104, 119, 130, 329, 345
 Черчилль У. 25, 31, 42, 45, 66, 74, 83, 119, 123, 125, 126, 134, 152, 165, 197, 204—206, 237
 Чинано Г. 308
 Чилстон Д. 21, 199, 339
 Шадек В. 345
 Шампетье де Риб А. 74, 153
 де Шапделен Л. 74
 Швегла А. 150, 349
 Шверма Я. 39
 Шекспир У. 32
 Шкрах В. 113, 283

Шмераль Б. 177
Шмидт П. 17
Шрабек Я. 23, 63, 80, 104, 107,
256, 348
Штейн Б. Е. 202
Штенанек З. 150
Шуберт М. 79

Эйзенлор Э. 113, 264
Эллиот У. 138, 192, 221, 224, 231
Эмери Л. 260
Эррио Э. 7, 74, 299, 300
Эттли К. 55, 117, 134, 204, 270,
313
Эштон-Гуэткин Ф. 136, 137, 190,
323, 324

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Введение	15
I. Буржуазная фальсификация Мюнхена	17
II. Мюнхен 1938 г. в чешской историографии	39
III. Англо-французский ультиматум (19 сентября)	49
IV. Капитуляция или отклонение ультиматума? (20 сентября)	74
V. Ночной демарш (20—21 сентября)	90
VI. Решение о капитуляции принято (21 сентября)	103
VII. Снова колебания перед капитуляцией (21 сентября)	117
VIII. Подготовка встречи в Годесберге (21 сентября)	131
IX. Протест против капитуляции (22 сентября)	145
X. Годесберг (22—23 сентября)	160
XI. Чехословацкая мобилизация (23 сентября)	167
XII. Чемберлен — защитник ультиматума Гитлера (24 сентября)	180
XIII. Советский Союз после Годесберга	195
XIV. Англо-французские совещания в Лондоне (25—26 сентября)	203
XV. Прага после англо-французских переговоров	238
XVI. Миссия Вильсона к Гитлеру (26—27 сентября)	258
XVII. Последние часы в Праге перед катастрофой (27—28 сентября)	278
XVIII. Соглашение о мюнхенской конференции (27—28 сентября)	299
XIX. Конференция в Мюнхене (29 сентября)	316
XX. Капитуляция (30 сентября)	327
XXI. Агония (1—5 октября)	342
Список сокращений	358
Примечания к главам	359
Указатель имен	381

ВАЦЛАВ КРАЛ

Дни, которые потрясли Чехословакию

ИБ № 6008

Редактор *З. Я. Тальвирская*
Художник *И. С. Клейнард*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технические редакторы *Н. И. Терещук,*
Семина О. Н.
Корректор *Н. Е. Ужстунене*

Сдано в набор 17.07.79. Подписано в печать 20.03.80.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Условн. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 25,28. Тираж 75 000
экз. Заказ № 286. Цена 1 р. 10 к. Изд. № 24038

Издательство „Прогресс“ Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17

Орлена Трупового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

ВЫШЛА В СВЕТ

СУАНКЕЙ Б. Габриэль Дюмон и восстание 1885 г. в Саскачеване: Пер. с англ.

Книга прогрессивного канадского историка посвящена восстаниям канадских индейцев: в 1869—1870 гг. в бассейне реки Красной и в 1885 г. в районе Саскачевана. Автор показывает роль руководителей этой борьбы — Луи Риля и Габриэля Дюмона.

Работа, посвященная героическим сражениям коренных жителей Канады за родную землю, против угнетения и дискриминации, имеет не только научную ценность, но и актуальное политическое значение.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

ВЫШЛА В СВЕТ

У Х А Н Ь. Жизнеописание Чжу Юаньчжана: Пер. с кит.

Это книга известного китайского историка и политического деятеля, погибшего в годы «культурной революции».

Не имея возможности открыто критиковать политику Мао Цзэдуна, автор обратился к древности, рассказав о руководителе антимонгольского восстания, крестьянском вожде, ставшем императором и основателем династии Мин, Чжу Юаньчжане (1328—1398). У Хань особенно подчеркивает такие черты его личности, как жажда власти, стремление к единоличному правлению, жестокость, подозрительность.

Рекомендуется историкам, широкому кругу читателей.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ЖОРЕС Ж. Социалистическая история Французской революции: В 6-ти томах. Т. 4. Пер. с франц.

Автор классического фундаментального исследования истории Французской буржуазной революции XVIII в. Жан Жорес (1859—1914)—известный французский ученый, политический деятель, один из руководителей социалистического движения во Франции.

Четвертый том, озаглавленный «Революция и Европа», посвящен влиянию идей Французской революции на различных представителей политической, социальной и философской мысли Германии (К. Виланд, Г. Лессинг, И. Кант, И. Гердер, Ф. Шиллер, Ф. Клопшток, Г. Форстер, И. Фихте), Англии (А. Смит, У. Питт, Э. Бёрк, С. Колридж, У. Вордсворт, Р. Бернс, У. Годвин), а также откликам и реакции в Европе на революционные события во Франции.

Издание иллюстрировано.

Рекомендуется историкам, широкому кругу читателей.

ВЫХОДИТ В СВЕТ

ФОНЕР Ф. Рабочий класс и американская революция: Пер. с англ.

Автор — известный американский историк-марксист, профессор Линкольнского университета. Его книга — первая в США работа, которая исследует роль рабочего класса, народных масс в революционных событиях, завершившихся возникновением на континенте Соединенных Штатов Америки.

Автор использовал широкий круг источников, многие из которых недоступны советским историкам: неопубликованные архивные документы, американские газеты того времени и т. д.

Приводимые в книге факты наглядно показывают несостоятельность буржуазных теорий, замалчивающих место и значение пролетариата в американской революции.

Рекомендуется историкам, широкому кругу читателей.

